Н. Спасский.

Просветитель
инородцев
казахского кр..

Р 21
301

РД
301

ПРОСВѢТИТЕЛЬ
ИНОРОДЦЕВЪ
КАЗАНСКАГО КРАЯ

НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧЪ ИЛЬМИНСКІЙ.

„Вы есте свѣтъ міра... да просвѣтится свѣтъ ваш предъ человѣки... Евангеліе отъ Матѳея гл. 5, ст. 14, 16.

Составилъ Н. А. Спасскій.

САМАРА.
Типографія Самарской Духовной Консисторіи (Н. А. Жданова).
1900.

Печатано приложеніемъ къ Самарск. Епарх. Вѣдомостямъ 1900 года

Печ. разрѣш. 10 апрѣля 1900 г. Цензоръ Протоіерей *Смирновъ*.

ВСЕСОЮЗНАЯ БИБЛИОТЕКА имени В. И. Ленина

Р.62-35

2007056153

ОГЛАВЛЕНІЕ.

		Стр.
Гл. I.	Введеніе. Состояніе христіанскаго просвѣщенія инородцевъ Казанскаго края до Н. И. Ильминскаго.	3
Гл. II.	Происхожденіе. Годы ученія. Служба Н. И. въ Казанской Дух. Академіи до конца 1858 г. Его взгляды на значеніе книжнаго и народнаго языка татаръ въ христіанскихъ переводахъ . .	20
Гл. III.	Служба Н. И. въ Оренбургѣ. Перемѣны его взглядовъ на образованіе инородцевъ и языкъ ихъ .	42
Гл. IV.	Служба Н. И. въ Казанскомъ Университетѣ и Дух. Академіи. Устройство Крещено-татарской Школы и развитіе перев. дѣятельности на нар. тат. языкѣ. Учрежденіе въ Казани Братства св. Гурія и Переводческой Коммиссіи. Рѣшеніе вопроса объ инор. просвѣщеніи. Развитіе казанской Свято-Гурьевской системы по идеямъ Н. И. въ примѣненіи къ инородцамъ востока Россіи . .	47
Гл. V.	Учрежденіе Казанской Русско-инор. семинаріи. Директорство Н. И. и развитіе его переводческой и педагогической дѣятельности съ 1872 по 1892 г.	129
Гл. VI.	Послѣдніе дни жизни Н. И. Его кончина и погребеніе. Перечень главныхъ печат. трудовъ покойнаго	292
Гл. VII.	Общія воззрѣнія Н. И. на рус. нар. школу .	301
Гл. VIII.	Система инородч. христ. просвѣщенія, выработанная Н. И., и ея недоброжелатели . . .	315
Гл. IX.	Приложеніе I. Правила о мѣрахъ къ образованію инородцевъ (утв. 26 марта 1870 г.) . .	353
Гл. X.	Приложеніе II. Программа школы для крещен. инородцевъ Н. И. Ильминскаго . . .	362

ГЛАВА I.

Введеніе. Состояніе христіанскаго просвѣщенія инородцевъ Казанскаго края до Н. И. Ильминскаго.

По берегамъ рѣчекъ, озеръ и болотъ лѣсного заволжья, входящаго въ предѣлы нынѣшнихъ Вологодской и Вятской губерній, по степнымъ низинамъ восточнаго приволья, ушедшаго далеко за Каменный поясъ, въ укромныхъ долинахъ нагорно-Волжской стороны разселились своими околотками исконные насельники края: финны да тюрко-татары. Здѣсь въ нынѣшнихъ 12 губерніяхъ восточнаго приволжья русскій православный христіанинъ изстари является лишь колонизаторомъ, шедшимъ въ восточную глушь по волѣ государевой или вслѣдъ за святымъ отшельникомъ, устраивавшемъ въ лѣсной чащѣ себѣ обитель. Даже новгородская вольница не иначе пролагала себѣ путь къ жителямъ Вятской и Пермской земли, какъ по благословенію и въ союзѣ съ этими святыми колонизаторами востока. Русскаго человѣка изстари привлекалъ этотъ край, и мы знаемъ изъ разсказовъ лѣтописи, что князья Святославъ и Владиміръ ходили воевать противъ камскихъ болгаръ, народа торговаго и богатаго, извѣстнаго не только на Руси, но и въ азіатскихъ странахъ. Въ обширномъ и богатомъ краѣ русскіе встрѣчали мордву, чувашъ, вотяковъ, булгаръ, черемисъ, пермяковъ, зырянъ, мещеру, вогулъ, бесермянъ, башкиръ, киргизъ. Въ 13 вѣкѣ по Волгѣ стали разселяться татары, а потомъ привольныя заволжскія степи привлекли изъ Азіи новыхъ кочевниковъ—калмыковъ.

Всѣ эти народы были преимущественно язычники, и только

про болгаръ лѣтопись говоритъ, что они были магометане, усвоившіе вмѣстѣ съ новою вѣрою и стремленіе къ ея распространенію. Потомъ и татары скоро приняли исламъ, за ними башкиры и киргизы; новый же народъ— калмыки пришли на Русь ламаитами.

Финно-тюркскія племена поволжья были первоначально пастухи, звѣроловы и рыболовы; лишь исподоволь пріучились они къ осѣдлой жизни и земледѣлію, даже и доселѣ предпочитая по лѣтамъ жить въ шалашѣ (юртѣ) съ его неизмѣннымъ очагомъ, остатками кочевого быта. Такъ жили почти всѣ инородцы края. Волжскіе финны и тюрки наслѣдовали отъ предковъ своихъ шаманство, были язычники, какъ и ихъ сородичи — алтайцы и другія сибирскія племена.

Они принесли свою вѣру изъ своей далекой родины - Сибири. Язычники вѣрили въ верховнаго духа—Бога, живущаго на небѣ, источника всякихъ благъ: дождя, урожая, многочадія, плодовитости скота, удачи въ ловитвѣ и т. п. Но рядомъ съ этимъ у нихъ имѣлось представленіе о злыхъ силахъ, старающихся всячески навредить человѣку болѣзнями, моромъ скота и т. п. Это—керемети. Финны и тюрки принесли съ собою изъ Азіи и поклоненіе представителямъ рода. Они вѣрили, что покойные продолжаютъ существовать, могутъ гнѣваться на потомковъ, вредить имъ. Вся окружающая инородца природа: рѣчки, ключи, озера, лѣсъ, даже домъ — все имѣло своего духа, своего хозяина, котораго нужно умилостивлять: иначе „домовой“ будетъ пугать человѣка стукомъ, давить его во снѣ, „водяной“ утопитъ или посредствомъ воды произведетъ желудочныя болѣзни, „лѣшій„ — будетъ кружить человѣка въ лѣсу, а „хлѣвной духъ“ испортитъ скотину.

Умилостивленіе происходило посредствомъ жертвъ, даже кровавыхъ, причемъ истолкователями воли божествъ являлись волхвы, колдуны; у нѣкоторыхъ племенъ были жрецы, карты и іомзи; у иныхъ умилостивителями являлись старики и старухи. Разные керемети, ирихи, сусѣдки и хозяева—духи въ воображеніи подавленнаго силами природы инородца представлялись

существами, нуждающимися въ пищѣ растительной или мясной. Отсюда блины, лепешки, каша, болтушка и мясное варево были обычными жертвами для злыхъ духовъ и покойниковъ, которыхъ инородецъ почиталъ даже баней.

Священныя рощи, особыя дуплистыя деревья, священныя долины—вотъ мѣста, гдѣ шаманствующіе инородцы поволжья приносили свои общественныя жертвы, умилостивляя домашнихъ духовъ въ своихъ жилищахъ. Соединяя представленіе о Богѣ, подателѣ всѣхъ благъ, съ представленіемъ о солнцѣ, источникѣ тепла и плодородія, язычники почитали свои общественныя моленія съ весны до поздней осени, при чемъ поводомъ къ нимъ были также и неблагопріятныя земледѣлію и промысламъ атмосферическія явленія, родовыя и народныя несчастія.

Явившись на Волгу шаманистами, инородцы упорно сохраняли свои языческія религіозныя вѣрованія, удержавъ ихъ въ значительной степени и до настоящаго времени. Правда, болгары магометане, народъ торговый и предпріимчивый, а потомъ татары, принявшіе мусульманство и разселившіеся, на правахъ побѣдителей, по Волгѣ и Камѣ, неизбѣжно должны были, по мѣрѣ усвоенія мусульманскаго вѣроученія, вліять на инородцевъ края; наконецъ русскіе насельники, явившіеся въ край уже христіанами, не могли не вліять на религіозное міросозерцаніе чувашина или мордвина, и только искреннее убѣжденіе, что всѣ вѣры отъ Бога, что каждому народу назначена своя вѣра, помогало инородцамъ отстаивать свои религіозные взгляды, создавъ даже легенду о чудесной книгѣ ихъ религіознаго закона, на подобіе корана и евангелія, будто-бы посланной инородцу Богомъ, но утерянной имъ по неосмотрительности. Преданный своей вѣрѣ, инородецъ остался вѣренъ ей до самаго послѣдняго времени потому, что она была тѣсно связана съ его бытомъ, семейнымъ укладомъ, его взглядами на жизнь и окружающую природу.

Но это могло продолжаться лишь до того времени, пока можно было жить уединенно въ лѣсныхъ или степныхъ урочищахъ.

Образованіе Казанскаго царства, основаннаго народомъ ма-

гометанскимъ, необходимо наложило свою печать на инородцевъ Казанскаго края, и магометанская вѣра, ея воззрѣнія, обычаи получаютъ теперь распространеніе. Камскіе болгары сливаются съ татарами по вѣрѣ, языку и обычаямъ, а вслѣдъ за ними начинаютъ принимать татарскую вѣру, языкъ, обычаи и другіе инородцы. Этому не мало способствуетъ весьма значительная близость языковъ народностей поволжья, близость обычаевъ, основанныхъ какъ на условіяхъ быта, такъ и на общихъ языческихъ представленіяхъ, какъ наслѣдіи покинутой азіатской родины. И татарская народность увеличивается на счетъ инородцевъ.

Но вотъ 2 октября 1552 г. Казанское царство пало. Вліяніе мусульманскаго народа, управлявшаго краемъ, должно было уступить вліянію побѣдоносной русской силы. 7 февраля 1555 г. въ Московскомъ Успенскомъ Соборѣ былъ рукоположенъ первый архипастырь „многочеловѣчнаго“ града Казани, архіепископъ Гурій. Сопровождаемый молебствіями московскаго духовенства, царемъ и народомъ, напутствуемый общими благословеніями, новый архіепископъ отправился въ свой духовный походъ въ „запустѣнную прелесть Казанскую“. Онъ ѣхалъ въ завоеванное царство для распространенія христіанства, везъ духовенство, св. иконы, церк. утварь и друг. св. предметы. На пути его встрѣчали съ крестнымъ ходомъ и молебствіями, и народъ шелъ на-встрѣчу апостолу восточной стороны. Пастырь казанской церкви получилъ царскій наказъ: поучать свою паству жить по заповѣдямъ Божіимъ, учить народъ каждое воскресенье; новокрещеныхъ всегда поучать страху Божію, къ себѣ пріучать, кормить, поить, жаловать и беречь во всемъ, дабы и прочіе невѣрные, видя такое береженіе и жалованіе, поревновали христіанскому праведному закону и просвѣтились св. крещеніемъ. Архіепископъ долженъ былъ татаръ привлекать къ себѣ и приводить любовію на крещеніе, а страхомъ къ крещенію никакъ не приводить, допуская къ таинству только такихъ, которые изъявятъ добровольное сердечное расположеніе къ крещенію. Ему дано было право принимать подъ защиту и опальныхъ инородцевъ, выражавшихъ желаніе креститься. Св. Гурій и его ближайшіе помощники исполнили наказъ какъ нель-

зя лучше. Владыка поучалъ паству каждый воскресный и праздничный день и „множество душъ присвоилъ Христу“. Архипастырь обратилъ особенное вниманіе на дѣтей инородцевъ, поручая духовенству учить ихъ читать, писать и понимать свящ. книги. Нѣсколько тысячъ магометанъ и язычниковъ было крещено святителемъ Гуріемъ. Дѣятельнымъ и полезнымъ сотрудникомъ архіепископу въ христіанскомъ просвѣщеніи татаръ-магометанъ былъ любимый имъ, пріѣхавшій вмѣстѣ съ нимъ въ Казань архимандритъ только что устрояемаго тогда Спасопреображенскаго монастыря въ Казани, св Варсонофій. Послѣдній лучшіе годы своей жизни провелъ въ плѣну у крымскихъ татаръ, гдѣ „извыкъ до конца бесерменскій языкъ и грамоту срацинскую“. Святая жизнь Варсонофія, его знакомство съ языкомъ и бытомъ татаръ, магометанскимъ вѣроученіемъ, искусство врачеванія—все это привлекало къ нему казанскихъ татаръ, которые слушали его кроткія бесѣды о божественности христіанства, и бывшій плѣнникъ и рабъ татаръ плѣняетъ ихъ и дѣлаетъ рабами Христа. Въ 1563 г. преставился святитель Гурій, окончательно ослабленный своими неустанными трудами апостольскаго служенія среди инородческаго края; его дѣло продолжали св. Варсонофій и св. Германъ, и «счастлива была Казанская земля, что были у ней такіе владыки и такъ горячо пеклися о пасомыхъ».

Истинно апостольская любовь, терпѣніе и самоотверженіе святыхъ сотрудниковъ перваго святителя казанскаго принесли обильный плодъ въ лицѣ крещеныхъ черемисъ, чувашъ и татаръ, изъ которыхъ послѣдніе въ потомствѣ стали называться особымъ именемъ „крещеныхъ“. Потомки ихъ и доселѣ называются старокрещеными. Къ сожалѣнію, эти первосвѣтильники казанскіе не успѣли сдѣлать языки инородцевъ орудіемъ христіанскаго просвѣщенія,—не приготовили богослуженія на мѣстныхъ нарѣчіяхъ; хотя нельзя и думать, что бы они не сознавали этой необходимости: подобно св. Стефану Пермскому, св. Варсонофій пользовался народною татарскою рѣчью въ своихъ увѣщаніяхъ къ татарамъ. Онъ, конечно, прекрасно зналъ слова Апостола Павла: «Когда я молюсь на незнакомомъ языкѣ, то хотя духъ

мой и молится, но умъ мой остается безъ плода» (1 посл. къ коринѳ. гл. 14, 14). Да и самъ Божественный Учитель, посылая учениковъ Своихъ на проповѣдь иноплеменнымъ, ниспослалъ имъ даръ языковъ, „и исполнились всѣ (апостолы) Духа Святаго и начали говорить на другихъ языкахъ, какъ Духъ давалъ имъ провѣщавать. . И всѣ изумлялись и дивились, говоря между собою: «сіи говорящіе не всѣ ли галилеяне? Какъ же мы слышимъ ихъ нашими языками говорящихъ о великихъ дѣлахъ Божіихъ?» (Дѣян. Апост. гл. 2). Въ этомъ проявленіи Божественнаго могущества заключается ясное указаніе, что миссіонеры должны вести свою проповѣдь на языкѣ окружающаго племени, какъ это дѣлалъ св. Варсонофій. Обученіе въ школахъ, богослуженіе и проповѣдь на родномъ языкѣ — вотъ единственный и надежный путь къ христіанскому просвѣщенію иновѣрныхъ. Эти орудія необходимы и тогда, когда народъ уже крестился, для его укрѣпленія въ вѣрѣ Христовой. Такъ св. Іоаннъ Златоустъ, чтобы утвердить готтовъ въ христіанствѣ, выбираетъ проповѣдника изъ народа готтскаго, отдаетъ одну константинопольскую церковь для проживающихъ въ столицѣ христіанъ изъ этого племени, поставляетъ туда пресвитеровъ, діаконовъ и чтецовъ изъ природныхъ готтовъ, приказываетъ совершать богослуженіе на готтскомъ языкѣ, даже самъ, ревностію, апостольскою подвигаемый, посредствомъ переводчика, нерѣдко проповѣдуетъ въ сей церкви, и готты охотно принимаютъ христіанство (Приб. къ Твор. Св. От. ч. II стр. 344 и 346). Необходимость богослуженія на инородческомъ языкѣ яснѣе всего была сознана св. Стефаномъ Пермскимъ еще въ 14 вѣкѣ. Этотъ великій учитель инородцевъ съ отроческихъ лѣтъ посвятилъ себя на приготовленіе къ христіанской проповѣди въ языческой Перми. Живя въ своемъ родномъ городѣ Устюгѣ, онъ хорошо изучилъ мѣстный инородческій языкъ, составилъ зырянскую азбуку, перевелъ на зырянскій языкъ нѣкоторыя книги св. Писанія и, руководимый Промысломъ Божіимъ, направился въ языческую среду съ евангельскою проповѣдью. Ангельскимъ терпѣніемъ, кротостію и глубокою убѣжденностью св. проповѣдникъ сломилъ вѣру простодушнаго народа въ волхвовъ и обаяшниковъ;

собиралъ юношей, училъ азбукѣ и чтенію богослужебныхъ книгъ на родномъ ихъ языкѣ; пѣлъ съ ними священныя христіанскія пѣсни, дѣлалъ переводы, училъ отроковъ и дѣтей переписывать рукописи на зырянскомъ языкѣ. Чѣмъ далѣе шло время, тѣмъ разностороннѣе была дѣятельность св Стефана. Онъ созидалъ храмы, монастыри, постригалъ въ монахи, посвящалъ священниковъ и избиралъ прочихъ клириковъ изъ инородцевъ. Все богослуженіе шло на зырянскомъ языкѣ; проповѣдь и обученіе „пермскою бесѣдою“ сдѣлали христіанство доступнымъ уму и сердцу зырянъ, жившихъ въ Малой Перми. Св. проповѣдникъ оживилъ и согрѣлъ душу и сердце бывшихъ язычниковъ огнемъ Божественнаго ученія и сроднилъ зырянскій народъ съ Русью. Восторженный жизнеописатель св. Стефана говоритъ: „гдѣ были идолослужители, тамъ явились богомольцы; гдѣ были идольскія требища и кумирницы, тамъ строились церкви и монастыри; идолослуженіе было изгнано и вѣра христіанская процвѣла“.

Къ сожалѣнію, не такъ глубоко пустило корни христіанство среди татаръ въ казанскомъ краѣ, и прошло лишь 30 лѣтъ послѣ кончины казанскаго первоучителя, какъ въ 1593 г. казанскій святитель Гермогенъ рисуетъ мрачную картину религіознаго состоянія крещеныхъ инородцевъ, оставленныхъ духовенствомъ безъ назиданія на родномъ языкѣ. Въ Казани, по словамъ Гермогена, и въ уѣздахъ —Казанскомъ и Свіяжскомъ живутъ новокрещеные вмѣстѣ съ татарами, чувашами, черемисами и вотяками, ѣдятъ и пьютъ съ ними, къ церквамъ Божіимъ не приходятъ, крестовъ не носятъ, въ домахъ образовъ и крестовъ не держатъ, поповъ не призываютъ и отцовъ духовныхъ не имѣютъ, къ роженицамъ поповъ не зовутъ, только не самъ попъ, свѣдавъ роженицу, пріѣхавъ, дастъ, молитву: и дѣтей своихъ не крестятъ, только попъ не обличитъ ихъ; и умершихъ въ церкви хоронить не носятъ, кладутся по старымъ своимъ татарскимъ кладбищамъ; а женихи къ невѣстамъ по татарскому обычаю приходятъ, а вѣнчався въ церкви, снова вѣнчаются въ своихъ домахъ татарскими попами, и во всѣ посты, въ среды и пятницы скоромъ ѣдятъ, да и многіе скверные татарскіе обычаи новокрещены держатъ безстыдно, а

христіанской вѣры не держатся и не навыкаютъ". Митрополитъ Гермогенъ 12-го февраля 1592 года призывалъ новокрещеновъ со всего Казанскаго уѣзда въ соборную церковь Пресвятыя Богородицы, гдѣ поучалъ ихъ отъ Божественнаго писанія и наказывалъ и не по одинъ день, какъ подобаетъ христіанамъ жить; но новокрещеные ученія не принимаютъ, отъ татарскихъ обычаевъ не отстаютъ, а живутъ въ великомъ безстрашіи и конечно отъ христіанской вѣры отстали. Пришлось царю принимать строгія мѣры, и онъ приказалъ мѣстнымъ властямъ въ Казани на посадѣ и по слободамъ переписать новокрещеновъ по именамъ съ женами, дѣтьми и людьми, а, переписавъ, приказать прибыть имъ въ Казань и сдѣлать имъ внушеніе, какъ твердо должны они держать христіанскую вѣру; передать имъ волю царскую и поселить ихъ особой слободой близъ Казани; „а слободу имъ устроить, гдѣ пригоже: въ острогѣ или за острогомъ, межъ русскихъ людей, а татаръ бы близко не было; и церковь поставить и попа, и діакона, и дьячка, и пономаря, и проскурницу прибрать и ругою устроить, и сына боярскаго выбравъ добра, который отъ службы поотбылъ, приказать ему ту слободу вѣдать и надъ новокрещены беречи того накрѣпко, чтобы они крестьянскую вѣру держали крѣпко, къ церкви ходили и въ домѣхъ у себя образа держали и на себѣ кресты носили, и поповъ въ домы свои призывали, и отцовъ духовныхъ себѣ имѣли, и умершихъ клали у церкви, и сами-бъ новокрещены женились и дѣтей своихъ женили у русскихъ людей и межъ собой на крещеныхъ, и дочерей своихъ давали-бъ за русскихъ же людей и за новокрещеновъ, а въ татарскую вѣру отъ христіанства не обращались,... и для поученія-бъ велѣли есте новокрещеномъ всѣмъ приходити къ Гермогену—митрополиту часто, и поученія его слушати и держатися, а которые новокрещены христіанскія вѣры крѣпко держати и поученія митрополита и отцовъ духовныхъ слушати не учнутъ, и вы бъ тѣхъ велѣли смиряти, въ тюрьму сажати и бити и въ желѣза и въ чепи сажати, чтобъ новокрещеновъ всѣхъ въ христіанскую вѣру привесть крѣпко и утвердить, а отъ татарскія бъ вѣры отучить и отстращати". (Казанская центр. крещенот. школа

изд. 1887 г.). Мы видимъ, что правительству пришлось, кромѣ духовныхъ мѣръ, принимать и другія, болѣе суровыя, чтобы удержать новокрещеновъ въ христіанствѣ. Видимо, дѣло христіанскаго просвѣщенія не было поставлено надлежащимъ образомъ, и они не слыхали ни поученія, ни богослуженія на родномъ языкѣ. Имъ приходилось исповѣдовать вѣру, для нихъ не понятную, на языкѣ чуждомъ. Духовные отцы новокрещеновъ болѣе слѣдили за обрядовою стороною дѣла, и ихъ духовныя дѣти были разбросаны по инородческимъ поселкамъ съ иновѣрнымъ населеніемъ. Кажется, ни пастыри, ни паства не понимали другъ друга.

Не лучше было дѣло христіанскаго просвѣщенія новокрещеновъ въ концѣ 17-го вѣка и началѣ 18-го. Такъ въ февралѣ 1729 года Казанскій митрополитъ Сильвестръ ѣздилъ по крещенскимъ поселкамъ для изслѣдованія религіознаго состоянія крещеныхъ татаръ. Самъ онъ не зналъ татарскаго языка, а пользовался переводчикомъ. Въ деревнѣ Абдяхъ всѣ крещеные татары объяснили ему, что они крещены назадъ тому лѣтъ 170, что они по незнанію русскаго языка и по отдаленности отъ церквей верстъ на 40 и болѣе, и притомъ за лѣсами и за рѣками, «молитву Іисусову творить намалѣ умѣютъ, и то не всѣ, и крестное знаменіе воображать и законъ христіанскій въ твердости исполнять и содержать отъ ненаученія и непризрѣнія не умѣютъ". Въ 1736 году тотъ же митрополитъ Сильвестръ доносилъ Св. Суноду про новообращенныхъ татаръ, что видѣлъ ихъ «въ богомерзкихъ жительствахъ весьма закоснѣлыми и упорными». Не лучше обстояло дѣло и во второй половинѣ 18 вѣка. Правда, для старокрещеныхъ и новокрещеныхъ инородцевъ заведены теперь особые проповѣдники. Нужно замѣтить, что, вѣроятно, донесенія митрополита Сильвестра производили свое дѣйствіе, и въ царствованіе Анны Іоанновны и Елизаветы Петровны правительство усердно стремилось крестить всѣхъ инородцевъ Казанскаго края. Тогда то и появились новокрещеные татары, а за прежде крестившимися осталось имя старокрещеновъ. Для новокрещеновъ стали устраиваться школы, заведены были проповѣдники, а въ

Свіяжскомъ монастырѣ была учреждена особая новокрещенская контора. Тогда же въ Казанской академіи (семинаріи) стали появляться учениками крещеные татары, которыхъ потомъ посвящали въ священники и на другія церковныя должности. Явилась вѣрная въ основѣ мысль просвѣщать инородцевъ чрезъ ихъ же единоплеменниковъ; но послѣдніе получали образованіе не цѣлесообразное: въ нихъ не было умѣнья передавать религіозныя истины народу, не было того направленія, которое даетъ не только крѣпость личнымъ религіознымъ убѣжденіямъ, но и ревность къ ихъ защитѣ и распространенію среди единоплеменнаго народа.

Грустно поучительна исторія этихъ новокрещенскихъ школъ, открытыхъ въ Казани и разныхъ другихъ мѣстностяхъ края. Въ 1750 году въ Казани на святительской каѳедрѣ былъ ревнитель христіанскаго просвѣщенія Лука Конашевичъ. Вотъ онъ на берегу озера Кабана въ татарской слободѣ г. Казани построилъ каменный храмъ во имя праведныхъ Захаріи и Елизаветы, а при немъ деревянное зданіе для школы, какъ центральнаго учрежденія для христіанскаго образованія разныхъ инородческихъ племенъ края: крещенныхъ татаръ, чувашъ, черемисъ, вотяковъ, даже башкиръ и киргизъ. Онъ думалъ здѣсь, подъ своимъ ближайшимъ попеченіемъ, сосредоточить образованіе крещенныхъ инородцевъ. Но въ 1755 г. епископъ былъ перемещенъ въ Бѣлгородъ. Преемники святителя не поддержали школьнаго дѣла въ краѣ, и въ 1764 году, по почину мѣстной власти, Св. Сунодъ вмѣстѣ съ Сенатомъ представляли Императрицѣ Екатеринѣ II-й, „чтобы учрежденнымъ въ Казанской губерніи для обученія новокрещенскихъ дѣтей школамъ не быть, ибо Св. Сиоду не безъизвѣстно есть, что обучающіяся въ тѣхъ школахъ новокрещенскія дѣти по большей части къ обученію не понятны“. Императрица однако не согласилась съ основаніями доклада и повелѣла „школъ не отрѣшать“ Дѣло инородческаго образованія продолжалось и представляло точную копію системы школьнаго обученія русскихъ дѣтей того времени.

Въ новокрещенскихъ школахъ обучались „россійской грамо-

тѣ, т. е. букварю съ десятословіемъ, часослову, псалтырю и катихизису, а также скорописному письму," и въ 1786 г. въ казанской новокрещенской школѣ обучалось 80 дѣтей. Это исключительное господство церковнославянскаго языка само по себѣ и составляло существенную причину непонятливости инородческихъ дѣтей, приводившей епархіальную власть въ отчаяніе. Старинная метода псалтырнаго ученія не могла заинтересовать и оживлять дѣтей.

Школа была поставлена дурно и въ матеріальномъ отношеніи, учащіеся не имѣли ни какого призрѣнія и питались весьма скудно. Между тѣмъ епархіальное начальство постоянно получало доношенія отъ своего духовенства и проповѣдниковъ, что не только новокрещены, не и многіе старокрещены, особливо женскій полъ, не умѣютъ креститься, молитвъ не творятъ, къ св. образамъ почтенія не имѣютъ, въ церкви не ходятъ, живутъ вмѣстѣ съ иновѣрцами, по иновѣрческимъ обыкновеніямъ устраиваютъ многіе непорядки и мольбища; ихъ дѣти св. крещенія, больные — неповѣди и св. причастія, а умершіе надлежащаго церковнаго погребенія лишаются; за побужденія же ихъ къ содержанію православныя христіанскія вѣры и обученію молитвамъ Господнимъ чинятъ они со священниками и церковными служителями не малыя ссоры и драки, просятъ объ отрѣшеніи ихъ священнослужителей отъ мѣстъ своихъ. (Указъ Казан. Консисторіи 1778 года). Пришлось Духовной Консисторіи просить свѣтское начальство указами объявить всѣмъ старокрещенамъ и новокрещенамъ Казанской и Оренбургской губерній, чтобы они прежнія свои заблужденія оставили и съ некрещеными для могущаго быть соблазна никакого сообщества отнюдь не имѣли и отъ нихъ удалялись, а содержали бы христіанскую вѣру твердо и непоколебимо; св. иконы почитали-бы по—надлежащему, да и въ церкви на общія молитвословія во всѣ воскресные и знатныхъ праздниковъ, а особливо высокоторжественные дни ходили нелѣностно и хотя первѣйшимъ молитвамъ Господнимъ: Во имя Отца... Господи Іисусе Христе, Боже нашъ, Отче нашъ, Богородице Дѣво, радуйся.... до конца, такъ и крестное на себя знаменіе изображать обучались непремѣнно, и

для того священнослужителей въ домы свои пускали-бъ безпрепятственно, и никакого озлобленія имъ не дѣлали; равнымъ же образомъ и онымъ священно-церковно-служителямъ отъ духовныхъ правленій и отъ заказчиковъ учинить письменное подтвержденіе, чтобы они объ обученіи тѣхъ своихъ прихожанъ вышеписаннымъ молитвамъ и прочимъ должностямъ и обычаямъ христіанскимъ, а также и о чиненіи имъ во вся св. четверодесятницы исповѣди и о сподобленіи ихъ Святымъ Христовымъ Тайнамъ имѣли наиприлежнѣйшее старательное наблюденіе, не требуя за то отъ нихъ ни малѣйшаго награжденія и не домогаясь къ оному ни подъ какимъ видомъ, подъ извержеміемъ священникамъ и діаконамъ своего сана, а церковникамъ подъ тяжкимъ церковнымъ наказаніемъ по важности винъ и отдачею ихъ въ свѣтскій судъ".

Напуганные такимъ грознымъ указомъ священники принялись учить крещеныхъ молитвамъ; благочинные стали разъѣзжать по приходамъ и спрашивать, знаютъ ли крещеные упомянутыя выше молитвы. Теперь женихъ и невѣста являлись на экзаменъ къ благочинному, спрашивавшему ихъ молитвы. Конечно, такое строгое примѣненіе указа вызывало много недоразумѣній, и наводило на необходимость подставлять на экзаменъ вмѣсто однихъ лицъ другія. Это усердное требованіе касалось лишь внѣшней стороны христіанства и имѣло принудительный характеръ; самое знаніе молитвъ было принужденное и до смысла ихъ инородецъ не добирался.

Съ 1785 года по 1801 г, на Казанской каѳедрѣ святительствовалъ архіепископъ Амвросій Подобѣдовъ. Послѣдній старался поднять инородческое образованіе, заново перестроилъ зданіе казанской новокрещенской школы. Онъ пришелъ къ сознанію, что для просвѣщенія инородцевъ нужны не только дѣятели изъ ихъ единоплеменниковъ. но и родной ихъ языкъ, какъ орудіе христіанскаго образованія. Эту мысль онъ высказалъ Св. Сѵноду, и. вѣроятно. по его иниціативѣ завязалась обширная переписка о переводахъ священныхъ, богослужебныхъ и др. книгъ на инородческіе языки. Толчкомъ къ тому послужило отпаденіе въ началѣ 19 вѣка крещеныхъ татаръ въ Нижегород-

ской губерніи въ магометанство. Въ 1802 г., по представленію Св. Сунода, состоялось Высочайшее повелѣніе о переводѣ богослужебныхъ книгъ на татарскій и друг. инородческіе языки. Въ 1803 г, вышелъ переводъ краткаго катихизиса, напечатанный славянскими буквами, параллельно съ русскимъ текстомъ; но переводъ оказался темнымъ, нестройнымъ, исполненнымъ книжнымъ татарскимъязыкомъ. Не лучше были переводы на инородческіе языки и Библейскаго общества въ началѣ 19 вѣка. Преосвященный Амвросій съ 1785 г. по 1801 г. посвятилъ въ церковный клиръ болѣе 60 воспитанниковъ новокрещенскихъ школъ. Видимо это было лучшимъ временемъ дѣятельности этихъ учрежденій,—дѣятельности хотя и односторонней, но не совсѣмъ безуспѣшной.

Но просвѣтительная дѣятельность Преосвященнаго Амвросія по новокрещенскимъ школамъ прекратилось велѣдъ за выбытіемъ его изъ Казани. Несмотря на то, что новокрещены, по примѣру 1802 и 1803 годовъ, не перестали заявлять о своемъ отпаденіи въ магометанство, и эти отпаденія были въ 1810, 1820 годахъ, инородческое образованіе стало приходить въ окончательное разложеніе. Дѣло дошло до того, что въ въ 1825 г. Захаріе-Елизаветинская церковь, заброшенная и запустѣлая послѣ закрытія школы, была разобрана и уничтожена. Только и осталось въ памяти народной имя „новокрещенскихъ школъ“, да убогая часовенка стояла на мѣстѣ бывшаго храма.

Въ послѣдующіе годы снова стало пробуждаться сознаніе необходимости хоть что нибудь сдѣлать для темнаго инородческаго люда. Въ поволжскихъ семинаріяхъ явилось усиленное преподаваніе инородческихъ языковъ, чтобы дать инородческимъ приходамъ болѣе подходящее духовенство. Въ центрѣ инородчества, Казани въ 1830 г. блаженной памяти Филаретъ Амфитеатровъ, архіепископъ казанскій, такъ сильно вліявшій на казанскихъ татаръ своею святою жизнью, принялъ близко къ сердцу просвѣтительное дѣло среди крещенныхъ татаръ и постановилъ, чтобы въ крещенотатарскіе приходы назначались священники съ особенно тщательнымъ разборомъ, чтобы эти священники были знающіе свое

дѣло, ученые, благоправные, понимали мѣстный инородческій языкъ. Святитель приказалъ перевести на инородческіе языки вѣроучительныя книги. Онъ далъ распоряженіе, чтобы въ церквахъ во время богослуженія поученія говорились на инородческомъ языкѣ, чтобы по крайней мѣрѣ главныя части богослуженія совершались на инородческомъ языкѣ. Наконецъ владыка требовалъ отъ духовенства учить инородческихъ дѣтей въ школахъ. Эти совершенно вѣрные взгляды благостнаго владыки на инородческое дѣло особенно были благовременны послѣ того, какъ въ 1840 годахъ снова начались отпаденія крещенныхъ татаръ въ магометанство. Къ сожалѣнію распоряженія архіепископа Филарета, устроившаго въ г. Казани миссію, не нашли подходящихъ исполнителей, потому что, судя по инородческимъ переводамъ, самые авторитетные знатоки инородческихъ языковъ, владѣя ими практически, не имѣли теоретической подготовки, не умѣли ими пользоваться и научить этому другихъ *) Такъ какъ дѣло до 1847 года, когда Государь Императоръ Высочайше повелѣть соизволилъ „приготовить переводъ на татарскомъ языкѣ необходимѣйшихъ духовныхъ книгъ православнаго исповѣданія съ тѣмъ, чтобы можно было учредить православное на семъ языкѣ богослуженіе для татаръ, принявшихъ православную вѣру“. Такимъ образомъ печальные факты не прекращающагося отпаденія крещенныхъ татаръ въ магометанство убѣдили русскую церковь обратить особенное вниманіе на положеніе инородческаго дѣла въ Казанскомъ краѣ. И вотъ въ 1842 году, учреждая въ г. Казани духовную академію, Св. Сунодъ указомъ отъ 25 мая 1842 г. постановилъ придать ей миссіонерское направленіе устройствомъ особыхъ каѳедръ инородческихъ языковъ, употребляемыхъ язычниками и магометанами Казанскаго учеб. округа, частію и Сибири. Въ 1845 г. на первое время было открыто въ академіи обученіе языкамъ татарскому съ арабскимъ и монгольскому съ калмыцкимъ, причемъ отдавалось преимущество этимъ инородческимъ языкамъ именно потому, что инородцы монгольскаго и

*) Идеи архіепископа Филарета примѣнилъ къ дѣлу архіепископъ Казанскій Антоній Амфитеатровъ, близкій родственникъ, воспитанникъ, «дитя сердца» приснопамятнаго владыки.

тюркскаго племенъ обращали на себя вниманіе своею многочисленностью и религіозною устойчивостью, сравнительно съ другими инородцами края, менѣе упорными въ своемъ язычествѣ, по крайней мѣрѣ съ оффиціальной стороны.

Вновь открытая академія должна была принять на себя и миссію перевода на инородческіе языки богослужебныхъ христіанскихъ книгъ.

Таковы были въ главныхъ чертахъ судьбы миссіонерства среди инородцевъ Казанскаго края.

Успѣхи христіанства были лишь внѣшніе, количественные, и то по преимуществу среди финскихъ племенъ, уступающихъ внѣшнему вліянію. Это вліяніе всего лучше сказалось на крещеніи татаръ и мордвы, относительно которой Лепехинъ говоритъ, что въ 1681 году грознымъ указомъ мордвѣ повелѣвалось, чтобы она „поискавъ благочестивой христіанской вѣры греческаго закона крестилась вся; а какъ она крестится, то ей во всякихъ податяхъ дано будетъ облегченіе на 6 лѣтъ; а буде она креститься не похотитъ, то ей сказать, что она отдана будетъ въ помѣстья и вотчины некрещенымъ мурзамъ и татарамъ“ *).

Тоже самое, конечно, примѣнилось и къ другимъ инородческимъ племенамъ. Если христіанство распространилось количественно, то въ качественномъ отношеніи успѣхи миссіонерства были не блестящіе. Мордва, принявъ крещеніе, по—прежнему не переставала молиться „богу боговъ“ — Чамъ-Пасу, богинѣ Анге-Патяй, отожествивъ ее съ Божіей Матерью въ молитвѣ: «матушка Богородица Анге-Патяй»! Мордва не забыла злого духа Шайтана, по— прежнему твердо держась языческой теогоніи; совершала жертвоприношенія при многочисленномъ собраніи народа. Николая угодника она отожествляла съ богами Мастыръ-Пасомъ и Назаромъ-Пасомъ и т. п. Крещеные черемисы по прежнему продолжали поклоняться Юмо, богу неба, и кереметь, богу зла, младшему брату Юмо. Загнанный судьбою въ глубь лѣсовъ, черемисинъ и доселѣ оставался ревностнымъ слугою кереметь, приносилъ ему кровавыя жертвы, благоговѣлъ предъ приказаніями ворожиковъ и

*) Рагозинъ „Волга“ т. 2 стр. 3.

мужанговъ, черемисскихъ шамановъ. Черемисскій кереметь одинаково служилъ предметомъ поклоненія и крещеной мордвы и крещеныхъ чувашъ, которые не переставали почитать Тора, бога добра и свѣта, цѣлый рядъ мелкихъ божествъ, совершали имъ жертвы, имѣли своего рода шамановъ: іомзей. Крещеные вотяки не переставали оставаться язычниками и приносили жертвы до самаго послѣдняго времени. Новокрещеные татары были совершенными магометанами, а старокрещеные, оставаясь по имени христіанами, на дѣлѣ были язычниками, чтили Бога добра и кереметя,—бога зла; совершали языческія моленія: шыйлыкъ, чюкь, пукрау, приносили жертвы домовому, хлѣвному, лѣсному, водянымъ богамъ. Всѣ инородцы почитали покойниковъ, какъ живыхъ, совершая имъ жертвоприношенія. Все міросозерцаніе крещенаго инородца было языческое, и тьма заблужденій, невѣжества облегла инородческій край, предоставляя полную возможность магометанству пролагать незамѣтныя для посторонняго, но прямыя тропы къ сердцамъ и умамъ этихъ язычествующихъ народцевъ.

Вотъ въ какое темное для края время зародилась въ Казани духовная академія, взявшая на рамена свои дѣло христіанской миссіи въ краѣ. Въ стѣнахъ этой академіи съ первыхъ же годовъ ея существованія получилъ миссіонерское образованіе просвѣтитель инородцевъ Казанскаго края, основатель цѣлой системы инородческаго обученія, мужъ великой силы и великаго дѣла Николай Ивановичъ Ильминскій. Въ то время, когда мусульманская пропаганда въ краѣ проникла и къ старокрещенымъ татарамъ, чувашамъ, черемисамъ, и массовыя отпаденія угрожали уже опасностью поглотить все инородческое населеніе края для служенія мусульманству и татарской народности; тогда именно Богу угодно было послать краю свою милость: въ академіи обучался и укрѣплялся духомъ сей замѣчательный человѣкъ; благодать Божія воистину почивала на этомъ человѣкѣ. Это было тогда, когда въ 12 губерніяхъ Казанскаго края насчитывалось приблизительно до 4223035 человѣкъ инородческаго населенія, а изъ нихъ крещеныхъ было лишь до, 1853943 человѣкъ. Въ подавляющемъ большинствѣ эти крещеные инородцы

преданы были вѣрѣ предковъ и представляли собою почти не воздѣланную почву. Воздѣлывать ее и призванъ былъ знаменитый Николай Ивановичъ, имя котораго навсегда и неразрывно связывается съ исторіей христіанскаго просвѣщенія востока Россіи, оставаясь въ благодарной памяти просвѣщенныхъ имъ инородцевъ, какъ завѣтъ прошедшаго и указаніе будущаго.

ГЛАВА II.

Происхожденіе. Годы ученія. Служба Николая Ивановича въ Казанской дух. академіи до конца 1858 г. Его взгляды на значеніе книжнаго и народнаго языка татаръ въ христіанскихъ переводахъ.

„Лучшій изъ добрыхъ людей," заслуженный государственный дѣятель, основатель цѣлой системы инородческаго просвѣщенія, системы мудрой, многосторонней, приносящей благіе плоды уже 40 лѣтъ, рѣдкій богословъ, литургистъ, педагогъ и изумительный полиглоттъ, употребившій свою ученость на неустанное служеніе святому дѣлу просвѣщенія „малыхъ сихъ," приснопамятный Николай Ивановичъ Ильминскій былъ родомъ изъ г. Пензы и родился 23 апрѣля 1822 года. Отецъ его служилъ протоіереемъ городской Николаевской церкви, членомъ Консисторіи, имѣлъ многочисленную семью: шесть человѣкъ дѣтей. Семья была религіозно настроенная. Мать происходила изъ купеческаго рода, была добрая и кроткая. Дѣти жили между собою дружно. Иногда по вечерамъ оставалась съ ними старушка, вдовая дьяконица Васильевна, которая своимъ мастерскимъ подборомъ сказокъ возбуждала въ дѣтяхъ благородныя чувствованія. Ихъ неотразимо трогали повѣствованія, напримѣръ, о томъ, какъ братъ съ сестрой, по проискамъ лихой мачехи, терпѣли всякія напасти и чуть было не были зарѣзаны; дѣти навзрыдъ плакали, но были очень удовлетворены, когда услышали о томъ, какъ жестоко была наказана мачеха.

Учиться Николай Ивановичъ началъ по старой методѣ, по азамъ у своей бабушки, вдовы—купчихи, жившей у дочери, умной и энергичной женщины, просто и естественно воспитывавшей дѣ-

тей зятя; потомъ прошелъ курсъ дореформеннаго духовнаго училища и семинаріи; жилъ у родителей и потому не испыталъ на себѣ невзгодъ исторической бурсы. Въ семинаріи онъ учился отлично, прекрасно изучилъ классическіе языки, любилъ заниматься математикой, и, какъ прекрасно подготовленный юноша, былъ отправленъ семинарскимъ начальствомъ въ академію. Въ Пензенской семинаріи въ то время преподавался татарскій языкъ, но Николай Ивановичъ и не помышлялъ объ изученіи его, любя болѣе науки положительныя и болѣе развивающія.

Пребываніе въ средней духовной школѣ не оставило, кажется, въ Николаѣ Ивановичѣ особеннаго сочувствія къ ней, что мы увидимъ изъ неоднократныхъ отзывовъ его о неправильной постановкѣ въ семинаріяхъ преподаванія Богословія, какъ научнаго предмета, о недостаточно разностороннемъ развитіи въ семинаріяхъ религіозной жизни. *).

Въ 1842 г. были открыта въ г. Казани духовная академія, которая помѣщалась сначала въ Спасопреображенскомъ монастырѣ, потомъ въ д. Тихонова на Проломной улицѣ и лишь съ 1845 г. въ собственномъ зданіи на Арскомъ полѣ. Къ Казанскому академическому округу приписаны были всѣ семинаріи востока Европ. Россіи и Сибири, въ учебномъ отношеніи. По предложенію академическаго правленія Пензенская духовная семинарія, въ числѣ прочихъ семинарій округа, назначила въ составъ перваго курса вновь открытой академіи своего лучшаго студента Николая Ильминскаго. Въ академію поступилъ маленькій ростомъ, смуглый шатенъ, живой, какъ ртуть, красивый изъ себя юноша, съ открытымъ и веселымъ характеромъ, остроумный и говорливый, поэтъ въ душѣ, обладающій чисто художественнымъ воображеніемъ, превосходный разсказчикъ. Среди строгаго, угрюмаго режима академической бурсы это была находка, и юноша Ильминскій дѣлается любимцемъ на своемъ курсѣ.

*) Николай Ивановичъ отдалъ своихъ воспитанниковъ Вобровниковыхъ не въ духовную школу, а въ гимназію. Тоже сдѣлалъ съ своими дѣтьми и о. Василій Тимофеевичъ, извѣстный Казани дѣятель по врещенію татарскому дѣлу, священникъ изъ татаръ, конечно, по совѣту своего учителя. Николай Ивановичъ вышелъ однакоже изъ семинаріи съ любовью къ ученію и нравственной чистотою.

Академическій курсъ того времени дѣлился на 2 отдѣленія, низшее и высшее. Первое въ свою очередь дѣлилось на историческое и математическое. Николай Ивановичъ записался на математическое отдѣленіе и всѣ 2 года съ особеннымъ жаромъ и любовью предавался изученію положительныхъ наукъ, поражая быстротой и легкостью математическихъ соображеній.

Послѣдніе два года ученія въ академіи Николай Ивановичъ долженъ былъ изучать преимущественно богословскіе предметы; но онъ особенно охотно занимался русской церковной исторіей и его магистерское сочиненіе было исполнено имъ по общей церковной исторіи: о вселенскихъ соборахъ. Однако это не мѣшало юному богослову увлекаться лекціями по естественнымъ наукамъ, читаннымъ тогда въ академіи извѣстнымъ ученымъ П. И. Вагнеромъ,—участвовать въ ботаническихъ экскурсіяхъ, а потомъ не менѣе страстно предаваться изученію языковъ какъ европейскихъ (французскаго и нѣмецкаго), такъ особенно татарскаго съ арабскимъ, что въ послѣдствіи стало главною спеціальностью талантливаго студента. Николай Ивановичъ обладалъ удивительной способностью усваивать языки, быстро проникаясь во внутренній строй ихъ, и вотъ въ 1846 году академія выпустила изъ стѣнъ своихъ магистра, который зналъ классическіе языки, французскій и нѣмецкій, и изучалъ еврейскій, татарскій и арабскій съ особеннымъ усердіемъ. Этотъ магистръ поразилъ своими обширными свѣдѣніями по языкамъ тогдашняго ревизора академіи, епископа винницкаго, Аѳанасія, который прозвалъ Николая Ивановича полиглоттомъ.

На ряду съ искреннимъ увлеченіемъ науками, Николай Ивановичъ обращалъ на себя вниманіе своею скромностью, благонравіемъ, замѣчательной откровенностью. Въ его добромъ сердцѣ и мягкомъ характерѣ видѣли черты дѣтской невинности, замѣчательное благородство, не допускающее никакихъ компромиссовъ съ совѣстью. Все это особенно цѣнилось въ немъ его умнымъ начальникомъ ректоромъ архимандритомъ Григоріемъ, который руководилъ талантливаго студента и готовилъ его къ занятію академической каѳедры, снисходя даже нѣкоторымъ послабленіямъ въ дѣлѣ изученія богословскихъ наукъ, а равно и подвижности талан-

тливой натуры. Товарищи считали Николая Ивановича честнѣйшимъ человѣкомъ, съ безукоризненною, чистою душой, человѣкомъ высокой нравственности, чуть не святымъ, и ему приходилось доказывать товарищамъ, что и онъ порядочный грѣшникъ.

Это благородство, величіе души, эту откровенную невинность, добросердечіе и привѣтливость сохранилъ Николай Ивановичъ до гробовой доски, слывя среди казанцевъ заживо святымъ человѣкомъ.

Изученіе татарскаго и арабскаго языковъ началъ Николай Ивановичъ съ 3-го курса у профессора А. К. Казембека и практиканта—татарина Махмудова. Въ продолженіе 3 полугодій онъ весьма усердно предавался этому новому для него изученію. Съ 10 октября 1846 г. магистръ Ильминскій становится самъ баккалавромъ татарскаго и арабскаго языковъ, одновременно занимаясь преподаваніемъ въ академіи математики и естественныхъ наукъ, которыя вскорѣ онъ смѣнилъ на каѳедру еврейскаго языка. Теперь молодому баккалавру было предоставлено заниматься лишь филологіей, и Николай Ивановичъ особенно предался изученію арабскаго языка у знаменитаго оріенталиста Казембека, который еженедѣльно по нѣскольку часовъ занимался съ нимъ изученіемъ арабскаго языка и литературы, раскрылъ предъ любознательнымъ баккалавромъ двери своей библіотеки, и Николай Ивановичъ былъ глубоко признателенъ профессору за его живыя бесѣды и обязательную любезность.

Не переставая интересоваться живымъ народнымъ татарскимъ языкомъ, не зная усталости въ занятіяхъ, баккалавръ входитъ въ сношеніе съ казанскими татарами и съ весны 1847 года переселяется на жительство изъ академіи въ Татарскую слободу, гдѣ учится у муллъ Керима и Баймурата, входитъ въ сношенія съ татарскими школьниками, шакирдами, привлекаетъ къ себѣ симпатіи и уваженіе со стороны подозрительныхъ татаръ и наконецъ дѣлается домашнимъ учителемъ у одного богатаго татарина. Въ теченіе года молодой ученый съ такимъ самоотверженіемъ изучалъ татарскій языкъ и народный бытъ въ постоянномъ обращеніи съ татарами, что ни болѣзни, ни разныя неудобства не заставили его отказаться отъ завѣтной цѣли. И онъ достигъ

цѣли: практически изучилъ татарскую народность и могъ теперь поставить въ академіи дѣло свое на надлежащую дорогу. До этого Николай Ивановичъ всецѣло слѣдовалъ своему учителю, ученому арабисту, презиравшему народный татарскій языкъ и преподававшему книжный языкъ, представляющій смѣсь татарскаго, арабскаго и персидскаго языковъ. Занятія были чисто филологическія. Теперь, по мѣрѣ знакомства съ бытомъ татаръ, Николай Ивановичъ вноситъ въ свои лекціи практическій, живой характеръ, пополняя ихъ рядомъ этнографическихъ, историческихъ и бытовыхъ свѣдѣній, чего собственно и не доставало въ преподаваніи по миссіонерскимъ каѳедрамъ, и что было замѣчено ревизоромъ академіи, епископомъ Аѳанасіемъ въ 1847 году.

И вотъ въ 1848 г. Николай Ивановичъ поднимаетъ вопросъ о болѣе правильной и опредѣленной постановкѣ миссіонерскаго образованія въ академіи, такъ какъ ни высшее начальство, ни академическое правленіе не знали, какъ организовать это дѣло, чтобы оно было цѣлесообразно и плодотворно. Этотъ вопросъ былъ поднятъ какъ разъ въ то время, когда на Казанскую академію было возложено исполненіе Высочайшаго повелѣнія относительно перевода на татарскій языкъ литургіи Іоанна Златоуста и сокращеннаго молитвослова, а также провѣрки изданнаго на татарскомъ языкѣ перевода Новаго завѣта. При академіи въ 1847 г. былъ устроенъ переводческій комитетъ подъ предсѣдательствомъ ректора изъ профессора Казембека и баккалавра Ильминскаго. Слишкомъ $1^1/_2$ года пришлось Николаю Ивановичу, одному по преимуществу, просматривать переводы разныхъ молитвословій, сдѣланные священниками разныхъ епархій, равно и тѣ переводы, которые были поручены разнымъ наставникамъ семинарій округа, преподающимъ татарскій языкъ.

Рецензіи просмотрѣнныхъ Ильминскимъ переводовъ представляютъ намъ указанія, что въ это время знаменитый переводчикъ былъ весьма далекъ отъ тѣхъ взглядовъ, которые онъ усвоилъ и которыхъ держался въ своей послѣдующей просвѣтительной дѣятельности. Предъ нами является (въ упомянутыхъ рецензіяхъ) во всеоружіи ученый арабистъ, сторонникъ книжнаго

татарскаго языка и образованія, пренебрежительно относящійся къ практическому употребленію живого татарскаго языка. Николай Ивановичъ не одобрялъ даже употребленія русскаго алфавита для татарскихъ переводовъ, не одобрялъ народныхъ словъ и выраженій въ переводѣ. Ему казалось, что народный татарскій языкъ, будучи языкомъ необходимаго круга житейскихъ нуждъ народа, крайне бѣденъ. Переводчику посему постоянно нужно пользоваться арабскимъ языкомъ, разработаннымъ мусульманскими богословами, полнымъ магометанскихъ идей и совсѣмъ чуждымъ идей христіанства. Отсюда крайняя опасность для переводчика или впасть въ неправильное выраженіе христіанскаго понятія или допустить неточности въ переводѣ. Къ этому прибавляется и то, что арабскій языкъ непонятенъ татарскому населенію.

Но и въ этихъ рецензіяхъ уже встрѣчаются мимолетныя мысли о необходимости обратиться при переводахъ на татарскій языкъ къ народной рѣчи, „оторвать новообращенныхъ татаръ отъ арабскаго образованія и развивать ихъ собственныя природныя силы, обращаясь къ живому слову, звучащему въ устахъ татарскаго народа“. Съ этою сокровищницею чистаго, живого татарскаго языка Николай Ивановичъ скоро и познакомился.

Весной 1848 г. явился въ Казань архіепископъ Григорій (Постниковъ), человѣкъ съ глубокими миссіонерскими идеями, сильнымъ умомъ и твердымъ характеромъ. Владыка явился въ Казань въ тревожное время, когда крещеное татарство угрожало массовыми отпаденіями, ссылаясь на отдаленность храмовъ и поборы духовенства.

Владыка прибылъ въ Казань и немедленно обратилъ свое вниманіе на религіозное состояніе крещенаго татарства. Онъ привезъ съ собою Высочайшее повелѣніе отъ 3 апрѣля 1848 г. относительно устройства для крещеныхъ татаръ походной церкви съ священникомъ—миссіонеромъ, который бы, разъѣзжая на обывательскихъ лошадяхъ по крещенскимъ селеніямъ, безмездно совершалъ богослуженіе и училъ народъ вѣрѣ на родномъ языкѣ. Скоро однако оказалось, что было весьма трудно найти въ епархіи священника, который могъ бы свободно говорить на татар-

скомъ языкѣ; а еще труднѣе оказалось устройство самаго храма. Лишь въ концѣ 1849 года былъ заведенъ татарскій миссіонеръ, а походная церковь такъ и не устраивалась. Архіепископъ захотѣлъ поближе узнать религіозное состояніе татаръ, причины ихъ тяготѣнія къ мусульманству, познакомиться съ положеніемъ духовенства въ крещенскихъ селахъ. Не надѣясь добыть необходимыя свѣдѣнія путемъ личныхъ посѣщеній, въ виду производившагося большаго слѣдствія объ отпаденіи татаръ, равно и въ виду существованія въ краѣ холеры, архіепископъ отправилъ къ татарамъ Николая Ивановича, какъ бы для ученаго путешествія, снабдилъ его цѣлымъ рядомъ вопросовъ касательно интересующаго владыку дѣла. Ученый путешественникъ получилъ изъ владычнихъ рукъ 50 рублей на дорогу, а осенью 1848 года отправился въ Мамадышскій уѣздъ, не обращая вниманія на всю опасность такого путешествія среди невѣжественнаго и фанатичнаго иновѣрнаго народа.

Николай Ивановичъ не имѣлъ яснаго представленія о старокрещеныхъ и новокрещеныхъ, о мѣстѣ ихъ жительства и шелъ на-угадъ туда, гдѣ по оффиціальнымъ даннымъ было отступническое движеніе.

Въ товариществѣ съ знакомымъ шакирдомъ изъ татарской слободы въ Казани, Николай Ивановичъ не задумываясь направлялся по татарскимъ деревнямъ, любезно принимаемый муллами, какъ ученый, хорошо знающій мусульманство; путешествуя пѣшкомъ въ татарскомъ халатѣ и малахаѣ на головѣ, съ книжкой у пояса, записывая въ нее на татарскомъ и русскомъ языкѣ нѣмецкимъ шрифтомъ все, что возбуждало интересъ въ путешественникѣ, подсаживаясь на возъ того или другого татарина, крещенаго; у таковыхъ среди обычной бесѣды и вывѣдывалъ необходимыя свѣдѣнія. Не всегда легко было путешественнику и не разъ приходилось ему скрываться отъ подозрительныхъ взглядовъ татаръ и крещеныхъ, особенно боявшихся его записной книжки. Разъ пришлось ему скрыться отъ толпы въ квартиру станового, который въ это время пировалъ съ волостной аристократіей. Осмотрѣвъ документы скромнаго путешественника, этотъ гос-

подпнъ снисходительно дозволилъ Николаю Ивановичу провести ночь у себя на кухнѣ, откуда на другой день рано утромъ неожиданный гость удалился. Такъ пропутешествовалъ Николай Ивановичъ съ августа по октябрь, обходя Мамадышскій, Чистопольскій и частію Спасскій уѣзды, вернулся въ Казань и представилъ архіепископу подробный отчетъ, въ которомъ впервые выяснилъ различіе между старокрещеными и новокрещеными, указалъ причины и характеръ отступничества среди татаръ, выяснилъ взаимныя отношенія крещеныхъ татаръ и ихъ духовенства, при чемъ выразилъ совершенно новый взглядъ на крещенотатарское дѣло и вообще татарскій вопросъ въ краѣ,— взглядъ, который имѣлъ глубокое вліяніе на послѣдующую дѣятельность ученаго. Вмѣстѣ съ тѣмъ путешественникъ представилъ и денежный отчетъ въ расходахъ по путешествію, возвращая удивленному владыкѣ 25 р. изъ выданныхъ ему 50 рублей Архіепископъ даже смутился предъ такою идеальною честностію Николая Ивановича, ничего не нашелся сказать, а только странно поглядѣлъ на баккалавра, махнулъ рукой и скрылся въ кабинетѣ, оставивъ деньги въ рукахъ Николая Ивановича.

Точно такое же путешествіе было совершено Николаемъ Ивановичемъ въ 1849 г. по крещенотатарскимъ деревнямъ Чистопольскаго и Спасскаго уѣздовъ.

Эти путешествія и бесѣды по поводу нихъ сблизили путешественника съ владыкой. Они договорились до необходимости завести въ инородческихъ приходахъ богослуженіе на народныхъ языкахъ, и владыка призвалъ къ дѣятельности переводческій комитетъ, который не проявлялъ жизни уже полтора года, и существованіе котораго даже не было извѣстно архіепископу. Комитету пришлось проявить свое существованіе, собираться ежемѣсячно, а Николаю Ивановичу представился случай высказать свой тогда уже измѣнившійся взглядъ на характеръ татарскаго языка, который потребенъ для переводовъ. Переводчикъ, по мнѣнію Ильминскаго, и тогда высказанному, долженъ черпать необходимое изъ источниковъ народнаго языка по преимуществу, обращаясь къ ученому татарскому языку лишь

въ такомъ случаѣ, когда татарскія нарѣчія не представятъ подходящаго матеріала для перевода текста. Это заимствованіе должно ограничиться лишь отдѣльными словами, а форма рѣчи въ переводахъ должна быть народная. Переводчики богослужебныхъ книгъ должны тщательно изучать народные говоры татарскаго языка, проникнутые духомъ языка, усвоить татарскій взглядъ на вещи. Татарскія нарѣчія должны быть разработаны и изъ нихъ извлечено все годное для дѣла. Для переводчиковъ необходимо знаніе арабскаго и персидскаго языковъ съ ихъ литературами.

Вмѣстѣ съ тѣмъ Николай Ивановичъ и поднялъ упомянутый нами выше вопросъ о болѣе правильной постановкѣ преподаванія инородческихъ языковъ въ академіи, требуя устройства самостоятельной каѳедры для татарскаго и арабскаго языковъ и освобожденія ихъ преподавателя отъ преподаванія другихъ предметовъ.

Академическое правленіе думало рѣшить вопросъ, освободивъ Ильминскаго отъ преподаванія естественныхъ наукъ, но поручивъ ему преподаваніе еврейскаго. Въ тоже время всѣ студенты по выбору должны были заниматься изученіемъ инородческихъ языковъ въ той или другой группѣ. Но такая постановка дѣла не удовлетворила ни Николая Ивановича, ни архіепископа Григорія, который въ 1849 году передалъ дѣло о миссіонерскихъ каѳедрахъ на разсмотрѣніе академической конференціи, рѣшивъ не ограничиваться лишь устройствомъ отдѣльныхъ каѳедръ инородческихъ языковъ, а итти дальше, т. е. устроить при академіи полные миссіонерскіе курсы, съ чѣмъ былъ согласенъ и Св. Синодъ. Былъ выработанъ огромный проектъ устройства въ Казани особой миссіи при академіи съ особымъ комитетомъ изъ ректора, инспектора академіи, преподавателей инородческихъ языковъ академіи и семинаріи, ректора семинаріи и 3 казанскихъ протоіереевъ, подъ непосредственнымъ начальствомъ архіепископа. Въ основу проекта легло мнѣніе Николая Ивановича по предложенному вопросу.

Послѣдній полагалъ, что для правильнаго рѣшенія дѣла нужно прежде всего обратить вниманіе на религіозное и умственное состояніе татаръ: магометанъ, крещеныхъ и отступниковъ. Сообщая разносторонніе свѣдѣнія о первыхъ, другихъ и третьихъ,

авторъ проекта приходитъ къ слѣдующимъ мѣрамъ въ дѣлѣ просвѣтительнаго дѣйствованія на татаръ: къ организаціи миссіи и къ организаціи самаго миссіонерскаго образованія. Признавая безполезнымъ крещеніе единичныхъ личностей, теряющихся въ массѣ иновѣрныхъ, проектъ предлагаетъ заняться постепеннымъ и систематическимъ проведеніемъ въ инородческую среду направленія умовъ въ пользу христіанства, что, подобно евангельской закваскѣ, произведетъ полный переворотъ въ жизни татаръ. Проведеніе христіанскихъ началъ въ народную татарскую массу будетъ очень медленное, но за то прочное и вѣрное. „Въ дѣлѣ миссіи должно вооружиться совершеннымъ терпѣніемъ, хладнокровно ждать плодовъ отъ дѣйствій миссіонеровъ, которыхъ не должно и стѣснять излишней торопливостью. Мѣры противъ магометанства должны быть строго систематическія, хорошо разсчитанныя и продолжительныя. Онѣ должны имѣть между собою совершенное единство". Проектъ указываетъ, что въ инородческихъ приходахъ священниками должны быть знающіе инородческіе языки, а причетниками сами инородцы. Указывая на образъ жизни и дѣятельность духовенства въ инородческихъ приходахъ, проектъ указываетъ на необходимость школьнаго ученія въ приходахъ чрезъ священниковъ и особыхъ свѣтскихъ учителей – миссіонеровъ, особенно студентовъ академіи. Религіозное вліяніе на магометанъ по проекту лучше всего начинать съ бесѣдъ между миссіонеромъ и воспитанниками татарскихъ школъ, по сократовскому методу, исподволь вводя въ кругозоръ магометанина христіанскіе взгляды. По проекту, дѣятели миссіи должны имѣть полное знакомство съ арабскимъ и татарскимъ языками и съ мусульманской религіей.

Подготовка миссіонера должна начинаться съ духовнаго училища, куда должны быть представляемы дѣти духовенства изъ инородческихъ приходовъ и даже изъ татаръ. Здѣсь они обучаются у учителя-практиканта татарскому языку. Въ семинаріи они уже овладѣваютъ татарскимъ языкомъ, изучаютъ мусульманство, арабскій языкъ и миссіонерскую педагогику, освобождаясь отъ изученія нѣкоторыхъ предметовъ семинарскаго курса. Вотъ такихъ воспитанниковъ и слѣдуетъ назначать священниками въ татарскіе приходы, а лучшихъ отправлять

въ академію для подготовленія изъ нихъ учителей татарскаго языка въ семинаріяхъ. Здѣсь студенты знакомятся съ турко-татарскими нарѣчіями, изучаютъ коранъ, исторію и критику магометанства и теорію миссіонерства. По каждому отдѣлу на миссіонерскомъ отдѣленіи нужно устроить по профессорской каѳедрѣ и имѣть по баккалавру. Для лучшаго подготовленія преподавателей татарско-арабскаго отдѣленія необходимо отправить по крайней мѣрѣ одного молодого человѣка года на два въ Каиръ, средоточіе мусульманскаго ученія, а студентовъ академіи отправлять мѣсяца на 3—4 въ разныя мѣстности для изученія тюркскихъ нарѣчій. Къ этимъ мнѣніямъ Николая Ивановича академическая конференція прибавила указаніе на необходимость устройства особаго двухлѣтняго миссіонерскаго курса для окончившихъ курсъ въ академіи по отдѣлу миссіи бурятско-монгольской и отдѣлу миссіи татарской, съ назначеніемъ такихъ воспитанниковъ въ миссіонеры, придавъ этому курсу болѣе широкое и разностороннее изученіе миссіонерскихъ предметовъ и самаго дѣла проповѣдничества. Въ томъ же духѣ разработанъ проектъ о монголо-калмыцкой миссіи. Все это было снабжено смѣтами на содержаніе миссій и въ концѣ ноября 1850 г. отослано въ Свят. Сунодъ, а въ 1851 году къ нему прибавленъ проектъ реформы миссіонерскаго образованія въ семинаріяхъ округа. И вотъ въ 1854 г. Св. Сунодъ постановилъ открыть при Казанской академіи отдѣленія противораскольничье, противомусульманское, противуязыческое (религіи черемисъ и чувашъ) и противубуддійское.

Пока разработывался вопросъ о миссіонерскихъ каѳедрахъ, дѣло перевода богослужебныхъ книгъ на татарскій языкъ шло своимъ чередомъ. Сильнымъ побужденіемъ къ тому былъ запросъ духовно-учебнаго управленія въ ноябрѣ (25) 1848 г. о томъ, что сдѣлано по вопросу о татарскихъ переводахъ. Для усиленія дѣйствій комитета былъ переведенъ изъ Саратова въ Казанскую академію преподаватель исторіи и татарскаго языка Г. С. Саблуковъ, оказавшійся лучшимъ знатокомъ татарскаго языка и древностей, представившій въ комитетъ переводъ начатковъ христіанскаго ученія, на чемъ онъ и проявилъ свою отличную эрудицію. Новый со-

трудникъ былъ назначенъ баккалавромъ греческаго языка въ академіи и преподавателемъ татарскаго въ семинаріи и явился въ Казань 25 іюля 1849 года. Онъ успѣлъ до этого исполнить порученный ему переводъ утрени. Члены комитета профессоръ Казембекъ и Ильминскій „съ отличнымъ искусствомъ“ перевели литургію Іоанна Златоуста, трудились теперь надъ переводомъ молитвослова. Далѣе было приступлено къ повѣркѣ татарскаго перевода Новаго Завѣта (сдѣлан. Библейскимъ обществомъ), что потребовало усиленныхъ занятій, такъ что къ 8 октября 1849 г. были закончены переводы Евангелія отъ Матѳея и обѣдницы, исполненные Казембекомъ. Вскорѣ, однако, профессоръ Казембекъ былъ переведенъ въ Петербургъ, и въ переводческомъ комитетѣ пришлось работать преимущественно Николаю Ивановичу, при помощи новаго члена Г. С. Саблукова, а Казембекъ изъявилъ готовность просматривать казанскіе переводы уже въ Петербургѣ, получая ихъ чрезъ Св. Сунодъ, что и было на дѣлѣ. Скоро самый Комитетъ былъ переведенъ въ Петербургъ (по расп. Св. Сунода отъ 8 іюля 1850 г.). Это случилось по причинѣ отъѣзда архіепископа Григорія въ Петербургъ для присутствованія въ Св. Сунодѣ. Владыка пожелалъ имѣть Комитетъ при себѣ и составилъ его здѣсь изъ инспектора Петербургской академіи архимандрита Іоанна, профессора Казембека и Николая Ивановича, вызвавъ его на годъ въ столицу. Архіепископъ помѣстился вмѣстѣ съ нашимъ баккалавромъ и часто велъ съ нимъ бесѣды по инородческому вопросу. Предсѣдательствуя въ Комитетѣ, владыка быстро двинулъ дѣло печатанія переводовъ и дальнѣйшее продолженіе переводческаго дѣла. Рѣшивъ печатать переводы въ Казани подъ корректурой Г. С. Саблукова, Комитетъ въ 1851 г. увидалъ вышедшимъ на свѣтъ переводъ литургіи, напечатанной въ два столбца: по-славянски и по-татарски, при чемъ по-татарски печаталось лишь то, что читается и поется вслухъ. Владыка Григорій такъ обрадовался принесенному ему Николаемъ Ивановичемъ экземпляру перевода, что тутъ же подарилъ виновнику радости 3 рубля за труды по перевод. дѣлу. Николай Ивановичъ былъ награжденъ тѣмъ, что его Св. Сунодъ

командировалъ на востокъ для изученія мусульманства въ его центрѣ. Онъ былъ рекомендованъ для этого и академической конференціей и самимъ архіепископомъ Григоріемъ „для блага православной церкви и пользъ академіи“.

Въ первыхъ числахъ августа 1851 года Николай Ивановичъ былъ отправленъ Св. Синодомъ за границу, порученный вниманію русскаго посланника и его миссіи въ Турціи, сопровождаемый лучшими пожеланіями со стороны академіи. Онъ ѣхалъ съ подробной инструкціей владыки Григорія, утвержденной Св. Синодомъ, и долженъ былъ въ теченіе двухъ съ половиной лѣтъ побывать въ Каирѣ, Сиріи, именно въ Дамаскѣ, въ разныхъ мѣстахъ Малой Азіи и въ Константинополѣ, основательно изучить арабскій языкъ, исторію Магомета, его вѣры и сектъ по источникамъ, вникнуть въ слабыя стороны религіи,—приготовить матеріалы для составленія антикоранки, какъ учебника для семинарій,—изучить турецкій языкъ, персидскій, изучить Талмудъ, суфійскія секты, сравнивая ихъ ученія съ христіанскимъ, разыскивать и пріобрѣтать въ двухъ экземплярахъ для академической библіотеки лучшія противомагометанскія сочиненія, изучать положеніе православныхъ среди магометанъ и причины ихъ слабаго вліянія на магометанство. Кромѣ всего этого, путешественнику предлагалось составить сборникъ полезныхъ наблюденій и открытій по части литературы и древностей края, посѣщать въ Сиріи и Египтѣ древніе храмы для ознакомленія съ древними манускриптами и составлять ихъ описанія. Наконецъ, ему предложено было представлять троякаго рода отчеты о ходѣ занятій, о мѣстѣ нахожденія и всѣхъ событіяхъ путешествія, интересныхъ въ ученомъ или религіозномъ отношеніи. Возлагая на путешественника такой громадный трудъ, начальство было вполнѣ увѣрено, что Николай Ивановичъ „съ особенной честью выполнитъ возложенное на него порученіе“, вслѣдствіе „превосходной подготовки, ненасытимой любознательности, твердости въ преслѣдованіи предположенныхъ цѣлей, примѣрной простоты и любезности въ общежитіи, сильной наблюдательности, легко схватывающей свойства предметовъ“.

Дѣйствительно, Николай Ивановичъ превосходно изучилъ

арабскій языкъ и литературу подъ руководствомъ ученыхъ шейховъ Боррани и Десуки, учился персидскому языку, изучилъ шаріатъ, собиралъ рукописи, пріобрѣталъ нужныя книги; изучилъ бытъ Каира, постановку преподаванія въ высшемъ магометанскомъ училищѣ; совершилъ экскурсію по Египту, осматривалъ пирамиды, поднимался по Нилу до Нильскихъ пороговъ, изучая бытъ народа и устройство западныхъ миссій среди разновѣрныхъ жителей страны. Онъ побывалъ въ Синайской пустынѣ, познакомился съ бытомъ бедуиновъ, праздновалъ Пасху въ Іерусалимѣ, былъ въ Назаретѣ, въ православныхъ монастыряхъ, среди Ливанскихъ горъ, ѣздилъ въ Дамаскъ, часто скрывая свою національность, въ виду предстоящаго разрыва дипломатическихъ отношеній между Россіей и Турціей и — опасности прослыть шпіономъ русскаго правительства.

Въ Палестинѣ и Сиріи путешественникъ нашъ внимательно приматривался къ жизни православія и происканъ католичества среди сирійцевъ — арабовъ, полагая единственнымъ средствомъ спасти православіе — это православныя школы съ учителями изъ студентовъ Казан. академіи, знакомыхъ съ арабскимъ языкомъ.

Война съ Турціей помѣшала Николаю Ивановичу побывать въ Константинополѣ, и онъ чрезъ Смирну, Аѳины, Трієстъ, Вѣну прибылъ 1 февраля 1854 года въ Петербургъ, былъ радушно принятъ преосвященнымъ Григоріемъ, представилъ отчетъ о путешествіи духовно-учебному правленію, былъ отпущенъ въ Казань, гдѣ 14 іюля былъ радостно встрѣченъ академическими сослуживцами.

Николай Ивановичъ пріѣхалъ въ Казань какъ разъ въ то время, когда должны были открыться въ академіи упомянутыя нами выше 4 миссіонерскихъ отдѣленія. На противо-мусульманскомъ отдѣленіи назначено было изученіе татарскаго и арабскаго языковъ, магометанскаго ученія и противо-мусульманской полемики. Студенты отдѣленія освобождались отъ изученія исторіи философіи, математики и естественныхъ наукъ.

Николай Ивановичъ работалъ на отдѣленіи сначала въ —

двоемъ съ практикантомъ, старымъ знакомцемъ Бактемиромъ Ямбулатовымъ, потомъ на отдѣленіе переведенъ былъ и Г. С. Саблуковъ.

Живой, увлекательный баккалавръ производилъ сильное впечатлѣніе на студентовъ отдѣленія своею бесѣдою, полною эпизодовъ историческаго, бытового, юридическаго содержанія, личныхъ наблюденій надъ восточною жизнью; интересовалъ молодежь этими замѣчаніями, производимыми попутно при упражненіяхъ въ языкѣ и чтеніи Корана, стараясь болѣе всего познакомить студентовъ съ языками. По его настоянію студенты миссіонерскаго отдѣленія посылались по лѣтамъ 1855, 1856 г. въ татарскую слободу для практики въ татарскомъ языкѣ, что потомъ вошло въ обычай на отдѣленіи. Къ сожалѣнію, студенты отдѣленія, по окончаніи курса, часто не находили должнаго приложенія своихъ знаній, за отсутствіемъ въ семинаріяхъ самостоятельныхъ каоедръ инородческихъ языковъ; ихъ часто посылали на неподходящіе предметы или же въ нихъ желали видѣть практиковъ-миссіонеровъ, съ полнымъ безкорыстіемъ преданныхъ миссіонерству. Въ 1856 г., съ водвореніемъ Г. С. Саблукова на мусульманскомъ отдѣленіи, Николай Ивановичъ сталъ преподавать лишь магометанское ученіе съ противомусульманской полемикой. Это было для него значительнымъ облегченіемъ, особенно въ виду того, что онъ съ 1855 г. былъ секретаремъ редакціи академическаго журнала: „Православный Собесѣдникъ“. Къ тому же онъ обратилъ особое вниманіе на ознакомленіе студентовъ съ исторіей ислама и его догматикой, даже въ ущербъ миссіонерской полемикѣ, которой онъ не придавалъ особаго значенія, какъ мало достигающей цѣли. Послѣдній взглядъ выраженъ Николаемъ Ивановичемъ въ его академической рѣчи 8 ноября 1856 г. и въ рецензіи сочиненія священника Бенескриптова: „Историко-критическое обозрѣніе магометанской религіи“. Изъ практики религіозныхъ споровъ съ татарами онъ „имѣлъ многократные случаи замѣтить, что самыя рѣшительныя возраженія теряютъ свою силу и убѣдительность для татаръ, потому что они слишкомъ сильно предубѣждены въ пользу божественности Корана. На каждое возраженіе изворотливый

разсудокъ татарина найдетъ въ отвѣтъ либо готовую общую фразу, либо какой нибудь софизмъ, или по крайней мѣрѣ не приметъ, не вникнетъ въ существо и силу возраженія. Нерѣдко на возраженіе, которое миссіонеръ могъ бы считать неразрѣшимымъ, татаринъ отвѣтитъ самодовольною улыбкой, какъ на безсильное проявленіе злобы и невѣрія. Эта недоступность татаръ зависитъ прежде всего отъ закоснѣлой привычки къ своимъ исконнымъ вѣрованіямъ; но такъ же зависитъ и отъ того, что исламизмъ какъ бы нарочито закрылъ очи своихъ послѣдователей односторонним воспитаніемъ и безусловною вѣрою въ божественность Корана". Единственнымъ средствомъ къ разубѣжденію поклонниковъ ислама должно быть образованіе, „которое бы развило въ нихъ охоту къ самостоятельному и безпристрастному размышленію, пробудило бы силы ихъ ума и сердца къ пониманію христіанства, а въ этомъ не помогутъ миссіонеру никакіе отрывочные рецепты полемическихъ сочиненій: миссіонеръ противъ ислама долженъ быть вмѣстѣ педагогомъ для татаръ".

Мы видимъ такимъ образомъ, какъ медленно и послѣдовательно доходилъ Николай Ивановичъ до идеи о дѣйствительномъ дѣятельномъ миссіонерствѣ. Но эти же взгляды не нравились ни начальству академіи, въ лицѣ архимандрита Іоанна, ни представителю епархіальной власти, въ лицѣ архіепископа Аѳанасія, преемника владыки Григорія, сдѣлавшагося петербургскимъ митрополитомъ. Архимандритъ Іоаннъ, сначала покровительствовавшій нашимъ переводчикамъ, которые при его предшественникѣ архимандритѣ Агаѳангелѣ находили конкурента, старавшагося заманить студентовъ на свое противораскольничье отдѣленіе; теперь, послѣ того, какъ они сдѣлались одинъ ординарнымъ профессоромъ, другой—экстраординарнымъ, сталъ относиться къ миссіонерскимъ отдѣленіямъ пренебрежительно, называя ихъ курятниками, пристроенными къ академіи. Онъ лишилъ Николая Ивановича секретарства, считалъ его человѣкомъ съ легкой, не философской головой, запутавшимся въ магометанскомъ богословіи, увлекавшимся исламомъ, который онъ будто бы проповѣдовалъ съ каѳедры. Этотъ взглядъ усвоилъ и епархіальный преосвященный, постоянно пренебрежи-

тельно относился къ изученію въ академіи магометанства и тѣмъ причинялъ большое горе нашему Николаю Ивановичу. Къ еще большей печали, послѣднему пришлось разочароваться въ полезности того упорнаго труда, который былъ положенъ имъ въ переводческое дѣло. Нужно замѣтить, что дѣло татарскихъ переводовъ приближалось къ концу: была переведена псалтирь, необходимая часть требника, и было признано, что все необходимое переведено, и только еще остался переводъ Катихизиса митрополита Филарета. Нужно было испробовать пригодность переводовъ, и Николай Ивановичъ отправился съ ними по старокрещенскимъ деревнямъ, гдѣ воочію убѣдился, что переводчики допустили крупную ошибку, пользуясь письменнымъ языкомъ татаръ и арабскимъ алфавитомъ, что оказалось совершенно непригоднымъ для неученаго татарства. Старокрещены со своимъ чистымъ народнымъ языкомъ, не испорченнымъ примѣсью арабизмовъ, не понимали переводовъ, не могли читать ихъ, ибо среди нихъ русскій алфавитъ оказался распространеннѣе арабскаго. Во время путешествія Николая Ивановича осѣнила свѣтлая мысль сдѣлать опытъ перевода какого либо евангельскаго повѣствованія на разговорный татарскій языкъ и написать этотъ переводъ русскими буквами. И вотъ въ селѣ Чурѣ ученый арабистъ впервые переводитъ на народный татарскій (крещенскій) языкъ евангельское повѣствованіе объ овчей купели, пишетъ русскими буквами и заставляетъ грамотнаго ученика изъ татаръ прочитать написанное. Къ изумленію Николая Ивановича, юноша свободно читаетъ строки и весьма удачно исправляетъ нѣкоторыя выраженія понятнаго ему текста. Это случайное обстоятельство внушило Николаю Ивановичу „мысль о необходимости русской азбуки для татарскихъ переводовъ и вѣру въ способность именно крещеныхъ татаръ быть пособниками и дѣятелями въ этомъ миссіонерскомъ дѣлѣ“.

Окрыленный новою идеей, Николай Ивановичъ возвращается въ Казань и обо всемъ сообщаетъ высокопреосвященному Григорію, тогда уже митрополиту, а у себя дома производитъ опыты перевода отрывковъ изъ библіи подъ заглавіемъ: „Чтеніе изъ книгъ Ветхаго и Новаго завѣта». Новый переводъ пишется уже

русскими буквами. Вотъ въ это именно время на помощь къ Николаю Ивановичу является старокрещеный татаринъ деревни Никифоровки Мамадышскаго уѣзда Василій Тимоѳеевъ, указанный Г. И. Саблуковымъ. Этотъ старокрещеный татаринъ, вѣдомства Палаты государственныхъ имуществъ, родился въ 1836 году въ крещеномъ, но шаманствующемъ семействѣ, былъ взятъ сельскими властями въ школу приходскаго села и здѣсь впервые познакомился съ христіанствомъ. Послѣднее произвело на впечатлительнаго юношу свое вліяніе, заставило искать знакомства съ русскими людьми и русскою книгой, пристрастило его къ чтенію религіозныхъ книгъ. Онъ отвернулся отъ шаманства и въ 1856 году ушелъ изъ деревни въ городъ, чтобы лучше познать христіанство. Въ Казанскомъ Ивановскомъ монастырѣ, въ качествѣ послушника у благочестиваго старца священника о. Василія, онъ учится читать, пѣть, и здѣсь „отверзся ему умъ разумѣти писанія“. Онъ хочетъ уже навсегда остаться въ монастырѣ. Здѣсь познакомился съ нимъ Николай Ивановичъ, и на немъ, этомъ своемъ впослѣдствіи сотрудникѣ, во-очію убѣдился, что христіанское просвѣщеніе среди татаръ возможно распространять и укрѣплять лишь чрезъ школы, чрезъ родной языкъ татаръ и учителей изъ роднаго племени. Эти мысли пришлось Николаю Ивановичу изложить въ запискѣ отъ имени профессоровъ противомусульманскаго отдѣленія на запросъ Св. Синода отъ 31 августа 1857 г. о состояніи отдѣленія и о средствахъ для успѣшнѣйшаго дѣйствованія на татаръ, въ виду новыхъ заявленій крещеныхъ о желаніи перейти въ исламъ.

Николай Ивановичъ подробно обрисовалъ въ запискѣ печальное состояніе крещеныхъ татаръ въ краѣ, слабо просвѣщенныхъ христіанствомъ, указалъ на огромное вліяніе образованности мусульманъ, ихъ литературы, ихъ сплоченности и на ихъ пропаганду.

Признавая прежде практиковавшіяся мѣры къ ослабленію вліянія ислама непригодными, Николай Ивановичъ указываетъ на необходимость заведенія въ крещенскихъ деревняхъ школъ съ преподаваніемъ начальнаго курса въ религіозномъ направленіи,

на русскомъ и татарскомъ языкахъ; на необходимость перевода школьныхъ и другихъ полезныхъ книгъ на татарскій языкъ. Великое вліяніе школы, даже чисто русской, онъ видитъ на ученикахъ Мамадышскаго центральнаго училища для крещеныхъ инородцевъ и на примѣрѣ Василія Тимоѳеева. Переводы книгъ религіознаго содержанія должны служить къ христіанскому просвѣщенію татаръ, посему должны быть на языкѣ для нихъ понятномъ, т. е. разговорномъ, такъ какъ книжнаго языка они не имѣютъ. Въ случаѣ недостатка въ языкѣ выраженій и словъ для точнаго перевода христіанскихъ понятій, лучше оставить русскія слова, а отнюдь не арабскія, пропитанныя мусульманскими идеями. Собственныя имена должны писаться по русскому правописанію: ибо юная татарская церковь есть отрасль россійской и единеніе ихъ необходимо, чтобы воспѣвать не только единымъ сердцемъ, но по возможности и едиными устами, тѣмъ болѣе, что христіанскія имена на арабскомъ языкѣ искажены до неузнаваемости. У самихъ православныхъ арабовъ Сиріи святѣйшее имя Іисусъ пишется по древнему сирійскому произношенію Іесуа, а не Айса, какъ у арабовъ—мусульманъ. Священныя христіанскія имена у магометанъ не рѣдко сопровождаются противными христіанскому ученію эпитетами, что можетъ приводить татаръ въ соблазнъ.

Необходимо разорвать связь крещеныхъ съ мусульманами татарами и въ дѣлѣ алфавита, примѣнивъ къ изображенію татарскихъ звуковъ русскій алфавитъ, по примѣру западной Европы, самой Руси; да и знаніе татарами арабской грамоты можетъ дать ключъ къ разумѣнію магометанской литературы. Къ тому же имѣются въ виду старокрещеные татары, изъ которыхъ грамотные по-русски встрѣчаются, а знающихъ арабскую грамоту нѣтъ. Наконецъ арабскій алфавитъ не можетъ изобразить всѣ татарскіе звуки, особенно гласные; а русскій легко примѣняется къ изображенію этихъ звуковъ.

Для выполненія такой программы татарской миссіи однако силъ было недостаточно. Миссіонерское отдѣленіе могло указать лишь кромѣ Николая Ивановича, Г. С. Саблукова и Василія

Тимооеевича, на двухъ студентовъ академіи и на одного воспитанника семинаріи. Причинами такой скудости дѣлателей нужно считать стремленіе бывшаго ректора архимандрита Григорія обязать всѣхъ студентовъ слушать миссіонерскіе предметы, отчего явились подневольные слушатели: а затѣмъ желаніе преемника Григорія, архимандрита Агаѳангела видѣть большинство студентовъ на противораскольничьемъ отдѣленіи и презрѣніе ректора Іоанна къ миссіонерскимъ отдѣленіямъ. Далѣе самая судьба студентовъ миссіонерскихъ отдѣленій была крайне неопредѣленная: ихъ посылали въ семинаріи не на спеціальности; миссіонерскихъ должностей не было, и студенты приходили къ убѣжденію въ нецѣлесообразности своихъ трудовъ по изученію мусульманства.

Наконецъ при ректорѣ Іоаннѣ самыя миссіонерскія отдѣленія академіи подверглись опалѣ, какъ не согласныя съ серьезными задачами богословскаго образованія.

Пока Николай Ивановичъ составлялъ свою записку, проводилъ ее чрезъ правленіе академіи къ высшему начальству, ректоръ Іоаннъ, съ согласія преосвященнаго Аоанасія, порѣшилъ перекроить все учебное дѣло академіи и особенно миссіонерскихъ отдѣленій. Онъ предложилъ, чтобы всѣ академическіе студенты первые два года изучали мусульманское и буддійское исповѣданія и 4 языка: арабскій, персидскій, калмыцкій, монгольскій, причемъ противоязыческое отдѣленіе совершенно уничтожалось; два старшихъ курса должны были изучать расколъ. Далѣе задача академіи — „руководить воспитанниковъ къ обращенію магометанъ въ христіанство, а не приводить исламъ въ систему“, что будтобы доселѣ дѣлалось въ академіи, гдѣ на одной каоедрѣ «изучались арабскій и татарскій языки», на другой—„Коранъ приводился въ систему и изучался такъ пристально, такъ подробно, какъ не изучается ни одно христіанское исповѣданіе, кромѣ православнаго“. Посему изученіе ислама соединялось съ изученіемъ арабскаго языка, съ обязательствомъ, чтобы „наставникъ прямо и положительно руководилъ воспитанниковъ къ обличенію магометанства». Николай Ивановичъ остался безъ каоедры: ректоръ постарался освободить академію «отъ мусульманской пропаганды» про-

фессора и перевелъ его на каѳедру математики, что и исполнилъ съ августа 1858 г.

Всякій можетъ представить, что долженъ былъ чувствовать Николай Ивановичъ послѣ такихъ огорченій, такого пренебреженія къ его идеальному служенію дѣлу просвѣщенія. Онъ рѣшился уйти изъ учрежденія, гдѣ не цѣнили его трудовъ, гдѣ такъ жестоко попирали его завѣтныя мечты. Пришлось уходить тогда, когда Николай Ивановичъ уже набрелъ на вѣрный путь въ дѣлѣ христіанскаго просвѣщенія татаръ. Списавшись чрезъ своего друга и товарища по миссіонерскому монгольскому отдѣленію А. А. Бобровникова, служившаго въ пограничной Оренбургской миссіи, Николай Ивановичъ нашелъ себѣ мѣсто въ той же миссіи въ качествѣ младшаго переводчика, подъ начальствомъ предсѣдателя миссіи, ученаго оріенталиста В. В. Григорьева. Это было 22 ноября 1858 года.

Замѣчательно, что ни ректоръ Іоаннъ, ни владыка Аѳанасій не постарались удержать при академіи ученую рабочую силу, хотя Николай Ивановичъ, уѣзжая въ отпускъ въ концѣ сентября, прямо объявилъ, что ѣдетъ искать мѣста. Только тогда, когда Св. Синодъ не согласился на отстраненіе профессора Ильминскаго отъ миссіонерскаго отдѣленія; только послѣ письма, митрополита Григорія къ преосвященному Аѳанасію, письма полнаго глубокаго огорченія за потерю проф. Ильминскаго, почувствовали всю жестокость отношенія къ беззавѣтному работнику, и владыка приказалъ правленію академіи (16 декабря): «Ильминскаго постараться удержать, обнадеживъ его, что если онъ останется при академіи, то немедля представленъ будетъ въ ординарные профессоры академіи». Къ сожалѣнію, Николай Ивановичъ водворился въ Оренбургѣ, и академія выбросила за бортъ своего лучшаго ученика, лучшаго профессора и человѣка, не вѣдая, что творила.

Обращаясь къ частной жизни Николая Ивановича, мы должны сказать, что жизнь эта, всецѣло посвященная дѣлу, было крайне однообразна. Предъ отъѣздомъ на востокъ Николай Ивановичъ посѣтилъ свою родину. Въ 1857 (съ іюля) онъ женился

на Екатеринѣ Степановнѣ, 16 лѣтней сироткѣ, дочери смотрителя Кашинскаго дух. училища протоіерея Колерова, жившей въ Казани у родной сестры *). До 1858 г. Николай Ивановичъ жилъ преимущественно на казенной академической квартирѣ въ обществѣ такихъ же, какъ и онъ, тружениковъ, напримѣръ А. А. Бобровникова (до 1855 г.). Тѣсная академическая семья, общность интересовъ, при прекрасномъ характерѣ Николая Ивановича, смягчали незавидныя матеріальныя условія и служебныя горести академической службы, особенно послѣ женитьбы, когда Николай Ивановичъ нашелъ въ своей супругѣ беззавѣтно преданнаго друга, скромнаго въ своихъ требованіяхъ. Но чаша служебныхъ огорченій стала переполняться: всему есть мѣра.

---

*) Сестра Е. Ст. была замужемъ за В. Г. Смоленскимъ, бывшимъ секретаремъ владыки Казанскаго Григорія. По близости къ владыкѣ, Н. И. сблизился и съ семьею В. Г. Смоленскаго, потомъ и породнился.

ГЛАВА III.

Служба Николая Ивановича въ Оренбургѣ. Перемѣна его взглядовъ на образованіе инородцевъ, и языкъ ихъ.

Грустно было разставаться Николаю Ивановичу съ академіей, ѣхать на службу для него новую, безпокойную и подвижную; грустно было ему разставаться съ миссіонерскимъ и переводческимъ дѣломъ, которое только что стало направляться имъ на истинный путь, послѣ многихъ лѣтъ блужданія, напраснаго труда и разочарованій. Но не такова была натура Николая Ивановича, чтобы не найти на новомъ мѣстѣ любимаго дѣла. Онъ пріѣхалъ въ Оренбургъ, дружески встрѣченный А. А. Бобровниковымъ, старыя связи съ которымъ теперь еще болѣе окрѣпли; онъ сталъ служить подъ начальствомъ цѣнившаго его ученость и взгляды В. В. Григорьева, впослѣдствіи члена Императорской Академіи Наукъ. Предъ глазами Николая Ивановича простиралась безграничная киргизская степь, которая только и ждала изслѣдователя.

Оффиціальная служба Николая Ивановича состояла прежде всего въ качествѣ младшаго переводчика, а съ іюля 1859 года въ качествѣ чиновника контроля съ 500 р. содержанія. Онъ участвуетъ въ 1859 г. въ качествѣ толмача въ экспедиціи полковника генеральнаго штаба В. Д. Дандевиля для съемки восточнаго берега Каспійскаго моря отъ Мангышлака до Персидской границы; знакомится съ языкомъ туркменъ, собираетъ матеріалы объ этомъ языкѣ. Въ 1860 г. онъ разъѣзжаетъ по кир-

гизской степи, какъ членъ коммиссіи по переселенію киргизовъ съ земель Уральскаго каз. войска въ Зауральскую степь. Далѣе онъ участвуетъ въ экспедиціи Галкина въ киргизской степи. Близкое знакомство съ киргизами въ степи заставило Николая Ивановича „признаться по секрету, что татары перестали быть предметомъ его нѣжной страсти: теперь его сердце отдано киргизамъ, и его кыбла вмѣсто Казани обращена въ Зауральскую степь". Постоянные разъѣзды по степи дали ученому массу матеріала для наблюденій надъ языкомъ и бытомъ кочевниковъ и отношеніемъ къ нимъ татаръ. Положеніе киргизовъ, вѣчно тѣснимыхъ татарами, которые старались всѣми силами внѣдрить въ кочевникахъ татарско-мусульманскую культуру, во многомъ напоминало положеніе инородцевъ Казанскаго края.

Со временъ Императрицы Екатерины II-й, не желавшей оставить безъ реформы и положеніе ислама въ Россіи, дана была ему строгая организація съ муфтіемъ во главѣ, съ указными муллами, сѣтью мечетей и изданіемъ Корана. Не признавая киргизовъ за особенный народъ, задумали просвѣтить этихъ простодушныхъ шаманистовъ и послали имъ татарскихъ муллъ изъ Казани, стали строить въ степи мечети, сгоняя туда кочевниковъ. Татары вошли въ составъ управленія, татарская грамотность и татарскій языкъ стали господствовать въ администраціи въ ущербъ языку государственному и народному. Въ Оренбургѣ завели школу, куда набрали киргизятъ и стали ихъ обучать совершенно на татарскій ладъ, при чемъ мусульманское вѣроученіе и татарскій языкъ проникли не только въ низшую школу, но и въ кадетскій корпусъ въ Оренбургѣ. Муллы ревностно учили киргизятъ татарству, а имъ помогали татары— грамотеи, разъѣзжавшіе въ степи. Татарство отодвинуло киргизскую степь отъ русской народности и ея вліянія, и съ русской границы проникало въ степь не русское, а татарское вліяніе, которое превращало киргиза въ татарина. Отатарились киргизы родовитые, богатые, состоявшіе на должностяхъ и имѣвшіе русскіе чины. Это оттарепіе степи, превращеніе ея населенія въ фанатичное и враждебное всему русскому несомнѣнно угрожало большими опа-

сностями. Насущной потребностью степи было усиленіе русскаго вліянія, русской культуры и ослабленіе вліянія татарвы.

Все это стали ясно сознавать въ то время, когда пріѣхалъ въ Оренбургъ Николай Ивановичъ. Въ числѣ русскихъ людей, требующихъ усиленія русскаго вліянія въ степи съ помощью развитія въ степнякахъ русскихъ симпатій и русскаго образованія, былъ прежде всего предсѣдатель коммиссіи В. В. Григорьевъ. Онъ старался ввести въ дѣлопроизводство степи народный киргизскій языкъ, сталъ заводить народныя школы съ обученіемъ чтенію и письму по русски и по киргизски и первымъ правиламъ ариѳметики, устраняя отъ этихъ школъ преподаваніе ислама; эти школы не навязывались населенію, а предлагали обученіе дѣтей даромъ, съ содержаніемъ воспитанниковъ и школы на счетъ казны.

Вотъ въ дѣлѣ выработки оффиціальнаго киргизскаго языка и приготовленія для школъ учебниковъ сослужилъ Николай Ивановичъ великую службу. Для выработки оффиціальнаго киргизскаго языка и созданія книжной рѣчи Николай Ивановичъ пользовался сначала прикомандированными къ Пограничной коммиссіи 3 киргизскими юношами изъ учениковъ Оренбургской киргизской школы. Съ ихъ помощью мало-по-малу сталъ появляться въ дѣловыхъ бумагахъ, отправляемыхъ въ степь, чистый киргизскій языкъ, и въ переводахъ встрѣчались удачные киргизскіе обороты рѣчи. Николай Ивановичъ по отдѣльнымъ слышаннымъ словамъ, записаннымъ нашимъ филологическимъ талантомъ, какъ бы возсоздалъ киргизскую рѣчь, почти отатаренную мусульманскою школой. В. В. Григорьевъ выписалъ изъ степи для Николая Ивановича знаменитаго киргизскаго сказочника Марабая, однако успѣвшаго передать лишь одну сказку „Пръ-Таргынъ“, напечатанную Николаемъ Ивановичемъ. Дальнѣйшее личное ознакомленіе съ киргизскою рѣчью въ степи доставило такую массу матеріала, что Николай Ивановичъ составилъ киргизско-русскій словарь подъ заглавіемъ: „Матеріалы къ изученію киргизскаго нарѣчія“ (напеч. въ Учен. Зап. Каз. Ун.) въ связи съ краткой киргизской грамматикой. Наконецъ Николай Ивановичъ по пред-

ложенію В. В. Григорьева написалъ для киргизско-русскихъ школъ „Самоучитель русскаго языка для киргизовъ“, составленный — по-русски и по-киргизски, представляющій русскую азбуку, примѣры для чтенія, краткія грамматическія правила, формы русской рѣчи въ видѣ предложеній и разговоровъ. Все это напечатано по-русски; а по-киргизски, напечатано арабскимъ шрифтомъ нѣчто въ родѣ христоматіи изъ самодѣльныхъ статей преимущественно реальнаго содержанія. Этотъ самоучитель и долженъ былъ играть въ степи роль перваго орудія противъ напора татарской грамоты. Замѣчательно, что Г. Григорьевъ желалъ видѣть самоучитель напечатаннымъ русскими буквами, и Николай Ивановичъ „уже понималъ научныя преимущества для киргизскаго языка русскаго алфавита предъ татарскимъ, но не совладалъ съ этимъ дѣломъ и допустилъ обычный въ степи алфавитъ татарскій, собственно арабскій“, вызвавъ справедливые упреки со стороны своего начальника.

Наконецъ, Николаю Ивановичу принадлежитъ заслуга участія въ обрусеніи Оренбургской киргизской школы вмѣстѣ съ надзирателемъ ея Диньковымъ, русскимъ человѣкомъ, знавшимъ киргизскій языкъ. До сихъ поръ эта школа съ самого своего основанія (съ 1850 г.) была чисто татарской и по педагогическому составу и по обычаямъ, и по предметамъ ученія. Но съ перемѣной надзирателя и поступленіемъ на эту должность Динькова въ школѣ стало замѣтно русское вліяніе, усиленно поддерживаемое Николаемъ Ивановичемъ, который умѣлъ цѣнить дѣятельность преданнаго школѣ русскаго педагога, и въ 1860 г. оплакалъ смерть этого работника. Кромѣ того, Николай Ивановичъ воспиталъ для степи другого дѣятеля на педагогическомъ поприщѣ Ибрагима Алтынсарина, сначала ученика Оренбургской киргизской школы, потомъ чиновника пограничной коммиссіи, учителя киргизской школы, наконецъ инспектора киргизскихъ школъ въ степи. Этотъ юноша всецѣло былъ привязанъ къ Николаю Ивановичу, въ домѣ котораго онъ учился и русскому языку и русской культурѣ; и о немъ И. И. написалъ «Воспоминанія объ И. А. Алтынсаринѣ, инспекторѣ кирг. школъ Тургайской области».

Между тѣмъ предсѣдатель В. В. Григорьевъ уѣхалъ изъ Оренбурга. Положеніе Николая Ивановича и его друга А. А. Бобровникова стало уже нѣсколько измѣняться. Нужно было печатать „Самоучитель". Вѣроятно, соскучившись по Казани, Николай Ивановичъ не захотѣлъ воспользоваться мѣстной штабной типографіей, гдѣ былъ арабскій шрифтъ, а выпросилъ командировку въ Казань для напечатанія Самоучителя и матеріаловъ по киргизскому языку. Это состоялось 14 февраля 1861 г.

Пока Николай Ивановичъ возился съ печатаніемъ своихъ работъ, Казанскій Университетъ добился наконецъ введенія преподаванія арабскаго и турецкотатарскаго языковъ на филологическомъ факультетѣ, взамѣнъ переведеннаго въ Петербургъ восточнаго факультета. На кафедру турецкотатарскаго языка и выбранъ былъ Ильминскій. Послѣднему пришлось возвращаться въ Оренбургъ лишь для того, чтобы въ декабрѣ 1861 года вернуться въ Казань вмѣстѣ съ своею семьей, которая вскорѣ увеличилась сиротами—дѣтьми А. А. Бобровникова, умершаго въ 1865 г. въ Оренбургѣ среди крайней нищеты и непріятностей по службѣ. Съ февраля 1862 г. начались чтенія Н. И. Ильминскаго въ университетѣ, вызывавшія весьма лестные отзывы. Вотъ съ этого-то момента наступаетъ начало новаго періода его дѣятельности, начало его трудовъ, которые доставили ему извѣстность и вѣчную память въ потомствѣ и особенно среди инородцевъ Казанскаго края. Трехлѣтняя служба въ Оренбургѣ многое уяснила, многому научила, и Николай Ивановичъ возвратился въ Казань къ любимому дѣлу христіанскаго просвѣщенія инородцевъ не только, какъ ученый теоретикъ, но и какъ умудренный опытами, убѣжденный практикъ.

ГЛАВА IV.

Служба Николая Ивановича въ Казанскомъ Императорскомъ университетѣ и Духовной академіи. Устройство крещенотатарской школы и развитіе переводческой дѣятельности на народ. татарскій языкъ. Учрежденіе въ Казани Братства св. Гурія и Переводческой Коммиссіи при Братствѣ. Рѣшеніе вопроса о системѣ инородческаго просвѣщенія въ Казанскомъ краѣ. Развитіе Казанской „Свято Гурьевской" системы по идеямъ Николая Ивановича въ примѣненіи къ инородцамъ востока Россіи.

Поступивъ на службу въ Казанскій Университетъ, въ качествѣ преподавателя турецкотатарскаго языка, Николай Ивановичъ, вмѣстѣ съ преподавателемъ арабскаго языка, проф. Холмогоровымъ, долженъ былъ возстановить въ университетѣ преподаваніе восточныхъ языковъ на филологическомъ факультетѣ, подорванное переводомъ восточнаго факультета изъ Казани въ Петербургъ. Не много нашлось охотниковъ заниматься восточными языками; но эта небольшая аудиторія (10 чел.) съ увлеченіемъ слушала своего талантливаго учителя и оставила о немъ самые лестные отзывы. Университетъ оцѣнилъ любовь Николая Ивановича къ наукѣ, и въ 1863 году мы видимъ послѣдняго уже экстраординарнымъ профессоромъ, съ 1867 г. онъ дѣлается редакторомъ «Извѣстій» и „Ученыхъ записокъ" университета; участвуетъ въ коммиссіи (въ 1863 г.) по обревизованію библіотеки, ревизуетъ типографію университета (1865 г.), даже временно завѣдуетъ ею (въ 1871 г.), наконецъ въ 1872 г. два раза исправляетъ должность декана историко-филологическаго факультета. Университетская служба пришлась по душѣ Николаю Ивановичу еще и тѣмъ, что предоставила ему возможность удѣлить время и

направить свои силы на другое высокое дѣло: дѣло христіанскаго просвѣщенія старокрещеныхъ татаръ, а потомъ путемъ практики создать цѣлую систему инородческаго просвѣщенія въ краѣ.

Горячій когда-то поклонникъ книжнаго татарскаго языка, не допускавшій и мысли о русскомъ алфавитѣ для татарской рѣчи, Николай Ивановичъ вернулся изъ Оренбурга совершенно отказавшимся отъ взглядовъ, навѣянныхъ Казем-Бекомъ и шакирдами. Въ степи онъ былъ изумленъ, что киргизы, народъ кочевой и не грамотный, обладаютъ замѣчательнымъ искусствомъ говорить, и киргизская степь окончательно воспитала въ немъ уваженіе вообще къ народному языку, на который онъ сталъ смотрѣть, какъ на подлинный документъ для лингвистическихъ изслѣдованій; тогда какъ книжный языкъ представляетъ болѣе или менѣе искусственную, случайную и произвольную смѣсь разныхъ языковъ и парѣчій. (Письмо къ кн. Ухтомскому). Глубоко честный въ убѣжденіяхъ, строгій къ себѣ, Николай Ивановичъ не задумывается признать ложными всѣ свои прежніе теоретическіе взгляды, поставить крестъ надъ своими переводческими трудами и начать дѣло сызнова. Теперь онъ убѣжденъ, что мышленіе народа и все его міросозерцаніе выражаются въ родномъ языкѣ, и владѣющій послѣднимъ понимаетъ и міросозерцаніе народа; что сами инородцы лучше понимаютъ и убѣждаются доказательствами на родномъ языкѣ, потому что вмѣстѣ со словами они воспринимаютъ и элементы мысли. Съ этого времени онъ сталъ проводить взглядъ, что инородцамъ нужны образовательныя книги на ихъ родномъ языкѣ въ его чистомъ видѣ. (Объ образ. инор. поср. книгъ)....

Пользуясь временемъ, Николай Ивановичъ поспѣшилъ примѣнить свои новые взгляды на практикѣ и задумалъ перевести на татарскій языкъ букварь съ краткой свящ. исторіей, сокращеннымъ катихизисомъ, правоученіями и молитвами, воспользовавшись для этого букваремъ синодальнаго изданія. Не рѣшаясь на эту работу одинъ, онъ во время ваката 1862 г. отправился отыскивать своего знакомца Василія Тимоѳеевича. Послѣдній еще

въ 1858 году уѣхалъ изъ Казани на родину, здѣсь женился и помогалъ своей семьѣ въ крестьянской жизни, сохраняя во всей чистотѣ свои религіозныя убѣжденія и благочестивые навыки; любимымъ занятіемъ его было постоянное посѣщеніе приходской церкви въ селѣ Тавеляхъ, Мамадышскаго уѣзда, гдѣ онъ пѣлъ и читалъ за дьячка. Здѣсь, въ Тавеляхъ нашелъ его Николай Ивановичъ, съ помощью его, къ концу ваката перевелъ букварь, провѣрилъ текстъ совокупно съ священниками села Чуры о. Кремковымъ и села Саврушъ о. Пеньковскимъ и въ концѣ 1862 г. поспѣшилъ издать его даже подъ фамиліей своего бывшаго ученика Я. И. Фортунатова, такъ какъ мѣстная духовная цензура могла допускать къ изданію лишь труды служащихъ въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ. Въ 1864 году эти „врата" татарскаго ученія въ исправленномъ видѣ были напечатаны вновь, послѣ того какъ тотъ же Василій Тимоѳеевичъ, свидѣвшись съ переводчикомъ въ Казани (въ 1863 г.), указалъ нѣкоторыя мѣста въ переводѣ, гдѣ текстъ попорченъ словами персидскаго и арабскаго происхожденія. Тогда Николай Ивановичъ убѣдился, что онъ, „какъ лингвистъ и переводчикъ, имѣетъ постоянную нужду въ Василіи Тимоѳеевѣ, какъ „живописцѣ въ натурщикѣ", и въ 1863 году постарался переселить послѣдняго изъ деревни Никифоровки въ Казань въ качествѣ истопника, звонаря и водовоза Казанскаго женск. монастыря, причемъ женѣ его нашлось мѣсто на загородной дачѣ того же монастыря, у озера Кабана.

Устроивши своего „натурщика" такимъ образомъ, неутомимый ученый принялся за переводъ на народный татарскій языкъ книги Бытія подъ заглавіемъ: „Священная исторія отъ сотворенія міра до кончины Іосифа по книгѣ Бытія" (1863 г.), поспѣшно напечаталъ ее, а въ 1864 г. имъ былъ переведенъ и напечатанъ новый трудъ „Книга премудрости Іисуса, сына Сирахова". Все это было изложено языкомъ старокрещеныхъ татаръ, сохранившихъ въ своей рѣчи домусульманскую старину.

Создавъ переводы, Николай Ивановичъ принялся за организацію крещенотатарскаго образованія, которое такимъ образомъ должно было вестись не на русскомъ, а на родномъ языкѣ. По-

средствомъ новаго типа школы онъ думалъ дѣйствовать не на единицы, отрывая ихъ отъ массы, а на эти самыя массы, дѣлая школу общедоступной послѣднимъ. Мысли свои по этому вопросу онъ изложилъ въ своей статьѣ: «Объ образованіи инородцевъ посредствомъ книгъ, переведенныхъ на ихъ родной языкъ» и въ цѣломъ рядѣ другихъ статей, служащихъ дальнѣйшимъ развитіемъ идеи. «Съ тѣхъ поръ, какъ открыты народныя школы въ нѣкоторыхъ селахъ, говоритъ Николай Ивановичъ, дѣти инородцевъ обучались въ нихъ по русскимъ книгамъ. Сначала сельскія школы плохо зарекомендовали себя въ глазахъ народа. Первый выпускъ ихъ былъ опредѣленъ начальствомъ на писарскія въ сельскихъ и волостныхъ управахъ должности; полуграмотные мальчишки пустились брать взятки и пить вино и дерзко обращались со стариками и даже со своими родителями. Простодушные крестьяне приписали это зло школьному воспитанію, и деньгами и хитростями старались избавить своихъ дѣтей отъ поступленія въ школу... Впослѣдствіи многіе примѣры доказали, что и такое необширное сельское образованіе имѣетъ сильное вліяніе на образъ мыслей. Такъ, напримѣръ, для обученія русскому языку и русской грамотѣ поступали дѣти некрещеныхъ татаръ, и нѣкоторые пожелали креститься. Но съ другой стороны, учась исключительно по русскимъ книгамъ, инородецъ хотя и получаетъ общее православное направленіе, но многаго не понимаетъ или понимаетъ неправильно, а главное — не можетъ пріобрѣтенныхъ имъ свѣдѣній облечь въ живую форму своего языка и убѣдительно предложить ихъ въ своей семьѣ. Такое образованіе безъ всякаго перехода рѣзко отрываетъ получившихъ его отъ понятій инородческой массы и ставитъ ихъ къ ней враждебно. Грамотные въ большинствѣ народа почти безъ слѣда должны исчезать, какъ единицы въ тысячахъ. Образованіе инородческимъ дѣтямъ должно преподавать въ такомъ видѣ, чтобы и имъ оно легче усваивалось, и удобнѣе могло переходить въ массу неграмотнаго народа». Отдаваясь своему новому направленію, Николай Ивановичъ поспѣшилъ заинтересовать имъ и свою родную академію. Когда въ 1863 г., за выходомъ Г. С. Саблукова въ отставку, противомусуль-

манское отдѣленіе совсѣмъ осталось безъ преподавателя, академіи пришлось по-неволѣ обратиться къ Николаю Ивановичу. Понимая, какъ важно приложить свои новыя идеи къ практикѣ академическаго миссіонерскаго отдѣленія, этого единственнаго въ Россіи миссіонерскаго учрежденія, и то занимавшагося въ послѣднее время преимущественно противомусульманской полемикой, мало кого убѣждавшей изъ татаръ,—принимая во вниманіе, что здѣсь можно найти и сотрудниковъ, Николай Ивановичъ забылъ старыя обиды, согласился одновременно съ университетской службой трудиться и въ академіи, но при условіи возстановленія на отдѣленіи двухъ каоедръ, при чемъ каоедру языковъ бралъ себѣ, на каоедру полемики и изученія ислама рекомендовалъ ученика Г. С. Саблукова, преподавателя мѣстной семинаріи Е. А. Малова *), а въ практиканты—Василія Тимоѳеевича, какъ носителя чисто народнаго языка. Ректоръ Іоаннъ и владыка Аоанасій должны были согласиться на условія, особенно послѣ того, какъ бывшій въ Казани въ сентябрѣ 1863 г. оберъ прокуроръ Св. Синода А. П. Ахматовъ увлекся простотой, естественностью и цѣльностью образовательной системы Николая Ивановича, который при личномъ свиданіи уяснилъ ее въ живыхъ фактическихъ разсказахъ и образахъ и „обратилъ вельможу въ свою вѣру“. Не смотря на недовольное удивленіе недоброжелателей системы, что „вотъ ужъ пиче и водовозовъ стали въ профессоры академіи брать“, Василій Тимоѳеевичъ поступилъ практикантомъ въ академію, Е. А. Маловъ занялъ должность баккалавра для преподаванія ислама, а Николай Ивановичъ даже пожелалъ получать баккалаврскій окладъ вмѣсто предложеннаго профессорскаго, чтобы только устроить отдѣленіе вполнѣ цѣлесообразно. Новыя преподавательскія силы повели дѣло въ связи съ практикой, т. е. задались цѣлію утверждать и распространять христіанство между татарами, а для этого Николай Ивановичъ сталъ преподавать студентамъ преимущественно народный татарскій языкъ, передѣлывалъ переводы, принялся за распространеніе грамотности среди татаръ, за уст-

*) Нынѣ профессоръ академіи и заслуженнѣйшій, маститый каѳедральный протоіерей г. Казани.

ройство чтеній этихъ своихъ переводовъ по деревнямъ, за разъѣзды для миссіонерской проповѣди. Въ академіи теперь во имя Христа „собрались трое“. „Стоитъ подумать, какъ Господь Богъ собралъ насъ: одного отъ сохи, другого изъ степей киргизскихъ, третьяго изъ семинаріи. И всѣ то мы въ сложности составляемъ одного порядочнаго человѣка, точь-въ-точь какъ слѣпецъ и хромецъ въ старинномъ русскомъ анологѣ. Я лингвистъ и переводчикъ, имѣющій однако же постоянную нужду въ Тимоосевѣ, какъ живописецъ въ натурщикѣ; кромѣ того, я порядочно изучилъ магометанскія книги на арабскомъ языкѣ; Маловъ—натура какъ будто нарочно созданная для практическаго миссіонерства; при томъ онъ историкъ миссіи и искусный наблюдатель нравовъ, умственныхъ и религіозныхъ понятій татаръ. А что касается Тимоосева, то это единственный въ своемъ родѣ и неоцѣнимый человѣкъ. Лиха бѣда начать работу, а тамъ съ каждымъ шагомъ мы должны становиться опытнѣе, и наши виды обширнѣе и глубже». Вотъ каково было основаніе того великаго дѣла, которое разрослось нынѣ до неузнаваемости.

Незабвенный дѣятель теперь совершенно отвернулся отъ книжнаго татарскаго языка, и даже съ арабскимъ шрифтомъ студенты знакомились уже послѣ того, какъ достаточно научались народной татарской рѣчи по переводамъ христіанскихъ книгъ. На глазахъ студентовъ отдѣленія началось и продолженіе переводовъ: въ 1864 г. появился переводъ первой половины „исхода“, переведено евангеліе отъ Матоея и Іоанна, пасхальный, рождественскій и нѣсколько другихъ каноновъ и нѣснопѣній. Въ это же время положено начало и учрежденію крещено-татарской школы, родоначальницы цѣлой сѣти крещено-татарскихъ школъ въ краѣ.

Дѣло въ томъ, что практикантъ академіи Василій Тимоосевичъ теперь уволился изъ податного состоянія и поступилъ въ духовное званіе. Онъ окончательно пристроился при академіи и поселился въ академической слободѣ, занявъ небольшую квартирку въ подвальномъ этажѣ частнаго дома, получая за свои труды 120 р. жалованія. Вотъ эта-то квартира и была колыбелью школы. Василій Тимоосевъ еще въ деревнѣ проявилъ охоту къ

учительству: училъ своего брата и другихъ однодеревенцевъ грамотѣ и молитвамъ. Теперь онъ могъ возобновить это дѣло. Дѣйствительно всю зиму 186³/₄ года у него въ Казани жили 3 мальчика однодеревенца, которыхъ онъ обучалъ грамотѣ, священной исторіи на родномъ языкѣ и водилъ дѣтей въ академическую церковь. Дѣти воспитывались въ строго религіозномъ духѣ. Студенты академіи, особенно Н. С. Ястребовъ, пришли на помощь самодѣльной школкѣ всѣмъ, кто чѣмъ могъ: бумагою, перьями, огарками, книгами и своими бесѣдами, сообщая Василію Тимоѳеевичу много свѣдѣній по исторіи и географіи, поддерживая духъ учителя и его искреннее, простосердечное религіозное чувство. Николай Ивановичъ былъ душою дѣла, поддерживалъ его, постоянно посѣщая школку, направляя дѣло ученія и слѣдя за успѣхами, въ то же время самъ извлекая мудрыя указанія практики. Его идея начинала принимать плоть, сильно волнуя незабвеннаго работника. Послѣдній только и думаетъ о школѣ и ея учителѣ, всѣмъ говоритъ о нихъ, старается заинтересовать, пишетъ корреспонденціи о школѣ, издаетъ автобіографію старокрещенаго татарина (Василія Тимоѳеева), чтобы познакомить русскихъ людей съ дѣйствительнымъ положеніемъ крещенаго татарства, открыто заявляя, что практика заставила начинать инородческое образованіе съ природнаго языка учениковъ.

Съ весны 1864 года, когда въ импровизированной школѣ Василія Тимоѳеевича начался вакатъ, Николай Ивановичъ захотѣлъ на практикѣ провѣрить плоды зимняго ученія и вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣлать первый шагъ къ активной миссіи среди инородческаго населенія путемъ чтенія переводовъ, пѣнія и живой проповѣди на народномъ языкѣ. И вотъ новый проповѣдникъ, призванный отъ сохи, вмѣстѣ съ своими 3 учениками исполняютъ волю пославшаго ихъ: разъѣзжаютъ по крещенскимъ селеніямъ Мамадышскаго уѣзда, читаютъ татарамъ переводы букваря, Бытія и Премудрости, разсказываютъ событія изъ священной исторіи, вступаютъ въ опроверженіе заблужденій магометанства и язычества, раскрываютъ темному люду катихизическія истины, то расходятся въ разныя стороны, то сходятся вмѣстѣ и устраиваютъ

на улицахъ и въ домахъ пѣніе молитвъ и разныхъ церковныхъ пѣснопѣній. Взволновалась душа народная! Толпы поселянъ по цѣлымъ часамъ въ неослабномъ напряженіи слушаютъ эту необычайную для нихъ живую проповѣдь истины, наразрывъ увлекаютъ проповѣдниковъ къ себѣ въ домы и въ умиленіи и восторгѣ благодарятъ „Василія“ за то, что пожалѣли ихъ, темныхъ людей, дали понять имъ святое ученіе, которое теперь „мало-мало въ уши входитъ“. На удивленіе было народу, что ихъ 3 мальчика въ одну зиму научились тому, чему раньше и въ 3 года не выучивались; еще больше удивлялись родители тому, что „дядя Василій“ учитъ ласкою, безъ побой, не такъ, какъ въ школахъ у муллъ.

Въ священномъ восторгѣ, окрыленный надеждою, Николай Ивановичъ теперь уже рѣшается признаться, что набрелъ на вѣрный путь, и съ августа 1864 года превращаетъ свою школу — зародышъ въ крещено-татарскую школу вѣдомства Министерства Н. Просвѣщенія на правахъ частной школы III-го разряда. Школа была утверждена и имѣла свой особый уставъ. Главный предметъ обученія — законъ Божій, молитвы, священная исторія и краткій катихизисъ по книгамъ, напечатаннымъ на татарскомъ языкѣ, но русскими буквами. Затѣмъ, по мѣрѣ любознательности и успѣховъ учениковъ, должны имъ преподаваться первыя ариѳметическія дѣйствія, черченіе геометрическихъ фигуръ, основныя свѣдѣнія изъ географіи и т. п. элементарныя свѣдѣнія. Чтеніе и преподаваніе должны быть прежде на татарскомъ языкѣ, а потомъ ученики должны постепенно упражняться въ русскомъ языкѣ и обучаться русской грамотѣ. Мальчики должны жить на готовой квартирѣ, нанятой на частныя средства, но одежда и матеріалъ для изготовленія пищи должны быть доставляемы родителями, по состоянію каждаго. Платы за ученіе не полагается. Учителемъ допускается Василій Тимоѳеевичъ, потому что крещеные татары, зная его лично, имѣютъ къ нему довѣріе и ему именно поручаютъ дѣтей своихъ. Онъ вмѣстѣ со своимъ семействомъ будетъ жить на одной квартирѣ съ учениками, чтобы наблюдать за ихъ поведеніемъ. Родители учениковъ свободно мо-

гутъ привозить и увозить послѣднихъ, когда имъ будетъ угодно; могутъ сами останавливаться въ школѣ, чтобы видѣть во—очію, какъ занимаются ихъ дѣти, равно назидаться словами учителя о вѣрѣ и пользѣ ученія. Главный надзоръ за школою возложенъ на преподавателей противо-мусульманскаго отдѣленія: Николая Ивановича Ильминскаго и Е. А. Малова. Не безъ тревогъ и опасеній учредилъ школу Николай Ивановичъ, самъ признаваясь, что открылъ ее сгоряча, мечтая, что какъ только онъ кликнетъ кличъ, такъ татарчата со всей губерніи и посыплютъ къ нимъ, чтобы жить да книжки читать. Боялся онъ и за матеріальныя средства, которыя могли имѣть единственный источникъ—благотворительность. Но опасенія оказались преувеличенными. Къ зимѣ учащихся было сначала 13 человѣкъ, а потомъ дошло до 20, а пожертвованій набралось до 159 р. Наняли квартиру за 6 р. въ мѣсяцъ, состоящую изъ классной комнаты, 3 маленькихъ комнатъ и кухни. Дѣти спали на полу въ повалку на войлокахъ или кафтанахъ, мылись въ академической банѣ. Изъ университета добыли два клас. стола да 4 скамьи и на нихъ съ воодушевленіемъ съ утра до вечера читали да писали, а по вечерамъ слушали разсказы учителя изъ священной исторіи, или упражнялись въ счисленіи, пѣли молитвы, что особенно было по душѣ татарчатамъ. Игры не шли на умъ, и неграмотныя дѣти въ короткое время выучивались читать. По праздникамъ Василій Тимоѳеевъ водилъ дѣтей по церквамъ, даже къ архіерейскому служенію, ходилъ съ ними по городу, все имъ объяснялъ, даже забиралъ въ университетскіе музеи. Студенты академіи любили посѣщать школу и бесѣдовать съ дѣтьми. Школа согрѣвалась отеческою заботливостью Василія Тимоѳеевича, который трудился безкорыстно и не жалѣя силъ. Но еще болѣе согрѣвалъ ее своею горячею любовью Николай Ивановичъ, отдавшій ей свое сердце, свою душу, видящій въ ней свою семью, довѣрчиво, съ радостными улыбками встрѣчаемый дѣтьми, носящійся съ ними всюду и втянувшій въ школьную жизнь даже своихъ знакомыхъ. Радости его не было конца, ибо онъ ежедневно убѣждался въ правотѣ своихъ домысловъ. Теперь онъ окончательно противъ русскихъ

школъ для инородцевъ, съ односторонними цѣлями, какъ отрывающихъ дѣтей отъ родителей. „Мы, напротивъ, писалъ онъ разсчитываемъ на своихъ воспитанниковъ, какъ на проводниковъ христіанскаго просвѣщенія въ массу крещеныхъ татаръ. Поэтому стараемся, при главномъ христіанскомъ направленіи, дать имъ по возможности общее образованіе, и языкомъ преподаванія поставили языкъ татарскій. Основаніемъ и орудіемъ школьнаго образованія *непремѣнно долженъ быть родной языкъ*, чтобы воспринимаемыя учениками понятія религіозныя, нравственныя и научныя сдѣлались ясны и опредѣленны для ихъ ума и имѣли благодѣтельное вліяніе на ихъ сердце и нравственное чувство Русскій же языкъ у насъ есть одинъ изъ учебныхъ предметовъ, который они усвояютъ тоже посредствомъ своего роднаго языка. Мы замѣчаемъ, что наши воспитанники охотно читаютъ книги, изложенныя на народномъ татарскомъ языкѣ, потому что ясно понимаютъ читаемое. Когда пріѣзжаютъ въ школу крещеные татары, воспитанники читаютъ имъ эти книги или усердно разсказываютъ что нибудь изъ свящ. исторіи; татары слушаютъ съ удовольствіемъ, опять потому, что понимаютъ. Вотъ уже маленькое начало просвѣтительнаго вліянія новой школы на крещеныхъ татаръ. Для обезпеченія же и развитія этого вліянія необходимо постепенно и безотлагательно издавать священныя, вѣроучительныя и богослужебныя книги въ переводѣ на татарскій языкъ“.

Заботясь о школѣ, тѣсно связывая ее съ академическимъ миссіонерскимъ отдѣленіемъ, Николай Ивановичъ не забывалъ и послѣднее своими отеческими заботами. Въ 1864 г. покинулъ академію ректоръ Іоаннъ, и преподаватели миссіонерскихъ отдѣленій задумали просить новаго ректора, архимандрита Иннокентія возстановить прежній 4-лѣтній курсъ по каждому изъ трехъ отдѣленій, съ выборомъ послѣднихъ по желанію студентовъ.

Новый ректоръ живо исполнилъ просьбу, но попутно задумалъ уравнять и число преподавательскихъ силъ. Посему онъ рѣшилъ оставить на противомусульманскомъ отдѣленіи одного преподавателя (Ильминскаго) и практиканта, а преподавателя

Малова перевелъ на другую каоедру. Ни заявленія Николая Ивановича, что второй преподаватель содержится собственно на тѣ средства, отъ которыхъ онъ, Ильминскій, добровольно отказался въ пользу Малова; ни заявленія Николая Ивановича, что онъ долженъ будетъ въ такомъ случаѣ покинуть академію — ничто не убѣдило своеправнаго ректора, и Николаю Ивановичу пришлось во второй разъ уходить изъ академіи. Тогда онъ рѣшился прямо обратиться съ письмомъ къ испр. д. оберъ-прокурора Св. Синода князю Урусову, при чемъ изложилъ весь ходъ дѣла, выяснилъ, почему именно на противо-мусульманскомъ отдѣленіи нужны 3 преподавателя; указалъ на изданіе имъ на собственныя средства переводовъ и содержаніе казанской крещено-татарской школы; обратилъ вниманіе князя, что въ 1850-хъ годахъ на отдѣленіи было два преподавателя и практикантъ — магометанинъ, которому академія не задумывалась платить 150 руб. «А теперь, говоритъ Николай Ивановичъ, мы замѣняемъ въ нѣкоторомъ отношеніи миссію, которая сама должна бы требовать значительныхъ расходовъ. Наши переводы не стоятъ казнѣ ни копейки... Если мнѣ суждено уйти изъ академіи, то примите подъ особое покровительство Малова и Тимоѳеева. Пока я въ Казани, я не перестану по мѣрѣ силъ содѣйствовать имъ своими совѣтами и сердечнымъ участіемъ, какъ проф. Саблуковъ не перестаетъ помогать мнѣ многосторонне. А мнѣ исходатайствуйте (это моя усерднѣйшая просьба) у Св. Синода разрѣшеніе издавать понемногу переводы священныхъ и другихъ христіанскихъ назидательныхъ книгъ, съ разрѣшенія мѣстной духовной цензуры, по отзывамъ г. Саблукова, котораго богословская ученость, знаніе восточныхъ языковъ и ревностное усердіе къ успѣхамъ православія Вамъ безъ сомнѣнія извѣстны». Письмо подѣйствовало. Св. Синодъ затребовалъ себѣ все дѣло объ отдѣленіяхъ и 28 іюля 1865 года постановилъ возстановить на всѣхъ 3 отдѣленіяхъ 4-лѣтніе курсы, съ выборомъ отдѣленій по желанію студентовъ, которыхъ, по окончаніи курса предлагалось назначать согласно ихъ спеціальностей. На противомусульманскомъ отдѣленіи остались всѣ три преподавателя. Кромѣ того, Николаю

Ивановичу разрѣшено было печатаніе переводовъ на предложенныхъ имъ самимъ условіяхъ.

Теперь отдѣленіе вздохнуло свободнѣе, имѣя у себя не подневольныхъ слушателей, а добровольцевъ, которыхъ, правда, было немного; но зато каждый годъ съ отдѣленія выходило нѣсколько дѣйствительныхъ знатоковъ ислама и вост. языковъ. Эти студенты всецѣло увлекались миссіей Николая Ивановича, любовно учились у него и въ аудиторіяхъ и дома, въ пріятномъ настроеніи заслушивались его простой, неподражаемой, полной глубокаго филологическаго и психологическаго анализа рѣчью. Они шли въ его школу, упражнялись съ мальчиками въ разговорномъ языкѣ, съ большимъ интересомъ и удовольствіемъ проводили здѣсь время. Ученикъ Николая Ивановича П. П. Остроумовъ такъ вспоминаетъ про эти посѣщенія: „Мальчики относились ко мнѣ съ дѣтскимъ простодушіемъ, а я въ свою очередь чувствовалъ къ нимъ большое расположеніе. Иногда мы въ школѣ сидѣли за столомъ и разговаривали, а иногда выходили на открытое мѣсто за ограду школы и тамъ по ямкамъ гуляли и разговаривали. Часто мальчики приходили ко мнѣ въ академію и оставались у меня по нѣсколько часовъ. Пріятно и теперь вспомнить, какъ эти мальчуганы, бѣдно одѣтые (въ зипунчикахъ и лаптяхъ), нисколько не были заняты собой и въ тоже время отлично понимали свою роль въ данномъ случаѣ. Эти мальчики ходили и къ другимъ моимъ товарищамъ. И мы всегда ихъ ласкали". В. Тимофеевъ разсказывалъ студентамъ про жизнь крещеныхъ татаръ и тѣмъ возбуждалъ въ нихъ интересъ къ живому дѣлу. „Мы его любили, какъ человѣка скромнаго, добродушнаго, и уважали за его плодотворную дѣятельность„. Самъ Николай Ивановичъ приносилъ на уроки татарскаго языка записки учениковъ школы, ѣздившихъ по селеніямъ; читалъ ихъ студентамъ по-татарски и тѣмъ дѣлалъ записки своеобразнымъ и занимательнымъ предметомъ упражненій и по языку и по содержанію. Усиленно стараясь ознакомить студентовъ съ народною татарскою рѣчью по переводамъ путемъ практическаго ихъ употребленія, Николай Ивановичъ старался дольше не знакомить

слушателей съ алфавитомъ арабскимъ и книжнымъ татарскимъ языкомъ.

Такъ медленно спѣша, но цѣлесообразно шло дѣло Николая Ивановича, дѣло миссіонерскаго отдѣленія академіи, отданное подъ особенное вниманіе и попеченіе епархіальнаго архіепископа Аоанасія, который однако вполнѣ оцѣнилъ труды отдѣленія лишь тогда, когда въ Казанской епархіи открылось отпаденіе крещеныхъ татаръ въ магометанство, именно съ 1865 года. Прошенія о дозволеніи перейти въ исламъ подавали жители деревень Большого Шулабаша, Шепшеника, Пурмы, Большого Батамана, Большихъ Менгеръ Казанскаго уѣзда, Кибякъ-Козей Лаишевскаго уѣзда, Елышевой Мамадышскаго уѣзда. Эти татары по Казанскому уѣзду принадлежали къ православнымъ приходамъ села Алатъ и села Супгура, жили въ деревняхъ съ магометанами, находились подъ вліяніемъ послѣднихъ, одѣвались по-магометански, русскаго языка не знали, равно и христіанство. Школъ для крещеныхъ не было, а для магометанъ находились школы при каждой мечети. Православное духовенство относилось равнодушно къ духовнымъ нуждамъ крещеныхъ, ихъ вѣрованіямъ и убѣжденіямъ, слѣдило лишь за исполненіемъ обряда, и не удивительно, что оно оставалось въ невѣдѣніи о броженіи умовъ крещеныхъ, не принимало никакихъ мѣръ къ предотвращенію отпаденія. То-же самое было и въ другихъ уѣздахъ; кромѣ того, въ Лаишевскомъ уѣздѣ крещенскія деревни отстояли отъ села верстъ на 7, а въ Мамадышскомъ даже на 17 верстъ. При такихъ условіяхъ прихожане затруднялись не только въ посѣщеніи храма Божія, но и въ исполненіи обрядовъ православной церкви. Здѣсь среди крещеныхъ встрѣчались вортные, которые по зимамъ ходили на заработки по магометанамъ и, не зная христіанства, усвоили магометанство.

Отпаденія начались подъ вліяніемъ внушеній руководителей изъ крещеныхъ, лично отступившихъ отъ православія и убѣждавшихъ население, что Государь Императоръ дозволилъ переходить въ магометанство. По донесеніямъ Вице-Губернатора Е. А. Розова, жители д. Верхнешикткиной Чистопольскаго уѣзда еще

въ 1865 г. выстроили у себя мечеть, а въ 1866 г. окончательно отказались отъ христіанства. Отпаденія объявились въ 1866 г. и въ Тетюшскомъ уѣздѣ въ деревняхъ Большихъ Атрясахъ, Кляшевой, Карабаевой, Алабердиной, Идрясъ-Теникіевой, Байряшевой, Байгуловой, Танай-Тураевой, Чурубарашевой, Мазиковой, Малыхъ Атрясахъ и миог. др. Явились отступленія въ Чебоксарскомъ, Цивильскомъ, Свіяжскомъ уѣздахъ. Тщательное изслѣдованіе дѣла отпаденія показало, что отпадшіе татары фактически были уже магометане, носили по два имени: христіанское и магометанское. Большинство изъ нихъ русскаго языка не знало. Отступники заявляли, что они никогда христіанами не были и обрядовъ церкви не исполняли, а записи въ церковныхъ книгахъ дѣлались духовенствомъ за деньги.

Всѣ отпадшіе татары принадлежали къ новокрещенымъ, живя среди единоплеменниковъ-магометанъ, оставленные духовенствомъ на призволъ судьбы, естественно подпали подъ вліяніе мусульманской пропаганды, очень сильной со стороны 446556 магометанъ, дѣйствующихъ на 44000 крещеныхъ. Полное невѣжество крещеныхъ порабощалось и вліяніемъ магометанской грамотности, и вліяніемъ обрядовъ благочестія. Особенно сильное вліяніе оказывала мусульманская пропаганда на женщинъ-татарокъ и на мѣстныхъ инородцевъ: черемисъ, чувашъ и вотяковъ, которые при сходствѣ языковъ легко принимали исламъ и переходили въ татарство. Для прекращенія отпаденія татаръ, Казанскій Губернаторъ рекомендовалъ мѣры преимущественно духовныя, полагая, что репрессивныя мѣры не способны внушить отступникамъ, что христіанство выше ислама. Такими духовными мѣрами должны быть православно-русское образованіе, начало котораго положено школой г. Ильминскаго, и заботы объ ознакомленіи крещеныхъ съ религіей. Для исполненія послѣдняго епархіальная власть и задумала устроить татарскую миссію. Она 31 декабря 1865 г. обратилась къ академіи съ предложеніемъ, не пожелаетъ ли кто изъ преподавателей или студентовъ поступить въ миссіонеры. Изъявили согласіе 4 студента. Въ томъ же году именно была напечатана статья Е. А. Малова „О необходимости

приволжской миссіи“ и даже указаны источники средствъ для нея. Вѣроятно, предложеніе начальства и было навѣяно статьею, которая однако встрѣтила отповѣдь въ ректорѣ академіи, архимандритѣ Иннокентіи, который печатно возразилъ противъ вознагражденія миссіонеровъ, указывая на то, что Іисусъ Христосъ, посылая апостоловъ на проповѣдь, не назначалъ имъ жалованія, а апостолъ Павелъ исчислялъ свое миссіонерское жалованье такъ: „пять разъ дано было мнѣ по 40 ударовъ безъ одного, три раза били меня палками, однажды камнями побивали“..... Вѣроятно, подъ вліяніемъ подобныхъ взглядовъ дѣло о миссіи заглохло, и владыка Аѳанасій тоже не былъ доволенъ, что студенты академіи, соглашаясь быть миссіонерами, думали и о матерьяльномъ обезпеченіи.

Но миссіонерское отдѣленіе и школа Николая Ивановича пошли на миссіонерское дѣло и безъ внѣшнихъ побужденій. Все лѣто 1866 г. Василій Тимоѳеевичъ ѣздилъ по крещенскимъ деревнямъ съ словами поученія, успѣлъ открыть двѣ школки въ Мамадышскомъ уѣздѣ, да одну въ Казанскомъ. Всѣ его 20 учащихся дѣятельно исполняли волю пославшаго ихъ чтеніемъ религіозныхъ книгъ и пѣніемъ молитвъ. Самъ Николай Ивановичъ въ концѣ іюля вмѣстѣ съ вице-губернаторомъ Е. А. Розовымъ объѣзжалъ отступническія деревни ради увѣщаній и разъясненія причинъ отступничества. Въ сентябрѣ того же года отправился въ деревню Елышеву Ачинскаго прихода и Е. А. Маловъ. Послѣдній взялъ съ собою двухъ учениковъ школы, и они много помогали дѣлу чтеніемъ книгъ по домамъ и пѣніемъ молитвъ на татар. языкѣ. Это привлекло въ школу новыхъ пять учениковъ. Въ ноябрѣ Е. А. Маловъ былъ съ этими же учениками въ селѣ Азановѣ Казанскаго уѣзда и въ двѣ недѣли расположилъ жителей села устроить у себя крещенотатарскую школу. Господу Богу благоугодно было поддержать эту святую ревность нашихъ дѣятелей: архипастыремъ Казанской епархіи былъ назначенъ владыка Антоній, дитя сердца приснопамятнаго Филарета „милостиваго, бывшаго казанскаго архипастыря, впослѣдствіи митрополита Кіевскаго.

Новый владыка прежде всего познакомился съ дѣятельностью миссіонерскихъ отдѣленій и съ грустью убѣдился, что духовная власть совершенно не пользовалась услугами этихъ отдѣленій. Такъ, на противомусульманскомъ отдѣленіи всего окончило курсъ 36 студентовъ, изъ которыхъ двое служили въ академіи, шестеро преподавали татарскій языкъ въ семинаріяхъ, а изъ остальныхъ нѣкоторые преподавали другіе предметы, а нѣкоторые вышли изъ духовнаго вѣдомства. Въ запискѣ 27 марта 1867 г. въ Св. Сунодъ онъ предлагалъ признать правиломъ, чтобы воспитанники миссіонерскихъ отдѣленій служили въ семинаріяхъ по своимъ спеціальностямъ, а въ епархіяхъ—благочинными и священниками въ лучшихъ инородческихъ приходахъ, преимущественно городскихъ и двухштатныхъ; чтобы они разъѣзжали по миссіонерскимъ дѣламъ, учреждали школы, занимались переводами на инор. языки, и составленіемъ новыхъ книгъ для чтенія и т. п.

Владыка предлагалъ увеличить штатъ студентовъ академіи, черезъ что увеличится и число учащихся на миссіонерскихъ отдѣленіяхъ. Было указано въ запискѣ и на необходимость обезпеченія такихъ миссіонеровъ жалованіемъ не менѣе семинарскихъ окладовъ изъ духовно-учебнаго капитала.

Послѣдствій отъ этого ходатайства не было, и Николай Ивановичъ пришелъ къ тому убѣжденію, что не слѣдуетъ тратить силы на безплодныя домогательства относительно лучшаго устройства миссіонерскихъ отдѣленій, а направить энергію на развитіе школьнаго дѣла въ крещенскихъ деревняхъ и на благоустройство и расширеніе казанской школы, которая теперь по отношенію къ деревенскимъ школамъ-колоніямъ является центральной и должна служить примѣромъ.

Учебная часть въ школѣ почти съ самаго начала была поставлена опредѣленно, на религіозныхъ началахъ. Познакомившись по букварю съ русскимъ алфавитомъ, ученики переходили къ чтенію книги Бытія, по книгѣ Премудрости Іисуса, сына Сирахова, къ Евангелію отъ Матоея. Далѣе дѣти читали легкія русскія статьи, занимались умственнымъ счисленіемъ, письмомъ,

первыми дѣйствіями ариѳметики. Было обращено особое вниманіе на пріученіе дѣтей къ разсказамъ изъ св. исторіи на родномъ языкѣ и на церковное пѣніе. Послѣднему сначала училъ самъ Василій Тимоѳеевичъ, потомъ студентъ В. Н. Витевскій, далѣе подрегентъ архіерейскаго хора Поликарповъ. По мѣрѣ увеличенія количества учащихся, пришлось пригласить Василію Тимоѳеевичу помощника для обученія русскому языку, семинариста А. Г. Крылова, не говоря уже о томъ, что студенты миссіонер. отдѣленія помогали учителю въ школѣ. Кромѣ того, ученики школы ходили и къ Е. А. Малову, одни или съ своимъ учителемъ, и здѣсь тоже находили случай практиковаться въ русскомъ языкѣ, пѣніи и письмѣ.

При высшемъ руководительствѣ со стороны Николая Ивановича, школа быстро стала расширяться. Она по прежнему развивалась на свободѣ, вдали отъ казенной опеки и даже мало обращала на себя вниманія со стороны епархіальнаго начальства. „Это имѣло свою весьма полезную сторону, писалъ Николай Ивановичъ, этимъ представлялась намъ полная свобода и, такъ сказать, льгота—неподволь, безъ всякой торопливости прокладывать путь и брать направленіе въ такомъ новомъ дѣлѣ, каково христіанское образованіе крещеныхъ татаръ, на началахъ педагогическихъ; и такимъ образомъ школа имѣла достаточно времени, чтобы спокойно, свободно, естественно сложиться въ своихъ коренныхъ основаніяхъ, теперь уже, смѣю думать, ясно обозначившихся и упрочившихъ". Такой характеръ школа должна была имѣть еще и потому, что крещеные татары боялись казенной школы, которая, по ихъ мнѣнію, должна была оторвать ихъ дѣтей отъ семьи, отъ деревни. Они постоянно спрашивали Василія Тимоѳеевича, не казенная ли его школа. И, можетъ быть, Николай Ивановичъ долго не рѣшился бы разстаться съ укромностью положенія его дѣтища, если бы не развитіе школы, а вмѣстѣ съ тѣмъ не забота объ ея матеріальномъ положеніи, равно и положеніи деревенскихъ школъ—колоній, которыя въ своемъ существованіи всецѣло зависѣли отъ казанской школы.

Разсчитывать на доброхотныя даянія частныхъ людей и на этомъ полагать надежду было слишкомъ рискованно.

Въ теченіе $18^{04}/_{05}$ учеб. года Николай Ивановичъ убѣдился, что устроенная имъ школа начинаетъ завоевывать симпатію. Тогда онъ рѣшился, воспользоваться пребываніемъ въ Казани чиновника особ. порученій при Министрѣ Государ. Имуществъ, вѣдѣнію котораго принадлежали старокрещеные татары, и обратился съ просьбою о помощи.

По порученію Министра, школа была осмотрѣна мѣстнымъ управляющимъ Палатою госуд. имуществъ, который въ своей запискѣ отозвался о школѣ съ лестной стороны. Плодомъ ходатайства было полученіе единовр. пособія въ 200 р. Въ концѣ учебнаго года школой былъ заинтересованъ и самъ Оберъ-Прокуроръ Св. Синода и Министръ Нар. Просвѣщенія графъ Д. А. Толстой. Когда ему представлялся Е. А. Маловъ, онъ долго распрашивалъ о школѣ, видимо находясь подъ напоромъ свѣдѣній объ отпаденіи крещеныхъ татаръ, и обѣщалъ поддержать дѣло.

Учебный годъ ознаменовался также и симпатичнѣйшимъ, единодушнымъ рѣшеніемъ корпораціи духовной академіи помочь школѣ вычетами изъ получаемаго жалованія. Но еще болѣе обрадовало дѣятелей вниманіе къ школѣ, проявленное бывшимъ тогда владыкой Аѳанасіемъ. Послѣдній видимо и не зналъ, что подъ сѣнію акад чіи создалось новое учрежденіе. Когда 17 октября ученики школы вмѣстѣ со своимъ учителемъ слушали въ каѳедральномъ соборѣ литургію, архіепископъ былъ изумленъ, увидавши въ храмѣ многолюдную толпу (25) татарчатъ. Послѣдніе, по окончаніи службы, подошли подъ благословеніе архіепископа.

На вопросъ, что это за дѣти? владыка слышитъ, что предъ нимъ крещеные татары и учатся въ православной школѣ въ Казани. Любившій учащихся дѣтей, святитель приказалъ теперь Василію Тимоѳеевичу итти съ дѣтьми въ архіерейскій домъ и здѣсь, забывъ утомленіе, заставлялъ дѣтей пѣть по-славянски и по-татарски „Царю небесный", „Богородице Дѣво". „Отче нашъ". Взявъ въ руки горсть серебра, владыка одарилъ дѣтей монетами, отличая лучшихъ, а учителю пожаловалъ на нужды школы 30 р. да 25 экземпляровъ Новаго Завѣта на русскомъ языкѣ.

На Рождествѣ школьники славили у владыки, который отъ

удовольствія началъ благословлять ихъ обѣими руками. Въ разное время архіепископъ пожертвовалъ школѣ 135 р., надѣлялъ книгами, геогр. картами. Прощаясь съ дѣтьми при оставленіи каѳедры, владыка съ любовію посмотрѣлъ на нихъ и сказалъ: „хорошія дѣти, какой у нихъ ясный и чистый взглядъ"! Этимъ онъ заставилъ забыть свою прежнюю немилость къ Николаю Ивановичу.

Новые знаки вниманія еще болѣе возбуждаютъ „ненасытнаго" въ трудахъ дѣятеля. Онъ мечтаетъ теперь объ учрежденіи въ разныхъ крещенскихъ деревняхъ сѣти школъ, о превращеніи казанской школы въ центральную, въ нѣкоторомъ смыслѣ высшую, отъ которой деревенскія школы грамотности должны получать учителей, направленіе и содѣйствіе. Свою казанскую школу Николай Ивановичъ перевелъ на новую, болѣе помѣстительную квартиру, раздѣленную на двѣ половины, и съ кухней внизу, платя за это 9 руб. въ мѣсяцъ, что по тогдашнимъ дѣламъ въ слободкѣ было хорошею платою.

Въ началѣ года въ школу пріѣхало 25 мальчиковъ, изъ которыхъ 10 старыхъ и 15 новыхъ. Размѣстились въ домѣ довольно удобно, безъ прежней тѣсноты; да и учитель имѣлъ для семьи отдѣльное помѣщеніе. Установился опредѣленный жизненный распорядокъ въ школѣ. Въ 6 часовъ утра дѣти вставали, умывались, молились Богу и брались каждый за свой урокъ. Въ 8 часовъ былъ завтракъ, а тамъ опять дѣло. Чтеніе составляло главное занятіе учениковъ. Первоначальное изученіе алфавита дѣлалось чрезъ указанія Василія Тимоѳеевича, который обыкновенно писалъ по нѣсколько сначала гласныхъ, потомъ согласныхъ на классной доскѣ мѣломъ, объяснялъ произношеніе, и дня въ четыре выучивался весь алфавитъ. Шелъ букварь и чтеніе по складамъ съ татарскими примѣрами, при наблюденіи и указаніяхъ. Только послѣ усвоенія механизма чтенія начиналось чтеніе по-татарски книги Бытія, книги премудрости Іисуса, сына Сирахова. Чтеніе всѣхъ этихъ книгъ обыкновенно оканчивалось дѣтьми въ $2^1/_2$ мѣсяца, и тогда они принимались за русскія книги. Изученіе русскаго языка было практическое на чтеніи сказокъ и легкихъ разсказовъ (Ясной Поляны), при постоянномъ переводѣ словъ и выраженій

на родной языкъ. Когда ученики начнутъ понимать простые разсказы, переходятъ къ болѣе труднымъ книгамъ: читаютъ Евангеліе на русскомъ языкѣ.

Постоянный переводъ и пересказъ прочитаннаго даетъ дѣтямъ возможность хорошо успѣвать въ русскомъ языкѣ. Они любопытствуютъ знакомиться съ статьями географическими, съ атласомъ, знакомятся съ ариѳметикой по Грубе, соч. Книзе, и русской грамматикой.

Кромѣ чтенія, идетъ письмо, счисленіе и ознакомленіе съ разными предметами путемъ устныхъ разсказовъ учителя. Особенно дѣти любятъ слушать разсказы изъ свящ. исторіи по картинамъ Шнорра и своими вопросами доказываютъ, съ какимъ вниманіемъ слѣдятъ за чтеніемъ.

Ученики школы очень любятъ писать сказки, письма списываютъ ирмосы, церковныя стихиры. Особенностью года было обученіе дѣтей нотному пѣнію.

Но радость идетъ въ жизни рядомъ съ горемъ. Въ началѣ 1866 г. школу посѣтилъ тифъ, который сильно распространился между дѣтьми. Захворалъ тифомъ и учитель. Только заботы Николая Ивановича и врача Б. А. Перлина, да братскій уходъ здоровыхъ за больными спасли школу: никто изъ хворавшихъ не умеръ. Въ „это краткое печали посѣщеніе“, учитель Василій Тимоѳеевичъ обрадованъ былъ милостью Св. Синода: ему за службу въ академіи съ 1866 г. назначено было жалованье вмѣсто 120 руб. 400 р., съ обѣщаніемъ Оберъ-Прокурора, въ письмѣ къ Николаю Ивановичу, содѣйствовать всѣмъ, что только отъ него будетъ зависѣть, къ поддержанію школы и ея благоустройства, и пожеланіемъ, чтобы при помощи Божіей и при ревностной заботливости учредителей школа развилась и положила начало миссіонерству между татарами. Оберъ-Прокуроръ выразилъ свою радость Василію Тимоѳеевичу, узнавъ о его выздоровленіи, съ увѣреніемъ въ томъ, что „его труды всегда найдутъ въ немъ усерднаго цѣнителя“. Дѣйствительно по распоряженію графа Д. А. Толстого, изъ духовно-учебныхъ капиталовъ Св. Синода было вскорѣ ассигновано на школу пособіе въ 1000 р., что выдавалось въ слѣ-

дующіе годы. Извѣстіе объ этомъ получено было въ 1-й день св. Пасхи. Школа заликовала.

Послѣ первыхъ порывовъ восторга всѣ три дѣятеля составили совѣщаніе, куда употребить деньги. Нужно было купить домъ для школы и устроить домовую церковь; но признано было болѣе существеннымъ, въ виду скорбныхъ случаевъ отпаденія въ мусульманство, идти на помощь казанской церкви путемъ устройства школъ въ деревняхъ, часовенъ въ послѣднихъ и усиленія дѣятельности по переводу книгъ на татарскій языкъ. Въ концѣ 1866 г. уже заведены были двѣ школы: въ Никифоровкѣ, гдѣ учительствовала дѣвица Осодора, ученица Василія Тимоѳеева, и въ Ариляхъ, гдѣ учительствовалъ ученикъ казанской школы Яновъ. У первой было 13 дѣвочекъ и 5 мальчиковъ, а у второго 45 учениковъ. Кромѣ того, намѣчено было къ открытію 4 школы въ Казанскомъ, Лаишевскомъ, Мамадышскомъ и Чистопольскомъ уѣздахъ. Въ этихъ школахъ-отрасляхъ учили чтенію книгъ на татарскомъ языкѣ, письму и счету, изучали молитвы и нѣніе ихъ, св. исторію по переведеннымъ на татарскій языкъ книгамъ. Всѣ учебныя пособія присылались изъ казанской школы.

Болѣзнь воспрепятствовала довести занятія до весны 1866 г.; но она же была поводомъ къ тому, чтобы болѣе 40 учениковъ, снабженные священными книгами на родномъ языкѣ, отправились изъ школы на проповѣдь въ селенія, окруженныя душной атмосферой отпаденія отъ христіанства. Съ весны поѣхалъ по крещенскимъ селеніямъ для христіанскомиссіонерскихъ бесѣдъ и Василій Тимоѳеевичъ.

Событіе 4 Апрѣля 1866 г. пробудило патріотическое чувство, которое вызвало рядъ благотвореній. Профессорская корпорація казанскаго университета собрала по этому поводу капиталъ въ 4068 рублей, который и отданъ былъ въ пользу казанской школы для дѣтей крещеныхъ татаръ.

Нашелся благотворитель и среди купечества. Подрядчикъ С. А. Арефьевъ, въ патріотическомъ порывѣ любви къ Государю, захотѣлъ ознаменовать свои чувствованія устройствомъ помѣщенія для этой же школы. Городская Дума, при содѣйствіи губерна-

тора М. К. Нарышкина, отвела мѣсто за городскою чертою напротивъ городского кладбища, въ количествѣ 700 саженъ, и Арефьевъ выстроилъ здѣсь деревянный двухъэтажный со службами домъ, гдѣ теперь помѣщается женское отдѣленіе школы. Въ нижнемъ этажѣ устроены были классъ и квартира учителя. Въ верхнемъ этажѣ надъ классомъ устроена была спальная комната учениковъ, съ нарами вмѣсто коекъ; а надъ квартирой учителя было помѣщеніе для ученицъ. Въ началѣ сентября 1866 года школа была осчастливлена новыми знаками вниманія со стороны посѣтившаго тогда Казань Г. Министра Народнаго Просвѣщенія графа Д. А. Толстого. Ученія въ ней еще не было. Министръ привѣтливо обошелся съ учредителями школы и съѣхавшимися нѣсколькими учениками, одарилъ ихъ деньгами и заявилъ, что о школѣ знаетъ самъ Императоръ, который желаетъ, чтобы крещеные татары отдавали своихъ дѣтей учиться въ нее, а не къ муллямъ. 4 Сентября графъ сказалъ въ университетѣ рѣчь, напечатанную потомъ въ газетахъ. „Если распространеніе просвѣщенія необходимо во всѣхъ концахъ имперіи“, говорилъ графъ Д. А. Толстой“, то нигдѣ эта необходимость не чувствуется болѣе какъ именно здѣсь, на окраинѣ востока. Какихъ племенъ не видалъ я въ продолженіи моего путешествія: калмыковъ, киргизовъ, мордву, чувашъ и татаръ! Все это дико, невѣжественно; все это не тронуто еще просвѣщеніемъ; все это непочатый матеріалъ для науки и цивилизаціи. Я знаю, что скорыхъ успѣховъ здѣсь ждать невозможно; но была бы большая заслуга положить начало просвѣщенія этихъ племенъ, а за ними и дальнѣйшаго востока. Вотъ достойныя Россіи завоеванія, самыя прочныя и притомъ самыя дешевыя изъ всѣхъ завоеваній. Пусть православная церковь проложитъ путь Евангеліемъ, а за нимъ послѣдуетъ наука со своимъ свѣтомъ Это совокупное дѣйствіе вѣры и науки несомнѣнно разсѣетъ восточную темь.“ Поставивъ такимъ образомъ задачу образованія въ юговосточномъ краѣ Россіи, Министръ такъ отозвался о школѣ Николая Ивановича: „въ недавнемъ времени уже сдѣланъ опытъ устройства татарской школы однимъ изъ вашихъ сослуживцевъ въ самой Казани; я постарался по-

мочь ему, сколько могъ, по православному духовному вѣдомству. Вы также удѣлили ему часть вашихъ собственныхъ денежныхъ средствъ. Школа пошла весьма удачно, и все предвѣщаетъ ей хорошую будущность. Нужно надѣяться, что дѣло на этомъ не остановится, а со временемъ возникнетъ много такихъ школъ, и тогда просвѣщеніе между восточными племенами утвердится на прочныхъ основахъ."

Дѣйствительно кредитъ школы поднимался все выше и выше Если въ $186^{3}/_{4}$ году въ ней училось всего 13 учениковъ, въ $18^{64}/_{65}$—20 учениковъ, въ $186^{5}/_{6}$—40 мальчиковъ и 2 дѣвочки, то въ $186^{6}/_{7}$ году было уже 50 мальчиковъ и 5 дѣвочекъ. Кромѣ того. Никифоровская школа въ $18^{66}/_{67}$ году имѣла уже 16 мальчиковъ и 16 дѣвочекъ. Учительница этой школы Ѳеодора завлекла въ школу всю Никифоровскую молодежь своимъ пѣніемъ на татарскомъ языкѣ. Въ деревнѣ Ариашахъ школа имѣла уже 50 учениковъ. Открылась въ концѣ 1866 года школа въ селѣ Апазовѣ съ двумя учителями. Открылись школы въ Ошмѣ и Билятлибашахъ. Труженики этихъ школъ, получая ничтожнѣйшее вознагражденіе изъ Казанской школы (отъ 2 до 5 р. въ мѣсяцъ), всѣ были проникнуты однимъ общимъ воодушевленіемъ и жили въ тѣсной связи съ Казанской школой, постоянно переписываясь съ своими наставниками, и получали отъ нихъ слова руководительства и нравственной поддержки. Василій Тимоѳеевичъ былъ удостоенъ за труды свои медалью на Владимирской лентѣ для ношенія на шеѣ, съ надписью „за усердіе". Прошло три года, какъ была основана Казанская школа. Положеніе ея самимъ Николаемъ Ивановичемъ считалось упроченнымъ вслѣдствіе довѣрія правительства и русскихъ людей, равно и довѣрія крещеныхъ татаръ. Учебная часть въ ней установилась. Опытъ школы позволилъ Николаю Ивановичу сдѣлать слѣдующіе выводы:

I. Образованіе крещеныхъ инородцевъ должно быть прежде всего православно-христіанское, религіозно-нравственное. Чѣмъ болѣе та или другая народная школа будетъ достигать этой цѣли, тѣмъ болѣе она будетъ пользоваться довѣріемъ и расположеніемъ инородцевъ.

II. Опытъ Казанской школы рѣшаетъ спорный вопросъ объ употребленіи въ инородческихъ школахъ русскаго или роднаго языка въ пользу послѣдняго. Возбужденіе религіознаго христіанскаго чувства и мысли возможно только на родномъ языкѣ, тѣмъ болѣе, что при первомъ поступленіи въ школу русскій языкъ для большей части учениковъ совершенно незнакомъ. Одно механическое изученіе русской грамоты, когда ученикъ не понимаетъ, что при этомъ онъ читаетъ, естественно должно утомлять вниманіе и охлаждать любознательность. Религіозное движеніе сердца несравненно сильнѣе и глубже возбуждается, когда христіанскія истины слышатся инородцами на языкѣ родномъ, общедоступномъ, нежели на русскомъ, хотя бы послѣдній и былъ для нихъ знакомъ въ нѣкоторой степени. Родной языкъ непосредственно говоритъ уму и сердцу. Какъ скоро въ инородцахъ утвердились, посредствомъ роднаго языка, христіанскія понятія и правила, въ нихъ пробуждается любовь къ русскому народу; тогда они охотно и съ успѣхомъ занимаются русскимъ языкомъ и ищутъ русскаго образованія. Слѣдовательно мысль нѣкоторыхъ педагоговъ вкоренять съ самаго начала въ инородческихъ воспитанникахъ русскій языкъ посредствомъ неключительнаго его употребленія въ школѣ, должна повести къ противоположному послѣдствію. Напротивъ, первоначальное образованіе инородцевъ на ихъ родномъ языкѣ есть самый надежный путь къ усвоенію ими, и русскаго языка, и русскаго образованія.

III) Частныя школы имѣютъ болѣе успѣха въ народѣ, нежели казенныя. Послѣднія между прочимъ неудобны и въ томъ отношеніи, что ихъ опредѣленная уставомъ форма препятствуетъ постепенному и разнообразному приспособленію школы къ требованіямъ, привычкамъ, воззрѣніямъ и наклонностямъ простого народа.

IV) Для инородческихъ школъ лучшими учителями могутъ быть лица единоплеменныя ученикамъ. Вообще первоначальное образованіе народа всего успѣшнѣе можетъ быть ведено учителями изъ среды самого же народа, потому что они естественно должны пользоваться довѣріемъ и сочувствіемъ сродственнаго имъ общества.

V) При новости у насъ народнаго образованія и при невыгодномъ мнѣніи объ единственныхъ въ прежнее время школахъ вѣдомства государственныхъ имуществъ, возбужденномъ въ народѣ частію ненадлежащимъ въ педагогическомъ отношеніи обученіемъ, частію же спеціальнымъ назначеніемъ изъ учениковъ въ волостные и сельскіе писаря, въ настоящее время нельзя ожидать, по крайней мѣрѣ въ нашей мѣстности, чтобы сами крестьяне, а тѣмъ болѣе инородцы заводили у себя школы по собственному побужденію. Необходимо, напротивъ, чтобы люди, преданные дѣлу народнаго образованія и имѣющіе къ тому призваніе, явились среди народа и постепенно, безъ всякихъ оффиціальныхъ формальностей принимались прямо за обученіе дѣтей, подобно тому, какъ Тимоѳеевъ сдѣлалъ это въ Арняшахъ. Свойственная дѣтямъ любознательность привлечетъ несомнѣнно ихъ къ такому учителю, и родители, увидѣвъ на дѣлѣ успѣшность ученія, назидательное и доброе направленіе уроковъ, сами будутъ оказывать сочувствіе и посильную поддержку устройству школы. Противоположный образъ дѣйствія можетъ, напротивъ, пробудить въ народѣ недовѣріе и отвращеніе къ школѣ.

VI) Простолюдины вообще, а особенно инородцы не довѣряютъ коллективнымъ учрежденіямъ; они смотрятъ на дѣйствительныя, предъ ихъ глазами совершающіяся явленія, и довѣряются только лицу, которое успѣло на дѣлѣ заявить предъ ними свое прямодушное расположеніе къ нимъ. Такими лицами, которыя успѣли привлечь къ себѣ довѣріе народа, и можетъ только быть ведено дѣло народнаго образованія. Въ случаѣ даже, если бы подобныя лица не имѣли основательныхъ познаній или педагогической опытности, нужно стараться только руководить ихъ, а не замѣнять скоро новыми людьми".

Обращаясь къ Казанской школѣ съ ея отраслями, Николай Ивановичъ видѣлъ въ нихъ органическое цѣлое, идущее отъ одного корня, и школы—отрасли въ глазахъ крещеныхъ татаръ получаютъ значеніе именно по своему отношенію къ Казанской школѣ; иначе бы молодые учителя этихъ школъ не могли внушить никакого довѣрія Дальнѣйшее развитіе православнаго обра-

зованія должно и впредь итти тѣмъ же путемъ колонизаціи Казанской школы.

По мѣрѣ умноженія школъ—отраслей, Казанская школа должна пріобрѣсти характеръ центральной, высшей школы, въ которую будутъ поступать, большею частію, ученики, умѣющіе по крайней мѣрѣ читать и писать и изучившіе православныя книги на народно-татарскомъ языкѣ. Затѣмъ, при естественно развивающейся любознательности, оказывается надобность учредить при Казанской школѣ, въ тѣсной связи съ нею и при томъ же православно-русскомъ направленіи и духѣ, особое училище – для подробнѣйшаго ознакомленія учащихся съ христіанскимъ ученіемъ, для болѣе основательнаго изученія русскаго языка и пріобрѣтенія необходимыхъ свѣдѣній изъ мірской науки.

Вотъ каково было естественное развитіе взглядовъ Николая Ивановича на устройство инородческаго образованія въ краѣ. Эти взгляды представляютъ изъ себя не продуктъ теоріи, домысла, а послѣдствія практики въ школьномъ инородческомъ дѣлѣ.

Мы знаемъ, что 1866 г. былъ годиною особенныхъ трудовъ Николая Ивановича, въ виду начавшихся случаевъ отпаденія крещеныхъ татаръ въ епархіи. Епархіальная и гражданская власти были сильно озабочены этимъ фактомъ, грозившимъ большою опасностью. Взоры властей были обращены на Николая Ивановича, и послѣдній разъѣзжалъ вмѣстѣ съ вице-губернаторомъ Е. А. Розовымъ по татарскимъ деревнямъ Казанской губерніи, командированъ былъ въ Симбирскъ, гдѣ мѣстный губернаторъ обратилъ вниманіе Николая Ивановича на священника села Бурундукъ Буинскаго уѣзда А. П. Баратынскаго, опытнаго миссіонера среди чувашъ. Послѣдній, воспитанникъ 1-го выпуска Симбирской Духовной Семинаріи, съ 1845 г. несъ на себѣ священническія и законоучительскія обязанности въ разныхъ селахъ уѣзда, но по преимуществу въ селѣ Бурундукахъ (съ 1851 г.). Свои силы молодой священникъ приложилъ въ мѣстныхъ удѣльныхъ школахъ сначала въ Чепкасахъ, а потомъ въ Бурундукахъ, обучая чувашскихъ дѣтей русской и церковной грамотѣ. Но еще болѣе проявилась дѣятельность о. Баратынскаго послѣ

того, какъ онъ въ 1866 г. былъ выбранъ сначала членомъ, потомъ председателемъ Буинскаго Училищнаго Совѣта, и сталъ упорно настаивать на замѣнѣ безплоднаго механическаго обученія чувашъ русской грамотѣ обученіемъ на родномъ языкѣ дѣтей для проведенія чрезъ школу религіозно-нравственныхъ началъ въ среду язычествующихъ чувашъ. Когда въ 1865—1866 годахъ отступническое движеніе распространилось и на Симбирскую губернію среди татаръ и чувашъ Симбирскаго и Буинскаго уѣздовъ, губернаторъ Баронъ П. О. Веліо неоднократно вызывалъ къ себѣ о. Баратынскаго, который призналъ полное безсиліе церкви и школы въ настоящемъ видѣ вліять на крещеныхъ инородцевъ, полагая, что родной языкъ долженъ служить орудіемъ къ усвоенію понятій, сообщаемыхъ ученикамъ-инородцамъ на русскомъ языкѣ и по русскимъ книгамъ. По этому вопросу о. Баратынскимъ былъ составленъ особый проектъ инородческаго образованія, отправленный Министру Народнаго Просвѣщенія. Проектъ этотъ былъ вызванъ предложеніемъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, обращеннымъ ко всѣмъ уѣзднымъ училищнымъ совѣтамъ въ тѣхъ уѣздахъ, гдѣ имѣются инородцы, высказаться о цѣлесообразной системѣ ихъ обученія. Въ Казани, при Управленіи Учебнаго округа, былъ учрежденъ инородческій Комитетъ, который и разсматривалъ проектъ о. Баратынскаго отъ лица Буинскаго Уѣзднаго Училищнаго Совѣта и пришелъ въ разногласіе съ проектомъ, признавая, что нужно не только пользоваться роднымъ языкомъ инородца при обученіи на русскомъ языкѣ, но начинать обученіе инородцевъ по книгамъ, переведеннымъ на инородческіе языки, напечатаннымъ русскими буквами, полагая, что только такое обученіе можетъ проводить христіанскія идеи въ глубь сознанія инородцевъ. Видимо случайное, мимолетное знакомство съ дѣятельностью о. Баратынскаго, по рекомендаціи губернатора, почему то не обратило на себя вниманія Николая Ивановича, и послѣдній лишь послѣ привлеченія о. Баратынскаго къ участію въ работахъ Инородческаго Комитета, въ разработкѣ вопроса по инородческому образованію, послѣ цѣлаго ряда статей А. П. Баратынскаго противъ системы Ильменскаго, казавшейся ему „оранжерейной“, опасной и

вредной съ точки зрѣнія русскаго человѣка, увидалъ въ авторѣ добросовѣстнаго, талантливаго противника; убѣдился, что не мелкое самолюбіе, а болѣе серьезныя причины заставляли творца проекта противиться взглядамъ членовъ Комитета.

Результатомъ плодотворной дѣятельности членовъ Комитета и училищныхъ совѣтовъ были Высочайше утвержденныя правила 26 марта 1870 г. объ образованіи инородцевъ и изданіе „Матеріаловъ по образованію инородцевъ". Участіе о. Баратынскаго въ рѣшеніи вопроса объ инородческомъ образованіи интересно въ томъ отношеніи, что этотъ почтенный дѣятель, полный энергіи, иниціативы, въ періодъ отстаиванія своего взгляда, собралъ во едино всѣ доводы, которые и раньше, и недавно выставлялись людьми, боязливо относящимися къ системѣ Ильминскаго, не знакомыми съ исторіей правилъ 26 марта 1870 г. Между Николаемъ Ивановичемъ и о. Баратынскимъ долго не могло установиться единогласія, и только очевидные успѣхи системы Ильминскаго помогли послѣднему обратить представителя Симбирской системы инородческаго обученія „въ свою вѣру". Разница во взглядахъ этихъ двухъ дѣятелей заключалась, по мнѣнію Николая Ивановича, въ томъ, что послѣдній смотрѣлъ на инородческую школу какъ на учрежденіе «христіански-религіозно-воспитательное», а о. Баратынскій—какъ на учрежденіе преимущественно образовательное; одинъ желалъ развитія религіознаго чувства, другой—умственнаго развитія.

Николай Ивановичъ сознавался, что оба пути должны привести къ одному результату; но—первый путь короче... „Когда христіанское ученіе передается понятно инородцамъ, особенно наиболѣе наивнымъ, простымъ, захолустнымъ, дикимъ изъ нихъ: оно невольно привлекаетъ ихъ расположеніе, потому что трогаетъ и такъ сказать питаетъ ихъ сердце, давно жаждущее истины и свѣта солнечнаго, и вдругъ оживляется, получивши благопріятныя условія. „Душа человѣческая по своей природѣ христіанка", говоритъ древній учитель церкви. Надъ инородцами это сбывается, если только магометанство не отвлекаетъ ихъ отъ христіанства, или если духъ торговый и вообще мірской не убилъ ихъ рели-

гіозныхъ стремленій. Христіанская религіозность есть то „единое на потребу", о чемъ собственно нужно хлопотать. Но и въ видахъ образованія вообще христіанская религіозность составляетъ самую лучшую подготовку или почву для образованія. Метода о. Баратынскаго, по мнѣнію Николая Ивановича, не вполнѣ серьезно относится къ религіозному воспитанію инородцевъ. Она имѣетъ это въ виду, но не вполнѣ цѣльно и настойчиво осуществляетъ. Школа есть какъ бы нѣкая фабрика, ученики — инородцы — обработываемый матеріалъ, на который школа дѣйствуетъ своими религіозными впечатлѣніями исподволь, медленно и постоянно. Измѣнить религіозное воззрѣніе и убѣжденіе, воспитать и упрочить въ сердцѣ любовь къ христіанству нельзя скоро, какъ ни отзывчива можетъ быть природа иного ученика. Система Ильминскаго въ началѣ ни мало не хлопочетъ о русскомъ языкѣ или объ ариѳметикѣ и т. п., а собственно о томъ, чтобы ученикъ проникся христіанскимъ духомъ, усвоилъ христіанскіе факты и понятія, для наибольшей легкости и удобности, на своемъ родномъ языкѣ. Когда это достигнуто, тогда всѣ предметы и русскій языкъ сами собой пойдутъ хорошо и успѣшно. О. Баратынскій желаетъ сразу вложить въ инородческихъ учениковъ науку и русскій языкъ; у него сравнительно слишкомъ мало мѣста отведено для религіи или же она не вполнѣ удобными способами дается ученикамъ: русскій языкъ замѣшался тутъ. По — Ильминскому отъ учителя требуется преимущественно искренне — теплое христіанское чувство, по — Баратынскому — преимущественно — образованіе и умственное развитіе. Ильминскій предпочитаетъ родственныхъ инородцевъ, хотя бы и малограмотныхъ; по Баратынскому - учитель русскій, только ученый и пожалуй немножко умѣющій почувашски говорить - вполнѣ годенъ обучать чувашъ. Баратынскій допускаетъ чувашскія книжки, но непремѣнно требуетъ, чтобы онѣ были съ русскимъ текстомъ; желаетъ, чтобы чувашенокъ, лишь станетъ учиться азамъ, сейчасъ бы уже заучивалъ русскіе слова и обороты. Но вѣдь работа, употребленная на одно дѣло, отнимаетъ силу для другого: сила ума, потраченная на изученіе русскаго языка, неминуемо теряется въ отношеніи и въ ущербъ ре-

лигіознаго развитія христіанскаго. Поэтому-то Ильминскій убѣжденъ, что соединять въ элементарныхъ книжкахъ русскій текстъ съ инородческимъ положительно вредно, ибо это будетъ отвлекать вниманіе ученика отъ главнѣйшаго и существеннѣйшаго: отъ христіанства. Кромѣ того, св. исторія и катихизисъ или молитвы, изложенные на двухъ языкахъ, не годятся для обученія русскому языку (по плану Баратынскаго): наши инородческіе татарофинскіе языки такъ далеки по своему внутреннему строю отъ русскаго, что въ чувашскомъ изложеніи разстановка словъ должна быть навыворотъ противъ русской, грамматическія формы, падежи и т. п. тоже совсѣмъ иначе, такъ что ученикъ не можетъ пріурочить русскаго слова къ чувашскому въ такой книжкѣ. Если для русскаго языка недостаточно учить по русскимъ книгамъ съ устнымъ объясненіемъ и переводомъ на чувашскій, то нужно составить особыя книжки, въ родѣ христоматіи, съ постепеннымъ подборомъ русскихъ словъ и оборотовъ, начиная съ легчайшаго и идя постепенно къ труднѣйшему.

Татарскія книжки для крещенскихъ школъ печатаются постоянно и умышленно только по—татарски, безъ русскаго текста. Казанская система старается о фундаментѣ, Симбирская, минуя фундаментъ, старается украсить зданіе красивыми узорами; она должна составить въ процессѣ христіанско-русскаго образованія второй фазисъ, а Казанская – первый.

Таковы были взгляды Н. И. Ильминскаго на такъ называемую *обрусительную* систему, которой держался о. Баратынскій до близкаго личнаго знакомства съ основателемъ Казанской системы. Познакомившись лично съ Николаемъ Ивановичемъ чрезъ своего бывшаго послѣдователя Ивана Яковлевича Яковлева, студента Казанскаго Университета, еще на гимназической скамьѣ трудившагося надъ просвѣщеніемъ сородичей по системѣ о. Баратынскаго, но потомъ преклонившагося предъ системой Ильминскаго, отецъ Баратынскій вскорѣ цѣликомъ принялъ Казанскую систему, явился однимъ изъ ревностныхъ дѣятелей по постройкѣ церквей, открытію чувашскихъ приходовъ; поощрялъ, будучи благочиннымъ, исполненіе богослуженія, требъ и особенно исповѣди

на чувашскомъ языкѣ; церковное пѣніе включилъ въ кругъ обязательныхъ предметовъ и настаивалъ на участіи чувашскихъ дѣтей въ чтеніи и пѣніи при Богослуженіи, всѣми силами поощряя священниковъ, работающихъ въ такомъ же направленіи, самъ являя собою примѣръ истиннаго пастыря Христовой церкви, самоотверженно работая Господеви.

Такимъ образомъ Николаю Ивановичу пришлось еще въ 1866 г. встрѣтить въ своей дѣятельности теченіе, если не противное, то значительно расходящееся съ его основными взглядами, такъ ясно имъ самимъ охарактеризованное. Преимущество осталось за Казанской системой, чему не мало помогъ графъ Д. А. Толстой своимъ отзывомъ во Всеподданнѣйшемъ докладѣ о ревизіи Казанскаго Учебнаго Округа. „Доселѣ благами просвѣщенія въ Казанскомъ Округѣ пользуются едвали не исключительно дѣти средняго и высшаго сословій; народъ какъ русскій, такъ и инородный почти лишенъ его. Между тѣмъ инородцы обитаютъ въ большомъ числѣ почти во всѣхъ губерніяхъ этого округа въ томъ же невѣжествѣ, въ которомъ находились нѣсколько столѣтій тому назадъ, и при томъ въ отчужденности отъ русскаго элемента. *Просвѣщать инородцевъ, сближать ихъ съ русскимъ духомъ и съ Россіей составляетъ, по моему мнѣнію, задачу величайшей политической важности въ будущемъ.* Въ прошломъ году два частныя лица, по убѣжденію и призванію, положили начало дѣйствительнаго и прочнаго миссіонерства. Профессоръ Университета Ильминскій и профессоръ Духовной Академіи Маловъ учредили на собственныя средства школу для крещеныхъ татаръ. Школа эта заслужила всеобщее сочувствіе, и теперь устраиваются съ тою же цѣлію двѣ небольшія татарскія школы въ уѣздахъ, гдѣ преподавателями будутъ молодые татары, обучавшіеся въ Казанской школѣ. Оказавъ этой школѣ все зависящее отъ меня содѣйствіе, я предполагаю сдѣлать изъ нея современемъ центральное татарское училище, связывая съ нимъ всѣ татарскія школы, которыя удастся устроить какъ въ Казани, такъ и въ смежныхъ съ нею губерніяхъ".

Сильное отступническое броженіе среди крещеныхъ татаръ

и частію чувашъ края, призвавшее нашихъ дѣятелей къ активной миссіонерской дѣятельности путемъ проповѣди и увѣщаній, въ то же время взволновало и русскую власть и русское общество. По Министерству Н. Просвѣщенія былъ учрежденъ Инородческій Комитетъ въ Казани. Мѣстный архіепископъ, вскорѣ послѣ вступленія на каѳедру, пославшій въ Св. Синодъ упомянутую нами записку о миссіонерскихъ отдѣленіяхъ при Академіи и лучшей постановкѣ мѣстнаго миссіонерства вообще, видимо рѣшился прибѣгнуть къ мѣстнымъ силамъ, не дожидаясь помощи отъиуду. Подъ его святительскимъ руководительствомъ кружекъ лучшихъ людей г. Казани: викарный епископъ Гурій, попечитель округа П. Д. Шестаковъ, губ. предводитель дворянства П. Г. Осокинъ, вице-губернаторъ Е. А. Розовъ, ректоры академіи и семинаріи Иннокентій и Варсонофій, предсѣдатель уѣздной земской управы Г. И. Горталовъ, дворянинъ П. Арцыбашевъ, купцы В. И. Уженинъ, П. А. Прибытковъ, И. Я. Тихоновъ, Я. Соколовъ, два главные дѣятеля по инородскому просвѣщенію, иниціаторы Николай Ивановичъ Ильминскій, Е. А. Маловъ, Н. И. Золотницкій (инспекторъ чувашскихъ школъ), каѳедральный протоіерей В. И. Вишневскій, начальникъ корпуса жандармовъ генералъ майоръ Слезкинъ и нѣкоторые другіе основали въ Казани Братство св. Гурія, перваго архіепископа Казанскаго, съ цѣлію продолжать его дѣятельность. Владыка Антоній вручилъ Братству священную хоругвь съ изображеніемъ на одной сторонѣ Благовѣщанія Пресвятой Богородицы, на другой—святителя Гурія, чтобы Братство подъ сѣнію ея трудилось на пользу св. вѣры, берегло и цѣнило эту свою братскую хоругвь, освященную архіепископомъ и стоящую при мощахъ св. угодника. Главный виновникъ учрежденія Братства, Николай Ивановичъ первый держалъ это священное знамя въ день открытія Братства, 4 октября 1867 года, за литургіей въ каѳедральномъ соборѣ около царскихъ вратъ; такъ и остался на всю жизнь первымъ борцомъ за св. вѣру, первымъ работникомъ Братства; высоко держалъ это священное знамя, которое осѣняло его прахъ при похоронахъ; и это знамя предшествовало его гробу, когда скорбная Казань провожала въ могилу своего лучшаго гражданина.

Новоучрежденное Братство было принято Казанью съ замѣчательной сердечностью. Въ составъ его вошли оба покровителя: владыка Антоній и губернаторъ Н. Я. Скарятинъ старшій изъ учредителей епископъ Гурій, извѣстный своею миссіонерскою дѣятельностью въ Братствѣ, командующій войсками Округа генералъ-адъютантъ Б. Г. Глинка—Мавринъ и цѣлый рядъ братчиковъ изъ дворянъ, чиновниковъ, духовенства и купцовъ (251 бр. 78 сест.) Братство основывалось при каѳедральномъ соборѣ, имѣло своею задачею утверждать въ вѣрѣ крещеныхъ инородцевъ чрезъ воспитаніе дѣтей ихъ въ духѣ православія, посредствомъ школъ, книгъ на инород. языкахъ и устройства среди инородческаго населенія церквей. Оно брало на себя и распространеніе христіанства между магометанами и язычниками, убѣжденіе и вразумленіе отпадающихъ и заблуждающихся членовъ православной церкви, поддержаніе благолѣпія храмовъ и заботу о чинномъ и благоговѣйномъ, неопустительномъ отправленіи богослуженія въ предѣлахъ Казанской епархіи. Братство готово было содѣйствовать и покровительствовать учрежденію школъ среди православнаго русскаго населенія, распространять въ народѣ полезныя книги, развивать здравыя понятія, искоренять суевѣрія. Наконецъ Братство брало на себя заботы и попеченіе о нуждающихся членахъ православной церкви изъ инородцевъ, чрезъ оказаніе имъ нравственной и матеріальной поддержки.

Для осуществленія этихъ благопожеланій и высокихъ цѣлей, Братство въ день открытія имѣло уже значительныя матер. средства: 1231 р. взноса ежегоднаго и 3903 р. 25 к. пожертвованій.

Учрежденное братство съ первыхъ же дней своего существованія стало оказывать нравственную и матеріальную помощь школамъ Н. И. Ильминскаго.

На засѣданіи 10 октября 1867 г. на Казанскую школу, въ которой, по выраженію Всеподданнѣйшаго отчета Г. Оберъ-Прокурора Св. Синода „образуется крѣпкое ядро ревнителей православія, и которая постепенно пріобрѣтаетъ значеніе центральнаго и руководительнаго учрежденія, посредствомъ котораго удобно будетъ

шире раскинуть сѣть учебной миссіонерско-образовательной дѣятельности," было ассигновано по 500 рублей ежегодно для содержанія бѣдныхъ учениковъ и особенно дѣвушекъ, такъ какъ религіозное направленіе въ крещенскихъ семьяхъ находится въ рукахъ женщинъ.

Благодаря этому, въ школѣ стало учиться въ $186^{7}/_{8}$ учеб. году не 52 учащихся, какъ было въ предыдущемъ, а 72 мальчика и 10 дѣвочекъ. Увеличеніе числа учениковъ естественно вызвало и необходимость расширить самое помѣщеніе школы. Но еще болѣе ощущалась нужда въ домовой при школѣ церкви, гдѣ бы можно было совершать богослуженія на татарскомъ языкѣ.

Братство пришло съ своею помощью Ариышской школѣ въ 120 р. ежегодно, Никифоровской въ 60 р., Апазовской, Ошминской по 120 р. въ годъ, Билятлибашской школѣ въ 72 руб. ежегодно.

Такая поддержка дала возможность Николаю Ивановичу въ 1868 г. открыть еще рядъ школъ въ Урѣевѣ, Сердѣ, Карабаянахъ, Ишалькахъ, Яицоварахъ, Чурѣ, съ учителями изъ Казанской школы, при дѣятельной мѣстной помощи.

Всѣ эти школы находились подъ постояннымъ надзоромъ Казанскихъ учредителей инородч. образованія, и Братство не вмѣшивалось въ жизнь школъ.

Кромѣ татаръ, стали учиться въ братскихъ школахъ вотяки (въ Ошмѣ) и чуваши. О послѣднихъ особенно горячо ратовалъ новый ревнитель инородческаго образованія, обращенный Николаемъ Ивановичемъ въ свою вѣру, братчикъ Н. И. Золотницкій. Онъ открылъ для чувашъ школы въ с. Шемердяновѣ Ядринскаго уѣзда и въ приходѣ села Байтерякова Тетюшскаго уѣзда при ежегодной помощи Братства въ 156 р. на школу. Для первоначальнаго обученія чувашъ на родномъ языкѣ Г. Золотницкимъ переведены и изданы руководства.

Но еще болѣе сказалось религіозное воодушевленіе среди горныхъ черемисъ Козьмо-демьянскаго уѣзда, гдѣ подъ покровительствомъ Братства устроено 11 школъ, находящихся подъ руководствомъ того-же И. Н. Золотницкаго и основанныхъ при со-

дѣйствіи мѣстнаго мирового посредника П. А. Износкова *), при чемъ на счетъ братства издавались черемисскіе учебники.

Такимъ образомъ въ первый-же годъ своего существованія Братство удѣлило на инор. школы 1778 р. Но это ассигнованіе ежегодно возростало, по мѣрѣ увеличенія количества школъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ увеличивалось количество учащихся въ Казанской школѣ.

Въ $18^{68}/_{69}$ г. было въ ней 80 мальчиковъ и 13 дѣвочекъ, въ $18^{69}/_{70}$ г.—86 мальчиковъ и 15 дѣвочекъ, а въ $18^{70}/_{71}$ г. 117 учащихся.

Въ 1868 г. школъ—колоній числилось 12, а въ слѣдующемъ 1869 г. уже 28. Казанская школа теперь ежегодно получала по 1000 р. отъ Св. Синода, который въ 1869 г. (12 августа) назначилъ уже 4050 руб., при чемъ 3050 р. шли въ Братство на вознагражденіе священниковъ въ инородческихъ приходахъ, если они постараются устроить въ приходахъ школы.

Министерство Народнаго Просвѣщенія въ 1869 г. выдало Василію Тимоѳеевичу 500 р. награды, а въ 1870 г. отпустило 10000 р. на устройство каменнаго зданія для школы и церкви. Кромѣ того, Казанская школа получила отъ города мѣсто въ 1868 г. до 900 кв. с. и въ 1869 году 750 кв. саж. въ добавленіе къ той дачѣ, которая была уступлена школѣ въ 1866 году. Теперь сама школа выстроила въ 1868 г. деревянный одноэтажный домъ, такъ какъ прежнее помѣщеніе стало уже тѣснымъ, а съ 1870 г. приступила къ постройкѣ новаго, каменнаго зданія съ домов. церковью.

Къ еще большему счастію Николая Ивановича, въ 1868 г. 19 мая его любимое дѣтище—Казанская школа была посѣщена Его Императорскимъ Высочествомъ Великимъ Княземъ Алексѣемъ Александровичемъ, который, осматривая въ Казани разныя заведенія, удостоилъ своимъ посѣщеніемъ и школу. Здѣсь Его Высочество былъ встрѣченъ предсѣдателемъ совѣта Братства св. Гурія, попечителемъ учебн. округа П. Д. Шестаковымъ и Николаемъ Ивановичемъ, который и поднесъ Его Высочеству записку

*) Инспекторъ окружного наблюдателя церковно-приходскихъ школъ.

о состояніи школы. Дѣти, мальчики и дѣвочки, пропѣли сначала по-татарски, потомъ по-русски „Спаси, Господи, люди Твоя„. Его Высочество спросилъ одного мальчика и одну дѣвочку, переводъ съ русскаго на татарскій. Николай Ивановичъ представилъ Высокому Посѣтителю наставника школы Василія Тимоѳеевича и преподнесъ нѣсколько брошюръ по вопросу объ инородческомъ образованіи въ Казанскомъ краѣ. Школа получила пособіе отъ Его Высочества въ 150 руб.

Черезъ годъ 31 мая школа имѣла счастіе встрѣчать въ стѣнахъ своихъ Его Императорское Высочество Принца Петра Георгіевича Ольденбургскаго, которому благоугодно было пожертвовать на усиленіе средствъ 100 руб. Далѣе 18 іюля произошло событіе, незабвенное для школы, Братства св. Гурія и для всѣхъ крещеныхъ инородцевъ. Въ этотъ день въ школѣ, какъ и во всей Казани происходило необычайное движеніе. Густыя толпы народа покрывали Арское поле и дорогу, идущую къ школѣ. Дворъ школы былъ переполненъ крещеными инородцами, пріѣхавшими и пришедшими за сотни верстъ, чтобы лицезрѣть Царскихъ Дѣтей. Къ ученикамъ казанской школы присоединились ученики школъ отраслей, были ученики чувашскихъ, черемисскихъ школъ съ своими учителями. Въ $9^1/_2$ ч. утра въ школу прибылъ Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ, Государыня Великая Княгиня Цесаревна *), Великій князь Алексѣй Александровичъ. Школу показывалъ наставникъ ея Василій Тимоѳеевичъ. Ихъ Императорскія Высочества слушали нѣніе молитвъ по русски и потомъ на инородческихъ языкахъ, при чемъ черемисскій хоръ исполнилъ русскій народный гимнъ. Ихъ Высочества распрашивали о методахъ преподаванія и устройствѣ школы, посѣтили помѣщеніе учителя, прошли межъ рядами крещеныхъ татаръ въ женское отдѣленіе, которое осмотрѣли со всею подробностію. Высокіе посѣтители въ самыхъ привѣтливыхъ выраженіяхъ проявили свое удовольствіе и сочувствіе школѣ, какъ христіанскивоспитательному заведенію; благодарили учителя, вписали имена свои въ книгу посѣтителей—и пробывъ часъ въ школѣ, оставили всѣхъ въ

*) Это были въ Бозѣ почившіе Царь—Миротворецъ и Его супруга, нынѣ здравствующая Государыня Императрица Марія Ѳеодоровна.

восторгѣ и умиленіи. Въ тотъ же день учредитель школы удостоился приглашенія къ обѣденному столу Цесаревича, а предсѣдатель Совѣта Братства св. Гурія получилъ отъ Гофмаршала Двора Его Высочества 500 р. при письмѣ слѣдующаго содержанія; „Ихъ Императорскія Высочества Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ и Государыня Великая Княгиня Цесаревна, посѣтивъ сегодня татарскую школу профессора Ильминскаго, изволили со особеннымъ удовольствіемъ слушать чтеніе и пѣніе дѣтей и изъясненіе методы преподаванія. Удостовѣрившись лично въ возможности этого учрежденія для образованія крестьянъ и въ особенности для утвержденія среди татарскаго населенія православной вѣры и христіанскаго благочестія, Ихъ Высочества пожелали съ своей стороны содѣйствовать усиленію средствъ школы г. Ильминскаго и положили жертвовать ежегодно потребную сумму на содержаніе въ ней 20 учащихся: 10 мальчиковъ отъ имени Государя Наслѣдника Цесаревича и 10 дѣвочекъ отъ имени Государыни Великой Княгини Цесаревны. Извѣщая о семъ Ваше Превосходительство имѣю честь препроводить при семъ 500 р., слѣдующіе за первый годъ съ нижеписаннаго числа и о полученіи покорнѣйше прошу увѣдомить".

Въ тоже время члены свиты Ихъ Высочествъ, освѣдомившись о надобности для школы особой церкви, положили составить между собою подписку на построеніе этой церкви, и въ іюнѣ учредитель школы получилъ 1450 рублей при письмѣ секретаря Ея Императорскаго Высочества Государыни Цесаревны Великой Княгини Маріи Ѳеодоровны Э. А. Оома на будущую церковь.

Нечего и говорить, что царское вниманіе къ религіознымъ нуждамъ инородцевъ произвело благотворное впечатлѣніе на послѣднихъ. Ихъ Императорскія Высочества осчастливили этимъ вниманіемъ инородческихъ дѣтей, не переставая помогать школѣ и впослѣдствіи. Царская Семья глубоко заинтересовалась Казанской системой. Въ 1870 г. 8 іюня школа принимала въ стѣнахъ своихъ Его Императорское Высочество, Великаго Князя Константина Николаевича, основательно знавшаго турецкій языкъ и имѣвшаго возможность судить о лингвистическихъ качествахъ

татарскихъ переводовъ и вообще о постановкѣ татарской школы. Его Императорскому Высочеству представлялись всѣ воспитанники школы, ея бывшіе питомцы, служившіе учителями въ школахъ—отрасляхъ, со своими учениками, черемисы, чуваши, вотяки. Когда Его Высочество вошелъ въ мужское отдѣленіе школы, предсѣдатель совѣта Братства, попечитель учебнаго округа представилъ Ему Николая Ивановича, который имѣлъ счастіе поднести Высокому Посѣтителю записку о цѣли и направленіи школы. Всѣ разноплеменные питомцы пропѣли молитву Господню по славянски, въ ознаменованіе своего духовнаго родства съ русскими во Христѣ Іисусѣ.

Послѣ того татары, чуваши и черемисы пѣли туже молитву, каждая группа на своемъ языкѣ. Его Высочество милостиво разговаривалъ съ каждой группой; разсматривалъ крещенотатарскіе учебники, ученическія тетрадки, богослужебныя рукописи съ обозначеніемъ напѣвовъ цифрами вмѣсто нотъ; испытывалъ учениковъ и особенное вниманіе обратилъ на татарскіе переводы богослужебныхъ книгъ. Нѣкоторыя особенности этихъ переводовъ вызвали научныя замѣчанія Его Высочества. Послѣ мужскаго отдѣленія Высокій Гость изволилъ посѣтить квартиру учителя Василія Тимоеевича, прошелъ въ женское отдѣленіе, гдѣ слушалъ пѣніе дѣвицъ и, выходя оттуда, пожелалъ школѣ успѣховъ, въ тотъ же день пожаловалъ 250 р. на школу, положенные теперь въ неприкосновенный школьный капиталъ. Николай Ивановичъ былъ приглашенъ къ обѣденному столу Его Высочества.

Замѣчанія Его Высочества касались употребленія народнаго языка вмѣсто ученаго въ татарскихъ переводахъ, въ связи съ употребленіемъ русскаго алфавита вмѣсто арабскаго. Разъясненія Великому Князю давалъ попечитель учебн. округа П. Д. Шестаковъ, но, видимо, не представилъ ученому сколько нибудь серьезныхъ лингвистическихъ данныхъ.

Николай Ивановичъ не удовлетворился ими и съ дозволенія Великаго Князя чрезъ адъютанта Его Высочества Князя Э. А. Ухтомскаго предетавилъ обстоятельныя объясненія, гдѣ съ полною откровенностью изложилъ свои убѣжденія. Основатель системы

опредѣлилъ главныя основанія своей системы переводовъ на народный татарскій языкъ, чуждый арабскихъ и персидскихъ примѣсей, свободный отъ вліянія мусульманской культуры и понятный для народной массы. Далѣе онъ изложилъ пріемы, посредствомъ которыхъ языкъ его переводовъ удовлетворялъ филологическимъ требованіямъ, былъ ясенъ и понятенъ толпѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ выражалъ духъ подлинника, былъ истинно христіанскимъ, чуждымъ языческихъ или магометанскихъ представленій, сильно вліяя на умъ и сердце инородца.

Русскій алфавитъ, по объясненію Николая Ивановича, есть показатель связи крещеныхъ татаръ съ русскою церковью, какъ *русскій* алфавитъ есть показатель нашей связи—съ греческой. Арабскій алфавитъ, указывая на связь съ родиной мусульманства, въ тоже время менѣе пригоденъ для обозначенія татарскихъ звуковъ, чѣмъ алфавитъ русскій, при условіи нѣкоторыхъ приспособленій. На возраженіе, что русскій алфавитъ ограничиваетъ употребленіе христіанскихъ книгъ лишь средою крещеныхъ татаръ, Николай Ивановичъ высказался въ смыслѣ большого сомнѣнія, чтобы магометане вздумали читать христіанскіе переводы, самое изданіе которыхъ могло бы напротивъ усилить оппозицію мусульманства, вызвавъ подозрѣніе относительно посягательства на ихъ религію. „Если провидѣніе рано или поздно приведетъ нашихъ магометанъ къ познанію и принятію христіанской истины, то въ этомъ дѣлѣ всего удобнѣе могутъ послужить посредниками крещеные татары. Нужно стараться, чтобы крещеные-то татары вполнѣ усвоили себѣ христіанское ученіе, приняли его умомъ и сердцемъ, чтобы христіанство стало для нихъ дѣломъ жизни; тогда уже они сами передадутъ своимъ магометанскимъ сосѣдямъ христіанство и посредствомъ живой бесѣды, а еще болѣе примѣромъ христіанской жизни. Но прежде всего въ крещеныхъ татарахъ, доселѣ почти вовсе чуждыхъ христіанскаго міросозерцанія, долженъ совершиться внутренній процессъ духовнаго перерожденія такъ, чтобы они мыслили и чувствовали по-христіански. Какъ совершится этотъ процессъ? Онъ совершится сначала посредствомъ христіанскаго воспитанія въ нѣсколькихъ избранныхъ личностяхъ, даровитыхъ,

воспріимчивыхъ, искреннихъ, религіозныхъ, энергичныхъ, преданныхъ. „Царствіе небесное подобно закваскѣ“, говоритъ Спаситель. Съ другой стороны, духовная мыслящая сила въ человѣкѣ сама по себѣ имѣетъ такую организующую, животворящую дѣятельность, что при нѣкоторомъ направленіи способна произвести рядъ новыхъ понятій и создать систему, прежде этому человѣку неизвѣстную. Поэтому, хотя по существу татарскаго, еще далеко не христіанскаго языка, и нельзя передать на немъ вполнѣ точно христіанскіе тексты... но и въ этихъ переводахъ содержаніе христіанства можетъ быть обозначено настолько опредѣленно и можетъ заключать въ себѣ столько христіанскаго матеріала, догматическаго, нравственнаго и богослужебно-лирическаго, что передовыя личности изъ среды крещеныхъ татаръ удобно могутъ ввести въ свое сознаніе и въ свое сердце христіанство, какъ цѣльное и дѣйственное ученіе. Христіанство, какъ живое начало, какъ закваска, само воздѣйствуетъ на ихъ мысль и чувство. А организовавшись въ въ этихъ личностяхъ, отъ нихъ и черезъ нихъ оно передастся и другимъ. Только при этомъ не должно выпускать изъ рукъ единственно дѣйственное орудіе—родной татарскій языкъ. Родной языкъ составляетъ сущность духовной природы человѣка и народа и самое сильное средство къ перевоспитанію и образованію. Только родной языкъ можетъ успѣшно и основательно, а не поверхностно двинуть народъ, какъ массу, по христіанскому пути. Давно ли начались крещено-татарскія школы въ Казанскомъ краѣ: но благодаря именно родному языку, онѣ уже воспитали нѣсколько юношей, мыслящихъ и чувствующихъ вполнѣ по—христіански, глубоко преданныхъ дѣлу христіанства, которые усердно читаютъ христіанскія книги или устно разсказываютъ ихъ содержаніе старшимъ поколѣніямъ крещеныхъ татаръ, а эти усердно и искренно ихъ слушаютъ. Положительно можно сказать, что процессъ перерожденія крещеныхъ татаръ въ настоящихъ христіанъ по мысли и чувству, стоитъ на прямомъ пути. Мы вѣримъ, что евангельское слово Спасителя Іисуса Христа, воплотившись, такъ сказать, въ татарскомъ живомъ, естественномъ языкѣ и черезъ то прінскренне пріобщаясь самой глубины мысли и религіозной совѣсти

татаръ, сотворитъ и совершитъ дѣло христіанскаго возрожденія этого племени".

Его Высочество съ полнымъ безпристрастіемъ ученаго призналъ практическую цѣлесообразность Казанской системы и въ томъ же году чрезъ князя Ухтомскаго и потомъ чрезъ графа Д. А. Толстого выразилъ признательность учредителю системы, заявивъ, что представленныя объясненія „совершенно измѣнили его прежній взглядъ на дѣло, которое до сихъ поръ представлялось ему въ иномъ свѣтѣ. Теперь онъ вполнѣ согласенъ съ направленіемъ И. И. и выражаетъ полное сочувствіе и желаніе поддержать И. И. на трудномъ, но вѣрномъ пути его полезной дѣятельности„. Въ доказательство своего одобренія Его Высочество поручилъ Министру Народн. Просвѣщенія напечатать записку Николая Ивановича въ журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія подъ заглавіемъ: „О переводѣ православныхъ христіанскихъ книгъ на татарскій языкъ при христіанско-татарской школѣ въ г. Казани" (1870 г.).

Еще большее впечатлѣніе произвело на инородцевъ посѣщеніе Казанской школы 27 августа 1871 г. Его Императорскимъ Величествомъ Государемъ Императоромъ Александромъ Николаевичемъ въ сопровожденіи Наслѣдника Цесаревича Александра Александровича и Великаго Князя Владиміра Александровича. Къ этому времени былъ уже совершенно готовъ каменный домъ, построенный на 10 т. р., отпущенные Министерствомъ Н. Просвѣщенія. Въ школу наѣхала масса крещеныхъ татаръ, желая увидѣть Государя. Собрались всѣ воспитанники школы, настоящіе и бывшіе и ученики школъ—отраслей, равно ученики изъ другихъ инородческихъ племенъ. Крещеные татары заняли одну комнату, далѣе шли ученики —чуваши, и черемисы; въ корридорахъ размѣстились отцы учащихся; въ отдѣльныхъ комнатахъ стояли дѣвушки съ своими учительницами, а отдѣльно ихъ матери и родственницы. Когда Августѣйшіе Посѣтители вступили въ первую комнату, всѣ крещено-татарскіе воспитанники хоромъ запѣли потатарски: „Спаси, Господи, люди Твоя", за ними тоже повторили черемисы и чуваши на своихъ языкахъ. Государю Императору благоугодно

было выслушать разъясненіе попечителя уч. округа о назначеніи и устройствѣ школы.

Потомъ Государь Императоръ перешелъ къ воспитанницамъ, которыя сначала пропѣли тотъ-же тропарь по-татарски, потомъ, по желанію Его Величества, по-русски. Государь Императоръ обратилъ вниманіе на татарскихъ женщинъ и вышелъ въ корридоръ. Здѣсь Его Величество, подошедши къ отцамъ учащихся, изволилъ высказать имъ свое удовольствіе слѣдующими словами: „Я очень радъ, что ваши дѣти учатся здѣсь, и увѣренъ, что они выйдутъ отсюда хорошими христіанами“. Крещеные татары были глубоко тронуты словами Монарха, а дѣти инородцевъ съ восторгомъ провожали Августѣйшихъ Посѣтителей съ торжественнымъ пѣніемъ многолѣтія на татарскомъ языкѣ. Крещеные разнесли слова Государя по деревнямъ, восторгались, что Богъ привелъ увидѣть имъ самого Царя, слышать Его слова, и это содѣйствовало еще большей извѣстности крещено-татарскихъ школъ среди татарскаго населенія. Впослѣдствіи было исходатайствовано Высочайшее соизволеніе, чтобы слова Монарха были начертаны по-русски и по-татарски на мраморной доскѣ, вставленной въ стѣну при входѣ въ устроенную въ школѣ церковь.

И такъ труды Николая Ивановича увѣнчались успѣхомъ. Душевное дѣло этого человѣка признано важнымъ и правильнымъ съ высоты Престола. Его идеи вполнѣ усвоило Братство, Начальство учебнаго округа, само Министерство и Св. Синодъ.

Но и въ эти минуты душевной радости Николай Ивановичъ не могъ быть спокоенъ за начинающее развиваться инородческое просвѣщеніе. Мы знаемъ, что много горя онъ перенесъ отъ своего непосредственнаго академическаго начальства, знаемъ его разногласія съ творцомъ инородческаго образованія въ Симб. губерніи о. Баратынскимъ. Возраженія Великаго Князя Константина Николаевича были не единственными. Пока школа работала въ тиши, о ней молчали; когда она явилась мірови, о ней заговорили, стали судить и впрямь и вкось ея дѣло.

Прежде всего вновь открытое Миссіонерское общество въ Петербургѣ составило въ 1867 г. проектъ устройства миссіонер-

скаго отдѣленія при восточномъ факультетѣ Петербургскаго Университета въ духѣ ученаго изученія инородческихъ языковъ, какъ это было раньше въ Казанской Академіи. Авторомъ этого проекта былъ профессоръ А. К. Казембекъ. Предполагалось устроить при факультетѣ двухлѣтніе курсы татарскаго, арабскаго и монгольскаго языковъ и религій буддійской и магометанской. Проектъ представленъ былъ Оберъ-Прокурору Св. Синода, а послѣднимъ посланъ на заключеніе Каз. Академіи. Послѣдняя, въ лицѣ Н. И. Ильминскаго, Е. А. Малова, В. В. Миротворцева, нашла программу Казембека и предположенія Миссіонерскаго Общества не цѣлесообразными, показывающими, что Совѣтъ Миссіонерскаго Общества не знаетъ ни дѣла миссіонерскаго, ни народныхъ восточныхъ языковъ. Указавъ, что для миссіонерскаго воздѣйствія необходимо полное знаніе инородческихъ нарѣчій, конференція академіи признала самыми лучшими непосредственными дѣятелями среди инородцевъ ихъ же единоплеменниковъ, такъ какъ русскому человѣку весьма трудно усвоить живое инородческое нарѣчіе во всей полнотѣ. Миссіонерскому Обществу посему всего лучше приготовлять миссіонеровъ изъ туземцевъ въ особыхъ инородческихъ школахъ, каковы—училище при Посольскомъ монастырѣ въ Иркутской епархіи, Алтайское миссіонерское училище, Уланпская женская община и Казанская крещенотатарская школа, при употребленіи учебныхъ и образовательныхъ книгъ на инородческихъ нарѣчіяхъ. Поддержаніе и дальнѣйшее развитіе этихъ училищъ и изданіе книгъ на инородческихъ языкахъ Миссіонерское Общество должно считать своею главнѣйшею обязанностью и обезпечить это дѣло достаточными матеріальными средствами. Изъ числа образовавшихся въ такихъ училищахъ инородческихъ юношей наиболѣе даровитые, старательные по ученію, отличающіеся честнымъ поведеніемъ и особеннымъ усердіемъ къ православной вѣрѣ будутъ непосредственными дѣятелями къ дальнѣйшему распространенію христіанства среди инородцевъ. Но для руководства ихъ учительской и миссіонерской дѣятельности, для противодѣйствія представителямъ язычества, а также для составленія переводовъ на инородческіе языки, наконецъ, для

упроченія въ массѣ инородцевъ русскаго быта, нужны миссіонеры русскіе съ надлежащимъ для исполненія этихъ обязанностей образованіемъ.

Въ то же самое время, какъ мы знаемъ, былъ составленъ проэктъ инородческаго воспитанія о. Баратынскимъ, который считалъ Казанскую систему „опасной и вредной съ точки зрѣнія русскаго человѣка„. Н. И. Ильминскій и его послѣдователь инспекторъ чувашскихъ школъ И. Н. Золотницкій стали обвинятся въ стремленіи поддерживать и развивать инородческіе языки, въ созданіи инородческой литературы. Въ этомъ видѣли стремленіе привести народности къ самосознанію и тѣмъ воспрепятствовать сліянію инородцевъ съ русскимъ народомъ. Враждебное отношеніе къ Казанской системѣ отъ словъ перешло къ дѣлу. Противъ нея появились въ 1867 г. статьи на страницахъ Журнала Министерства Нар. Просвѣщенія, составлялись постановленія ученыхъ учрежденій, училищныхъ совѣтовъ и даже земскихъ учрежденій, которыя при открытіи земскихъ школъ среди инородческаго населенія, очевидно, должны были касаться и вопроса о постановкѣ въ этихъ школахъ ученія на русскомъ или инородческомъ языкѣ. Братство св. Гурія, принявшее Казанскую систему, въ лицѣ своего предсѣдателя, на засѣданіи 10 марта 1868 г. высказало мысль, что возстающіе нынѣ противъ системы образованія инородцевъ, которую они называютъ системою Золотницкаго и Ильминскаго, и сами не вѣдаютъ, что они возстаютъ и разглагольствуютъ, не рѣдко даже съ раздраженіемъ и ядовитой ироніей, не противъ новой системы изобрѣтенія г. г. Ильминскаго и Золотницкаго и не противъ этихъ скромныхъ, трудолюбивыхъ и почтенныхъ дѣятелей, а противъ системы, утвержденной вѣковымъ опытомъ, противъ дѣйствовавшихъ по этой системѣ съ извѣстнымъ успѣхомъ святителей Божіихъ: Іоанна Златоустаго, Гурія и Варсонофія Казанскихъ, Стефана Пермскаго.

Такимъ образомъ Братству, пришлось встать на защиту своихъ дѣятелей и грудью отстоять высокое дѣло Николая Ивановича, начинавшее давать изумительно обильные плоды. Люди, совершенно не знакомые съ задачами инородческаго образованія и

положеніемъ инородческаго вопроса въ краѣ, не знакомые съ исторіей христіанской миссіи вообще и православнорусской въ частности, напуганные событіями возстанія и сепаратистическими стремленіями въ Польшѣ, лишь на основаніи теоретическихъ соображеній или совсѣмъ не подходящихъ фактовъ, увидѣли въ системѣ Николая Ивановича, представляющей собственно лишь продолженіе миссіонерскаго дѣла на началахъ, выработанныхъ нашими святыми просвѣтителями востока: Стефаномъ, Гуріемъ и Варсонофіемъ, нарушеніе государственнаго принципа, противодѣйствіе русскимъ задачамъ въ краѣ; изъ стремленія воздать „Кесарево Кесареви„ упустили изъ виду заповѣдь Спасителя: „воздать Божіе Богови". Между тѣмъ государственные дѣятели, люди большого ума, учености и опыта не задумались стать на сторону системы, не задумались открыто заявлять о ея полной цѣлесообразности. Такъ владыка Антоній, при обозрѣніи крещенскихъ приходовъ своей епархіи, удостоилъ своимъ посѣщеніемъ и самымъ внимательнымъ осмотромъ одну изъ школъ—отраслей, именно въ деревнѣ Никифоровкѣ, гдѣ учительствовала племянница Василія Тимоѳеевича дѣвица Ѳеодора, и печатно выразился объ этой школѣ такъ: „школа въ прямомъ смыслѣ образцовая". Конечно, никто не дерзнетъ заподозрить патріотическихъ чувствъ архіепископа Казанскаго Антонія, который въ свое время былъ лучезарной звѣздою церкви русской.

Нужно замѣтить, что г. министръ народ. просвѣщенія, обозрѣвая въ 1866 г. губерніи Казанскаго учебнаго округа, поставилъ инородческій вопросъ на очередь. По его предложенію, въ Казани при окружномъ управленіи былъ учрежденъ особый инородческій комитетъ подъ предсѣдательствомъ попечителя округа И. Д. Шестакова, изъ профессоровъ Н. И. Ильминскаго, Е. А. Малова и инспектора чувашскихъ школъ Н. И. Золотницкаго.

Въ 1867 г. министръ н. просвѣщенія ревизовалъ Одесскій округъ, обратилъ свое вниманіе на образованіе крымскихъ татаръ. По его распоряженію въ Симферополѣ учреждена была особая по сему вопросу коммиссія. Комитетъ и коммиссія подали въ Министерство свои мнѣнія по вопросу объ инородческомъ обра-

зованіи. Графъ Д. А. Толстой привлекъ къ рѣшенію инородческаго вопроса и училищные совѣты инородческихъ мѣстностей, ознакомивъ ихъ съ мнѣніями Казанскаго Комитета и Симферопольской коммиссіи.

Произошелъ живой обмѣнъ мнѣній. Кромѣ членовъ казанскаго инородческаго комитета, особенно много поработалъ по инородческому дѣлу попечитель округа П. Д. Шестаковъ. Онъ собралъ обширный матеріалъ объ инородческихъ племенахъ края и въ цѣломъ рядѣ работъ о дѣятельности древнихъ русскихъ проповѣдниковъ, о современномъ состояніи инородцевъ старался доказать необходимость прежде всего религіознаго образованія для этихъ племенъ. Въ томъ же направленіи было постановленіе Казанскаго уѣзднаго училищнаго совѣта 19 мая 1868 г., принявшаго мнѣніе своего предсѣдателя священника М. М. Зефирова, бывшаго раньше преподавателемъ противобуддійскаго отдѣленія академіи, понимавшаго инородческій вопросъ. Симферопольская коммиссія однако была за русскую школу, что, можетъ быть, вызывалось нѣкоторыми мѣстными условіями края и необходимостью для школы дѣйствовать среди магометанскаго населенія.

Въ 1869 г. Министерство народнаго просвѣщенія нашло инородческій вопросъ достаточно выясненнымъ, и Ученый Комитетъ Министерства издалъ всю массу матеріала, присланнаго изъ Казанскаго Комитета и Симферопольской коммиссіи, съ добавленіемъ разныхъ научныхъ статей, подъ именемъ „Сборника документовъ и статей по вопросу объ образованіи инородцевъ“ (Сп. 1869 г.). Послѣдній весьма интересенъ для настоящаго времени, такъ какъ представляетъ рядъ мнѣній и вопросовъ по инородческому дѣлу, совершенно сходныхъ съ мнѣніями и недоумѣніями, которыя высказываются теперь, но смотря на то, что всѣ эти недоразумѣнія уже разрѣшены въ пользу казанской системы, современное ихъ повтореніе представляетъ лишь печальный продуктъ незнакомства съ исторіей инородческаго вопроса, продуктъ однако постоянно вредящій дѣлу просвѣщенія края и смущающій легковѣрныхъ людей.

Въ началѣ 1870 г. (2 февраля) Совѣтъ министра народ-

наго просвѣщенія, подъ предсѣдательствомъ самого графа Д. А. Толстого, въ присутствіи попечителей Казанскаго и Одесскаго учебн. округовъ, принялъ Казанскую систему, постановивъ, что „орудіемъ порвоначальнаго обученія для каждаго племени должно быть народное его нарѣчіе", что учителя въ инородческихъ школахъ „должны быть изъ соотвѣтствующаго племени инородцевъ, но при томъ хорошо знающіе русскій языкъ, или же русскіе, владѣющіе соотвѣтственнымъ инородческимъ нарѣчіемъ". Министерство порѣшило увѣнчать систему, постановивъ открыть въ Казани особую учительскую семинарію наполовину изъ русскихъ и изъ инородцевъ.

Такимъ образомъ дѣло Николая Ивановича вышло изъ горнила борьбы еще болѣе выяснившимся, опредѣлившимся и укрѣпленнымъ высшею властью, принявшею мнѣніе Казанскаго комитета. Послѣдній прежде всего обратилъ вниманіе Министерства на слѣдующее: „Въ семьяхъ православнорусскихъ религіозно-нравственное воспитаніе начинается въ самомъ нѣжномъ возрастѣ. Если инородческая семья не представляетъ къ тому благопріятныхъ условій по невѣжеству родителей и вообще по ихъ нехристіанскому складу понятій, то школа должна съ самаго поступленія въ нее инородческаго дитяти начать дѣло религіозно-нравственнаго образованія его. Подчинять такое образованіе инородческихъ дѣтей непремѣнному условію предварительнаго изученія ими русскаго языка, разумѣется, въ такой степени, чтобы они въ состояніи были понимать вѣроучительные тексты, значило бы терять по крайней мѣрѣ 2—3 года времени. При томъ это не сообразно съ естественнымъ ходомъ развитія человѣка: изученіе чужаго языка есть дѣло чисто разсудочное и, такъ сказать, схоластическое; изученіе же религіи, не богословское, а такое, которое свойственно дѣтскому возрасту,—есть дѣйствіе всей совокупности духовныхъ силъ, цѣльной природы человѣческой; а потому религіозно-нравственное образованіе инородческихъ дѣтей должно далѣе предшествовать изученію ими русскаго языка, или по крайней мѣрѣ идти съ нимъ совмѣстно и занять времени на первый разъ больше, нежели послѣднее. Наконецъ, такъ какъ въ эти инород-

ческія училища, по всей вѣроятности, будутъ поступать дѣти уже довольно возрастныя, то обученіе ихъ въ школахъ, очевидно, должно начаться не устнымъ собесѣдованіемъ съ ними наставниковъ, а прямо съ букваря. А въ букварѣ послѣ обученія чтенію, по какой бы то ни было методѣ, содержится именно религіозное ученіе: молитвы, священная исторія и основныя катихизическія понятія. Такимъ образомъ и съ этой стороны открывается неизбѣжность изученія религіи съ самаго начала школы. Отсюда слѣдуетъ необходимость въ инородческихъ школахъ вести обученіе непремѣнно на родномъ языкѣ учениковъ, польза котораго, какъ необходимаго орудія и вообще для первоначальнаго возбужденія и развитія мысли и религіозно-нравственнаго чувства въ дитяти, признается педагогіею, коль скоро она внушаетъ даже къ единоплеменнымъ молодымъ воспитанникамъ приспособляться въ выраженіи и постановкѣ понятій. Отсюда вытекаетъ практическое заключеніе: поручить первоначальное религіозно-нравственное образованіе инородческихъ дѣтей, вмѣстѣ съ обученіемъ грамотѣ на ихъ родномъ языкѣ, такому лицу, которое владѣетъ этимъ инородческимъ языкомъ и знакомо съ бытомъ, понятіями и даже съ умственнымъ и нравственнымъ складомъ инородческихъ учениковъ Этимъ необходимымъ условіемъ опредѣляется—быть ли учителемъ въ данномъ училищѣ священнику или мірянину. Если священникъ хорошо знакомъ съ языкомъ и бытомъ инородцевъ и имѣетъ при томъ призваніе и желаніе заниматься обученіемъ въ школѣ, то лучше этого и желать ничего. Въ противномъ случаѣ предоставлять религіозно-нравственное образованіе дѣтей мірянину и еще лучше единоплеменному съ воспитанниками инородцу, конечно, съ основательнымъ православнымъ настроеніемъ и понятіями.... Въ Казанскомъ округѣ въ начальныхъ народныхъ училищахъ для татаръ, чувашъ, черемисъ и прочихъ инородцевъ дозволяется первоначальное обученіе ихъ на собственныхъ народныхъ языкахъ". Приведенное мнѣніе и легло въ основу министерскаго постановленія.

Усиленно работая въ инородческомъ комитетѣ, Николай Ивановичъ постоянно провѣрялъ свои положенія съ фактами изъ

жизни его Казанской школы. Она должна была служить наглядным доказательством вѣрности его взглядовъ; должна была служить образцомъ для другихъ инородческихъ школъ. Поставивъ свою школу на общее разсмотрѣніе, учредитель открылъ двери училища для всякаго, кто только хотѣлъ въ нее войти и познакомиться съ ея дѣломъ. Онъ постоянно заботился о сохраненіи ея организаціи, какъ школы частной, боясь, что составленіе устава для нея помѣшаетъ ея развитію. Онъ желалъ, чтобы школа представляла предъ каждымъ посѣтителемъ, добровольно пришедшимъ сюда познакомиться съ инородческимъ дѣломъ, живой фактъ, который самому посѣтителю нужно изучать, анализировать, извлекать изъ него потребныя для себя мысли и соображенія. Въ этомъ смыслѣ онъ считалъ между прочимъ полезнымъ посѣщеніе школы семинаристами, видя въ этомъ одно изъ многихъ средствъ къ возрожденію въ нихъ практическаго знанія будущаго поприща ихъ служенія и доброй, усердной воли къ исполненію пастырскихъ обязанностей въ отношеніи къ инородцамъ. Но Николай Ивановичъ постарался отклонить отъ своей школы предстоявшую ей опасность превратиться въ мѣсто для практическаго ознакомленія Казанскихъ семинаристовъ съ татарскимъ языкомъ и для усвоенія педагогическихъ пріемовъ, чего желалъ для Казанской семинаріи владыка Антоній. По мнѣнію Николая Ивановича обязательное, подневольное посѣщеніе школы только для практики въ языкѣ и педагогическихъ пріемахъ ничего не значитъ; *ибо знаніе языка и педагогіи важно только въ связи съ другими, гораздо важнѣйшими качествами ума и сердца, изъ коихъ слагается идеалъ инородческаго учителя и священника*".

Постепенно устраивая свою Казанскую школу, Николай Ивановичъ обращалъ преимущественное вниманіе на ея воспитательное значеніе. Его школа должна была замѣнить татарчатамъ христіанскую семью, которой у нихъ не было; жизнь школы должна была быть семейной. Василій Тимоѳеевичъ держалъ себя въ ней, „какъ старшій братъ, къ которому дѣти относятся просто, откровенно, но вмѣстѣ съ тѣмъ уважительно. Въ школѣ нѣтъ ни-

какихъ искусственныхъ мѣръ и формальной выправки, а также тѣлесныхъ и другихъ наказаній". Порядокъ держался въ ней общимъ религіознымъ воодушевленіемъ, любовью къ труду и умѣньемъ держать дѣтей въ постоянномъ умственномъ и нравственномъ напряженіи, что совершенно исключало необходимость внѣшнихъ средствъ, никогда не имѣвшихъ воспитательнаго значенія.

Школу воодушевлялъ высокій христіанско-просвѣтительный интересъ; ея воспитанникамъ было не до шалостей, даже не до игръ: школа училась съ утра до вечера. Самъ Николай Ивановичъ держался съ учениками просто, любовно и довѣрчиво. Дѣти разсказывали ему все, что ихъ волновало. Школа старалась не отрывать учениковъ отъ того быта, той среды, изъ которой они вышли. Здѣсь все было просто. Дѣти сами кололи дрова, топили печи, возили воду, мыли полы, убирали комнаты; сами ухаживали за больными товарищами.

Учебная часть мало-по-малу приняла извѣстный порядокъ; хотя въ этомъ дѣлѣ болѣе всего принимались индивидуальныя наклонности дѣтей. Обученіе обыкновенно начиналось съ букваря, подъ руководствомъ Василія Тимоѳеевича, который училъ дѣтей читать по своей методѣ, почти фонетической, одновременно научая и писать. Далѣе дѣти читали книги Бытія, Премудрости, Евангеліе отъ Матѳея. Такъ шло дѣло 4—5 мѣсяцевъ, и ученикъ пріучался хорошо читать, съ пониманіемъ читаемаго, писать письма. Далѣе шло обученіе св. исторіи, катихизису, богослуженію и пѣнію свящ. пѣсней. Ученики практически обучались русскому языку, читали русскія книжки, что служило основаніемъ для сближенія ихъ съ русскими. Затѣмъ шла ариѳметика, свѣдѣнія изъ географіи и исторіи Россіи. Что кому нравилось, тотъ то и училъ. Ни классовъ, ни круга предметовъ не было; только первыя 4 книжки, „врата учености," да рукописи переведенныхъ церковныхъ пѣсней были обязательны для всѣхъ. Ученики пріѣзжали въ школу во всякое время, начинали ученіе врозь, но братская помощь въ занятіяхъ и рѣдкая любознательность помогали дѣлу.

По праздникамъ и воскреснымъ днямъ дѣти съ учителемъ бывали въ церкви за вечерней и обѣдней; говѣли 2 раза въ годъ; въ свободные часы пѣли въ школѣ разные каноны.

Послѣдствіемъ всего этого и былъ небывалый успѣхъ школы, поразительность результатовъ обученія въ ней, и милостивое вниманіе къ ея трудамъ съ высоты Царскаго Престола.

Вотъ какъ отзывался о Казанской крещенотатарской школѣ предсѣдатель Казанскаго уѣзднаго училищнаго Совѣта священникъ М. М. Зефировъ: „школу И. И. Ильминскаго я знаю съ самого ея рожденія Школа идетъ превосходно. Если-бы на Руси поболѣе существовало подобныхъ школъ – дѣло народнаго образованія быстро подвинулось бы впередъ. Мальчики и дѣвочки вступаютъ въ нее съ величайшею охотою; отцы и матери питаютъ къ ней довѣріе неограниченное. Отовсюду слышится благодарность учредителямъ и руководителямъ школы. Въ прошлую зиму (186$^{7}/_{8}$ г.) въ ней было болѣе 80 человѣкъ; во всѣхъ же татарскихъ школахъ, устроенныхъ по образцу Казанской, учащихся болѣе 400 человѣкъ.

Здѣсь ученіе идетъ бодро, непринужденно и толково. Въ полтора и два мѣсяца дѣти выучиваются читать и писать. Легкость, быстрота и толковитость обученія особенно изумляютъ и располагаютъ татаръ отдавать дѣтей въ школу. Особенно нравится крещенымъ татарамъ обученіе на родномъ языкѣ. „Вотъ эти мальчики, говорятъ они, указывая на учениковъ Казанской школы, съ перваго же начала понимаютъ, что читаютъ; а другіе, проучившись три года, и то не умѣютъ передать намъ ничего“.... „это очень хорошо сдѣлали, что перевели на татарскій языкъ: что читаешь, все понимаешь хорошо“.... „я уже 98-й годъ живу, никогда не встрѣчалъ человѣка, читающаго слова Божьи на нашемъ языкѣ“, говоритъ старецъ. Благодаря ученію на родномъ языкѣ, ученики школы пріобрѣтаютъ любовь къ ученію, занимаются и не въ учебное время дня, читаютъ, поютъ или слушаютъ разсказы своего наставника; даже дома, во время каникулъ не прекращаютъ своихъ занятій; тѣмъ и другихъ дѣтей заохочиваютъ къ ученію, даже не рѣдко начинаютъ учить ихъ.

Благодаря легкому и толковому обученію на родномъ языкѣ, школа пріобрѣла въ скоромъ времени такую репутацію, что въ нее стали поступать даже учившіеся въ другихъ училищахъ. Школа явилась какъ нельзя болѣе кстати; она удовлетворяетъ распространенному между крещеными татарами стремленію къ образованію и составляетъ благонадежный оплотъ противъ мусульманской пропаганды. Недаромъ въ 4 года она широко раскинула свои вѣтви. Притягательная сила ея простирается и на другихъ инородцевъ: вотяки и чуваши, усвоившіе себѣ языкъ татарскій, охотно отдаютъ дѣтей своихъ въ школы, устроенныя по образцу Казанской..

Самымъ могучимъ средствомъ къ утвержденію и поддержанію религіозной настроенности въ дѣтяхъ служитъ пѣніе церковныхъ пѣсней. Чудно видѣть этихъ дѣтей, собранныхъ изъ разныхъ захолустій, полунищенски одѣтыхъ въ дырявыхъ кафтанишкахъ и въ безобразныхъ лаптишкахъ, когда они воспѣваютъ на своихъ нарѣчіяхъ величія Божія. Не будь школы, они въ своихъ захолустьяхъ почитали бы прадѣдовскихъ керемстей. Дѣйствительно нощь невѣдѣнія проходитъ, омраченные просвѣщаются, спавшіе долгимъ сномъ пробуждаются. Уже теперь школа оказываетъ благотворное вліяніе на темную массу заброшенныхъ племенъ. Мальчики и учатся и учатъ старшихъ. Когда они пріѣзжаютъ домой, ихъ чтеніе и пѣсни собираются слушать толпы крещеныхъ татаръ. При этомъ чтеніи они высказываютъ и живой интересъ предметамъ вѣры и церкви, и радость о переводѣ священноцерковныхъ книгъ на ихъ родной языкъ, и горькое сожалѣніе и своемъ невѣжествѣ, особенно сравнительно съ татарами — магометанами, у которыхъ и книгъ много, и всякій болѣе или менѣе знаетъ свою вѣру.

Воспитанники школы Николая Ивановича Ильминскаго не только благотворно дѣйствуютъ на своихъ соплеменниковъ крещеныхъ, но способны дать отпоръ магометанамъ, у которыхъ почти всѣ возраженія противъ христіанства состоятъ въ томъ, что мы доскамъ кланяемся да мухъ гоняемъ, когда осѣняемъ себя крестнымъ знаменіемъ. На улицахъ старокрещенскихъ деревень происходятъ не рѣдко сцены истинно поразительныя. Съ книгою въ

рукахъ сидитъ на бревнѣ Василій Тимоѳеевъ или какой нибудь изъ его учениковъ. Старые и малые, парни и дѣвушки окружаютъ его густою толпою; хороводы останавливаются, пѣсни умолкаютъ. Раздается чтеніе или устный разсказъ. Плотно стѣснившись, съ напряженнымъ вниманіемъ, боясь проронить одно слово, слушаютъ крещеные на своемъ родномъ языкѣ слово Божіе, слушаютъ со слезами на глазахъ, съ замираніемъ сердца. Женщины нейдутъ домой, хотя ихъ тащатъ малыя дѣти. По окончаніи чтенія раздаются голоса: „Ахъ какъ хорошо слушать на своемъ языкѣ; вотъ въ церкви мы ничего не понимаемъ. Ай, спасибо, что написали по нашему“! Всего чаще послѣ чтенія слышится со стороны крещеныхъ татаръ горькое сознаніе въ своемъ невѣжествѣ и жалобы на безпомощность своего положенія среди соблазновъ магометанства. Отъ татаръ они отстали, къ русскимъ не пристали. Магометане называютъ ихъ кяфирами, русскіе по невѣжеству зачастую обзываютъ собаками, наравнѣ съ магометанами. „Куда мы ни придемъ, вездѣ надъ нами, крещеными, смѣются“, жалуются они. Радостью встрепенулись крещеные татары, услышавъ впервые на своемъ языкѣ содержаніе своей вѣры, обрядамъ которой они до сихъ поръ слѣдовали безсознательно, съ тупою покорностью, а иные нехотя, принужденно. Теперь они убѣждаются, что русская вѣра не есть погибель, какъ имъ толкуютъ постоянно муллы....

Въ настоящее время, по крайней мѣрѣ тамъ, гдѣ есть воспитанники школы Н. И. Ильминскаго, и гдѣ распространены книги его перевода, крещеные татары уже не стоятъ на распутіи между христіанствомъ и магометанствомъ. Грамотные между ними въ высшей степени интересуются книгами перевода г. Ильминскаго. Особенно привлекаетъ крещеныхъ татаръ пѣніе церковныхъ пѣсней на родномъ языкѣ... Слушая пѣніе на своемъ языкѣ, крещеные татары не могутъ удерживать своего восторга: „какъ хорошо слушать пѣніе на своемъ языкѣ, все понимаешь, и на сердцѣ весело! О, еслибы вся церковная служба была переведена на крещенскій языкъ: тогда бы мы ходили въ церковь съ величайшей радостью!“ На пасху нынѣшняго года въ нѣко-

торыхъ селахъ воспитанники школъ пѣли въ церкви пасхальный канонъ на своемъ языкѣ и сопровождали причтъ по крещенскимъ деревнямъ, замѣняя причетниковъ при пѣніи канона. Впечатлѣніе было самое сильное и благотворное. Священникъ села Карабаянъ пишетъ (изв. по Каз. Еп. № 17, 1868 г.), что многіе татары изъ стариковъ плакали при слушаніи канона, пѣтаго ихъ внуками. Старые и малые, женщины и дѣвицы—всѣ большою толпою ходили за св. иконами, избы туго набивались народомъ, народъ толпился у дверей, въ сѣняхъ, на дворѣ и улицѣ. Такому усердію крещеныхъ татаръ удивлялись причетники, помня ихъ прежнее равнодушіе, на что крещеные имъ отвѣчали: „прежде мы ничего не понимали, а теперь мало-мало въ ухо входитъ“... Тоже самое дѣйствіе производитъ пѣніе молитвъ на родномъ языкѣ на чувашъ и черемисъ. Одинъ 70 лѣтній старикъ чувашенинъ, служивиній нѣкогда приказнымъ головою, узнавъ, что пріѣзжій въ его деревню учитель одной чувашской школы и его помощникъ поютъ молитвы на чувашскомъ языкѣ, пригласилъ ихъ къ себѣ для пѣнія. Когда они начали пѣть по-чувашски, старикъ сталъ на колѣни предъ образомъ и началъ молиться со слезами; долго они пѣли, а старикъ все молился и плакалъ. По окончаніи пѣнія онъ всталъ, поклонился учителю и его помощнику и сказалъ: „Вѣкъ я изжилъ, умирать собираюсь, а только еще теперь помолился Богу отъ всей души, спасибо вамъ, спасибо!“

И такъ школа, устроенная по новой учебной системѣ, не только образуетъ и воспитываетъ инородческихъ дѣтей въ русско-христіанскомъ направленіи, но чрезъ нихъ и черезъ книги, изложенныя на живомъ народномъ языкѣ, благотворно дѣйствуетъ на массу инородческихъ племенъ: расточенные собираются въ ограду церкви. Надобно желать размноженія школъ, усиленія и распространенія переводовъ. *Крайне нельзя опасаться какого-то племеннаго обособленія инородцевъ*, вслѣдствіе распространенія между ними христіанскаго просвѣщенія посредствомъ ихъ роднаго языка; *православіе имѣетъ свойство объединять, а не обособлять и разрозинвать*. Я лично знаю почти всѣхъ лучшихъ воспитанниковъ школы Н. И. Ильминскаго,

которые теперь завѣдываютъ школами—отраслями, и желалъ бы отъ всей души, *чтобы воспитанники нашихъ русскихъ школъ были на нихъ похожи и по христіанскому просвѣщенію, и по гражданскому чувству.* Русскимъ людямъ, дорожащимъ успѣхами христіанства и успѣхами русскаго просвѣщенія, не сѣтовать слѣдуетъ на г.г. Ильминскаго и Золотницкаго за переводы священно-церковныхъ книгъ на живые инородческіе языки, а радоваться и подражать имъ. Татары—магометане хвалятся предъ крещеными, между прочимъ, тѣмъ, что у магометанъ книгъ много, а у русскихъ, какъ только выучатъ букварь, учиться больше нечему, и книгъ болѣе нѣтъ. Въ этихъ словахъ горькая правда. Книгъ, понятныхъ для простого народа, у насъ почти нѣтъ. До сихъ поръ у насъ умѣютъ говорить языкомъ простого народа только раскольники; потому они не перестаютъ втягивать въ свою удушливую атмосферу православное простолюдье. Непремѣнно нужно озаботиться изданіемъ книгъ религіознаго содержанія на живомъ простонародномъ языкѣ: только въ этомъ случаѣ и школы наши примутся, и возвысится уровень религіозно-нравственнаго развитія народа. За это ручается необычайный успѣхъ инородческихъ школъ, въ основу которыхъ положенъ живой народный языкъ. Благодаря этому орудію образованія, на нашихъ глазахъ совершается нравственный подъемъ заброшенныхъ инородческихъ племенъ: люди, сидящіе во тьмѣ, начинаютъ видѣть свѣтъ велій."

Дѣйствительно мудрая система Николая Ивановича предложила крещенымъ татарамъ именно книги религіозно-нравственныя. Правда, такихъ переводовъ было немного на первыхъ порахъ, они ограничивались букваремъ, книгами Бытія и Премудрости, Исхода, Евангеліемъ отъ Матѳея и Іоанна, умилительной статьей изъ твореній св. Тихона Задонскаго, какъ Христосъ призываетъ къ себѣ грѣшную душу; но на первыхъ порахъ и эти книги были сокровищемъ для невѣжественной массы. Къ тому же энергія Николая Ивановича теперь была направлена на другое святое дѣло: на переводъ богослужебныхъ книгъ на татарскій языкъ.

Въ совершеніи богослуженія на татарскомъ языкѣ для кре-

щеныхъ татаръ, издавна сознавалась настоятельнѣйшая потребность. Еще въ 1830 г. Св. Синодъ, утверждая правила о наставленіи новокрещеныхъ въ христіанствѣ, составленныя блаженной памяти архіепископомъ Казанскимъ Филаретомъ, между прочимъ предписалъ, „чтобы въ воскресные и праздничные дни во всѣхъ новокрещенскихъ церквахъ, при служеніи литургіи и прочихъ молитвословій; Евангеліе, Апостолъ, Символъ вѣры, Молитва Господня читаны были на ихъ языкѣ. Въ 1847 году послѣдовало извѣстное уже намъ Высочайшее повелѣніе, чтобы для крещеныхъ татаръ была переведена литургія св. Іоанна Златоустаго и часословъ, а переводъ Евангелія былъ пересмотрѣнъ. Мы знаемъ, что особымъ комитетомъ были переведены и изданы литургія св. Іоанна Златоустаго, Часословъ. Евангеліе и Апостолъ, но переводъ былъ не понятенъ татарамъ, вслѣдствіе того, что переводчики пользовались ученымъ татарскимъ языкомъ, не сходнымъ съ народною рѣчью.

Со времени открытія Казанской школы въ 1863 году, изъ опыта было дознано, что необходимо совершеніе богослуженія на татарскомъ языкѣ, какъ лучшій способъ истинно христіанскаго воспитанія, при чемъ какъ для образованія школьнаго, такъ и для богослуженій долженъ быть употребленъ языкъ народный, а не книжный. Въ видахъ школьнаго воспитанія, прежде всего пришлось' перевести нѣкоторыя молитвы и Символъ вѣры. Послѣ сего было приступлено къ переводу другихъ, особенно назидательныхъ и умилительныхъ церковныхъ пѣснопѣній для богослужебной цѣли. Такъ въ 1865 г. для учениковъ былъ переведенъ великій канонъ св Андрея Критскаго, нѣкоторыя великопостныя стихиры, послѣдованіе къ св. причащенію и молитвы по причащеніи; къ Пасхѣ переведенъ былъ канонъ пасхальный и тропарь Пасхи. Въ 1866 г. былъ вновь начатъ переводъ на народный татарскій языкъ литургіи св. Іоанна Златоустаго, и она переведена вся подрядъ. Кромѣ того, переведены нѣкоторыя части всенощной службы, изъ октоиха-воскресныя стихиры на„ Господи, воззвахъ“, канонъ 4-го гласа, антифоны всѣхъ 8 гласовъ, изъ Миней мѣсячной —тропарь съ кондакомъ и одинъ изъ каноновъ Рождества Христо-

ва, тропарь и кондакъ Богоявленія и нѣкоторыя другія пѣснопѣнія. Такое пѣніе поддерживалось въ школѣ Василіемъ Тимоѳеевичемъ, развивало въ ученикахъ религіозный духъ, осмыслило для дѣтей православное богослуженіе.

Въ 1867 г. владыка Антоній распорядился, чтобы татарское пѣніе входило въ богослуженіе въ татарскихъ приходахъ, хотя бы въ видѣ исполненія отдѣльныхъ песнопѣній. Ученикамъ Казанской школы позволено было пѣть нѣкоторыя пѣсни за богослуженіемъ въ мѣстной кладбищенской церкви, сосѣдней со школой. Наконецъ, въ 1869 г. впервые раздалось на татарскомъ языкѣ полное церковное богослуженіе. Виновникомъ этой радости для крещеныхъ былъ другой замѣчательный инородческій дѣятель — алтайскій миссіонеръ іеромонахъ Макарій, пріѣхавшій въ іюлѣ 1868 г. въ Казань, по распоряженію начальства, для участія въ пересмотрѣ и изданіи грамматики алтайскаго языка, составленной членами Алтайской миссіи. Въ немногіе часы досуга о. Макарій посѣщалъ Казанскую школу, куда съ самого начала влекли его миссіонерскія его симпатіи, да и видъ крещено-татарскихъ дѣтей напоминалъ ему отчасти алтайскихъ инородцевъ, съ которыми онъ сроднился душою; наконецъ, родственное алтайскому языку казанское татарское нарѣчіе представляло ему много матеріала для сравненія. Знакомый съ церковнымъ пѣніемъ, онъ научилъ дѣтей школы четырехголосному пѣнію, и въ короткое время составилъ изъ нихъ порядочный хоръ.

Въ прежніе годы ученики школы говѣли въ академической церкви, гдѣ они, плохо зная церковнославянскій языкъ, не понимали многаго изъ того, что въ церкви читалось и пѣлось. Духовникъ школы, профессоръ академіи іеромонахъ Григорій не зналъ татарскаго языка, почему ему приходилось предъ исповѣдью говорить назиданіе для всѣхъ, тотчасъ же переводимое Василіемъ Тимоѳеевичемъ, а потомъ поодиночкѣ задавать вопросы по бумажкѣ, гдѣ они были написаны потатарски. Это было очень неудобно. Вотъ въ постѣ 1869 г. дѣти исповѣдовались у о. Макарія, и во время говѣнья пришла мысль Николаю Ивановичу, чтобы онъ отслужилъ литургію, для причащенія мальчиковъ, на

татарскомъ языкѣ. Получено было благословеніе архіепископа, и въ субботу отслужена была всенощная на татарскомъ языкѣ въ школѣ, а утромъ въ воскресенье ранняя литургія въ кладбищенской церкви. Служба была исполнена удовлетворительно и произвела благотворное впечатлѣніе на дѣтей: религіозное воодушевленіе ихъ было поддержано съ начала до конца службы.

Успѣхъ перваго богослуженія на татарскомъ языкѣ подалъ мысль повторить его еще нѣсколько разъ. Съ третьяго воскресенья великаго поста началось татарское Богослуженіе постоянно каждый воскресный и праздничный день. Переведены были шестопсалміе, часы 1-й, 3-й 6-й, стихиры и каноны Благовѣщенія, крестопоклонной, недѣли ваій, великаго четверга. По мѣрѣ изготовленія переводовъ, о. Макарій разучивалъ съ школьнымъ хоромъ пѣніе. Что такое богослуженіе на родномъ языкѣ производило на школу благотворное вліяніе, это можно усматривать изъ того, что когда нужно было говѣть на страстной недѣлѣ нѣсколькимъ ученикамъ, явившимся въ школу послѣ 1-й недѣли поста, то всѣ ученики и ученицы изъявили единодушное желаніе снова говѣть и снова причаститься. Къ Пасхѣ о. Макарій положилъ на ноты пасхальную службу на 4 голоса для хороваго пѣнія. Утреня и литургія въ 1-й день Пасхи были отправлены въ городской Богоявленской церкви, въ которой обыкновенно бываетъ много прихожанъ. Русское богослуженіе совершалось въ теплой церкви, а татарское въ холодной въ одно время. Такое единовременное богослуженіе крещеныхъ татаръ съ русскими имѣло особый смыслъ, ясно указывая на ихъ братство во Христѣ Русскіе, слушавшіе татарскую службу, нашли ее вполнѣ приличною и съ сочувствіемъ отзывались о ней. По желанію многихъ русскихъ горожанъ, еще были отслужены пасхальныя утреня и литургія въ той же Богоявленской церкви въ четвергъ пасхальной недѣли. Кромѣ воспитанниковъ школы, случалось и нѣкоторымъ взрослымъ крещенымъ татарамъ присутствовать за татарскимъ богослуженіемъ, и на всѣхъ оно производило благотворное впечатлѣніе.

На пасхѣ о. Макарій уѣхалъ въ Москву для участія въ выработкѣ устава Миссіонерскаго общества. Съ его отъѣздомъ

татарское богослуженіе пока прекратилось въ школѣ. Тогда Владыка Антоній, не желая, съ отъѣздомъ о. Макарія на Алтай, прекращать татарское богослуженіе, предположилъ посвятить въ санъ священника самого Василія Тимоѳеевича, считая его достойнымъ этого сана по искреннему благочестію, преданности вѣрѣ и усердію къ христіанскомк образованію крещеныхъ татаръ. Эту мысль архіепископъ предложилъ на обстоятельное и всестороннее обсужденіе Совѣта Братства св. Гурія, который и пришелъ къ убѣжденію въ благотворности рукоположенія Василія Тимоѳеевича. Оставалось дѣло за послѣднимъ, чтобы вникнуть въ предстоящее ему новое положеніе. Между тѣмъ въ Москвѣ о. Макарій изучилъ въ Коммисаровскомъ ремесленномъ училищѣ новую методу церковнаго пѣнія Шеве, по которой вмѣсто пѣвческихъ нотъ употреблялись цыфры. Возвратившись изъ Москвы, о. Макарій поселился въ Казанской школѣ и занялся обученіемъ учениковъ по этой методѣ, которая оказалась очень удобною для инородческихъ дѣтей. Замѣтивъ въ одномъ мальчикѣ Ефремѣ Макаровѣ особенную способность къ пѣнію, онъ принялся готовить изъ него будущаго регента училищнаго хора. Между тѣмъ службы на татарскомъ языкѣ теперь возобновились въ кладбищенской церкви.

Учредитель школы принялъ вопросъ о посвященіи инородцевъ въ священники близко къ сердцу. Нужно замѣтить, что еще въ 1866 г. Оберъ-Прокуроръ св. Синода, обозрѣвая приволжскія губерніи, призналъ полезнымъ назначать въ крещенотатарскіе приходы священниковъ изъ татаръ, обучавшихся въ школахъ, облегчая имъ экзаменъ и необязывая проходить семинарскіе курсы. Николаю Ивановичу было предложено составить подробныя соображенія о главныхъ основаніяхъ и условіяхъ для удостоенія крещеныхъ татаръ священнослужительскихъ должностей. Свои соображенія онъ представилъ на разсмотрѣніе преосвященнаго Антонія, который ихъ вообще одобрилъ и присовокупилъ еще свои дополненія.

И вотъ въ 1867 г. Св. Синодъ постановилъ, для назначенія въ крещено-татарскіе приходы священнослужителей изъ нихъ же единоплеменниковъ, требовать отъ послѣднихъ: 1) Зрѣлый, не менѣе 30 лѣтній возрастъ, 2) заповѣданныя Апостоломъ

и требуемыя канонами церкви нравственныя качества, 3) знаніе важнѣйшихъ событій Ветхаго и Новаго завѣта, особенно же земной жизни Господа Іисуса Христа, 4) знаніе основныхъ догматовъ православной вѣры (насколько они излагаются въ катихизическихъ поученіяхъ для простого народа), 5) равно знаніе церковнаго богослуженія, 6) практическое знаніе русскаго языка, 7) достаточную начитанность въ словѣ Божіемъ, а особенно въ Евангеліи. Желающіе принять священнослужительскій санъ инородцы не должны быть обязываемы проходить семинарскій курсъ, но лучшіе изъ нихъ могутъ, по своему желанію, допускаться къ слушанію богословскаго курса въ семинаріяхъ. Отдѣльнымъ указомъ отъ 19 іюня 1867 г. Свят. Синодъ предложилъ преосвященнымъ, казанскому, самарскому, симбирскому, астраханскому назначать въ приходы съ крещенотатарскимъ населеніемъ по преимуществу, по мѣрѣ возможности, священниковъ изъ единоплеменныхъ, на указанныхъ выше основаніяхъ. Переписка объ этомъ вопросѣ издана была потомъ Николаемъ Ивановичемъ въ отдѣльной брошюрѣ (1885 г.). Дѣйствительно нельзя не признать всей разумности такого постановленія. При цѣльномъ, искреннемъ религіозномъ миросозерцаніи инородцевъ, писалъ Николай Ивановичъ, проникающемъ во всѣ ихъ понятія и самый языкъ, русскому человѣку трудно приноровиться къ нимъ, хотя бы онъ и зналъ ихъ языкъ. Если даже для русскихъ простолюдиновъ бываютъ туманны и не убѣдительны рѣчи русскихъ же людей, только другого образованія, то тѣмъ естественнѣе это можетъ случиться при бесѣдахъ русскихъ съ инородцами. Поэтому самымъ лучшимъ учителемъ и пастыремъ для инородцевъ можетъ быть человѣкъ изъ среды ихъ же самихъ. Выяснивъ возможность постановленія инородцевъ въ священническій санъ съ исторической и канонической точки зрѣнія, Николай Ивановичъ рекомендовалъ брать для священства достойныхъ воспитанниковъ Казанской крещенотатарской школы, которая съ теченіемъ времени подниметъ свое образованіе; для руководства такихъ священниковъ-инородцевъ онъ признавалъ полезнымъ учредить особыхъ благочинныхъ—миссіонеровъ съ академическимъ и миссіонерскимъ образованіемъ.

Когда вопросъ объ инородческихъ священникахъ былъ выясненъ и рѣшенъ утвердительно, постановленіе св. Синода нужно было прежде всего примѣнить къ Казанской школѣ, тѣмъ болѣе, что о. Макарій не могъ долго оставаться въ Казани. Во все продолженіе лѣта послѣдній совершалъ богослуженіе на татарскомъ языкѣ, усердно перелагалъ богослужебныя пѣсни на цыфровыя поты, упражнялъ хоръ въ пѣніи и уставномъ порядкѣ церковнаго богослуженія. Все рѣзче и опредѣленнѣе представлялась мысль, что вотъ о. Макарій уѣдетъ на любимый Алтай, и замолкнетъ татарское богослуженіе. Нужно было ускорить рукоположеніе Василія Тимоѳеевича, чтобы о. Макарій самъ руководилъ его въ священствѣ. И вотъ около 20 августа въ домашнемъ кружкѣ руководителей эти мысли были высказаны Николаемъ Ивановичемъ и о. Макаріемъ. Молча выслушалъ ихъ избранникъ, оставаясь въ глубокомъ раздумьи; потомъ съ вѣрою на благодатную помощь Спасителя, Василій Тимоѳеевичъ положилъ предъ иконами 3 земныхъ поклона и рѣшился предаться волѣ Божіей. Все было просто, но вмѣстѣ съ тѣмъ трогательно. Съ вѣрой и молитвой рѣшившись на подвигъ священства, избранникъ отслужилъ молебенъ предъ чудотворной Казанской иконой Божіей Матери, помолился Св. Гурію, первому насадителю Христовой вѣры въ „запустенной прелести Казанской“, а вечеромъ 20 августа явился къ владыкѣ Антонію, предаваясь на его распоряженіе, и былъ принятъ святителемъ съ истинно-отеческою любовью.

31 августа Василій Тимоѳеевичъ былъ посвященъ во дьякона, а 7 сентября —во священника, въ присутствіи учениковъ, учениць и матери его, нарочно для этого пріѣхавшей въ Казань. Старушка –мать (70 лѣтняя) въ продолженіе всей литургіи 7-го сентября проливала слезы умиленія. Отецъ Макарій попечительно руководилъ новопоставленнаго, пріучая къ церковной службѣ, и въ продолженіе сентября въ школѣ шла оживленная работа по окончательному устройству здѣсь татарскаго богослуженія. За такіе труды о. Макарія Братство св. Гурія избрало его своимъ пожизненнымъ членомъ. Въ школѣ происходило событіе великаго церковнаго значенія, и введеніе богослуженія на татар-

скомъ языкѣ для крещеныхъ было зарею Христова свѣта, было залогомъ перерожденія инородцевъ и сліянія ихъ съ русскимъ народомъ на лонѣ православія.

Посвятивъ школѣ священника, благостный архипастырь сталъ усиленно заботиться объ устройствѣ при школѣ и храма, который для татарскаго племени долженъ былъ сдѣлаться „тѣмъ же, чѣмъ сдѣлалась Сіонская горница, гдѣ была Тайная вечеря и сошествіе Св. Духа на апостоловъ для цѣлаго рода человѣческаго“. Николай Ивановичъ уже давно подумывалъ о церкви при школѣ и собиралъ пожертвованія на ея устроеніе. Но потомъ въ Братствѣ оказался отзывчивый на святое дѣло храмоздательства человѣкъ братчикъ Павелъ Васильевичъ Щетинкинъ, который, уяснивъ себѣ все значеніе храма для Казанской школы и крещенотатарскаго населенія, въ 1869 году изъявилъ готовность устроить въ каменномъ зданіи школы домовую церковь и быть ея старостою, взявъ на себя и содержаніе храма. Всѣ работы по устройству были готовы, и 12 декабря 1871 г. владыка торжественно освятилъ новый храмъ въ честь св. Гурія, перваго архіепископа Казанскаго. Къ этому дню съѣхалось въ школу огромное количество крещеныхъ татаръ изъ селъ и деревень. Наканунѣ освященія, въ храмѣ была отслужена всенощная братчиками: Ректоромъ Д. Академіи протоіереемъ А. П. Владимірскимъ, ключаремъ каѳедральнаго собора А. П. Хрусталевымъ и свящ. Василіемъ Тимоѳеевичемъ. Литургія была совершена самимъ владыкой Антоніемъ смѣшанно на славянскомъ и на татарскомъ языкахъ, въ присутствіи начальствующихъ лицъ, членовъ Совѣта Братства, почетныхъ лицъ, и массы народа. Во время освященія престола и храма воспитанники школы пѣли псалмы на татарскомъ языкѣ, а шествіе вокругъ дома со св. мощами осѣнялось хоругвію братства. Во время чтенія часовъ Владыка возложилъ стихарь на 7 воспитанниковъ школы, а на учителя, настоятеля церкви,—набедренникъ. Въ концѣ литургіи архіепископъ произнесъ поученіе на слова пѣсни изъ обряда освященія храма: „Утвержденіе на Тя надѣющихся, утверди, Господи, Церковь, юже стяжалъ еси честною Твоею кровію“. Въ заключеніе поученія Владыка произнесъ: „Эти юныя чада

церкви не представляютъ ли въ лицѣ своемъ цѣлой Церкви вѣрующихъ во Христа изъ ихъ родного племени въ здѣшней паствѣ, и этотъ храмъ не есть ли храмъ всѣхъ вообще крещеныхъ ихъ единоплеменниковъ?“ Владыка выразилъ желаніе, чтобы эта юная церковь утвердилась въ святой Христовой вѣрѣ и чистомъ благочестіи Евангельскомъ, сдѣлалось способной утверждать въ томъ-же своихъ соплеменниковъ, когда дѣти возвратятся изъ школы въ нѣдра семействъ, изъ которыхъ взяты, служа въ средѣ своего племени началомъ и добрымъ сѣменемъ, чтобы исполнились незабвенныя и приснопамятныя слова Благочестивѣйшаго Государя Императора при посѣщеніи Казанской школы. Послѣ владыки сказалъ задушевное поученіе первенецъ татарскаго пастырства о. Василій Тимоѳеевичъ на слова пѣсни: „Видѣхомъ свѣтъ Истины, пріяхомъ Духа небеснаго“. „Когда назадъ тому лѣтъ восемь я пришелъ въ Казань, здѣсь, на мѣстѣ школы было пустое мѣсто, а о школѣ даже и помышленія не было. Мы, крещеные татары, были совершенно темные, ничего не понимающіе, не видѣвшіе свѣта Божія, и потому не твердые въ вѣрѣ. И вотъ въ такое короткое время и школа возникла и не одна, и церковь есть своя, въ которой мы будемъ молиться Богу на родномъ своемъ и понятномъ для каждаго изъ насъ языкѣ. Мы теперь увидѣли истинный свѣтъ вѣры Христовой. Все это устроилось силою и милостію Божіею. Возблагодаримъ-же Бога и постараемся твердо держать вѣру Христову. Мы должны быть благодарны русскимъ: если-бы они не позаботились о насъ, мы сами ничего бы не сдѣлали“. Отецъ Василій, обратившись къ русскимъ, низко поклонился имъ и поблагодарилъ ихъ отъ лица всѣхъ крещеныхъ татаръ.

Сдѣлавшись священникомъ при храмѣ казанской крещено-татарской школы, Василій Тимоѳеевичъ незамѣтно сдѣлался священниковъ и пастыремъ всѣхъ крещеныхъ татаръ Казанскаго края. Онъ совершаетъ богослуженіе въ храмѣ села Елышева Мамадышскаго уѣзда, вновь построеннымъ на средства купца Н. П. Щербакова, и своимъ богослуженіемъ на татарскомъ языкѣ привлекаетъ въ отступническое село до 3000 крещеныхъ татаръ. Мы

видимъ его съ своимъ школьнымъ хоромъ служащимъ въ крестовой церкви архіерейскаго дома въ первый день Пасхи. Въ четвергъ той же св. недѣли онъ служитъ съ преосвященнымъ Викториномъ въ гостинодворской церкви, гдѣ нѣкоторые возгласы произносились по татарски и по грузински для студентовъ-грузинъ. Воспитанники казанской школы пѣли по татарски, а черемисы регентской школы П. Д. Миловидова пѣли на своемъ языкѣ. Такія же богослуженія на татарскомъ языкѣ происходили въ Спасскомъ монастырѣ, въ Свіяжскѣ и въ Елабугѣ; всегда привлекали массу молящихся и оказывали особенно благотворное вліяніе на русскихъ, которые доселѣ холодно и недовѣрчиво относились въ своемъ сердцѣ къ крещенымъ татарамъ, полагая, что татары по своей природѣ не могутъ быть хорошими христіанами. Такой взглядъ, конечно, зависѣлъ отъ плохого состоянія христіанства среди крещеныхъ татаръ, которые потому назывались „крещенскими лопатками", „ордою." Общеніе въ молитвѣ въ одномъ храмѣ сближаетъ русскихъ съ татарами во имя самыхъ святыхъ христіанскихъ чувствъ.

Разъѣзжая по крещенскимъ селамъ, о. Василій старался совершать въ нихъ богослуженія, придавая послѣднимъ значеніе миссіонерское, почему бралъ съ собою нѣсколько мальчиковъ—пѣвчихъ. Нѣсколько разъ служилъ онъ у крещеныхъ татаръ Порохового завода въ школѣ Братства св. Гурія всенощныя, а въ пороховской церкви литургіи, исправлялъ требы у пороховскихъ крещеныхъ татаръ. Особенно поразила жителей Порохового завода торжественная похоронная процессія съ пѣніемъ на татарскомъ языкѣ пѣснопѣній, совершенная по случаю похоронъ одного крещенаго татарина. У себя на родинѣ, въ д. Никифоровкѣ о. Василій служилъ всенощныя и часы въ школѣ, построенной на свой счетъ; говорилъ поученія; тоже было въ д. Кулбагышѣ, въ д. Верхней Сердѣ. Въ Троицу о. Василій Тимоѳеевичъ побывалъ въ Мензелинскомъ уѣздѣ Уфимской губ. въ деревнѣ Молекесѣ, гдѣ въ школьномъ домѣ отслужилъ всенощную и часы, а въ селѣ Умякѣ Елабужскаго уѣзда Вятской губ.—утреню и литургію, въ с. Казыляхъ, Казанской губерніи—всенощную и

литургію. Не забывалъ онъ прославившаго своимъ отступничествомъ села Елышева, гдѣ служилъ литургіи и утрени. Въ деревнѣ Альбединой и въ д. Кибегахъ были совершены молебствія, а въ селѣ Апазовѣ—утреня, литургія съ молебномъ, въ деревнѣ Янасалѣ—утреня.

Всѣ службы сопровождались поученіями. Впечатлѣнія, получаемыя отъ службъ и поученій крещеными, были такъ сильны, что могутъ порадовать всякаго, сочувствующаго дѣлу просвѣщенія инородцевъ. Въ селѣ Апазовѣ, напримѣръ, по словамъ очевидцевъ, прихожане татары пришли къ богослуженію верстъ за 12 и пробыли здѣсь канунъ праздника 15 августа. Въ день праздника церковь была биткомъ набита народомъ, и всѣ слѣдили за каждымъ словомъ молитвы, эктеніи, пѣснопѣній, молились на колѣняхъ. Во время проповѣди вниманіе было напряжено, многіе плакали и слышались возгласы благодарности и восторга. Народъ простоялъ въ храмѣ 6 часовъ и все время слушалъ богослуженіе съ поразительнымъ благоговѣніемъ и вниманіемъ. Великая сила родной рѣчи подтвердилась на фактахъ; но еще болѣе подтвердилась сила вліянія единоплеменности священника на инородческое населеніе. Сродственная душа священника—единоплеменника звучитъ особыми, родными тонами, влекущими и плѣняющими, а татарскій языкъ въ рукахъ природнаго татарина представляетъ гибкое, послушное орудіе для выраженія мыслей и чувствъ. Какъ во времена Николая Ивановича, такъ и теперь многіе думаютъ, что достаточно русскому священнику знать татарскій языкъ, какъ онъ можетъ успѣшно вести дѣло учительства въ татарскомъ приходѣ. Къ сожалѣнію, они ошибаются. Татарскій да и другіе инородческіе языки имѣютъ очень много особенностей сравнительно съ русскимъ, усвояются трудно. Недостаточно знающій тонкости языка проповѣдникъ своимъ нестройнымъ, темнымъ, неправильнымъ выраженіемъ мыслей лишь можетъ ввести въ соблазнъ. Такой проповѣдникъ не привлекаетъ сердецъ крещеныхъ татаръ, не умиляетъ ихъ; наоборотъ—можетъ произойти явленіе въ ущербъ христіанству. Вотъ почему наши крещеные татары съ такою любовью выслушивали поученія о. Василія Ти-

моѳеевича и ожидали его пріѣзда съ радостію. Слава о его татарскомъ богослуженіи распространилась даже до Урала. О. Василій, такъ усердно посѣщавшій крещенскія селенія въ первое время своего священства, не покидалъ апостольскаго служенія и въ послѣдующіе годы.

Такъ въ 1874 онъ былъ на освященіи храма въ Среднемъ Арняшѣ Мамадышскаго уѣзда, гдѣ храмъ былъ выстроенъ братчикомъ, казанскимъ купцомъ П. С. Кривоносовымъ. Онъ служилъ здѣсь переводчикомъ Преосвященному Викторину, освящавшему храмъ. Тотъ-же о. Василій Тимоѳеевичъ участвуетъ въ освященіи храма въ деревнѣ Яицоварахъ Лаишевскаго уѣзда, поетъ здѣсь вмѣстѣ съ своимъ хоромъ и проповѣдуетъ на родномъ языкѣ, привлекая въ храмъ не только массу крещеныхъ, но и отступниковъ, даже магометанъ. Отецъ Василій является руководителемъ и распорядителемъ всѣхъ школъ—отраслей въ крещенотатарскихъ деревняхъ, провѣряетъ познанія учениковъ и наставляетъ учителей при своихъ объѣздахъ по школамъ, пользуясь всякимъ малѣйшимъ поводомъ для религіозной бесѣды съ единоплеменниками. Онъ является апостоломъ крещенаго татарства, перенося свою дѣятельность изъ селъ въ города, изъ Казанской епархіи въ смежныя.

Устройство богослуженія на татарскомъ языкѣ явилось какъ бы вѣнцомъ апостольскихъ трудовъ Николая Ивановича. Его система раскрыта и разработана имъ во всей полнотѣ; нужно было лишь заняться ея примѣненіемъ, сохраняя ея основанія, распространяя ея дѣятельность не только на крещеныхъ татаръ, но и на всѣхъ инородцевъ Казанскаго края. Выработанная Николаемъ Ивановичемъ система, будучи примѣнена къ крещенымъ татарамъ, дала блестящіе результаты, сравнительно съ тѣмъ, чегодостигало наше духовенство въ инородческихъ приходахъ, вооруженное славянорусской грамотой и даже инородческими переводами, но на книжный татарскій языкъ съ его арабскимъ алфавитомъ. Самое преподаваніе инородческихъ языковъ въ духовныхъ семинаріяхъ, практиковавшееся тогда довольно ревностно, не приводило ни къ какимъ результатамъ, и дѣло окончилось лишь массовыми отпаденіями въ му-

сульманство крещеныхъ татаръ, чувашъ и вотяковъ. Такъ было до конца 1860 годовъ, до созданія Казанской системы обученія инородцевъ, до развитія просвѣтительной дѣятельности Николая Ивановича во всей широтѣ. Благодареніе Богу, теперь массовыя отпаденія въ исламъ уже не повторяются, значитъ, цѣль приснопамятнымъ дѣятелемъ Казанскаго края достигнута. Устроивъ казанскую школу подъ сѣнію мѣстной академіи, при участіи Е. А. Малова и Василія Тимоѳеевича, Николай Ивановичъ поддерживалъ тѣсную связь этой школы съ высшимъ духовнымъ училищемъ въ краѣ вплоть до 1870 г., когда онъ принужденъ былъ во второй разъ и теперь уже навсегда покинуть это учрежденіе. Дѣло въ томъ, что инородческая просвѣтительная дѣятельность теперь всецѣло поглощала Николая Ивановича, и у него не было времени для преподаванія на миссіонерскомъ отдѣленіи, особенно въ виду того, что на рамена его имѣлось возложить новый трудъ: учрежденіе и управленіе Казанской учительской семинаріей. Въ то-же время судьба миссіонерскихъ отдѣленій въ академіи опять оказывалась для нихъ неблагопріятной. Не смотря на то, что эти отдѣленія работали съ самоотверженіемъ, они мало достигали цѣли, въ виду того факта, что студенты этихъ отдѣленій почти не поступали на мѣста своихъ спеціальностей. И Николай Ивановичъ, и владыка Антоній, и конференція Академіи постоянно указывали на этотъ недостатокъ при распредѣленіи казанскихъ студентовъ на преподавательскія должности. Они просили учрежденія должностей миссіонеровъ—руководителей, усиленія преподаванія инородческихъ языковъ въ семинаріяхъ Иркутской, Астраханской, Кавказской, Донской, Казанской Уфимской съ особыми каѳедрами мѣстныхъ нарѣчій. Но всѣ ихъ хлопоты оказывались безуспѣшными. Св. Синодъ какъ-бы признавалъ безполезность существованія при Казанской Академіи миссіонер. отдѣленій, равно и безполезность усиленнаго преподаванія инород. языковъ въ семинаріяхъ; онъ особенную надежду возлагалъ на новыхъ дѣятелей изъ среды самихъ инородцевъ, получившихъ воспитаніе въ школахъ Н. И. Ильминскаго. Не смотря на рядъ докладныхъ записокъ о благоустройствѣ отдѣленій, объ ихъ полезности для края, новый уставъ

для Казанской Академіи 1870 г. не предусмотрѣлъ даже существованія этихъ отдѣленій. Только послѣ ревностной защиты послѣднихъ со стороны архіепископа Антонія и академической конференціи, защиты, представляющей горькое сѣтованіе на вышеозначенный недостатокъ новаго устава, по отношенію къ миссіонерскому дѣлу, лишающій руководства поворожденныя крещенотатарскія школы, при продолжающейся мусульманской пропагандѣ, Св. Синодъ 24 іюня 1870 г. рѣшилъ оставить при академіи преподаваніе миссіонерскихъ предметовъ съ относящимися къ нимъ языками; возложить это дѣло на двухъ наставниковъ, при особыхъ часахъ сверхъ назначенныхъ уставомъ, при необязательности слушанія миссіонерскихъ лекцій, и допущеніи на эти лекціи вольнослушателей, не принадлежащихъ къ числу студентовъ академіи. Въ то же самое время не имѣло никакого успѣха ходатайство объ усиленіи преподаванія инород. языковъ въ семинаріяхъ. Напротивъ, Св. Синодъ рекомендовалъ пользоваться природными инородцами, учившимися въ школахъ, изъ среды народныхъ учителей, для посвященія въ священники, или же привлекать инородческихъ дѣтей въ духовныя училища.

При такой постановкѣ дѣла миссіонерскія отдѣленія готовы были закрыться сами собою. Николай Ивановичъ покинулъ академію навсегда, Е. А. Маловъ перешелъ на каѳедру еврейскаго языка и библейской археологіи, а Василій Тимоѳеевичъ долженъ былъ покинуть академію потому, что по новому уставу должности практиканта не полагалось. Да и преподаватель противобуддійскаго отдѣленія Миротворцевъ готовъ былъ занять каѳедру русской исторіи.

Промыслъ Божій видимо охранялъ миссіонерское дѣло. На мѣсто Николая Ивановича поступилъ его лучшій ученикъ Н. П. Остроумовъ, начавшій безмездно преподавать татарскій языкъ и въ мѣстной семинаріи. Да и Василій Тимоѳеевичъ снова поступилъ практикантовъ въ академію, такъ какъ Оберъ-Прокуроръ графъ Д. А. Толстой призналъ возможнымъ сохранить ему академическое жалованіе.

Съ этого момента дѣятельность Николая Ивановича по ино-

родческому образованію уже перестала касаться академія и получила полную независимость отъ академической администраціи; да и самъ Николай Ивановичъ отселѣ сталъ вполнѣ принадлежать Министерству Народнаго Просвѣщенія.

Отказавшись отъ службы при духовной академіи, Николай Ивановичъ остался лишь профессоромъ Университета да руководителемъ крещенотатарской школы. Первая служба отнимала у него немного времени, которое по-преимуществу было посвящено дѣятельности въ школѣ, дѣятельности обширной, трудной, но въ высшей степени плодотворной. Она теперь расширилась до того, что стала выходить за предѣлы Казанской губерніи. Въ 1871 г. Казанская школа имѣла уже 30 школъ-отраслей, которыя всецѣло руководились своимъ учредителемъ. Николай Ивановичъ фактически завѣдовалъ всѣми братскими школами, влагая въ нихъ живой духъ, устраивая ихъ на началахъ своей системы. Этихъ братскихъ школъ въ разныхъ инородческихъ селеніяхъ епархіи было въ это время до 49. Открывая школы, учредители системы выбирали для нихъ учителей, направляли ихъ дѣятельность, вели съ ними самую живую, дѣятельную переписку. Юноши учителя съ полной откровенностью обращались къ своимъ „благодѣтелямъ“ и „отцамъ“ въ затрудненіяхъ, писали о своихъ радостяхъ и успѣхахъ въ дѣлѣ. О. Василій Тимоѳеевичъ объѣзжалъ школы, чтобы на дѣлѣ видѣть труды юныхъ просвѣтителей и слѣдить за ходомъ христіанскаго просвѣщенія среди крещеныхъ татаръ. Центромъ этой просвѣтительной дѣятельности была Казанская школа, а въ ней Николай Ивановичъ, который теперь завелъ въ ней ежегодные съѣзды учителей школъ-отраслей во время лѣтняго ваката, для разработки разныхъ методическихъ вопросовъ, практики въ русскомъ языкѣ, церковномъ пѣніи и для участія въ повѣркѣ новыхъ переводовъ на татарскій языкъ. Но главнымъ образомъ этими съѣздами Николай Ивановичъ старался поддержать связь и единство между центральной школой и ея отраслями, вдохновлять юныхъ татарскихъ просвѣтителей на ихъ трудномъ поприщѣ, поддерживая въ нихъ ревность апостольскую.

Дѣятельность Казанской школы теперь даже вышла за

предѣлы губерніи. Мы уже знаемъ, что Николай Ивановичъ въ годину сильнаго татарскаго отступничества ѣздилъ въ Симбирскъ. Его посылалъ туда графъ Д. А. Толстой, чтобы при содѣйствіи симбирскаго губернатора открыть для крещеныхъ татаръ школу на подобіе казанской. Это было въ 1866 г.

Въ послѣдующіе годы дѣятельность школы стала извѣстна въ Уфимской и Вятской губерніяхъ, именно благодаря разъѣздамъ о. Василія по татарскимъ селеніямъ съ проповѣдью и для богослуженій на родномъ языкѣ. Такъ въ 1868 г. были открыты школы съ учителями изъ казанской школы въ с. Мелекесахъ Мензелинскаго уѣзда, въ с. Еловыхъ, Елабужскаго уѣзда. Въ 1870 г. открылись школы—отрасли въ татарской деревнѣ Мазиной Мензелинскаго уѣзда, въ дерев. Ципіѣ и Ноелахъ Малмыжскаго уѣзда, въ 1871 г.—въ дер. Сердабашѣ и Дургахъ Малмыжскаго уѣзда, въ дер. Старогришкиной Елабужскаго уѣзда, въ д. Байданкинѣ Мензелинскаго уѣзда и въ д. Уралкѣ Оренбургскаго уѣзда, при чемъ послѣдняя школа была открыта среди крещеныхъ чувашъ. Просвѣтительная дѣятельность Николая Ивановича стала направляться такимъ образомъ на востокъ даже среди казаковъ изъ крещеныхъ татаръ. Такая школа была устроена въ селеніи Фершампенаузѣ Верхнеуральскаго уѣзда среди Нагайбаковъ, т. е. старокрещеныхъ татаръ казачьяго вѣдомства, въ дер. Кассель. Здѣсь тотчасъ-же стало устраиваться церковное чтеніе и церковное пѣніе въ приход. церкви села Остроленки, привлекая крещеныхъ въ храмъ и приводя ихъ въ умиленіе. Служилые казаки изъ крещеныхъ татаръ заинтересовались казанской системой, офицеры изъ нихъ стали читать книги на крещенотат языкѣ, наполняли школы дѣтьми, заявляя, что у нихъ съ самаго основанія церкви не бывало за службой столько народу, не ставилось столько свѣчей, какъ во время службъ съ татарскимъ пѣніемъ.

Помогая крещенымъ татарамъ на пути христіанскаго просвѣщенія, Николай Ивановичъ рѣшился помочь и чувашамъ. Въ 1871 г. онъ съ помощью одного ученика чувашинина Сергѣя Тимрясова, учившагося въ казанской школѣ, перевелъ на чу-

вашскій языкъ татарскія книжки. Въ виду близости этихъ языковъ, дѣло окончилось быстро. Конечно, на первый разъ переводы на чувашскій языкъ были примитивные, особенно въ виду того, что теперь впервые былъ примѣняемъ къ чувашской рѣчи русскій алфавитъ. Но дѣло было начато и при очень счастливыхъ условіяхъ: на помощь Николаю Ивановичу явились его ученики по университету В. А. Бѣлицинъ и Иванъ Яковлевичъ Яковлевъ.

Послѣдній происходитъ отъ природныхъ чувашъ. Еще учась въ Симбирской гимназіи, онъ имѣлъ у себя маленькую школку изъ чувашскихъ мальчиковъ, которыхъ училъ русской грамотѣ. Эта то школа и была родоначальницей настоящей Симбирской чувашской учительской школы. Иванъ Яковлевичъ Яковлевъ былъ, такъ сказать, воспитанникъ бурундукскаго священника, законоучителя удѣльнаго бурундукскаго училища А. П. Баратынскаго, извѣстнаго уже намъ по своей дѣятельности въ области народнаго образованія въ Симбирской губерніи. Какъ о. Баратынскій, такъ и Иванъ Яковлевичъ стояли на сторонѣ русскаго образованія для чувашъ, въ цѣляхъ скорѣйшаго пріобщенія ихъ русской культурѣ. Вмѣстѣ съ о. Баратынскимъ Иванъ Яковлевичъ даже печатно возставалъ противъ употребленія чувашскаго языка въ школахъ (въ 1868 г. Симб. губ. вѣд.) и тѣмъ заинтересовалъ своего противника по взглядамъ Николая Ивановича. Въ 1870 г. Иванъ Яковлевичъ поступилъ въ студенты казанскаго университета и сталъ слушать лекціи Николая Ивановича. Здѣсь оказался и другой любитель восточныхъ нарѣчій В. А. Бѣлицинъ, который, будучи студентомъ, уже участвовалъ съ С. Тимрясовымъ въ переводѣ татарскихъ книгъ на чувашскій языкъ. Появленіе природнаго чувашенина среди студентовъ было кладомъ для нашего дѣятеля. Онъ тотчасъ же рѣшилъ „обратить его въ свою вѣру“. Николай Ивановичъ при первомъ знакомствѣ съ г. Яковлевымъ пригласилъ его въ Казанскую школу ко всенощной. „Школа и церковная служба на инородческомъ языкѣ и видъ учащихся инородцевъ, сознательно и душевно и, такъ сказать, весело и любовно внимавшихъ богослуженію и исполнявшихъ его на своемъ

родномъ языкѣ,—все это произвело на Яковлева глубокое и сильное впечатлѣніе и раздумье—поворотъ въ его инородческо-образовательныхъ воззрѣніяхъ. Послѣ этого Яковлевъ сталъ ходить ко мнѣ по вечерамъ каждую недѣлю по одному или по два раза, и шли у насъ долгіе разговоры, засиживались до 3, 4 и даже 5 часовъ утра. Это продолжалось нѣсколько недѣль. Такія безсонныя ночи, по моему образу жизни не привычныя, которыя однако не только проходили для меня не обременительно, но какъ бы пролетали незамѣтно, я теперь ничѣмъ не могу объяснить, какъ живымъ интересомъ Яковлева къ образованію своихъ родныхъ чувашъ, много-содержательностью и жизненностью его натуры, которая возбуждала и вдохновляла и мои увядавшія силы. Теперь я не могу вообразить, о чемъ могъ длиться разговоръ безъ остановки по восьми и болѣе часовъ къ ряду. Конечно, говорилось постоянно объ инородческомъ образованіи и о необходимости родного языка въ образованіи каждаго инородческаго племени. Вотъ когда собственно Яковлевъ убѣдился въ пользѣ и необходимости родного языка въ образованіи инородцевъ и пожелалъ примѣнить современемъ этотъ способъ къ своей симбирской школѣ. Школа эта продолжала существовать и послѣ поступленія Яковлева въ университетъ на различныя случайныя и частныя средства, въ видѣ пансіона съ русскимъ репетиторомъ“ (Къ исторіи инор. переводовъ. Пр. соб. 1884 г.). Такъ разсказалъ про пріобрѣтеніе новой силы для дѣла просвѣщенія инородцевъ самъ Николай Ивановичъ—въ письмѣ своемъ къ благородному сопернику, о. Баратынскому въ октябрѣ 1870 г., въ которомъ Иванъ Яковлевичъ, представляется уже „обращеннымъ въ вѣру“, даже старающимся съ самаго начала знакомства внести миръ и единогласіе между своимъ воспитателемъ, какъ представителемъ Симбирской системы инородческаго образованія, и между Казанской системой, представителемъ которой служилъ Николай Ивановичъ со своей школой. Доселѣ Николай Ивановичъ смотрѣлъ на о. Баратынскаго какъ на человѣка, который лишь по самолюбію не желаетъ отстать отъ своего мнѣнія, хотя бы даже и понималъ его ошибочность. И. Я. Яковлевъ убѣдилъ Николая Ивановича, что о. Баратын-

скій дѣйствуетъ по крайнему убѣжденію, что онъ съ полнымъ усердіемъ заботится объ учебномъ дѣлѣ уѣзда, и привелъ дѣятелей къ единомыслію.

Съ этихъ поръ Ив. Я. Яковлевъ сталъ усерднымъ помощникомъ Николая Ивановича по переводамъ на чувашскій языкъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ незамѣтно втянулъ его въ дѣло христіанскаго просвѣщенія чувашъ. И Николай Ивановичъ теперь уже не ограничился только этими инородцами.

Дѣло въ томъ, что въ Казанскую школу случайно попадали крещеные вотяки и черемисы, умѣющіе говорить по-татарски. Ненасытный лингвистъ сталъ учиться у нихъ черемисскому и вотяцкому языкамъ, а вмѣстѣ съ ними переслагать на эти языки татарскія книжки. Когда—Братство Св. Гурія въ 1868 г. открыло у себя Переводческую коммиссію, а владыка Антоній обратился къ духовенству Казанской епархіи съ приглашеніемъ священнослужителей помочь Братству переводами и сочиненіями на инородческихъ языкахъ, Николай Ивановичъ сталъ во главѣ этой коммиссіи, этого небольшого кружка братчиковъ—работниковъ по переводческому дѣлу. Братство постоянно отдавало Николаю Ивановичу для просмотра вновь появившіеся переводы разныхъ лицъ, откликнувшихся на воззваніе ревностнаго архипастыря. И вотъ начальный работникъ Братства въ тиши своей школы, вмѣстѣ съ своими учениками провѣрялъ эти переводы. Замѣчательный филологическій талантъ помогалъ Николаю Ивановичу схватывать особенности нарѣчій, и уже къ 1870 г. мы видимъ его трудящимся надъ черемисскими, чувашскими и вотяцкими переводами. Впослѣдствіи, въ 1875 г. Православное Миссіонерское Общество воспользовалось этими чудными дарованіями главы Переводческой коммиссіи Братства и передало ей веденіе дѣла переводовъ священныхъ и богослуж. книгъ на инород. языки всего востока Россіи.

Желая помочь будущимъ переводчикамъ, приглашеннымъ владыкою къ дѣятельности, Николай Ивановичъ постарался дать „Практическія замѣчанія о переводахъ и сочиненіяхъ на инородческихъ языкахъ“ (Правосл. Соб. 1871 г.), представляющія оп-

редѣленныя и весьма цѣнныя указанія, какъ успѣшнѣе вести переводческое дѣло, на основаніи опыта личной дѣятельности. „Долго я не зналъ, говоритъ Николай Ивановичъ, какъ приступить къ этому дѣлу; прошло много лѣтъ, пока я напалъ на настоящій путь, и то сначала неувѣренно. Идя по этому пути дальше и дальше, шаги становились тверже, дѣло шло скорѣе; теперь уже только что выполненная работа прямо поступаетъ въ практическое употребленіе и съ удовольствіемъ принимается тѣми, для кого она предназначена. Механика оказалась такая простая, что, оглядываясь назадъ, становится подъ-часъ и грустно и странно, какъ прежде такая простая вещь не приходила въ голову. Не удивительно было бы дойти мнѣ до чего нибудь практическаго въ татарскихъ переводахъ; но я испыталъ свой переводческій пріемъ и на другихъ языкахъ, и мои опыты на повѣркѣ чрезъ природныхъ инородцевъ найдены удовлетворительными. Послѣ этого я окончательно убѣдился въ практичности и цѣлесообразности своего переводнаго пріема". Этимъ послѣднимъ, по мнѣнію Николая Ивановича, могутъ пользоваться люди, даже совершенно не знающіе инородческихъ языковъ, въ чемъ убѣждаетъ его собственный примѣръ. „Чувашскій языкъ мнѣ могъ быть еще доступенъ по его близкому сродству съ татарскимъ; но и на чувашскомъ языкѣ я далеко не способенъ писать самостоятельно", говоритъ Николай Иванович, „а о черемисскомъ и вотяцкомъ даже никакого понятія не имѣлъ. Поэтому я пользовался помощію природныхъ чувашенина, черемиса и вотяка, достаточно понимающихъ русскую рѣчь, по крайней мѣрѣ разговорную. Вотъ я собрался излагать разсказъ изъ св. исторіи по-вотяцки. Со мной сидитъ вотякъ. Для такого сотрудничества нужно выбрать человѣка толковаго, любознательнаго, а лучше набожнаго, который бы готовъ былъ сидѣть съ съ вами часы и дни для Бога и спасенія своей души и понималъ бы серьезность и духовную пользу этого дѣла Мнѣ удавалось имѣть инородцевъ-сотрудниковъ именно такихъ качествъ. И такъ начинаю: я диктую своему вотяку по-русски словами простыми и опредѣленными, предложеніями короткими. Говорю одно предложеніе, онъ перелагаетъ его на свой родной языкъ—я пи-

шу. Я говорю по-русски другое предложеніе, онъ говоритъ его по-вотяцки—я пишу и т. д.

Если-бы все вдругъ разсказать по-русски, хотя бы даже самымъ простымъ языкомъ, то инородецъ хорошо и послѣдовательно не усвоилъ бы сразу и не могъ бы удовлетворительно произвести цѣлый разсказъ. А по предложеніямъ ему не составитъ труда передавать на своемъ языкѣ одно предложеніе за другимъ.

Написавши такимъ образомъ нѣсколько строкъ, нѣкоторую довольно цѣльную часть повѣствованія, я снова, въ связи уже, перечитывалъ написанное своему сотруднику. Иногда отдѣльныя предложенія бываютъ построены удачно и правильно; но въ общей сложности, во взаимной связи они кажутся не складны; это всего легче можетъ обнаружиться при чтеніи всего кряду. Тутъ нескладица сразу бросится въ глаза, какъ фальшивый звукъ при послѣдовательномъ пѣніи какой нибудь піесы. Сначала я настаиваю на ясности, на понятности; потомъ добиваюсь того, чтобы наше изложеніе было складно... Иногда мой сотрудникъ при этомъ кое-что измѣнялъ. Не зная языка, я, разумѣется, наслово вѣрилъ своему толмачу. На первыхъ порахъ работа шла весьма туго, медленно; мы еще не приноровились другъ къ другу; для меня языкъ—темный лѣсъ, а сотрудникъ мой впервые занимается переводнымъ дѣломъ. Но впослѣдствіи дѣло становится легче; мало-по-малу я затверживаю нѣкоторыя слова, осваиваюсь съ этимологическими формами. Когда какое нибудь русское выраженіе затрудняло моего сотрудника, по новости для него предмета, тогда я предлагалъ ему такое же по грамматическому составу выраженіе о простомъ предметѣ, ему доступномъ, которое онъ слѣдовательно легко могъ формулировать на своемъ родномъ языкѣ, а я примѣнялъ этотъ оборотъ къ данному случаю и мѣсту. Ознакомившись отчасти съ формами языка и втянувъ своего сотрудника въ пониманіе дѣла, я отъ времени до времени снова прочитывалъ зады всѣ сначала; тутъ еще усматривались неисправности и нескладицы. Иногда я читалъ свою работу посторонимъ инородцамъ. Но собственно для перевода нужно имѣть одного по-

стояннаго сотрудника, потому именно, что одинъ инородецъ удобнѣе привыкнетъ и къ вашей манерѣ и къ переводному дѣлу, а съ новичкомъ заниматься весьма неудобно: придется опять потерять много времени, чтобы пріучить его къ работѣ. А постороннимъ и при томъ разнымъ инородцамъ полезно прочитывать готовый уже переводъ, чтобы болѣе увѣриться въ понятности изложенія".

Совѣтуя начинать переводные опыты съ простыхъ библейскихъ разсказовъ и уже затѣмъ переходить постепенно къ переводамъ молитвъ, пѣснопѣній, катихизиса, Николай Ивановичъ предостерегаетъ русскихъ, знающихъ инородческій языкъ, отъ личныхъ, собственныхъ переводовъ, совѣтуя производить переводы при содѣйствіи инородца, съ провѣркой ихъ самими инородцами путемъ чтенія, ибо въ нихъ развито безошибочное чутье, которое лучше всего оцѣнитъ правильность перевода. Точно также не слѣдуетъ ввѣрять переводъ и инородцу, знающему русскій языкъ, безъ всякаго руководства и критики.

„И такъ, при переводахъ христіанскихъ книгъ на инородческіе языки, при теперешнемъ невысокомъ состояніи христіанскаго образованія и пониманія въ средѣ инородцевъ, необходимо взаимодѣйствіе русскихъ и инородцевъ, и при томъ русскіе должны быть направляющими, активными, а инородцы—воспринимающими, пассивными".

Въ своихъ просвѣтительныхъ трудахъ Николай Ивановичъ поработалъ и для той самой Киргизской степи, гдѣ впервые онъ оцѣнилъ значеніе народнаго инородческаго языка въ цѣляхъ распространенія русскаго вліянія на киргизскую массу. Въ 1868 году было введено новое управленіе киргизами. Послѣдніе были раздѣлены на области и уѣзды. Правительство было озабочено устройствомъ въ степи школъ, проводниковъ русскихъ началъ, въ противовѣсъ водворившемуся тамъ татарскому вліянію съ мусульманской школой и муллой-учителемъ. Оренбургскій генералъ-губернаторъ представилъ по сему вопросу записку, по поводу которой 30 марта 1870 г. Николаю Ивановичу пришлось представить Попечителю Учеб. Округа свое мнѣніе.

Въ своемъ отзывѣ авторъ исторически разсмотрѣлъ положеніе степи, господство въ ней татаръ-магометанъ, ошибочно призванныхъ русской властью себѣ на помощь въ дѣлѣ управленія степью; предложилъ, при такихъ печальныхъ для русскаго дѣла условіяхъ, устраивать среди киргизъ не русскія школы, которыя могутъ вызвать въ мусульманахъ подозрѣніе, а такія, которыя бы проводили въ степи идеи русскія и общечеловѣческія на народномъ киргизскомъ языкѣ, ибо „лучшимъ обезпеченіемъ школъ будетъ внутреннее довѣріе къ нимъ самого народа". „Если я настаиваю, говорилъ онъ, на киргизскомъ языкѣ для киргизскихъ школъ, какъ и вообще я стою за родные языки для обученія инородцевъ, то не какъ за образовательное средство, а какъ за орудіе самое естественное и удобное для сообщенія инородцамъ новыхъ понятій и научныхъ фактовъ".

Татарскаго языка Николай Ивановичъ не признавалъ для степи и прямо заявлялъ, что онъ не имѣетъ здѣсь никакого образовательнаго значенія. Наоборотъ, „для наибольшаго отдаленія киргизовъ отъ татарскаго языка, не нужна и татарская грамота, а непремѣнно русская", писалъ Николай Ивановичъ. „Какъ лингвистъ, я могу завѣрить, что татарскій, т. е. арабскій алфавитъ весьма неудобенъ для киргизскаго языка, скрадывая его существенныя фонетическія черты, рѣзко отличающія его отъ татарскаго языка; чрезъ русскій алфавитъ киргизскій языкъ будетъ совершенно огражденъ отъ татаризаціи».

Принимая во вниманіе русскихъ учениковъ, Николай Ивановичъ предлагалъ устраивать русскія школы отдѣльно отъ киргизскихъ; послѣднія должны быть устроены по степнымъ ауламъ, имѣть киргизскіе учебники. На помощь организаторамъ школьнаго дѣла въ степи онъ рекомендовалъ своего знакомаго киргиза Алтынсарина, служившаго тогда въ степи въ качествѣ письмоводителя Тургайскаго уѣзднаго правленія.

Но особенно налегалъ Николай Ивановичъ на надвигающуюся опасность отатаренія степи, въ виду того, что мѣстные администраторы, сознавая зло, никакъ не могли отказаться отъ мысли о необходимости для степи татарской грамоты. „Это давній пред-

разсудокъ оренбургской администраціи и повидимому не оренбургской одной. Онъ установился съ самаго начала оттого, что татары были необходимыми посредниками между русскою властью и киргизскимъ народомъ. Татарскіе переводчики и толмачи естественно установили татарскую грамоту и татарскій языкъ для переписки киргизовъ съ ихъ русскими начальствами... И вотъ совершенно послѣдовательно, такъ сказать, узаконивается въ степи сила татарскаго языка, а съ нимъ вмѣстѣ и магометанства. Я, напротивъ, сознавая всю трудность бороться съ укоренившимся такъ сильно и такимъ общимъ предразсудкомъ, осмѣливаюсь утверждать, что въ основу народнаго киргизскаго образованія, какъ орудіе передачи познаній, долженъ быть поставленъ киргизскій языкъ. Вообще желательно, чтобы русская школа и русская управа относились къ киргизамъ и устно и письменно непремѣнно на настоящемъ киргизскомъ языкѣ, и чтобы переводчики, какъ органы сношеній русскихъ властей съ киргизскимъ народомъ, были киргизы". Замѣчательно, что тургайскій военный губернаторъ въ отчетѣ за 1869 г. о состояніи народнаго образованія въ области указалъ на усиленіе въ степи татарской культуры, на необходимость устройства новыхъ русскихъ школъ; но и онъ не могъ отказаться отъ мысли, что учителямъ этихъ школъ нужна татарская грамотность, которую уже стали цѣнить киргизы. Проводя свои взгляды о первенствѣ киргизскаго языка въ правительственной степной школѣ, Николай Ивановичъ предостерегалъ однако отъ перевода на народный языкъ мусульманскихъ книгъ, ибо это только послужитъ къ укрѣпленію магометанства, „во всякомъ случаѣ не совмѣстимаго съ русскимъ направленіемъ", указывая между прочимъ на примѣръ сильнаго воздѣйствія магометанскихъ пѣсенъ на киргизскомъ языкѣ „Если мусульманскія школы могутъ и будутъ продолжаться, то пусть лучше уже онѣ учатъ татарской грамотѣ и мучатъ дѣтей арабской фонетикой; это будетъ по крайней мѣрѣ не такъ рѣшительно, какъ распространять магометанство на родномъ, столь сильномъ языкѣ. Напротивъ, русское образованіе должно распространяться непремѣнно по-киргизски; въ началѣ же нужно поддержать народныя киргизскія ска-

занія и народный духъ, отъ котораго все таки удобнѣе перейти къ русскому образованію, чѣмъ отъ магометанства. Если русскія правительственныя школы будутъ сообщать познанія посредствомъ роднаго киргизскаго языка, а муллы учить татарской фонетикѣ и арабской фонетикѣ, то первыя возьмутъ перевѣсъ по меньшей мѣрѣ легкостью и скоростью обученія. Отсюда видно, что и киргизскій языкъ въ замѣну татарскаго есть орудіе обоюдо-острое; при немъ, быть можетъ, еще зорче нужно будетъ смотрѣть за направленіемъ мыслей и образованія киргизовъ".

Эту послѣднюю мысль Николай Ивановичъ могъ высказать на основаніи имѣвшагося у него факта. Его любимый киргизъ Алтынсаринъ, пріобщившійся къ русскому образованію, однако остался магометаниномъ; правда, онъ не любилъ татаръ-муллъ, ихъ фанатизма, заявлялъ, что они набиваютъ головы киргизовъ пескомъ; но еще въ 1864 г. онъ указывалъ Николаю Ивановичу на необходимость преподаванія въ русскихъ школахъ магометанскаго вѣроученія на родномъ языкѣ, противъ чего была даже сама пограничная коммиссія. Впослѣдствіи, въ 1882 г. онъ составилъ даже полный учебникъ магометанскаго Закона Божія, которымъ думалъ дать киргизамъ толковое пособіе для изученія ислама, даже прислалъ этотъ учебникъ въ Казань Николаю Ивановичу и просилъ напечатать; но послѣдній отклонилъ отъ себя это дѣло. Еще въ 1871 г., когда Николай Ивановичъ настаивалъ на введеніи посредствомъ школъ въ степи русскаго алфавита, Алтынсаринъ стоялъ за арабскій алфавитъ, яко бы священный для киргизъ, алфавитъ ихъ молитвъ и священныхъ книгъ. Появленіемъ въ степи такихъ магометанъ-прогрессистовъ могло угрожать то обоюдоострое орудіе, о которомъ и говорилъ Николай Ивановичъ, который высказалъ свои обрусительные взгляды и по вопросу о приготовленіи учителей для киргизскихъ школъ, поднятому оренбургской коммиссіей весной 1870 года.

„Русское образованіе въ степи, писалъ онъ въ 1871 г., должно состоять въ томъ, чтобы развить въ населеніи общечеловѣческія понятія и русскія симпатіи". Оно должно имѣть преимущественно воспитательный характеръ, по Казанской системѣ, пу-

темъ родного языка и переводовъ на него учебныхъ и образовательныхъ книгъ, воспитывающихъ нравственныя чувствованія и любовь къ русскому. Ученіе нужно проводить посредствомъ малыхъ аульныхъ школъ. „На чисто киргизскомъ языкѣ для образовательныхъ книгъ я настаиваю, потому что знаю, какъ прежде господствовалъ, да и теперь еще повидимому господствуетъ въ киргизскихъ управленіяхъ татарскій языкъ; какъ этотъ языкъ усваиваютъ киргизскіе грамотеи, дорожа имъ, какъ чѣмъ-то особенно почтеннымъ, и свой языкъ пренебрегая, какъ не грамотный, не книжный, а между тѣмъ киргизскій языкъ во многихъ отношеніяхъ лучше, выразительнѣе татарскаго, и чтобы оградить киргизскій языкъ отъ татарской примѣси въ формахъ и звукахъ, непремѣнно нужно примѣнить къ нему русскій алфавитъ.

Выучиться русской грамотѣ для киргиза легче, и онъ потомъ уже прямо переходитъ къ чтенію русскихъ книгъ. Русскій алфавитъ лучше выражаетъ всѣ оттѣнки киргизской фонетики, чѣмъ арабскій. Сдѣлавшись алфавитомъ и киргизской грамоты, онъ самъ по себѣ сдѣлаетъ ненужнымъ присутствіе въ степи массы татаръ-писцовъ. Оренбургская коммиссія думала готовить учителей для степныхъ школъ въ особомъ пансіонѣ съ приготовительнымъ классомъ. Въ послѣднемъ киргизы будутъ учиться русскому языку и грамотѣ, потомъ проходятъ курсъ мѣстнаго уѣзднаго училища и слушаютъ въ пансіонѣ особые педагогическіе курсы. Николай Ивановичъ обратилъ вниманіе коммиссіи, что русская грамота будетъ усвоена довольно, если только обученіе пойдетъ на киргизскомъ языкѣ. Гораздо важнѣе вопросъ о воспитательномъ значеніи пансіона. „Школа должна запечатлѣться особымъ нравственнымъ характеромъ, особымъ духомъ; напримѣръ, въ ней должно господствовать общее убѣжденіе и одушевленіе учениковъ—учиться для умственнаго и нравственнаго образованія, а не изъ видовъ утилитарныхъ... Школа должна быть такъ поставлена, чтобы дѣти полюбили ее; чтобы они чувствовали себя въ ней, какъ дома, уютно, тепло; тогда разовьются въ нихъ гуманныя начала и благородныя чувства... Такое направленіе обусловливается и воспитывается не ученостью, не педагогическими

пріемами, а нравственными качествами ближайшаго непосредственнаго воспитателя, его личностью. Если это будетъ въ родѣ одного изъ смотрителей бывшей киргизской школы, чиновникъ, хотя исполнительный и экономъ честный и аккуратный, но именно чиновникъ и формалистъ, то школа не пріобрѣтетъ никакого одушевленія. На это мѣсто нужно выбрать киргиза, хотя не особенно образованнаго и ученаго, но здравомыслящаго, даровитаго, симпатичнаго, искренне сочувствующаго русскому образованію"... „Порядки школы должны быть какъ можно менѣе формальны, напоминать скорѣе семейныя отношенія и семейную простоту, кротость, единодушіе. Русскіе ученые наблюдатели не должны стѣснять воспитателя строгою формальностью, а предоставить ему свободу и только совѣтами руководить его; они должны внимательно слѣдить за естественнымъ развитіемъ школы, какъ будетъ самостоятельно складываться ея строй и направленіе. Чѣмъ онъ будетъ самороднѣе и естественнѣе, тѣмъ будетъ прочнѣй и основательнѣе. И вотъ это же направленіе перейдетъ постепенно и въ мѣстныя начальныя школы и вообще во всю систему киргизскаго образованія... При этомъ я полагаю, что главный интересъ обученія инородцевъ состоитъ не въ русскомъ языкѣ, а въ развитіи общечеловѣческихъ понятій, нравственныхъ началъ и убѣжденій и русскихъ симпатій; собственно русскій языкъ самъ по себѣ имѣетъ второстепенное, хотя и важное значеніе". Образованіе будущихъ учителей киргизскихъ школъ „должно быть не столько научно педагогическое, сколько практическое развитіе учительскаго такта и особенно пропагаторскаго усердія, потому что учителямъ придется не просто преподавать своимъ инородческимъ ученикамъ научныя знанія, но вмѣстѣ съ тѣмъ бороться съ предразсудками киргизскаго народа и магометанско-татарскимъ направленіемъ, гдѣ таковое уже укоренилось". Обстановка пансіона должна быть простою и дешевою: „лучше употребить деньги на образовательныя средства и учебныя пособія, чѣмъ на внѣшній блескъ и удобства жизни. Киргизская жизнь, изъ которой поступаютъ всѣ воспитанники, отличается нѣкоторой суровостью и незатѣйливостью. Но привыкнуть къ удобствамъ, къ

изнѣженности недолго; а потомъ трудно будетъ возвратиться въ аулъ, въ простую и скудную обстановку кочеваго быта". По примѣру ежегодныхъ съѣздовъ учителей крещенотатарскихъ школъ, Николай Ивановичъ рекомендовалъ устраивать при пансіонѣ съѣзды учителей киргизскихъ школъ, „для выясненія имъ началъ и способовъ инородческаго образованія и для собранія съ ихъ стороны наблюденій въ учебномъ и отчасти въ этнографическомъ отношеніи".

Вотъ тѣ педагогическо-просвѣтительныя положенія, которыя были выработаны Николаемъ Ивановичемъ на примѣрѣ казанской школы; которыя онъ думалъ приложить къ дѣлу образованія въ Киргизской степи. Впослѣдствіи эти положенія стали примѣняться имъ къ жизни открытой въ Казани русско-инородческой учительской семинаріи. Предъ самымъ открытіемъ послѣдней онъ только что распространилъ сферу своего вліянія, отправивъ воспитанника казанской крещенотат. школы въ качествѣ учителя на Кавказъ къ трухменамъ-магометанамъ, кочующимъ въ Ставропольской губерніи.

ГЛАВА V.

Учрежденіе Казанской русско-инородческой учит. семинаріи. Директорство Николая Ивановича и развитіе его переводческой и педагогической дѣятельности съ 1872 г. по 1892 годъ.

Учрежденіе въ Казани инородческой семинаріи было завершеніемъ системы инородческаго образованія, созданной Николаемъ Ивановичемъ и получившей утвержденіе въ Министерствѣ Народ. Просвѣщенія. Идея и цѣль Казанской учительской семинаріи состояла въ прочномъ соединеніи инородческихъ племенъ съ кореннымъ русскимъ народомъ путемъ образованія. Для образованія учителей русскихъ и инородческихъ школъ изъ среды соотвѣтствующаго племени имѣлось въ виду учредить закрытое учебное заведеніе, гдѣ должны были обучаться русскіе съ крещеными инородцами: татарами, чувашами, черемисами, вотяками, мордвою, всего 150 казенныхъ стипендіатовъ и до 90 учениковъ-стипендіатовъ разныхъ другихъ вѣдомствъ, равно и своекоштныхъ, по имѣющейся къ тому возможности. Русскіе ученики должны практиковаться въ городскихъ приходскихъ училищахъ, крещеные татары—въ Казанской крещено-татар. школѣ, а для практики учениковъ изъ остальныхъ 4 племенъ при самомъ заведеніи устраиваются 4 начальныхъ школы по 15 воспитанниковъ въ каждой.

Всѣ воспитанники должны помѣщаться въ казенномъ зданіи, не исключая и учениковъ начальныхъ школъ, на казенномъ для 150 чел. содержаніи. Педагогическій персоналъ имѣетъ быть

изъ лицъ съ высшимъ образованіемъ по преимуществу. Изъ щедротъ Монаршихъ на семинарію должно было отпускаться ежегодно безъ малаго 34 т. Для семинаріи 11 іюня 1872 г. было заложено обширное каменное зданіе на мѣстѣ новокрещенскихъ школъ, съ домовою церковью во имя святыхъ Захаріи и Елизаветы.

Достойнѣйшій и ревностный архипастырь Казанскій, владыка Антоній устроилъ торжественное молебствіе на мѣстѣ закладки, куда крестнымъ ходомъ изъ соборныхъ, приходскихъ храмовъ, монастырей отправилось казанское духовенство, напомнивъ давно минувшія времена, когда устраивались здѣсь новокрещенскія школы. Сюда собрались представители власти, духовенства, дворянъ и горожанъ, ученики приход. школъ и инородцы всѣхъ племенъ края. При освященіи мѣста и закладкѣ храма, кромѣ архіерейскихъ пѣвчихъ, пѣли русскіе ученики: „Спаси, Господи“ по-славянски, крещеные татары—Тропарь св. Гурію по-татарски, черемисы— тропарь св. Гурію и Варсонофію по-черемисски; далѣе тропарь св. Гурію былъ пропѣтъ по-чувашски и по-вотяцки. Затѣмъ всѣ инородцы вмѣстѣ пропѣли „Спаси, Господи“ на славянскомъ языкѣ, въ знакъ духовнаго единства, для сознательнаго и разумнаго упроченія коего и устраивается семинарія. Усердный богомолецъ Казанской церкви въ своемъ поучительномъ словѣ молитвенно пожелалъ будущему разсаднику лучшей участи, лучшихъ успѣховъ, чѣмъ это было, когда на этомъ мѣстѣ были новокрещенскія школы. „Пусть этотъ разсадникъ, какъ насаждаемый самимъ Отцомъ небеснымъ, не искоренится уже никогда, напротивъ—да укоренится какъ можно глубже и крѣпче, да процвѣтетъ и принесетъ плоды благіе, обильные и долговѣчные, къ истинной пользѣ здѣшняго многоплеменнаго и многовѣрнаго края и славѣ Божіей“.

Въ виду того, что зданіе для учреждаемой семинаріи не могло быть скоро построено, рѣшили открыть заведеніе въ новомъ каменномъ зданіи Крещенотатарской школы. 26 октября 1872 г. происходило открытіе этого учрежденія, въ присутствіи обоихъ архипастырей, властей, представителей учрежденій и разныхъ сословій. Послѣ литургіи въ домовой церкви, преосвящен-

ные архипастыри совершили торжественное молебствіе предъ началомъ ученія, съ молитвою св. Гурію, первоначальнику христіанскаго просвѣщенія Казанскаго края.

Послѣ молебна въ особо приготовленной комнатѣ начался актъ молитвеннымъ призываніемъ Духа истины. Попечитель Учеб. Округа П. Д. Шестаковъ объявилъ учительскую семинарію открытой, а владыка Антоній благословилъ ее иконой св. Меѳодія и Кирилла, пожелавъ, чтобы въ семинаріи воспитывались народные учителя въ духѣ Православной Церкви.

Затѣмъ Попечитель Учеб. Округа въ своей рѣчи указалъ, что учреждаемая по волѣ Государя Императора семинарія сама тѣмъ самымъ учреждаетъ и упрочиваетъ принятую раціональную систему образованія инородцевъ, соединяетъ и сближаетъ будущихъ инородческихъ учителей съ будущими русскими народными учителями. Здѣсь, въ этомъ учебномъ заведеніи, призванномъ къ жизни волею Всемилостивѣйшаго Монарха, инородцы, наши братья по вѣрѣ и отечеству, ставятся въ братское единеніе съ русскими, чувствуютъ себя сынами одной великой Матери, святой православной церкви, сынами одной многомилліонной русской семьи.

Послѣ этого назначенный директоромъ новой семинаріи, Николай Ивановичъ прочиталъ Высочайше утвержденное Положеніе о Казанской учительской семинаріи (27 марта 1872 г.], въ которую въ моментъ открытія поступило 26 русскихъ, 12 крещеныхъ татаръ, 7 черемисъ, 6 чувашъ, составившихъ 1-й классъ школы. Затѣмъ директоръ семинаріи въ историческомъ освѣщеніи представилъ предъ слушателями живописную картину всѣхъ обстоятельствъ, при которыхъ возникла и развилась мысль объ учрежденіи въ Казани учительской семинаріи; какъ она воплотилась въ фактъ, и школа открылась въ Казани въ цѣляхъ „прочнаго сближенія инородцевъ съ русскимъ населеніемъ путемъ просвѣщенія“. Это сближеніе есть дѣло будущаго, и разрѣшеніе этой трудной племенной задачи находится въ христіанствѣ, гдѣ, по словамъ Апостола, нѣтъ различія между іудеемъ и язычникомъ, нѣтъ ни раба, ни свободнаго, а всѣ сыны Божіи. Христіанство

есть религія облагораживающая и освящающая человѣческую природу. Какъ живая, созидающая и сплачивающая сила, христіанство состоитъ не въ холодномъ, разсудочномъ только изученіи догматовъ, не въ формальномъ соблюденіи обрядовъ, но преимущественно въ убѣжденномъ и искреннемъ вѣрованіи, въ сердечномъ усвоеніи истинъ христіанскихъ и проникновеніи духомъ св. Евангелія, на началахъ любви.

Такъ какъ инородческая семья не представляетъ никакихъ условій къ христіанскому воспитанію, то эту задачу по отношенію къ инородцамъ должна взять на себя первоначальная школа, построенная примѣнительно къ инородцамъ. Эта школа съ религіознымъ христіанскимъ характеромъ можетъ ослаблять и сглаживать нелюдимость инородческихъ дѣтей въ отношеніи къ русскимъ, что дѣлается уже и нынѣ школами братскими. Вотъ и въ семинарію явились инородческіе мальчики добровольно и довѣрчиво, съ согласія и желанія родителей. Просвѣщеніе, посредствомъ котораго возможно достигнуть прочнаго сближенія инородцевъ съ русскими, должно быть религіознонравственное и умственное. Знанія сами по себѣ безъ проникновенія ихъ нравственными началами, не симпатичны, способны развить эгоизмъ; религіознонравственное же одушевленіе придаетъ энергію и живость научнымъ даже занятіямъ.

Народное образованіе должно, по самому существу дѣла, основываться на началахъ православнорелигіозныхъ. Сельское населеніе преимущественно интересуется религіею, любитъ людей набожныхъ и добрыхъ. Поэтому учителя народныхъ школъ должны быть искренне религіозными и нравственными людьми для упроченія самыхъ народныхъ школъ.

Учительская семинарія, въ которой воспитываются русскіе и инородцы, должна представлять родъ одной семьи, въ которой всѣ воспитанники, не смотря на разность племенную, живутъ мирно, трудятся для одной цѣли, взаимно помогаютъ другъ другу въ занятіяхъ.

Чтобы многолюдное собраніе учащихся въ семинаріи удержать въ порядкѣ, нужно одушевить молодые умы высшей идеей

будущаго ихъ служенія, поддерживать въ нихъ христіанское, религіозное одушевленіе, любовь къ труду, гуманный идеализмъ,— словомъ держать ихъ въ постоянномъ умственномъ и нравственномъ напряженіи. Лишь нравственныя пружины способны поддержать молодыхъ людей въ стройномъ порядкѣ. Внѣшними средствами не возможно поддерживать порядокъ въ заведеніи; внѣшнія средства не имѣютъ никогда воспитательнаго значенія; они способны болѣе развить лицемѣріе, которое соединяетъ благоприличіе предъ глазами надзирателей съ заочными унизительными поступками, и котораго не должно быть въ учительской семинаріи. Ученики семинаріи готовятся быть учителями въ народныхъ училищахъ среди крестьянской обстановки, крайне тѣсной, бѣдной. Поэтому семинарія не будетъ пріучать ихъ къ излишнему комфорту, къ роскоши; напротивъ молодые люди должны пріобрѣсти навыкъ къ простой, скромной жизни и обстановкѣ.

Итакъ учительская семинарія должна представлять „закрытое учебное заведеніе съ многочисленнымъ собраніемъ молодыхъ людей, не смотря на разноплеменность, единодушныхъ, какъ братья, религіозныхъ, нравственныхъ, честныхъ, одушевленныхъ любовію къ труду, развитыхъ умственно, благодушно уживающихся въ простой обстановкѣ, приблизительной къ сельскому быту, проникнутыхъ важностью своего назначенія.

Вотъ тотъ идеалъ, который поставилъ предъ собою директоръ открытой семинаріи, для направленія всей дѣятельности школы и посильнаго исполненія великой объединительной задачи.

Все ручалось за то, что дѣло пойдетъ не спѣшнымъ, но твердымъ и надежнымъ шагомъ. Руководство учительской семинаріей ввѣрено лицу, котораго безпримѣрная, полная искренней любви, одушевленія и самоотверженія дѣятельность по христіанскому просвѣщенію крещеныхъ татаръ всѣмъ хорошо извѣстна. Такъ какъ примѣръ учитъ краснорѣчивѣе и дѣйствительнѣе всякихъ словъ, то эта одушевленная, не знающая утомленія, отдыха, самоотверженная на пользу образованія дѣятельность Николая Ивановича, примѣрная жизнь, полная сердечнаго религіознаго чувства и христіанскаго смиренія, эта любовь къ дѣтямъ, неустанное

стремленіе къ образованію всего лучше воспитаютъ въ питомцахъ школы самоотверженныхъ работниковъ на нивѣ религіозно-нравственнаго просвѣщенія.

Актъ закончился хвалебною пѣснью Пресвятой Богородицѣ.

Два года пробыла открытая учительская семинарія въ помѣщеніи Крещенотатарской школы, пока строилось собственное зданіе для семинаріи на отпущенные правительствомъ 90 т. рублей. Школѣ подаренъ былъ вновь устроенный двухъ-этажный деревянный домъ, выстроенный для семинаристовъ во 2-й годъ существованія семинаріи. Въ это время она во многомъ походила на школу, заимствовавъ отъ нея религіозно-нравственное направленіе, семейный характеръ жизни, добрую извѣстность среди сельскаго, преимущественно инородческаго населенія.

Николай Ивановичъ позаботился и о составленіи штата изъ такихъ преподавателей, которые были бы носителями идеаловъ своего руководителя. Законоучителемъ семинаріи сталъ Е. А. Маловъ, принявшій священническій санъ, а потомъ священникъ Никифоръ Тимоѳеевичъ Каменскій, нынѣ епископъ Орловскій Никаноръ. Далѣе преподавателями были приглашены преемникъ Николая Ивановича въ Академіи Н. П. Остроумовъ, окончившій курсъ въ Каз. дух. академіи П. И. Благовидовъ и два родственника Николая Ивановича, люди съ университетскимъ образованіемъ И. П. и А. П. Сердобольскіе. Послѣдній былъ очень сердечный человѣкъ, большой идеалистъ, вполнѣ преданный идеямъ Николая Ивановича, былъ горячо любимъ учениками и влагалъ всю свою душу въ воспитательное дѣло семинаріи.

„Съ такими силами началась поучительная и многоплодная жизнь этого оригинальнѣйшаго и симпатичнѣйшаго на Руси учебно-воспитательнаго заведенія, къ которому не приложимы были никакія шаблонныя формальныя мѣрки и указки; которое имѣло свою собственную организацію, исходившую изъ собственной оригинальной души и идеальной личности педагога-директора. Самъ директоръ менѣе всего былъ „начальникомъ“ заведенія въ томъ узкомъ учебно-административномъ, юридическомъ смыслѣ, въ какомъ издавна привыкли употреблять это слово, онъ былъ именно

живая душа заведенія, его жизненная сила, центральное свѣтило, около котораго весь окружающій его міръ малыхъ свѣтилъ держался въ стройномъ порядкѣ самъ собою, естественной силой тяготѣнія".

Теперь Николай Ивановичъ начинаетъ собою новый періодъ дѣятельности въ дѣлѣ христіанско-просвѣтительномъ, составивъ собою какъ бы особое вѣдомство съ учительской семинаріей во главѣ и съ распространеніемъ сферы своего вліянія въ глубь Туркестана, въ пустыни Якутскія и за Алтай. Николай Ивановичъ уже покидаетъ службу въ университетѣ (съ полною пенсіею въ 857 р.) и отдается дѣлу своей жизни, исполняя временно и обязанности инспектора татарскихъ, башкирскихъ и киргизскихъ школъ Округа.

Два года просуществовала учительская семинарія на Арскомъ полѣ; на 1874—75 учеб. годъ былъ встрѣченъ ею уже въ своемъ домѣ. Николай Ивановичъ поспѣшилъ устроить въ новомъ зданіи домовую церковь, которая и была освящена 30 марта 1875 г. владыкой Антоніемъ, въ возстановленіе бывшаго здѣсь храма, но 50 лѣтъ тому назадъ разобраннаго, такъ что не осталось камня на камнѣ. Теперь ученики семинаріи въ храмѣ стали получать благословеніе на свои занятія и воспитываться подъ его сѣнію.

Отдавшись дѣятельности въ семинаріи, Николай Ивановичъ не оставлялъ и своего первороднаго дѣтища; Казанской крещеномусульманской школы. Онъ по прежнему оставался ея руководителемъ и всѣми мѣрами старался о тѣсной связи этихъ двухъ учрежденій между собою, смотря на школу, какъ на подготовительное къ семинаріи учрежденіе. Но все болѣе и болѣе расширяющійся кругъ дѣятельности школы показалъ ему, что необходимо дать школѣ самостоятельность и опредѣленное положеніе. Силою вещей школа изъ заведенія частнаго, христіанско-просвѣтительнаго превращалась въ заведеніе государственное, помѣченное въ Высочайше утвержденномъ „Временномъ спискѣ учеб. заведеніямъ съ раздѣленіемъ ихъ на разряды" (29 мая 1876 г.) училищемъ 3-го разряда по отбыванію воинской повинности съ предоставле-

ніемъ правъ 4-го разряда не окончившимъ въ немъ полнаго курса. Нужно было устроить уполномоченный органъ для производства испытаній на льготу 3-го разряда, въ родѣ педагогическаго совѣта изъ учредителя или замѣняющаго его лица, законоучителя и учителей школы подъ предсѣдательствомъ Директора Учительской семинаріи. Кромѣ того, Николай Ивановичъ, въ цѣляхъ большаго сближенія заведеній, думалъ приглашать на экзаменъ въ школу одного или нѣсколькихъ наставниковъ семинаріи. Обезпечивая свое любимое учрежденіе отъ всякихъ жизненныхъ случайностей, Николай Ивановичъ рѣшилъ придать ему болѣе опредѣленности и въ составѣ преподавателей и въ объемѣ научнаго образованія не ниже сельскихъ двухклассныхъ училищъ М. Н. Просвѣщенія.

Онъ видѣлъ необходимость превратить О. Василія лишь въ руководителя школы, давъ ей отдѣльнаго законоучителя и двухъ учителей, и сталъ хлопотать объ обезпеченіи законоучителя, лица академическаго образованія 700 р. изъ средствъ Св. Сунода, а 2 учителей 300 р. каждому изъ суммъ Министерства Н. Просвѣщенія. И вотъ Государственный Совѣтъ въ Соединенныхъ Департаментахъ законовъ и Госуд. Экономіи мнѣніемъ положилъ, а Государь Императоръ Всемилостивѣйше утвердить 28 февраля 1878 г. сонзволилъ нижеслѣдующій уставъ Казанской Крещенотатарской школы.

1) Крещенотатарскую школу въ г. Казани, оставивъ оную на правахъ частнаго учебнаго заведенія, преобразовать въ двухклассный составъ, съ объемомъ преподаванія не ниже опредѣленнаго для двухклассныхъ сельскихъ начальныхъ училищъ М. Н. Просвѣщенія.

2) Производство испытаній воспитанниковъ какъ оканчивающихъ курсъ въ означенной школѣ, такъ и не окончившихъ въ ней курса, но имѣющихъ право на льготу 4 разряда по отбыванію воинской повинности, предоставить самому заведенію, съ тѣмъ, чтобы означенныя испытанія производились законоучителемъ и преподавателями въ присутствіи учредителя школы и директора Казанской учительской семинаріи, подъ руководствомъ послѣдняго.

3) Крещенотатарской школѣ въ г. Казани назначить изъ казны съ 1 января 1878 г. ежегодное на жалованіе преподавателямъ пособіе въ размѣрѣ 600 руб. съ отнесеніемъ сего расхода на счетъ кредита, отпускаемаго по ст. 2 § 11 финансовой смѣты М. Н. Просвѣщенія.

Обезпечивъ школу учителями, Николай Ивановичъ обезпечилъ ее и законоучителемъ. Онъ обратилъ вниманіе Оберъ-Прокурора Св. Сунода, что о. Василій, вслѣдствіе частыхъ отлучекъ для наблюденія за братскими и миссіонерскими школами въ краѣ, естественно долженъ запускать преподаваніе Закона Божія. Кромѣ того, и въ школѣ явилась потребность въ высшихъ богословскихъ знаніяхъ и ознакомленіи съ противомусульманскими предметами. Эту потребность пока удовлетворяли приглашаемые о. Василіемъ студенты Академіи, гдѣ о. Василій продолжалъ служить практикантомъ. Св. Сунодъ согласился на просьбу Николая Ивановича о назначеніи преподавателемъ закона Божія въ школѣ кандидата академіи А. А. Воскресенскаго, съ окладомъ жалованія въ 700 руб. Г. Воскресенскій содержался въ академіи на средства Костромскаго Комитета Правосл. Миссіон. Общества, который, по просьбѣ Николая Ивановича, освободилъ своего стипендіата отъ обязательной службы въ Костромской епархіи, и Воскресенскій съ 1884 г. сталъ помощникомъ о. Василія въ школѣ.

Умудренный опытомъ, полный силъ и энергіи всталъ теперь Николай Ивановичъ во главѣ цѣлаго вѣдомства: инородческаго образованія востока Россіи, числясь въ оффиціальныхъ спискахъ директоромъ Казанской учительской семинаріи и на этой службѣ положилъ животъ свой.

Оффиціальная и ученая служба его была извѣстна лишь Министерству Нар. Просвѣщенія, Вѣдомству Православнаго Исповѣданія да разнымъ ученымъ учрежденіямъ.

Не оффиціальная, но душевная служба инородческому просвѣщенію была извѣстна всему инородческому краю, и одно имя „Николай Ивановичъ“, даже безъ фамиліи заставляло трепетать отъ благодарности многія и многія инородческія сердца. Дѣятель-

ность Николая Ивановича стала высоко цѣниться. Извѣстно, что въ 1865 г. онъ получилъ званіе члена Пенсильванскаго Историческаго Общества; въ 1870 г. онъ былъ избранъ въ члены-корреспонденты Императорской Академіи Наукъ; въ 1875 г. его избрала въ свои почетные члены и Казанская Дух. Академія. Въ 1884 г., по смерти академика В. В. Григорьева, Николай Ивановичъ получилъ предложеніе занять академическое кресло по отдѣлу исторіи и древностей азіат. народовъ.

Съ учрежденіемъ при св. Синодѣ Училищнаго Совѣта Николай Ивановичъ сталъ его членомъ и всею душою радовался возстановленію ц.-приходской школы, какъ историческаго завѣта. Онъ былъ неоффиціальнымъ, но дѣятельнымъ совѣтникомъ по инородческому и и школьному вопросамъ у Министровъ Нар. Просвѣщенія графа Ив. Д. Делянова, графа Д. А. Толстого, у Оберъ-Прокурора К. П. Побѣдоносцева. Послужной списокъ покойнаго говоритъ намъ, что Николай Ивановичъ былъ удостоенъ чина Дѣйствительнаго Ст. Совѣтника и высшихъ орденовъ до Анны 1-й степени включительно.

Правда, мірскія почести его очень стѣсняли, и на обращеніе „Ваше Превосходительство“, онъ говаривалъ: „Какое тамъ Превосходительство!“. „Нагъ отъ всякихъ земныхъ отличій“ въ простомъ деревянномъ гробу, на древнерусскомъ одрѣ снесенъ былъ онъ въ мѣсто упокоенія, горько оплакиваемый инородческимъ населеніемъ, оставивъ по себѣ благодарную память, какъ неутомимый дѣятель на нивѣ Господней и „Человѣкъ Божій“. Даже Высочайше назначенную ему аренду съ 1886 г. на 6 лѣтъ по 1200 р. въ годъ онъ употреблялъ преимущественно на печатаніе своихъ переводовъ и трудовъ.

Взявъ на себя нелегкое бремя управленія закрытымъ учебнымъ заведеніемъ, имѣющимъ цѣлію готовить для края народныхъ просвѣтителей, Николай Ивановичъ прежде всего постарался благоустроить школу въ религіозно-нравственномъ отношеніи. Въ его воображеніи рисовался образъ такой учительской школы, которая бы во многомъ была повтореніемъ его любимаго дѣтища— Казанской крещенотат. школы. Чтобы послѣдняя была перво-

образомъ и оказала вліяніе на семинарію въ нравственномъ отношеніи, Николай Ивановичъ цѣлые два года жилъ съ своей семинаріей въ зданіи школы.

Естественно, что семинарія и усвоила нравственно-религіозное направленіе школы, ея семейный характеръ, ея идеализмъ, готовность на подвигъ, ея любовь къ труду, ея нравственную дисциплину.

Добрая извѣстность школы среди инородческаго населенія и ея близость къ послѣднему невольно отразилась и на семинаріи, которая также сдѣлалась предметомъ довѣрія сельскаго населенія, которое стало помѣщать своихъ дѣтей въ новую школу и брать ея воспитанниковъ къ себѣ въ учителя. Директоръ семинаріи всегда отдавалъ предпочтеніе ученикамъ сельскихъ школъ и дѣтямъ крестьянъ, не охотно принимая въ школу дѣтей разночинцевъ; учениковъ же духовныхъ, уѣздныхъ и городскихъ училищъ всячески старался отклонять отъ поступленія въ семинарію, считая ихъ неподходящими для служенія въ сельской школѣ. Вниманіе директора при пріемѣ въ семинарію приковывали не франтовато или чистенько одѣтые мальчики, а крестьянскія дѣти въ лаптяхъ и худыхъ кафтанишкахъ.

Создавъ семинарію по образцу Крещенотатарской школы, Николай Ивановичъ постарался придать ей характеръ семьи. Въ своей рѣчи при открытіи школы онъ точно опредѣлилъ ея форму и внутреннее состояніе. „Это родъ семьи, гдѣ всѣ воспитанники живутъ мирно, не смотря на разноплеменность, трудятся для одной цѣли, взаимно помогаютъ другъ другу въ занятіяхъ“. Здѣсь молодые умы одушевляются высокой идеей ихъ будущаго служенія.

Школа развиваетъ въ дѣтяхъ христіанское чувство, любовь къ труду, гуманный идеализмъ. Внѣшняя дисциплина, обыкновенно плохо поддерживающая порядокъ въ школѣ, здѣсь не имѣетъ примѣненія, а вмѣсто нея выдвигается нравственная дисциплина. Съ самаго начала въ семинаріи установилась жизнь простая, скромная по своей обстановкѣ. Примѣромъ этого былъ самъ Николай Ивановичъ, который довольствовался лишь самымъ необхо-

димымъ въ жизни, былъ безсребренникъ и всецѣло увлекался идеей безкорыстнаго служенія дѣлу.

Долгое время педагогическій персоналъ школы былъ близокъ къ своему директору не только по взглядамъ на дѣло, но даже и по духовному или кровному родству. Такъ братья Сердобольскіе были его родственниками, равно какъ и С. В. Смоленскій; Н. А. Бобровниковъ былъ сынъ его друга и воспитанникъ съ малыхъ лѣтъ, В. Н. Витевскій стоялъ близко къ Николаю Ивановичу еще съ университетской скамьи, принимая участіе въ жизни Крещенотатарской Школы. А. П. Сердобольскій, старѣйшій преподаватель семинаріи, былъ правою рукою Николая Ивановича и фактически несъ на себѣ дѣло управленія школою. Съ самого основанія семинарія приняла религіозно-миссіонерское направленіе, и Николай Ивановичъ, какъ руководитель школы и педагогъ, всѣми силами выдвигалъ эту сторону дѣла, не придавая особаго значенія и не гоняясь за усовершенствованіемъ методовъ преподаванія, особенно за нѣмецкою педагогикой.

Въ этомъ смыслѣ жизнь семинаріи, разъ установленная въ извѣстныя рамки, мирно текла подъ покровомъ и руководствомъ своего директора, изъ года въ годъ, какъ и жизнь всякой благоустроенной школы, тихо и мирно преслѣдующей свои цѣли, безъ шума, треска и блеска. Школа была посѣщаема разными высокопоставленными лицами, кончая сербскимъ митрополитомъ Михаиломъ, самимъ Министромъ Нар. Просвѣщенія графомъ И. Д. Деляновымъ, которыя всѣ уходили отсюда съ отраднымъ чувствомъ. Особенно выдавалась семинарія своимъ хоромъ, который подъ управленіемъ С. В. Смоленскаго, нынѣ директора Московскаго синодальнаго хора, достигъ замѣчательнаго совершенства и пѣлъ по цыфирнымъ нотамъ. Но еще болѣе впечатлѣнія производило на молящихся богослуженіе въ семинарской церкви, гдѣ Николай Ивановичъ 17 лѣтъ неопустительно стоялъ на мѣстѣ около чтеца за всѣми службами, утренними и вечерними молитвами семинаріи, строго слѣдя за назидательностью богослуженія. Пасхальныя заутрени въ семинаріи, совершаемыя торжественно и многозначительно, при братскомъ пѣніи, чтеніи и возгласахъ на

разныхъ языкахъ, собирали въ семинарскую церковь молящихся съ разныхъ частей города.

Но семинарія имѣла для края гораздо болѣе значенія, какъ вѣнецъ системы инородческаго просвѣщенія, какъ центръ, сосредоточіе миссіонерской дѣятельности; отсюда шли въ разныя стороны просвѣтители инородцевъ и отсюда слѣдили за ихъ дѣятельностью, направляли ихъ пути, одобряли, понуждали юныхъ дѣлателей нивы Господней. Здѣсь же сосредоточивалось и переводческое дѣло. Отъ имени директора семинаріи шли сношенія относительно открытія новыхъ школъ, поддержки прежнихъ, здѣсь готовили учителей для инородческихъ школъ, и отсюда они разсылались по селеніямъ восточной Россіи. Въ лицѣ директора семинаріи мы видимъ инициатора по устройству новыхъ центральныхъ и учительскихъ школъ; онъ же становится въ ряды поборниковъ церковной школы Россіи, защитниковъ православія со стороны магометанства и ведетъ съ послѣднимъ борьбу, высказываетъ свои взгляды относительно устройства народнаго образованія въ мусульманскихъ мѣстностяхъ. Наконецъ въ лицѣ перваго директора семинаріи мы видимъ слависта, занятаго изданіемъ богослужебныхъ книгъ, изучающаго текстъ Евангелія и церковныхъ книгъ.

Вотъ вся эта дѣятельность, исходя изъ стѣнъ семинаріи, дѣлаетъ послѣднюю особенно выдающейся, и ея перваго директора ставитъ на высоту инородческаго просвѣтителя.

Въ настоящее время даже трудно представить ту массу труда, которую положилъ Николай Ивановичъ на это дѣло; невозможно подробно нарисовать картину его изумительной, высокой дѣятельности, такъ какъ архивъ семинаріи закрытъ для постороннихъ, а многочисленныя глубоко интересныя письма Николая Ивановича напечатаны пока въ ограниченномъ количествѣ. Едвали даже можно думать, что вся переписка Николая Ивановича собрана и находится въ однѣхъ рукахъ. Вотъ почему было бы желательно видѣть появленіе этой переписки по возможности въ одномъ изданіи, хотя бы сборникѣ въ память знаменитаго дѣятеля, предположенномъ на Самарскомъ съѣздѣ 1899 г. Пользуясь имѣющимися въ печати сборниками этой переписки, мы постараем-

ся указать въ главныхъ чертахъ, на что была обращена дѣятельность приснопамятнаго учителя.

Извѣстно, что Православное Миссіонерское Общество совершенно измѣнилось, съ новымъ уставомъ, перенесеніемъ учрежденія въ Москву, а еще болѣе—со вступленіемъ въ предсѣдатели этого общества Митрополита Московскаго Иннокентія, знаменитаго просвѣтителя алеутовъ. Дѣятельность общества оживилась. Николай Ивановичъ въ августѣ 1872 г. представился въ Москвѣ Владыкѣ Иннокентію и такъ былъ обласканъ истинно отеческимъ пріемомъ Предсѣдателямъ Миссіонерскаго Общества, что рѣшился обратить дѣятельность Общества на устройство миссіонерскихъ школъ въ Уфимской губерніи „этомъ настоящемъ Магометовомъ болотѣ“. Кромѣ того, связанный чрезъ іеромонаха Макарія съ Алтайской Дух. Миссіей, онъ взялъ на себя ходатайство объ устройствѣ для этой миссіи собственной типографіи и цензуры, за отдаленностью Казани отъ Алтая, и о вызовѣ въ Казань Забайкальскаго миссіонера Мелетія.

Въ д. Кадряковой, Мензелинскаго уѣзда вмѣстѣ съ близъ лежащими деревнями Юшадами и Искимунчой жили старокрещены. Здѣсь была когда то школа съ русскимъ учителемъ, но ученіе шло безуспѣшно, и школа закрылась. Окружающее магометанское населеніе сильно вліяло на старокрещеныхъ, и послѣдніе были склонны къ отпаденію. Николай Ивановичъ, болѣя душою о 20 т. крещеныхъ татаръ въ уѣздѣ, и рѣшился устроить здѣсь три школы: въ Чабьѣ, Багряшѣ и Кадряковой. Миссіонерское Общество сочувственно откликнулось на призывъ Николая Ивановича къ устройству школъ и ассигновало въ его распоряженіе 240 р. ежегодно. Учителями въ школы были посланы ученики Крещено-татарской школы въ Казани. Трудно пришлось учителю Кадряковской школы: ему не давали квартиры, гнали изъ села, не пускали въ школьный домъ, и только защита Николая Ивановича чрезъ мѣстнаго волостного старшину дала надежду на успѣхъ; тѣмъ болѣе, что въ Чабьѣ учитель былъ принятъ радушно, и крещенцы слушали его чтеніе, прислали ему дѣтей для обученія. Въ Багряшѣ тоже набрались 27 мальчиковъ и 4 дѣвочки, пожелавшихъ учиться.

Эти три школы были пробнымъ камнемъ къ утвержденію христіанскаго ученія среди крещеныхъ татаръ губерніи. О крещенцахъ Николай Ивановичъ впервые узналъ тому назадъ года 4, когда о. Василій Тимоѳеевичъ устроилъ школу въ Мелекесахъ среди крещеныхъ татаръ. Имѣлось въ виду открыть школу въ д. Ильтень-Буты, куда 15 января 1873 г. уже былъ посланъ ученикъ Казанской школы и набралъ учениковъ 21 человѣкъ. Мелекесскую школу Николаю Ивановичу удалось устроть на счетъ Министерства Нар. Просвѣщенія.Ославъ туда энергичнаго воспитанника Казанской школы Ф. Гаврилова, Николай Ивановичъ скоро устроилъ въ окружающихъ Мелекесъ деревняхъ нѣсколько маленькихъ школъ подъ наблюденіемъ мелекесскаго учителя.

Направляя свою просвѣтительную дѣятельность отъ границъ Казанской губерніи на востокъ, Николай Ивановичъ чрезъ мѣстное духовенство получилъ свѣдѣнія, что кромѣ Мензелинскаго уѣзда, крещеные татары и башкиры живутъ въ 16 деревняхъ Белебеевскаго уѣзда въ количествѣ 1594 г., да чувашъ въ уѣздѣ считаеся крещеныхъ 16019 ч. и некрещеныхъ 336 ч. Въ Стерлитамакскомъ уѣздѣ крещеныхъ татаръ въ селѣ Мелеузѣ 324 души, да крещеныхъ чувашъ 12672 д.

Чуваши сильно подвергаются магометанскому вліянію окружающихъ деревень. Для поддержанія христіанства въ деревняхъ Тряпиной и Нагадакѣ, устроены съ 1862 г. храмы, но, за недостаткомъ утвари, „остаются безмолвными свидѣтелями неудавшагося или недоконченнаго усердія“. Далѣе въ Бирскомъ уѣздѣ имѣется до 40 тыс. черемисъ, преимущественно язычниковъ, подвергающихся сильному отатариванію.

Представивъ печальную картину христіанскаго просвѣщенія въ Уфимской губерніи, Николай Ивановичъ 13 февраля 1873 года высказалъ Совѣту Миссіонерскаго Общества мысль о необходимости устроить здѣсь въ каждой крещенской деревнѣ „школу хоть малѣйшую — вотъ терминъ, къ которому необходимо стремиться“. Въ тоже время онъ высказалъ впервые мысль о необходимости устройства центральной чувашской школы въ Каза-

ни, чтобы живѣе и дружнѣе дать отпоръ магометанству, положительно втягивающему въ себя не только крещеныхъ татаръ, но и другихъ инородцевъ. Уфимскій край лишенъ всѣхъ способовъ для борьбы противъ ислама. Николай Ивановичъ и проситъ Миссіонерское Общество „простереть на этотъ бѣдствующій край свое попеченіе».

Увлекательныя слова этого человѣка произвели сильное впечатлѣніе на Совѣтъ Общества. И. С Аксаковъ выразился за всѣхъ: „Благо есть такой человѣкъ, надо имъ пользоваться". Совѣтъ рѣшилъ пойти по пути, указанному Николаемъ Ивановичемъ, и распорядился выдавать ему ежегодно по 500 руб. на его усмотрѣніе, равно принялъ на себя заботу о благоустройствѣ церквей въ д. Тряпиной и Нагадакѣ.

Развивая школьное дѣло въ татарскихъ селеніяхъ Казанской губ., Николай Ивановичъ, къ своему прискорбію, не дополучилъ отъ Св. Синода 3000 р. за 1871 г. для законоучителей татарскихъ школъ, о чемъ чрезъ Братство св. Гурія и сообщилъ Совѣту Общества, въ надеждѣ на помощь со стороны послѣдняго.

Въ 1874 г. Николай Ивановичъ уже сообщалъ Обществу объ успѣхахъ своего дѣла въ д. Кадряковой, гдѣ число дѣтей въ школѣ дошло до 53, и учащіеся толково знаютъ молитвы, хорошо разсказываютъ изъ священ. исторіи, поютъ по-русски и по-татарски, читаютъ и знаютъ 4 дѣйствія ариѳметики, а главное—жители деревни отъ магометанства повернули къ христіанству, слушаютъ по праздничнымъ днямъ молитвословіе въ школѣ и чтеніе Михайловымъ, учителемъ школы, религіозныхъ книгъ. Теперь нужно было уже устроить собственное помѣщеніе для школы, и Николай Ивановичъ выхлопоталъ для этого у Миссіонерск. Общества 300 руб. и сталъ мечтать объ устройствѣ изъ деревень Кадряковой, Верхнихъ и Нижнихъ Юшадъ, Искимучи, Танатмыкъ и Чувашскаго Корана (1941 ч.) инородческаго прихода, что въ 1885 г. дѣйствительно и исполнилось устройствомъ въ Верхнихъ Юдашахъ храма и назначеніемъ священника изъ крещеныхъ татаръ. Деревня Кадрякова сдѣлалась даже мѣстомъ,

откуда учитель Михайловъ вмѣстѣ съ юношей Борисомъ, учеником школы, перенесъ свою просвѣтительную дѣятельность и на сосѣднія деревни, сблизился съ жителемъ д. Верхнихъ Юшадъ крещенином Николаемъ и чрезъ него сталъ вліять и на эту деревню, даже на сосѣднихъ чувашъ, которые охотно слушали его чтеніе и пѣніе на татарскомъ языкѣ, владѣя послѣднимъ. Такимъ образомъ система инород. образованія свила себѣ въ Мензелинскомъ уѣздѣ довольно прочное гнѣздо, и симпатіи населенія крещеныхъ инородцевъ повернулись на ея сторону.

Теперь можно было перенести миссіонерскую дѣятельность и въ Белебеевскій уѣздъ, гдѣ доселѣ между крещеными татарами не было школъ съ религіозно-воспитательнымъ направленіемъ. Имѣя отъ Совѣта Миссіонер. Общества порученіе открывать на его счетъ маленькія школки, Николай Ивановичъ и мѣстомъ первой инородческой школы выбралъ дер. Усы, жители которой уже учили дѣтей своихъ въ Кадряковской школѣ. Учителемъ туда предназначался житель д. Кадряко́вой Борисъ, уже окончившій курсъ въ Казанской школѣ и получившій званіе учителя начальнаго училища для крещеныхъ татаръ. Онъ былъ извѣстенъ жителямъ д. Усы и могъ начать свою дѣятельность подъ руководствомъ своего бывшаго руководителя. кадряковскаго учителя Михайлова. Это было въ концѣ 1876 г. Школа была открыта съ 2-го октября въ частномъ домѣ съ 59 мальчиками и 8 дѣвочками и по заявленію бывшаго въ началѣ 1877 г. въ школѣ члена Белебеевской земской управы магометанина Байтерякова, дѣти въ очень короткое время стали читать и писать. Байтеряковъ и проситъ управу училище признать открытымъ и учителю назначить жалованіе, какъ это сдѣлало Мензелинское земство, принявъ большинство миссіонер. школъ на свой счетъ.

Но не такъ взглянулъ на дѣло Белебеевскій Училищный Совѣтъ и въ частности предсѣдатель его предводитель дворянства Н. М. Бунинъ потребовавшіе, чтобы Николай Ивановичъ, на основ. 10 ст. Положенія о начальныхъ училищахъ, открывалъ въ Белебеевскомъ уѣздѣ школы съ согласія предводителя и вѣдома совѣта. Пришлось выяснить Училищному Совѣту и Попечителю

Учеб. Округа, что школа открыта по 9 ст. положенія, съ согласія мѣстнаго учеб. начальства; что въ деревнѣ съ населеніемъ изъ крещеныхъ татаръ и черемисъ такая школа необходима; что она уже оказала свое дѣйствіе и, по заявленію мѣстнаго священника села Нагайбакъ, привлекла крещеныхъ татаръ къ участію въ церковномъ пѣніи. Учитель при отличной нравственности, „кромѣ усердія, имѣетъ знаніе и любовь къ дѣлу. Ученики стекаются къ нему въ училище съ любовію и родители охотно отпускаютъ къ нему дѣтей своихъ". Ссылаясь на удостовѣреніе священника и члена управы Байтерякова, Николай Ивановичъ и рѣшился просить Белебеевское земство принять школу на свой счетъ при 120 р. содержанія учителю, 80 руб. на квартиру и учеби. пособія, но съ непремѣннымъ условіемъ, „удержать настоящее православно-христіанское религіозно-нравственное миссіонерское направленіе школы съ употребленіемъ инород. языка и выборомъ учителя со стороны Николая Ивановича". Надзоръ за школою долженъ принадлежать или члену Училищ. Совѣта отъ Духовнаго вѣдомства или мѣстному священнику, но во всякомъ случаѣ не иновѣрцу. Иначе онъ просилъ оставить школу въ ея прежнемъ положеніи, съ освобожденіемъ ея отъ надзора иновѣрцевъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ Николай Ивановичъ просилъ согласія предводителя дворянства Белебеевскаго уѣзда на открытіе смѣшанной школы на религіозныхъ началахъ въ д. Ахмановой въ 30 верстахъ на востокъ отъ д. Усовъ. Здѣсь было 30 домовъ русскихъ жителей, 29 домовъ крещеныхъ татаръ и 35 домовъ чувашъ; изъ послѣднихъ 15 семействъ язычниковъ. Татары еще не подпали подъ вліяніе магометанства, чуваши жили въ первобытной простотѣ. Но, къ удивленію, мѣстный предводитель дворянства П. М. Бунинъ отнесся къ дѣлу Николая Ивановича крайне односторонне. Заявивъ въ отвѣтномъ отношеніи отъ 31 іюля, что Усинская школа создана и брошена на попеченіе мальчика-учителя „не знакомаго съ философіей и богословіемъ, безъ нравственнаго надзора даже со стороны мѣстнаго священника, внѣ вліянія училищнаго совѣта и директора училищъ, Г. Бунинъ выразилъ опасеніе, что сѣмена, бросаемыя Православнымъ Миссіо-

нерскимъ Обществомъ не только не заглохнутъ, но переродятся въ зловредное растеніе. „Сѣять религію, кромѣ высокой нравственности, сѣятелю нужно быть убѣжденнымъ, что онъ нравственъ не безотчетно, а вслѣдствіе убѣжденій, добытыхъ мышленіемъ, опытомъ и наукой.“ Преподаваніе Закона Божія въ д. Усахъ на татарскомъ языкѣ мальчикомъ, едва умѣющимъ читать и писать, Бунинъ признавалъ не практичнымъ и не патріотичнымъ: господствующій языкъ въ Россіи русскій. Въ русской школѣ русскій языкъ долженъ быть господствующимъ и на немъ должна преподаваться господствующая религія не мальчикомъ, заучившимъ нѣсколько молитвъ, а лицомъ, спеціально подготовленнымъ, и съ разрѣшенія мѣстнаго епископа, который „и не знаетъ о существованіи въ его епархіи молодого проповѣдника изъ учениковъ Крещено-татарской Школы, урожденца деревни Кадряковой Бориса Васильева и новаго свѣточа православной религіи Даніилы Макеимова и о его миссіонерской дѣятельности“. Г. Бунинъ „совершенно противъ уфимскихъ апостоловъ Васильева и Макеимова,“ полагая что „съ этими апостолами мы насѣемъ такихъ сектъ, за которыя не скажетъ потомство спасибо Миссіонерскому Обществу.“ Соглашаясь, чтобы Васильевъ учительствовалъ и читалъ священныя книги на татарскомъ языкѣ, предводитель дворянства желалъ видѣть въ Усинской школѣ особаго законоучителя изъ священниковъ съ академическимъ или по крайней мѣрѣ семинарскимъ образованіемъ, преподающаго на русскомъ языкѣ, съ согласія епископа. Тогда Усинская школа будетъ принята на земскій счетъ. Настаивая на господствѣ русскаго языка въ миссіонерской школѣ, Бунинъ проситъ повременить открытіемъ школы въ д. Ахмановой, перенося это дѣло на рѣшеніе Губернскаго Училищнаго Совѣта.

Николай Ивановичъ принялъ близко къ сердцу судьбу белебеевскихъ школъ. Въ словахъ Бунина онъ прочиталъ, что имѣетъ дѣло съ прямымъ, честнымъ русскимъ человѣкомъ, который отстаиваетъ въ инородческомъ уѣздѣ Государево дѣло, и если идетъ противъ Казанской системы, то по незнанію дѣла и, можетъ быть, подозрительности къ похвальному отзыву о школѣ со

стороны члена Управы, магометанина. Татарскій языкъ въ школѣ былъ взятъ подъ сомнѣніе. Съ замѣчательной энергіей и не меньшей прямотой принялся Николай Ивановичъ обращать Бунина въ свою вѣру. Заявилъ о томъ, что существованіе Усинской школы извѣстно мѣстной дирекціи училищъ, приведя похвальный отзывъ мѣстнаго приходскаго священника О. Цареградскаго, какъ доказательство, что „школа не брошена безъ всякаго надзора“, указавъ, что въ Усинскую школу ученики стекаются съ любовію, что учитель Васильевъ оправдалъ довѣріе, Николай Ивановичъ завѣрялъ, Бунина „что ученый философъ и богословъ не могъ бы возбудить такого сочувствія къ своей школѣ въ усинскихъ инородцахъ и ихъ дѣтяхъ и достигнуть такого успѣха, какъ малоразвитой Борисъ Васильевъ. Относительно же незнакомства послѣдняго съ философіей и богословіемъ, то на это Николай Ивановичъ указалъ слова Спасителя: „изъ устъ младенецъ и грудныхъ дѣтей Ты устроилъ хвалу“, „если не будете, какъ дѣти, не войдете въ царствіе Божіе“; слова Апостола Павла къ коринѳянамъ, гордящимся мудростью: «Богъ избралъ безумное міра, чтобы посрамить мудрыхъ; и немощное міра избралъ Богъ, чтобы посрамить сильное; и незнатное міра и уничиженное и ничего не значущее избралъ Богъ, чтобы упразднить значущее»; ибо написано: „погублю мудрость мудрецовъ и разумъ разумныхъ отвергну“. Да и практически говоря, академики не пойдутъ въ сельскіе учителя, если даже семинаристы не любятъ въ школѣ долго оставаться. Наконецъ не только философія, но и богословіе, какъ наука, развивая и просвѣщая умъ, охлаждаютъ сердце, что можно видѣть на примѣрѣ лютеранъ нѣмцевъ. Казанская система, воплотившаяся въ Крещенотатарской Школѣ, одобрена Высочайшимъ вниманіемъ, и ученики ея работаютъ въ Казанской, Оренбургской губерніяхъ и на Кавказѣ. Учитель школы о. Василій Тимоѳеевъ, получившій образованіе лишь въ сельской школѣ, умомъ, трудомъ, любовью къ христіанству и горячимъ вѣрующимъ сердцемъ достигъ того, что посвященъ въ священники и имѣетъ порученіе посѣщать крещеныхъ татеръ, учить вѣрѣ, совершать богослуженіе на татарскомъ языкѣ въ епархіяхъ Казанской, Вятской, Уфимской.

Соглашаясь, чтобы законоучителемъ школы былъ мѣстный священникъ о. Цареградскій, Николай Ивановичъ именно просилъ чтобы въ школѣ не вдавались въ глубокія богословскія сужденія, и былъ доволенъ, что Васильеву позволяютъ учительствовать и читать священныя книги на татарскомъ языкѣ. „Мое сердце чуетъ, что мы съ вами сойдемся“ заканчивалъ свой отвѣтъ Николай Ивановичъ, приведя примѣръ апостола Павла, который былъ жестокимъ гонителемъ церкви, а потомъ сложилъ за нее свою голову. Вопросъ объ Ахмановской школѣ былъ отложенъ до рѣшенія Губернскаго Училищнаго Совѣта, куда Бунинъ перенесъ дѣло о мис. школахъ. Бунинъ дѣйствительно оказался честнымъ дѣятелемъ. Онъ 14-го ноября былъ въ Усинской школѣ, испытывалъ учащихся въ чтеніи, ариѳметикѣ, осматривалъ ихъ тетрадки: одарилъ дѣтей подарками и обѣщалъ прислать учебныхъ пособій. Школа была поручена надзору благочиннаго. Вниманіе къ школѣ Бунина очень заинтересовало Николая Ивановича, который и просилъ его дать о школѣ отзывъ. Бунинъ 12 декабря 1877 г. увѣдомилъ Николая Ивановича, что онъ прежде всего разспрашивалъ мужичковъ и башкиръ объ Усинской школѣ и ея учителя и получилъ самые пріятные отзывы. „Въ Усы онъ пріѣхалъ нечаянно. Учитель опрятностью, свѣжимъ и пріятнымъ личикомъ расположилъ въ свою пользу. Въ училищѣ опрятно. Ученики тоже чистенькіе, не запуганные, отвѣчали на вопросы не торопясь, обдумывая отвѣты. Въ другой комнатѣ онъ нашелъ дѣвочекъ, которыя тоже очень мило держатъ себя и очень порядочно читаютъ и пишутъ. Умѣнье учителя склонить родителей поручить ему своихъ дочерей вполнѣ расположило къ нему. Дай Богъ, чтобы Васильевъ не испортился. Васильевъ успѣлъ убѣдить полумагометанъ начать образовывать будущихъ матерей“. Бунинъ просилъ учителя обращать болѣе вниманія на русскую грамоту, прибавилъ ему жалованія еще 70 руб., обѣщалъ прислать учебниковъ и книгъ для чтенія и въ концѣ концовъ пожелалъ, чтобы въ деревнѣ была устроена часовня, гдѣ бы для полумагометанъ и одичавшихъ русскихъ хоть разъ въ недѣлю служились всенощная и часы.

Такимъ образомъ Усинская школа окрѣпла и впослѣдствіи привлекла къ себѣ даже учениковъ изъ язычниковъ черемисъ. Одинъ изъ послѣднихъ, Мадіаръ Искендеровъ потомъ учился въ Казанской школѣ и тамъ крестился. Кромѣ того, Усинская школа на первыхъ порахъ прислала въ Казанскую школу еще 2 дѣвочекъ. Затѣмъ была открыта и Ахматовская школа. Послѣ того, какъ Мензелинское земство въ 1875 г. весьма сочувственно отнеслось къ миссіонерской дѣятельности Николая Ивановича и стало принимать его школы на свое содержаніе, не нарушая ихъ христіанско-воспитательнаго направленія, этихъ школъ въ уѣздѣ открылось 7 съ смѣшаннымъ составомъ учащихся и педагогич. персонала. Усинская школа въ 1877 г. имѣла уже 100 учащихся, такъ что съ прежде открытыми 5 училищами, теперь земскими, инородческихъ школъ въ губерніи оказалось 14, къ которымъ нужно еще присоединить министерскую инород. школу въ Молекесяхъ. Просвѣтительная дѣятельность этихъ школъ лучше всего оцѣнена преосвященнымъ Никаноромъ, епископомъ уфимскимъ въ 1878 г. Посѣтивъ инородческія школы, онъ пишетъ: „Ученики этихъ школъ изъ старокрещеныхъ татаръ оказываютъ замѣчательные успѣхи въ знаніи основныхъ истинъ вѣры, православнаго церковнаго богослуженія и пѣнія. Въ церкви села Нагайбака ученики русско-приходскаго училища обнаружили слабое знаніе и тусклое разумѣніе, а пѣть по церковному совсѣмъ не пріучены; но тутъ-же стоявшіе ученики Усинской крещенотатарской школы явили совсѣмъ удовлетворительные успѣхи, серьезное пониманіе истинъ вѣры и священной исторіи, явились въ церковь съ разнообразными руководственными книжками, здѣсь же предъ нами стройно и твердо пѣли ирмосы Великой Субботы и Пасхальные и пр. Однимъ словомъ разстояніе между учениками крещенотатарской школы и учениками русскаго училища оказалось огромное, по сравненію сколько печальное и непочтенное для русскихъ, столько же почтенное для крещеныхъ татаръ. Но мы были совершенно поражены, умилены и растроганы до глубины души въ селѣ Бутѣ успѣхами, которыхъ достигъ учитель Нализской школы Илья Андреевъ по церковному пѣнія. Этотъ отзывъ преосвящен-

наго, начисанный надъ живымъ впечатлѣніемъ, походитъ на восторгъ путешественника, который среди песковъ вдругъ встрѣтилъ оазисъ съ растительностью, можетъ быть, довольно посредственною, но дающею отраду и отдохновеніе поболѣвшему сердцу. Въ инородческихъ школахъ Николая Ивановича дѣйствительно развито церковное пѣніе: „поютъ не поурочно, а ежедневно и подолгу, пока досыта напоются“.

Кромѣ того, въ инородческихъ школахъ, отдаленныхъ отъ отъ церкви, собираются жители и совершается служба; всенощная или часы съ чтеніемъ или пѣніемъ, кромѣ священническихъ возгласовъ и эктеній; почему ученики и научаются пѣть цѣлыя службы. Наконецъ инородческое пѣніе отличается задушевностью. Оно и возбудило религіозное чувство преосвященнаго, какъ возбуждаетъ и инородцевъ; подобно тому какъ ефесскіе христіане были научены апостоломъ Павломъ пѣнію псалмовъ и пѣсенъ, чтобы исполниться духомъ.

Епископъ Никаноръ пожелалъ даже усиленію развить вліяніе Казанской системы на инородцевъ его епархіи и просилъ Николая Ивановича „сдѣлать Уфимской епархіи высокое одолженіе: нельзя ли получить для здѣшней епархіи достойныхъ кандидатовъ для принятія священства изъ Казанской инород. семинаріи или же изъ Крещенотатарской школы“. Преосвященный видѣлъ скудость религіозно-нравственнаго вліянія на христіанъ даже изъ русскихъ со стороны магометанства, почему среди этихъ русскихъ, не говоря уже объ инородцахъ, „явились понятія, склонности и привычки чужеродныя“. Теперь Николаю Ивановичу не нужно было уже самому предлагать свои услуги: теперь его помощи просили. Такъ преосвященный Никаноръ, бывшій дотолѣ ректоромъ Казанской Д. Академіи, лично знавшій и Николая Ивановича и Василія Тимоѳеевича и ихъ школу, 19 марта 1879 года пишетъ Директору Казанской Учительской Семинаріи: „Крещеные чуваши деревень Юмашевой и Семенкиной Белебеевскаго уѣзда въ числѣ 555 душъ м. пола и 581 д. женскаго, отстоящіе отъ приходской церкви болѣе, чѣмъ на 30 верстъ и окруженные магометанами, коснѣютъ въ невѣжествѣ. Не признаете ли

Вы полезнымъ и возможнымъ устроить въ деревнѣ Юмашевой училище на средства Православнаго Мис. Общества". Нечего и говорить, что „человѣкъ Божій" живо откликнулся на святое дѣло и обѣщалъ съ сентября же открыть школу съ учителемъ изъ природныхъ чувашъ, учениковъ его семинаріи. Онъ сейчасъ же обратился къ мѣстному благочинному О. Софотерову съ просьбой увѣдомить, остались ли еще чуваши упорными язычниками или увлеклись магометанствомъ. „Если имѣетъ мѣсто первое, то надо благодарить Бога; а если имѣетъ мѣсто второе, нужно восплакать, какъ о дѣлѣ погибшемъ". Онъ указываетъ внѣшніе признаки, по коимъ можно судить, что преобладаетъ: „Если мужчины бреютъ голову, носятъ тебетейки, а женщины одѣты, какъ татарки,—это крайняя и безповоротная степень отатаренія. Если женщины сохранили свои старинные наряды, и мужчины носятъ длинные волосы, то значитъ, что магометанство не сдѣлали никакого успѣха между чувашами. Но можетъ быть и такъ: отдѣльныя лица или семейства поддались вліянію магометанства, а большинство остается вѣрнымъ своей старинѣ". При этомъ онъ проситъ не дѣлать никакой огласки по этому дѣлу. Николай Ивановичъ не замедлилъ обратиться въ Совѣтъ Православнаго Миссіонерскаго Общества, Предсѣдателемъ котораго только что вступилъ новый Митрополитъ Московскій Макарій, съ просьбой ассигновать для будущей Юмашевской школы ежегодно до 300 рублей на квартиру и жалованіе учителю, предупреждая Совѣтъ, что если школа привьется, то года черезъ два придется дать 400 р на постройку зданія училища, а тамъ, можетъ быть, устроить въ Юмашевѣ церковь съ отдѣльнымъ приходомъ. При этомъ въ докладѣ были подробно изложены извѣстныя намъ обстоятельства дѣла.

Скоро Николай Ивановичъ получилъ требуемыя свѣдѣнія отъ благочиннаго священника села Бакаловъ П. Алфеева, видимо хорошо знакомаго съ магометанскимъ и языческимъ бытомъ населенія. Онъ сообщилъ, что въ деревнѣ Юмашевой нѣтъ отчужденія отъ христіанства, но при существованіи язычества замѣтно и сильное вліяніе магометанства „Молодые мужчины тайная своя

подбреваютъ; наружные же обряды держатъ таковы: умываются изъ кунгановъ, похожихъ на татарскій манеръ обычаемъ; заботятся объ умываніи ногъ; сидя пьютъ, и если и стоятъ, то непремѣнно сядутъ, причемъ, какъ и татары, стараются, чтобы не замочить своей одежды питьемъ, въ особенности виномъ; сидя по-татарски, выпускаютъ мочу.....
.....; многіе жертвуютъ на мечети и даютъ муллямъ дату отъ хлѣба, если онъ былъ посѣянъ на татарскихъ поляхъ; нѣкоторыя старухи держатъ уразу и ѣздятъ въ татары, иногда, Богу молиться.

Съ другой стороны въ старикахъ крѣпка еще вѣра отцевъ киреметь при деревнѣ великолѣпная (разумѣю рощу, гдѣ у насъ чуваши Богу молятся лѣтомъ); есть еще сплошь да рядомъ во многихъ амбарахъ въ лукошечкахъ божки—ирики, а подъ застрѣхами приносы денежные киреметн; есть въ Юмашевой какая то старая развалившаяся землянка у такого же стараго чувашенина, гдѣ они молятся Богу зимой—въ святки; свадьбы справляютъ по-чувашски старымъ обычаемъ и больше уводятъ невѣсть въ лѣсъ; живутъ сводно часто до перваго младенца; весной рѣжутъ въ рощѣ (роща всегда при ключѣ) указанную курезей скотину со всѣми чувашскими обычаями, гдѣ и кушаютъ оную и пр.

Одежду носятъ обычную чувашскую; молодые подъ-часъ носятъ татарскія шляпы и лапти; дома говорятъ по-чувашски всѣ. По-моему повихнулось, т. е. имѣетъ склонность къ татарамъ и татарству, только поколѣніе средняго возраста, но и въ нихъ все-таки есть кровь ихъ отцовъ и всосанные съ молокомъ отеческіе обычаи; впослѣдствіи этотъ народъ уйдетъ въ магометанство—это вѣрно; были бы зачатки, а безъ подсѣченія плодъ выростетъ.

На диякъ у нихъ, по моему почину, священникъ ихъ хлопоталъ устроить училище съ земской помощью; но Юмашевцы отозвались, что они уже приняли казенное двухъ-классное училище и ждутъ его разрѣшенія. Разрѣшатъ имъ или нѣтъ это училище; только я знаю заподлинно, что они по предложенію бывшаго посредника Султанова дѣйствительно изъявили желаніе имѣть у себя училище. Учиться этому народу, въ виду всесословной по-

винности, очень хочется, но только по-русски, почему при заведеніи миссіонерскаго училища необходимо и то, чтобы мальчики обучались по-русски, такъ какъ по обстоятельствамъ, тутъ о законоучителѣ—священникѣ не можетъ быть и рѣчи, если не устроится церковь.

Вотъ еще нѣкоторыя существенныя черты: чуваши этихъ деревень зовутся между собою не чувашскими именами, а больше татарскими и рѣдко-рѣдко русскими. Женившись на магометанкѣ, некрещеный чувашинъ непремѣнно принимаетъ вѣру жены. Чувашинъ, бывъ въ гостяхъ у магометанъ, непремѣнно послѣ пищи потретъ лицо руками. У чувашъ съ магометанами дружба, куначество, и они на обоюдныхъ праздникахъ другъ у друга угощаются, и непремѣнно у чуваша татаринъ рѣжетъ скотину всякій разъ.

Въ виду такого сообщенія Николай Ивачовичъ рѣшилъ собрать самыя обстоятельныя свѣдѣнія на мѣстѣ и въ маѣ отправилъ въ деревни Юмашеву и Семейкину учителя чувашской при Семинаріи школы діакона Рекѣева, природнаго чувашина, давъ ему предписаніе объѣхать чувашскія села Туарму, Девлизеркино Бугульминскаго уѣзда, г. Бугульму, деревни приходовъ Биляръ-Озерскаго, Сунчелеевскаго, Аксубаевскаго и Саврушскаго Чистопольскаго уѣзда.

О. Рекѣевъ посылался „для провѣрки напечатанныхъ чувашскихъ переводовъ", чтобы „убѣдиться, будутъ ли настоящіе чувашскіе переводы, составленные примѣнительно къ языку чувашъ Казанской и Симбирской губерній, также понятны и чувашамъ губерній Самарской, Уфимской и Оренбургской".

Изъ донесенія о. Рекѣева видно, что онъ вмѣстѣ съ мѣстнымъ священникомъ о. Петровымъ былъ въ д. Юмашевой 15 іюня. «Въ этой деревнѣ живутъ не одни крещеные черемисы. Здѣсь чувашъ 120 домовъ, а черемисъ некрещеныхъ болѣе 60 домовъ, которыхъ совершенно нельзя отличить отъ татаръ по костюму и по внѣшнему виду. Въ другой деревнѣ, Новосеменкинѣ, живутъ только одни крещеные чуваши домовъ 60. Чуваши деревень Юмашевой и Новосеменкиной одѣваются немного на татарскій

ладъ, какъ и всѣ прочіе чуваши Белебейскаго уѣзда: нѣкоторые мужчины носятъ не очень длинныя рубашки безъ пояса, а нѣкоторые носятъ не очень длинныя рубашки и подпоясываются поясомъ. Головы не бреютъ, а подстригаются въ кружало. Женскій костюмъ походитъ на татарскій. Какъ мужчины, такъ и женщины по-татарски говорятъ отлично. Сказки разсказываютъ по-татарски; загадки загадываютъ тоже на татарскомъ языкѣ; пѣсни поютъ татарскія. По устройству домовъ, по пріему гостей и по смиренству походятъ на чистыхъ чувашъ. Эти чуваши зажиточны и трудолюбивы, не какъ татары: кое-какъ жить не любятъ. Старинные обычаи всетаки не оставлены: учук, чук (моленіе съ жертвой) совершается у нихъ по-старому. Керемети также почитаются. При мнѣ въ д. Юмашевой дѣти совершили маленькую мольбу о дождѣ, которая совершается чувашами всѣхъ мѣстностей и называются вездѣ серзичуге. Признаковъ магометанства пока въ этихъ чувашахъ не замѣчается, хотя есть татарскіе кунганы—умывальницы, но они у чувашъ не имѣютъ такого значенія, какое у татаръ, а просто служатъ, какъ и всѣ прочіе домашніе сосуды. Чуваши эти посѣщать церковь не отказываются, дѣтей своихъ крестятъ безпрекословно, вѣнчаются охотно; но только та бѣда, что приходская церковь отъ нихъ находится въ 38 верстахъ, почему этимъ чувашамъ и невозможно быть часто въ храмѣ Божіемъ. Языкъ у этихъ чувашъ сходенъ съ языкомъ Симбирскихъ чувашъ, только много прибавляютъ татарскихъ словъ. Я у нихъ пробылъ около 2 сутокъ, познакомился съ нѣкоторыми чувашами; нашелъ между ними нѣсколько человѣкъ грамотныхъ и занимался съ ними чувашскимъ чтеніемъ. У нихъ есть желаніе учиться, но негдѣ имъ учиться. Эти грамотные люди учились въ Шаранской школѣ въ 30 верстахъ отъ своей деревни". Передавъ уже извѣстныя намъ свѣдѣнія объ устройствѣ двухклассной школы и земскаго училища, о. Рекѣевъ говоритъ: „кажется, никакія деревни не нуждаются въ школахъ такъ, какъ нуждаются деревни Семенкино и Юмашево. Школа, устроенная въ этой мѣстности, будетъ хорошо противодѣйствовать татарскому вліянію на чувашъ и магометанству. Такъ какъ эти

чуваши исключительно окружены татарами, то не въ далекомъ будущемъ грозитъ опасность, что они перейдутъ въ магометанство. Въ настоящее время еще есть надежда удержать ихъ отъ этой заразы, потому что нѣтъ очень важныхъ признаковъ магометанскаго вліянія на этихъ чувашъ. Потомъ нужно принять во вниманіе и то, что въ настоящее время у этихъ чувашъ есть желаніе учить дѣтей своихъ русской грамотѣ; этимъ слѣдовало бы поскорѣе воспользоваться, пока оно не уничтожилось, какъ въ настоящее время некрещеные татары ни подъ какимъ видомъ не допускаютъ заводить въ своихъ деревняхъ русскихъ школъ. Нечего и думать, чтобы они сами и на свои средства устроили въ своей деревнѣ школу... Что же касается до благотворнаго вліянія священниковъ на этихъ чувашъ, то эта надежда очень плохая, потому что эти деревни далеко отъ села... Первое—почти вся дорога между селомъ и деревнями лѣсная, второе—горы и долы, третье—мѣста мокрыя и топкія, такъ что часто нѣтъ никакой возможности проѣхать. Впрочемъ есть объѣздъ, по которому я и проѣхалъ; но тогда разстояніе по меньшей мѣрѣ 50 верстъ. Мы ѣхали почти цѣлыя сутки. Въ зимнее время тоже бываютъ неудобства: мнѣ разсказывалъ священникъ Петровъ, какъ они въ прошлый великій постъ съ Юмашевской дороги сбились и переночевали въ лѣсу около стоговъ, потому что былъ сильный буранъ. Тогда о. Петровъ получилъ горячку и выздровѣлъ только послѣ Пасхи. Онъ въ этихъ деревняхъ бываетъ въ годъ раза 3 или 4, потому что туда нужно ѣздить дня на 2 или на 3. Въ этихъ деревняхъ хоронятъ безъ отпѣванія, а только о смерти человѣка объявляютъ священнику, получаютъ отъ него вѣнчикъ и грамоту. Младенцевъ крестятъ только тѣхъ, которые послѣ рожденія дожили до пріѣзда въ деревню священника, а про умершихъ некрещеными священнику и не доносятъ.“ О. Рекѣевъ снабдилъ грамотныхъ чувашъ книгами религіозно-нравственнаго содержанія, переведенными И. Я. Яковлевымъ и напечатанными Братствомъ Св. Гурія. „Переводы эти понятны и ясны этимъ чувашамъ и будутъ полезны въ этой мѣстности.“

Тогда нѣсколько успокоенный Николай Ивановичъ рѣшился

устроить къ д. Юмашевой школу. Миссіонерское Общество разрѣшило выдавать на нее ежегодно по 300 р., а учителемъ былъ намѣченъ воспитанникъ Семинаріи Николай Петровъ, русскій, основательно знающій чувашскій языкъ, „по своимъ дарованіямъ, развитію, характеру, убѣжденіямъ и религіозно-нравственному настроенію вполнѣ благонадежный для сего труднаго поста и изъявившій согласіе поступить учителемъ въ Юмашевскую школу. Къ тому же онъ зналъ и любилъ церковное пѣніе и даже управлялъ маленькимъ хоромъ начальной при Семинаріи чувашской школы; да еще былъ столяръ по ремеслу. Снесясь съ Преосвященнымъ Никаноромъ относительно порученія Петрову преподаванія Закона Божія по книгамъ на чувашскомъ языкѣ, подъ надзоромъ и руководительствомъ надъ учителемъ и школой мѣстнаго приходскаго священника; равно получивъ увѣдомленіе о согласіи предводителя дворянства Белебеевскаго уѣзда на открытіе школы и назначеніе учителемъ Петрова, Николай Ивановичъ въ концѣ августа 1879 г. и отправилъ послѣдняго въ Юмашеву, указавъ даже, какъ лучше доѣхать, снабдивъ его учебными пособіями, верстакомъ, столярными инструментами и поручивъ Петрову во всѣхъ особенно затруднительныхъ случаяхъ обращаться за совѣтами и указаніями къ приходскому священнику.

Интересно, что при этомъ Николай Ивановичъ открывалъ школу не по 10 ст. Положенія о начальныхъ нар. училищахъ, а даже по 9 ст., какъ школы духов. вѣдомства, и въ то же время частнымъ письмомъ и секретно просилъ Предводителя „отклонить всякое отношеніе къ этой школѣ магометанскихъ членовъ Земской Управы подъ тѣмъ предлогомъ, что эта школа духовнаго вѣдомства". Продводитель дворянства И. М. Бунинъ, теперь уже довѣрчиво относившійся къ начинаніямъ Николая Ивановича, скоро отвѣтилъ ему, что онъ „лично очень радъ, что въ д. Юмашевой будетъ училище, такъ какъ это селеніе отстоитъ отъ Белебея въ 120 верстахъ и совершенно въ глуши, между идолопоклонническими и мусульманскими селеніями. Онъ приказалъ мѣстному волостному правленію приготовить квартиру для учителя и училища. „Юмашева съ Семейкиной составляютъ одно

общество людей совершенно дикихъ, чему способствуетъ лѣсная и гористая мѣстность. Русскихъ деревень вблизи нѣтъ; чрезъ рѣчку живутъ татары... Я хлопоталъ объ открытіи въ Юмашевой на счетъ Правительства образцовой двухклассной школы, но это ходатайство замерло. Я и предполагалъ въ нынѣшнее собраніе просить объ открытіи школы на земскій счетъ; но теперь очень радъ, что здѣсь миссіонерская школа будетъ открыта. Я постараюсь Петрову и его школѣ по возможности пособить матеріально. Надо, чтобы онъ постарался привлечь въ школу дѣвушекъ. Вообще у мусульманъ, чувашъ и язычниковъ фанатичны женщины. Бояться нашихъ членовъ изъ мусульманъ нечего: они не фанатики и съ любовію относятся къ Ахмановской и Успиской школамъ».

6-го сентября Петровъ былъ уже въ Юмашевѣ, былъ принятъ чувашами, какъ родной. Онъ остановился въ чувашской избѣ и принялся сколачивать столы для занятій. Скоро приступили къ ученію. Въ январѣ 1880 г. учениковъ было уже 33. Судя по письмамъ учителя, за зиму ученики научились толково читать, разсказывать изъ свящ. исторіи и выводить правоучительныя примѣненія; пѣніе шло хорошо; его любили слушать и взрослые. По праздникамъ устраивалась молитва, читалось евангеліе. 6 декабря и 25 декабря учитель съ 7 учениками ѣздилъ въ приходскую церковь и пѣлъ нѣкоторыя молитвы по-чувашски. Въ Пасху 1880 г. первые два дня дѣти и взрослые обучались въ школѣ, гдѣ пѣлись пасхальныя пѣснопѣнія, а учитель по-чувашски читалъ: „Аще кто благочестивъ". Всѣ слушали и молились; ученики впервые христосовались съ учителемъ и между собою красными яйцами. „Ученіе веду все такъ, какъ началъ, и стремлюсь къ тому, къ чему призванъ. Сѣются въ мальчикахъ сѣмена вѣчной жизни, конечно, не обижая и средняго поколѣнія, такъ какъ оно жаждетъ, а молодежь теперь торжествуетъ", пишетъ Петровъ. Его дѣло осматривалъ инспекторъ Белебеевскаго и Стерлитамакского уѣздовъ. Г. Поповъ (9 апрѣля) и въ письмѣ къ Николаю Ивановичу писалъ, что „личность учителя ему понравилась по его дѣятельности, и онъ пріобрѣлъ довѣріе жи-

телей". Учителю приходилось работать въ тѣсной избѣ, но имѣя почти пріюта для себя, отдыхая въ маленькой прихожей, у порога на широкой скамьѣ отъ своихъ трудовъ. Николай Ивановичъ рѣшился хлопотать предъ Совѣтомъ Православнаго Миссіонерскаго Общества о постройкѣ въ Юмашевой школы, т. е. о назначеніи на это 400 р. изъ средствъ Общества. Ему хотѣлось получше устроить школу тамъ, гдѣ учителю приходилось испытывать много непріятностей отъ татарскаго населенія. Такъ, когда Петровъ возвращался въ Юмашеву съ перваго ваката по магометанскимъ деревнямъ, его бранили, бросали въ него грязью. Послѣ жизни на родинѣ въ Ядринскомъ уѣздѣ Казанской губерніи, ему грустно показалось жить въ убогой и тѣсной избѣ юмашевца, правда, не такъ давно переселившагося сюда изъ той-же Казанской губерніи, но совсѣмъ дикаго полуязычника. Петровъ встосковался по церкви, не смотря на привѣтливость юмашевцевъ и радость учениковъ. Онъ испугался не соразмѣрно большой задачи и писалъ своему руководителю: „Спаситель посылалъ Своихъ Апостоловъ на проповѣдь по двое, а меня послали одного". Но въ ноябрѣ Петровъ ожилъ на работѣ и теперь хлопоталъ съ стариками объ устройствѣ школы и церкви въ деревнѣ, выбралъ мѣсто для нихъ.

Николай Ивановичъ рѣшился пока устроить помѣщеніе для школы. Совѣтъ Миссіонерскаго Общества отпустилъ на это дѣло 400 р., а юмашевцы взялись даромъ привезти бревна и отвели мѣсто для школы. Живой и энергичный учитель послѣ лѣтняго свиданія съ своимъ руководителемъ рѣшился не откладывать дѣла въ долгій ящикъ, а осенью 1880 г. накупилъ для школы на 50 р. липоваго лѣсу на дачѣ Маклашевскаго (въ 10 верстахъ Юмашевой), приглядѣлъ осиновый лѣсъ для постройки храма и даже нашелъ елевый лѣсъ на дачѣ мусульманскаго муфтія Теквелева, въ 30 верстахъ отъ деревни. Николаю Ивановичу, еще не получившему отвѣта изъ Совѣта Миссіонерскаго Общества, пришлось просить заимообразно у Уфимскаго Комитета Общества 150 руб. для Петрова, сильно нуждавшагося въ деньгахъ. Прежней тоски и грусти у Петрова не было. Отъ 30 октября 1880

года онъ пишетъ: „Радуюсь и славлю Господа, ибо мое ученіе все болѣе и болѣе въ чувашахъ распространяется. Чуть не каждый день вечерами собираются въ мою школу по нѣскольку человѣкъ слушать чтеніе изъ свящ. исторіи и нравоучительные разсказы... и спрашиваютъ меня, какъ имъ спастись. А когда уходятъ домой, то убѣдительно просятъ меня, чтобы я у нихъ бывалъ какъ можно чаще и училъ бы ихъ. Каждое воскресенье чувашъ полна школа. Приходятъ мужчины и женщины, мальчики и дѣти слушать наше пѣніе и чтеніе молитвъ и молиться. При этомъ я имъ читаю свящ. писаніе и объясняю священно-историческія картины. Во время молитвы теплятся предъ святыми образами восковыя свѣчи, принесенныя самими же приходящими. Ребята учатся прилежно и безотрывочно, чувашскія книги читаютъ довольно бойко и толково, а главное съ любовью. Поютъ съ сердцемъ, читаютъ молитвы чувствительно. Стараются также выучиться по-русски“. Въ школѣ теперь 39 мальчиковъ и 3 дѣвочки, такъ что въ помѣщеніи тѣсно и душно. Учениковъ набралось 60, но за тѣснотой учитель многихъ не принялъ.

Не менѣе живой и энергичный руководитель рѣшился сдѣлать новый шагъ: Николай Ивановичъ высказалъ Преосвященному Никанору мысль, что въ 1882 г. можно рукоположить Петрова въ священники, приписавъ къ Никольскому приходу, до постройки церкви, съ тѣмъ, чтобы онъ учительствовалъ и исправлялъ требы (8 апрѣля). Владыка принялъ къ сердцу послѣднее: изъ Уфимскаго комитета было ассигновано 250 р. „въ виду крайней необходимости построить домъ для Юмашевской школы,“ а епископъ вскорѣ самъ былъ въ Юмашевѣ, посѣтилъ школу, выбралъ мѣсто для школьнаго дома, начертилъ весьма удобный планъ его съ домовою церковью. Этотъ планъ владыки вскорѣ былъ и выполненъ: въ д. Юмашевѣ устроена церковь при школьномъ домѣ, съ особымъ священникомъ.

Устроивъ дѣло въ Юмашевѣ, Николай Ивановичъ перенесъ свою дѣятельность въ Стерлитамакскій уѣздъ. Здѣсь въ чувашскомъ селѣ Нагадакѣ была устроена на средства Московскаго благотворителя Коншина школа, но шла очень плохо. Въ декабрѣ

(15 ч.) 1880 г. инспекторъ училищъ Поповъ и обратился къ Николаю Ивановичу съ просьбой дать школѣ хорошаго учителя, въ виду печальнаго религіознаго состоянія крещеныхъ чувашъ села и окружныхъ деревень, „замотарѣвшихъ въ религіозно-нравственномъ невѣжествѣ". „Чуваши запуганы и крайне подозрительны, особенно же къ лицамъ нашего духовинства. Въ Нагадакскую церковь почти никто изъ нихъ не ходитъ, да если и придетъ, то ничего не пойметъ. Будь хорошій учитель въ Нагадакѣ, дѣло постепенно можно бы поправить; безъ школы же и причтъ церковный ничего не подѣлаетъ. Для Нагадакскаго училища желателенъ учитель-чувашъ, могущій хорошо орудовать церковнымъ пѣніемъ, въ родѣ Юмашевскаго Петрова." Упоминаемая госп. Поповымъ церковь въ Нагадакѣ построена тѣмъ же Кошшинымъ и причтъ былъ на его содержаніи. Подобно этому устроенъ былъ особый приходъ и въ д. Тряпиной со школой на счетъ казны. Николай Ивановичъ исполнилъ и просьбу Белебеевскаго предводителя (10 авг. 1879 г.) о присылкѣ обѣщанныхъ имъ учителей въ Бишбулякъ и Кошъ-Илгу. Кромѣ того, на счетъ Уфимскаго комитета М. Об. были открыты школы Кармалинская, Степановская и Умировская.

Изъ всего сказаннаго мы можемъ видѣть, какъ распространялъ свое великое просвѣтительное дѣло Директоръ Казанской Учительской Семинаріи въ Уфимскомъ краѣ, какъ онъ входилъ въ интересныя и разнообразныя отношенія съ учрежденіями и лицами по этому дѣлу, писалъ письма, начиная съ епископовъ, кончая волостными старшинами, упрашивая ихъ поддерживать его юныхъ питомцевъ, не выдавая ихъ на жертву мусульманскому фанатизму; какъ онъ умѣлъ „обращать въ свою вѣру" хорошихъ русскихъ людей и живо принималъ къ сердцу горести своихъ учениковъ, поддерживая и направляя ихъ въ дѣятельности. Сказанное нами можетъ служить и доказательствомъ цѣлесообразности Казанской системы, въ поученіе ея недоброжелателямъ.

Работая въ Уфимской губерніи, Николай Ивановичъ не покидалъ изъ вида религіознаго состоянія чувашъ и въ Казанской, Симбирской губерніяхъ. Здѣсь сначала чувашскими школами за-

вѣдывалъ его единомышленникъ и сотрудникъ Н. И. Золотницкій *). Но смерть унесла дѣятельнаго работника. На открывшуюся вакансію Николаю Ивановичу удалось помѣстить другого, впослѣдствіи виднаго дѣятеля И. Я. Яковлева (1875 г.). Теперь вопросъ о чувашской центральной школѣ въ родѣ Казанской крещено-татарской рѣшался самъ собою. Иванъ Яковлевичъ Яковлевъ поселяется въ Симбирскѣ и развиваетъ свою школу, основанную имъ еще въ гимназическіе годы, заботливо имъ сохраненную въ годы его студенчества, въ центральную 4 классную съ мужской и женской начальными школами, при помощи своей дѣятельной супруги Е. А. Яковлевой, воспитанницы Н. И. Ильминскаго, всею душею отдавшейся школьному дѣлу. Къ Симбирской школѣ вполнѣ примѣнена Казанская система, и эта школа впослѣдствіи совершенно утвердилась получила министерское ежегодное пособіе (5415 р. 50 к.), превратилась въ чувашскую учительскую школу. Она обзавелась своимъ помѣщеніемъ, въ которомъ потомъ была устроена и домовая церковь. При школѣ и теперь существуютъ начальныя училища, и она является сосредоточіемъ не только религіозно-просвѣтительной дѣятельности, но и переводческаго дѣла на чувашскій языкъ, подъ руководствомъ И. Я. Яковлева. Когда въ 1874 г. образовался отдѣльный Оренбургскій Учебный Округъ, Николай Ивановичъ постарался устроить въ этомъ Округѣ такъ сказать своего представителя въ лицѣ В. В. Катеринскаго, бывшаго смотрителя Чебоксарскаго Дух. Училища, предоставивъ ему мѣсто окружнаго инспектора киргизскихъ и башкирскихъ школъ. Это былъ питомецъ Казанской Д. Академіи, знатокъ татарскаго языка. Мы уже знаемъ, что по рекомендаціи Николая Ивановича инспекторомъ киргизскихъ школъ Тургайской области былъ назначенъ извѣстный Алтынсаринъ. Николай Ивановичъ старался, хотя и не удачно, видѣть такого же инспектора въ Уральской области въ лицѣ воспит. акад. Воскресенскаго **). Въ Казани на открывшуюся въ 1872 г. вакансію

*) Должность инспектора чуваш. школъ была учреждена 23 января 1867 года.

**) Туда поступивъ потомъ г. Софійскій, воспитанникъ Каз. Академіи. См. ниже.

окружнаго инспектора татарскихъ школъ былъ назначенъ В. В. Радловъ, котораго впослѣдствіи Николай Ивановичъ и рекомендовалъ вмѣсто себя въ академики Императорской Академіи Наукъ, а должность инспектора закрылась.

Въ Казанской епархіи дѣятельность Николая Ивановича не ослабѣвала. Къ устройству здѣсь инородческихъ миссіонерскихъ школъ онъ привлекъ еще и Православное Миссіонерское Общество. Послѣднее перевело все свое переводческое дѣло въ Казань, гдѣ при Братствѣ Св. Гурія вновь сформировалась переводческая комиссія Православнаго Миссіонерскаго Общества съ ежегодной денежной субсидіей послѣдняго въ количествѣ 4000 р., при участіи И. Я. Яковлева, профессоровъ и преподавателей миссіонерскихъ отдѣленій Духов. Академіи, инородческ. учителей Учительской Семинаріи и крещено-татарской школы и инородцевъ Филимонова, Тимрясова, Васильева, Петрова и мн. другихъ. Николай Ивановичъ былъ основателемъ этой коммиссіи, всю жизнь былъ ея предсѣдателемъ и развилъ переводческое дѣло до того, что къ концу его жизни Коммиссія имѣла переводы на всѣ инородческіе языки восточной Россіи и издавала ихъ въ тысячахъ экземпляровъ. При коммиссіи было сосредоточено изданіе сочиненій инородцевъ по этнографіи края, преимущественно на русскомъ языкѣ для ознакомленія русскихъ съ жизнью инородцевъ. Такъ были изданы: легенды, сказки, пѣсни, грамматика и словарь алтайскаго языка, образцы мордовской поэзіи, произведенія народ. словесности вотяковъ и т, п.

Насколько велика и плодотворна была школьная дѣятельность Николая Ивановича въ Казанской епархіи, видно изъ того, что къ концу его жизни здѣсь насчитывалось миссіонерскихъ школъ 122, въ томъ числѣ 61 крещено-татарская, 49 чувашскихъ, 4 черемисскія, 7 вотяцкихъ, 1 мордовская съ ученіемъ и богослуженіемъ на мѣстныхъ нарѣчіяхъ и учителями изъ учениковъ этого великаго учителя. Всѣхъ инород. дѣтей училось 3401 чел., изъ нихъ крещ. татаръ 1883 ч., чувашъ 1235 ч., черемисъ 93 ч., вотяковъ 168 ч., мордвы 20 чел. обоего пола. Но Николай Ивановичъ не оставлялъ безъ вниманія и инород-

ческую Вятскую губернію. Еще въ 1870 г. Николай Ивановичъ выхлопоталъ у вятскаго епископа разрѣшеніе для о. Василія Тимоѳеевича, чтобы послѣдній посѣщалъ крещено-татарскія села и деревни епархіи, совершалъ богослуженіе и училъ народъ. Кромѣ того, ученики сначала Крещенотатарской Школы, потомъ Семинаріи стали поступать въ инородческія школы епархіи. Такимъ въ началѣ 80-хъ годовъ былъ Иванъ Васильевъ, вотякъ, Борисъ Гавриловъ и др. Николай Ивановичъ любилъ втягивать въ свое дѣло мѣстное духовенство. Николай Ивановичъ втягивалъ въ свое дѣло и свѣтскихъ лицъ. Такъ 11 іюня 1889 г. онъ незамѣтно заставилъ втянуться въ его помыслы и автора этой статьи, прислявъ ему свои изданія при слѣдующемъ письмѣ: „Послѣ недавней бесѣды съ Вами, убѣдившись въ Вашей полной компететности къ руководству народными училищами и желая душевно осуществленія Вашихъ прекрасныхъ религіознонравственныхъ идей я въ знакъ моего сочувствія, имѣю честь В: мъ представить нѣкоторыя брошюры, въ которыхъ изложены понятія и объ инородческомъ дѣлѣ. Примите мои самыя лучшія и искреннія благопожеланія Вамъ.“ Я началъ читать брошюры, увлекся ими, и съ тѣхъ поръ душевно сочувствую просвѣтительному дѣлу Николая Ивановича, интересуясь имъ. „Узналъ я (говоритъ онъ въ 1881 г.), что Т. І. Чемодановъ протопопомъ и благочиннымъ въ Ижевскомъ заводѣ, а тамъ во всей окрестности множество вотяковъ, а вотское населеніе совсѣмъ отстало въ образованіи“. Этотъ Чемодановъ былъ академическимъ товарищемъ Н. И. Вотъ Николай Ивановичъ послалъ ему брошюрокъ, относящихся къ инородческому образованію и приглашалъ его въ своемъ письмѣ къ содѣйствію въ устройствѣ инородческаго образованія среди вотяковъ его благочинія. О. Чемодановъ отклонилъ предложеніе въ слѣдующемъ письмѣ: „Давно получилъ Ваше письмо и брошюры и доселѣ не могъ собраться написать отвѣтъ. Вопервыхъ благодарю за брошюры и совѣты; совѣты я люблю, но исполнять ихъ не великій мастеръ... Я не приготовлялся къ инородческому миссіонерству. Другое дѣло Вы, Николай Ивановичъ! Вы на миссіонерствѣ воспитались и можете идти въ борьбу съ закаме-

нѣлыми языческими суевѣріями во всеоружіи отличнаго знатока миссіонерскаго дѣла. Я избралъ себѣ въ жизни другую цѣль служить христіанскому просвѣщенію русскаго народа, конечно, не всего, а въ извѣстной мѣстности. А нужно искренно сказать, что и на этомъ русскомъ полѣ жатва многа, а дѣлателей мало. Но вмѣстѣ съ этимъ я пастырь, я благочинный Есть вотяки и въ моемъ приходѣ и въ приходахъ, подвѣдомыхъ моему смотрѣнію: о просвѣщеніи и ихъ я долженъ позаботиться. Какъ просвѣщать христіански? Конечно, школа самое лучшее средство для этого. Правила о мѣрахъ къ образованію инородцевъ говорятъ, что въ инородческихъ школахъ должны быть учителями люди, хорошо знающіе инородческій языкъ. Вотъ и у насъ въ Юскахъ есть Иванъ Васильевъ, природный вотякъ, вышедшій изъ подъ вашего руководства, учитель весьма дѣльный. Положимъ, при вліяніи такого учителя юскинскіе вотскіе ученики хорошо познакомятся съ начатками христіанскаго ученія. Даже если Васильевъ будетъ вести съ взрослыми вотяками воскресныя бесѣды на вотяцкомъ языкѣ и пѣть съ вотяками церковныя пѣсни по вотски; положимъ, юскинскіе вотяки мало помалу ознакомятся съ христіанской вѣрой. Но могутъ ли Юски послужить центромъ, откуда бы могли лучи христіанскаго просвѣщенія разлиться по всему моему благочинію, которая занимаетъ площадь огромнѣйшаго размѣра, изъ конца въ конецъ веретъ больше 100? Другое дѣло, если бы Вы позаботились прислать къ намъ изъ своихъ воспитанниковъ инородцевъ такихъ же учителей, какъ Васильевъ, во всѣ школы инородческія въ моемъ благочиніи, коихъ 10, кромѣ завода. А. вѣдь эта мысль хорошая, къ дѣлу. Сейчасъ же пишу инспектору П. А. Князеву, чтобы онъ русскихъ учителей поскорѣе повышвырялъ за бортъ и замѣнилъ ихъ природными вотяками изъ Вашей школы; а Вы между тѣмъ постарайтесь набрать такую араву учителей для моего благочинія. Желалъ бы имѣть въ благочиніи Бориса Гаврилова (изъ татарской же школы) священникомъ, но свободныхъ священническихъ мѣстъ пока нѣтъ. А буду имѣть еще въ виду, когда освободится какая либо вакансія священническая въ вотскомъ приходѣ, даже буду просить о семъ

нашего архіерея. Отъ села Пурги въ верстахъ 3 большая торговая деревня Агрызи. Вотъ здѣсь онъ былъ бы весьма на мѣстѣ, но священникъ въ Пургѣ—человѣкъ еще не старый. Впрочемъ если Борису на роду написано быть священникомъ въ моемъ благочиніи—будетъ. Я думалъ просить преосвященнаго о посвященіи Ивана Васильева въ санъ діакона юскинской церкви сверхъ штата. Для этого требовалось согласіе юскитскихъ вотяковъ. Но они, по подстрекательству ли чьему либо, или по другимъ разсчетамъ, не дали таковаго. Придется подождать ему, пока улягутся страсти. Но пусть и самъ онъ зарекомендуетъ себя побольше предъ ними своимъ просвѣтительнымъ вліяніемъ, такъ чтобы они сознали, что онъ человѣкъ для нихъ полезный...“ Нужно замѣтить, что Николай Ивановичъ, думая подвинуть о. Чемоданова на развитіе въ его благочиніи инородческихъ школъ, уже рисовалъ себѣ, что здѣсь онъ заведетъ нѣчто въ родѣ центра вотяцкаго просвѣщенія и устроить центральную школу. Но о. Чемодановъ дипломатично отклонилъ отъ себя исполненіе предначертаній своего школьнаго товарища. Послѣдній это ~~на-шелъ~~ по-нял и собственоручно сдѣлалъ замѣтку на письмѣ: „Интересны его виды на учительство народное?“ Николай Ивановичъ звалъ Чемоданова въ Казань повидаться и побесѣдовать, какъ устроить инородческое дѣло въ благочиніи; но и тутъ о. Чемодановъ отказался замѣтивъ, что путешествовать ему совѣстно: скажутъ — бѣгаетъ отъ своего дѣла; хотя это не мѣшало ему звать къ себѣ Николя Ивановича на „пиръ душевный.“ Если припомнить, что воспитанники Казанской Крещенотатарской школы работали уже и въ Оренбургской губерніи, напримѣръ, въ селеніи Фершампенуазѣ Верхнеуральскаго уѣзда среди нагайбаковъ, то видно, что кругъ дѣятельности директора Казанской Учительской Семинаріи началъ обнимать собою уже два учебныхъ округа. Скоро мы увидимъ, что онъ распространился уже и на Туркестанъ. Это ему можно было дѣлать тѣмъ легче, что на поле миссіонерской дѣятельности выступилъ не менѣе убѣжденный работникъ среди чувашскаго населенія руководитель Симбирской центральной чувашской школы И. Я. Яковлевъ.

Въ одномъ изъ докладовъ Казанскому Губернскому Учил. Совѣту о христіанскомъ просвѣщеніи чувашъ Чебоксарскаго и Цивильскаго уѣздовъ и объ отношеніи къ этому вопросу И. Я. Яковлева, Николай Ивановичъ говоритъ (въ 1882 г.) слѣдующее: „Назадъ тому лѣтъ 10, когда во всемъ инородческомъ населеніи Цивильскаго уѣзда господствовала умственная дремота, священникъ села Норвашъ Н. М. Богородицкій, въ видахъ религіознаго просвѣщенія своихъ прихожанъ-чувашъ, открылъ въ приходской деревнѣ Норвашъ-Яншиховой братскую школу. Учителемъ назначенъ былъ чувашинъ Моисей Тимоѳеевъ, урожденецъ Тетюшскаго уѣзда, который, по окончаніи курса въ начальномъ сельскомъ училищѣ, пробылъ нѣкоторое время въ Симбирской центральной чувашской школѣ, гдѣ пріучился къ пѣнію церковныхъ молитвъ на чувашскомъ языкѣ и къ чтенію чувашскихъ книгъ, которыя всѣ религіознаго христіанскаго содержанія. Моисей твердо и основательно поставилъ свою школу и въ нѣсколько лѣтъ привлекъ къ ней общее расположеніе и довѣріе мѣстныхъ и окрестныхъ чувашъ. Назадъ тому лѣтъ пять, по примѣру Яншиховской школы, открыта была школа въ другой деревнѣ того же прихода, гдѣ обученіе возложено было на мальчика, ученика Моисея Тимоѳеева. Впослѣдствіи въ томъ же приходѣ открылась третья школа въ деревнѣ, болѣе отдаленной отъ села.

Между тѣмъ, въ видѣ помощниковъ настоятелямъ были опредѣлены два чувашина священники Митрофанъ Дмитріевъ въ с. Подгорныя Темяши и Григорій Филипповъ въ Старыя Шигали. Они своими разъясненіями и частію Богослуженіемъ поддержали сочувствіе въ мѣстныхъ чувашахъ къ христіанству. Но христіанское одушевленіе достигло значительнаго развитія, когда назадъ тому два года поступили кончившіе курсъ въ Симбирской школѣ Петровъ — въ Ковали и Ананьевъ — въ Старыя Шигали. Они преимущественно церковнымъ пѣніемъ и также обученіемъ на родномъ языкѣ произвели сильное впечатлѣніе на чувашъ. Въ Шигалинскомъ приходѣ въ прошломъ году открыты были еще 2 чувашскія школы съ учителями изъ симбирскихъ воспитанниковъ, къ которымъ сразу собралось множество учениковъ. Земскіе члены

Цивильскаго Училищнаго Совѣта въ своемъ отчетѣ о народныхъ училищахъ отозвались объ учителяхъ, кончившихъ курсъ въ Симбирской центральной чувашской школѣ, что они выдаются изъ всѣхъ учителей въ уѣздѣ. Земское собраніе поэтому постановило впредь опредѣлять учителями Цивильскаго уѣзда преимущественно изъ воспитанниковъ Симбирской школы. Кстати въ прошломъ 1882 г. къ новопостроенной церкви въ деревни Мусирмѣ Ковалинскаго прихода назначенъ священникомъ, въ качествѣ помощника настоятеля-чувашъ Данилъ Филимоновъ. Такимъ образомъ христіанско-религіозное пробужденіе чувашъ Цивильскаго уѣзда пока еще ограничивается приходами Ковалинскимъ, Мусирминскимъ. Старо-Шигалинскимъ, Норвашскимъ и Подгорно Темяшинскимя. Въ этой то мѣстности и стали возникать школы грамотности чисто религіознаго христіанскаго направленія въ родѣ Урмарской, о которой приведу характеристику изъ письма ко мнѣ инспектора чувашскихъ школъ Казанскаго Уч. Округа г. Яковлева: „Въ послѣднюю поѣздку я видѣлъ кое-что истинно отраднаго и утѣшительнаго. Къ явленіямъ этого рода относится видѣнная мною въ Урмарахъ самобытная чувашская школа; учитель ея простой чувашинъ Константинъ Ефимовъ. О немъ можно сказать словами Спасителя: „Се воистину израильтянинъ, въ немъ же льсти нѣсть“. Его простота, наивность и вѣра, какъ и самая школа паразительны.

Ему теперь лѣтъ тридцать пять: Происхожденіе школы таково: три или четыре года тому назадъ Ефимовъ былъ серьезно боленъ и во время болѣзни далъ Богу обѣтъ, если выздоровѣетъ, выучиться грамотѣ и открыть школу въ своей деревнѣ, въ которой не было ни одного грамотнаго, и которая, можно сказать, вся язычествуетъ. Ефимовъ выздоровѣлъ, отправился въ сосѣднюю деревню къ солдату и тамъ выучился кое-какъ читать по-русски, а вскорѣ ему попались чувашскіе переводы Евангелія отъ Матѳея и Священной исторіи, онъ самъ своими силами ихъ прочиталъ. Послѣ такой подготовки, правда, весьма незначительной (но дѣло не въ количествѣ знаній), Ефимовъ задумалъ открыть школу, что ему не вдругъ удалось. Наконецъ познакомился съ ковалинскимъ учителемъ Яковомъ Петровымъ, при поддержкѣ ко-

тораго и открылъ свою школу въ прошлую осень. Школа помѣщается въ собственной избѣ Ефимова, маленькой и курной. Парты самодѣльныя, за ними сидятъ ученики, число ихъ 26, различнаго возраста: отъ 10 до 20 лѣтъ. Одни читаютъ букварь, а другіе приступили къ чтенію священной исторіи, знаютъ молитвы и поютъ; поютъ своеобразно, но религіозно. Тутъ же на нарахъ сидятъ маленькія дѣти Ефимова, а его жена, недавно родившая, во время занятій мужа уходитъ съ грудянымъ младенцемъ къ сосѣдямъ. Школа и скромный ея учитель производятъ сильное и характерное впечатлѣніе. Спрашиваю я Ефимова: какъ это ты рѣшился учить дѣтей въ своей избѣ? А онъ мнѣ многозначительно отвѣчаетъ: „Для Бога я далъ такое обѣщаніе.“

Итакъ, весь секретъ, вся возбудительная сила къ христіанскому просвѣщенію чувашъ состоитъ въ примѣненіи родного языка въ школѣ и церкви, въ обученіи и въ Богослуженіи. Подобнаго воздѣйствія не было въ Чебоксарскомъ уѣздѣ: тамъ до послѣдняго времени мѣстный инородческій языкъ въ школахъ не допускался, природныхъ инородцевъ въ церковномъ клирѣ не было и теперь нѣтъ. А если въ нѣкоторыхъ приходахъ, какъ, напримѣръ въ Абашевскомъ, чуваши стали жить подобно православнымъ русскимъ, т. е. соблюдая обряды и внѣшность православнаго русскаго быта, это произошло собственно отъ того, что священники старались уничтожить языческія чтилища и принадлежности; но о христіанскомъ ученіи и о христіанской жизни ничего не сообщили народу, и поэтому чуваши Чебоксарскаго уѣзда, по случаю прошлогоднихъ неурожаевъ (1881 г.), вдругъ стали совершать языческія жертвы, снова повернули въ язычество. И такъ для возбужденія въ чувашахъ Чебоксарскаго уѣзда охоты открыть школы грамотности и къ образованію слѣдуетъ употребить не матеріальныя приманки, а тѣ же христіанско-религіозныя средства, какія произвели весьма замѣтныя дѣйствія въ христіанско-просвѣтительномъ направленіи вышеупомянутой мѣстности Цивильскаго уѣзда.“

Не оставлено было и религіозное просвѣщеніе черемисъ, хотя въ этомъ случаѣ Николай Ивановичъ не могъ дѣйствовать съ

свободными руками; за незнаніемъ черемисскаго языка. Но онъ сталъ принимать еще въ Казанскую крещенотатар. школу черемисъ, и потомъ, съ открытіемъ Учительской Семинаріи, дѣло это направилось, и къ 1891 году братскихъ черемисскихъ школъ было 4, не говоря уже о земскихъ. Мы знаемъ, что религіёзно-христіанское состояніе горныхъ черемисъ губерніи было значительно выше, чѣмъ у луговыхъ черемисъ, оставшихся язычниками чуть не до послѣдняго времени. У горныхъ черемисъ давно уже оставили язычество проявили усердіе къ церкви, окончившееся даже устройствомъ монастырей. Здѣсь, съ открытіемъ Братства св. Гурія, явились инородческія школы, по примѣру которыхъ стали устраиваться школы и у луговыхъ черемисъ. Въ 1873 г. Кузнецовскій учитель П. Я. Моряковъ даже напечаталъ въ извѣстіяхъ по Каз. Епархіи свои „Бесѣды съ черемисами Кузнецовскаго прихода“, подъ редакціей Николая Ивановича. На черемисской языкъ были переведены литургія и всенощная.

Въ черемисскихъ селахъ Царивококшайскаго уѣзда школы стали устраиваться, при обоюдномъ вспомоществованіи Братства и мѣстнаго земства, мѣстными священниками. Вотъ какъ, напримѣръ описываетъ открытіе Кутюкъ-Кинерской школы въ 1883 г. священникъ села Арина, Большаковъ изъ воспитанниковъ Казанской Учит. Семинаріи. Приходъ села съ 3 священниками и чуть не съ полсотнею деревень имѣлъ всего 3 школы, изъ которыхъ 1 фабричная. Населеніе черемисское; въ части священника Большакова было до 200 домовъ язычниковъ. Рѣшивъ открыть школу, батюшка поодиночкѣ переговорилъ съ выдающимися на сходкахъ черемисами и получилъ согласіе; но стоило только перенести дѣло на сходку, какъ черемисы испугались школы. Большихъ трудовъ стоило получить разрѣшеніе на открытіе школы и получить отопленіе. Земство скоро приняло участіе въ трудахъ священника и дало 120 руб. Св. Сунодъ оказалъ пособіе въ 50 р; Управа прислала учебныя пособія, и школа въ 8 верстахъ отъ села открылась 4 февраля 1884 г. Сначала поступило 9 мальчиковъ, потомъ потянулись и другіе, такъ что къ 1 марта было уже 29 человѣкъ, крещеныхъ и не крещеныхъ. Учителемъ назначенъ природный черемисинъ изъ учe-

никовъ Аринскаго двухкласснаго училища. Обученіе пошло на черемисскомъ языкѣ, такъ какъ большинство учениковъ ни слова непонимали по русски. Учили чтенію, письму, молитвамъ, начальному счисленію, умственному, письменному и на счетахъ. Потомъ началось обученіе дѣтей и пѣнію. До школы ни одинъ ученикъ не зналъ ни одной молитвы. На 4-й недѣлѣ ученики въ Аринѣ говѣли и жили у законоучителя. До сего они ни разу не были въ храмѣ. Такимъ образомъ, кромѣ Аринскаго 2 кл. училища, въ приходѣ стали работать 3 школы среди язычествующаго населенія, празднующаго пятницу, а по воскресеньямъ работающаго, бывающаго въ храмѣ лишь 3,—4 раза въ годъ въ великіе праздники, а въ остальные дни приходскій храмъ всегда пустовалъ. Въ послѣднее время черемисскія селенія Казанской и Вятской губерній стали покрываться школами земскими, братскими и миссіонерскими, но послѣднія не имѣли руководства, и въ 1891 г. Николай Ивановичъ проектировалъ съ разрѣшенія преосвященныхъ дѣлать частные осмотры этихъ школъ чрезъ семинарскаго діакона Семенова изъ черемисъ. Но смерть остановила дѣло.

Просвѣтительное вліяніе Николая Ивановича, независимо отъ него самого, распространилось и на отдаленный Туркестанскій край. Это было въ 1869 г. при генералъ-губернаторѣ Туркестана К. П. Кауфманѣ, дѣятельность котораго въ исторіи народ. просвѣщенія Туркестана играетъ видную роль.

Генералъ-губернаторъ Кауфманъ былъ весьма образованный человѣкъ; онъ полагалъ, что только одно народное обазованіе въ русскомъ направленіи можетъ завоевать край духовно. Будучи виленскимъ генералъ-губернаторомъ, онъ усиленно боролся противъ окатоличиванія русскаго и литовскаго населенія и полонизаціи края; между прочимъ приказалъ католическіе молитвенники для русскихъ и литовцевъ печатать не латинкой, а русскими буквами. Естественно, что и въ Туркестанѣ онъ поднялъ вопросъ объ образованіи. Это было какъ разъ тогда, когда въ Министерствѣ вырабатывалось система инородческаго образованія, которая бы спасла мелкія инородческія племена отъ поглощенія надвигающимся татарствомъ.

Система Н. И. какъ разъ явилась такимъ борцомъ противъ грознаго ислама, усвоивъ себѣ чисто народныя формы обученія, чтобы живѣе и прямѣе сродинть инородчество съ русскимъ отечествомъ.

К. П. Кауфманъ сильно возставалъ противъ татарской и сартской колонизаціи степи, противъ фанатичной, враждебной христіанству пропаганды ислама. Онъ выражалъ желаніе видѣть киргизскую школу безъ всякой примѣси татарскаго и сартскаго элементовъ, школою киргизско-русскою.

Въ стремленіи устроить въ Туркестанѣ образованіе на народно-русскихъ началахъ, Кауфманъ и завелъ сношенія съ Николаемъ Ивановичемъ еще весною 1869 г., пославъ къ нему своего чиновника А. Л. Куна, ученика извѣстнаго уже намъ В. В. Григорьева по восточному факультету. Кунъ видѣлся съ Николаемъ Ивановичемъ, познакомился съ Казанской системой, Крещенотатарской Школой и увлекся дѣломъ Николая Ивановича. Послѣдній, слыша отъ Куна, что и начальникъ послѣдняго сходится съ казанцами въ образовательныхъ взглядахъ, пожелалъ сойтись съ Кауфманомъ, и вотъ 24 мая 1869 г. на волжской пристани въ Казани Николай Ивановичъ имѣлъ долгую бесѣду съ генералъ-губернаторомъ, представивъ ему записку о русско-миссіонерскомъ образованіи въ Туркестанѣ, на началахъ постепеннаго и осторожнаго веденія дѣла, чтобы не возбудить волненія степи.

Въ основаніе всего киргизскаго дѣла онъ положилъ въ своей запискѣ самостоятельность чистаго киргизскаго языка, какъ органа обученія и оффиціальныхъ сношеній при употребленіи русскаго алфавита вмѣсто арабскаго.

При этомъ ему больно было видѣть, что Положеніе объ управленіи киргизовъ (1868 г.) переведено на татарскій, а не на киргизскій языкъ, и составленныя по сему инструкціи представляютъ въ отношеніи языка смѣсь киргизскаго съ татарскимъ. При такой слѣпотѣ русскаго начальства татарство преспокойно проскользнетъ сквозь всѣ параграфы Положенія, преуспѣвая во имя русскаго правительства.

Для киргизскихъ школъ Николай Ивановичъ рекомендовалъ въ запискѣ своего знакомца Алтынсарина. Такъ какъ эти школы не имѣютъ учебника, то онъ предлагалъ Кауфману перепечатать его „Самоучитель рус. грамоты для киргизовъ“ или же составить при помощи Алтынсарина новый учебникъ. Этотъ Алтынсаринъ долженъ явиться въ Казань года на 2 и участіемъ въ составленіи учебниковъ съ русскимъ алфавитомъ будетъ впервые служить киргизскому образованію въ Туркестанѣ. Но еще до устройства инородческихъ школъ нужно прежде всего устроить хорошія школы для русскихъ переселенцевъ, которыхъ въ области много. Только чрезъ 2 года Алтынсаринъ, при негласной помощи казны, открываетъ сначала свою частную школу гдѣ нибудь въ киргизскомъ захолустьѣ; затѣмъ его ученики по готовому образцу станутъ открывать школы—отрасли въ другихъ мѣстахъ, и образуется въ степи школьное дѣло съ единствомъ направленія, по образцу Казанской системы.

Но Николай Ивановичъ не упустилъ въ запискѣ и миссіонерства. Въ виду предположенія объ открытіи Туркестанской епископіи, онъ предлагалъ устроить епископскую каѳедру въ Вѣрномъ и открыть здѣсь миссіонерскую дѣятельность посредствомъ школъ въ Черномъ Ануѣ на Алтаѣ для крещеныхъ киргизовъ, а для крещеныхъ калмыковъ—около Вѣрнаго и Копала. Эти школы съ инородческимъ языкомъ и русскимъ алфавитомъ, христіанско-образовательныя, должны находиться подъ руководствомъ епископа, которому слѣдуетъ подчинить и Алтайскую миссію. Николай Ивановичъ указалъ и кандидата въ епископы—начальника Алтайской миссіи архимандрита Владимира, впослѣдствіи архіепископа Казанскаго. Вотъ тѣ начала, которыя думалъ положить Николай Ивановичъ въ основу учебной системы въ Туркестанѣ. Однако изъ бесѣды съ Кауфманомъ онъ убѣдился, что послѣднему прежде всего нуженъ человѣкъ, для завѣдыванія учебной частью области. Тогда 26 мая онъ послалъ генералъ-губернатору новую записку, въ которой рекомендовалъ на постъ главнаго инспектора и руководителя нар. образованіемъ бывшаго своего ученика по Каз. Академіи И. С. Ястребова, очень даровитаго че-

ловѣка, который, по окончаніи курса въ 1864 г., ушелъ изъ духовнаго вѣдомства въ институтъ восточныхъ языковъ, и въ то время состоялъ секретаремъ при консулѣ въ Скутари *). Знакомый съ постановкой учебно-воспитательнаго дѣла въ Казанской Крещено-татарской школѣ, онъ представлялъ данныя, что будетъ дѣйствовать въ Туркестанѣ заодно съ Николаемъ Ивановичемъ, видоизмѣняя Казанскую систему лишь сообразно съ мѣстными условіями. Онъ, конечно, охотно промѣняетъ свою дипломатическую карьеру на предполагаемую дѣятельность; зная татарскій, турецкій языки, легко выучится киргизскому, а проѣздомъ въ Туркестанъ чрезъ Казань получитъ понятіе объ языкѣ, бытѣ киргизовъ.

Николай Ивановичъ не преминулъ прибавить въ своей запискѣ, что „Ястребовъ вовсе не фанатикъ и миссіонерство полагаетъ въ просвѣщеніи и цивилизаціи.“

Это прибавленіе оказалось нужнымъ въ виду того, что основнымъ правиломъ образовательной системы Кауфмана было полное устраненіе въ сношеніяхъ съ магометанами Туркестанской области всего того, чтобы могло напоминать пропаганду между ними христіанства. На тему о разумныхъ отношеніяхъ русской власти къ мусульманамъ, Кауфманъ разъ сказалъ Н. П. Остроумову, что онъ не придаетъ особаго значенія различію вѣроисповѣданій и считаетъ достаточнымъ для полученія рая доброй и честной жизни каждаго человѣка безъ различія вѣроисповѣданія.

Генералъ желалъ водворенія въ области христіанской русской цивилизаціи, не предлагая туземцамъ православія, и православная миссія здѣсь казалось ему не только преждевременной, но и вредной. Онъ думалъ сблизить туземцевъ съ русскими посредствомъ русской школы и общаго сожительства. Онъ не давалъ мѣста и подготовкѣ къ миссіонерской дѣятельности. Впослѣдствіи оказалось, что нравы русскихъ ташкенцевъ далеко не привлекли къ себѣ туземцевъ, школы съ однимъ русскимъ языкомъ сдѣлали немного, а мусульманская пропаганда, поощряемая отношеніемъ

*) Онъ былъ потомъ генеральнымъ консуломъ въ Солуни и умеръ въ 1894 года.

Кауфмана къ исламу, „его игнорированіемъ“, дѣлала свое дѣло и плодомъ ея была недавняя вспышка мусульманскаго фанатизма въ Ферганской области (Андижанѣ). Киргизская степь покрылась мечетями со школами и муллами изъ киргизовъ. *)

Но Кауфману нуженъ былъ такой человѣкъ, который создалъ бы ему полную организацію учебнаго дѣла въ краѣ въ видѣ опредѣленнаго положенія, для чего временно явился бы въ Туркестанъ, какъ экспертъ, для изученія на мѣстѣ условій и потребностей. 8 іюня онъ послалъ въ Петербургъ ходатайство предъ Министромъ Н. Пр. о командировкѣ къ нему Н. И. Ильминскаго, а послѣдняго пригласилъ принять эту командировку. Николай Ивановичъ сильно смутился приглашеніемъ, не чувствуя ни смѣлости, ни склонности къ такому огромному и отвѣтственному дѣлу. Тогда, именно въ 1869 г, рѣшался въ Министерствѣ вопросъ о системѣ инород. образованія, и его присутствіе въ Казани было необходимо. Онъ смолкъ, не смотря на неоднократныя письма Куна, вызывающія на отвѣтъ, сильно льстивыя по отношенію къ Николаю Ивановичу. Этотъ Кунъ, упрашивая Николая Ивановича пріѣхать, заранѣе напрашивался въ ученики къ нему, просилъ, чтобы онъ прикомандировалъ его къ себѣ, и обѣщался „итти его дорогой и проводить здѣсь ту-же идею, [которую Н. И. проводитъ въ Казани“. „Мое искреннее желаніе, чтобы дѣло народнаго образованія пошло тутъ такъ, какъ Вы ведете въ Казани“, пишетъ онъ, заявляя, что имя Николая Ивановича въ Туркестанѣ такъ-же будетъ священно, какъ и между старокрещеными татарами. Онъ посылалъ усердный поклонъ многоуважаемому Василію Тимоѳеевичу, обѣщался приготовить и квартиру гостю и услуги для справокъ въ мѣст. учрежденіяхъ. Но Министерство не согласилось на командировку Николая Ивановича въ Туркестанъ, полагая „присутствіе его въ Округѣ необходимымъ въ виду предстоящаго въ непродолжительномъ времени приведенія въ исполненіе нѣкоторыхъ предположеній Ми-

*) Туркест. Вѣд. 1900 г. № 23. Сарты—ишаны, проповѣдуя и укрѣпляя въ степи исламъ, прививаютъ и вражду къ русскимъ. „Присыръдарьинскіе киргизы въ годину Андижанскаго бунта сообщали уральцамъ-пароходчикамъ о поголовномъ бунтѣ мусульманъ. Москов. Вѣд. 1900 г. № 90.

нистерства вообще по дѣлу устройства образованія инородцевъ въ губерніяхъ Казанскаго Учеб. Округа". Предлагалось указать на другого подходящаго человѣка, о чемъ Попечитель Округа П. Д. Шестаковъ и просилъ Н. И. Ильминскаго; но послѣдній не имѣлъ въ виду никого, и отвѣтилъ отказомъ, замѣтивъ, что самое порученіе Кауфмана не вполнѣ согласно съ его убѣжденіями. Заявляя, что дѣло инородческаго просвѣщенія, согласно указаній опыта, „нужно вести медленнымъ, осмотрительнымъ шагомъ дѣйствительной работы сначала въ малыхъ размѣрахъ, и такимъ образомъ путемъ наблюденія и анализа дѣйствительныхъ фактовъ опредѣлится и выработается система дѣла", Николай Ивановичъ прибавляетъ: „Въ Туркестанскомъ генералъ-губернаторствѣ, населенномъ частію осѣдлыми магометанами, частію кочевыми племенами, задумываемое школьное образованіе еще болѣе ново и болѣе затруднительно. Оно должно стремиться къ измѣненію исконныхъ понятій, воззрѣній, а можетъ быть даже и бытовыхъ привычекъ и притомъ такъ, чтобы всѣ жители нравственно, въ своихъ идеяхъ и стремленіяхъ объединились съ русскимъ народомъ. Извѣстно, съ какимъ упорствомъ простодушныя племена отстаиваютъ свое родное, изстари хранимое, какъ святыня, и во всякомъ радикальномъ, явно даже къ нхъ пользѣ клонящемся мѣропріятіи правительства они склонны подозрѣвать посягательство или козни.

Въ образованіи киргизовъ и другихъ инородцевъ Туркестанскаго края нельзя обойтись безъ руководящей русской идеи... Чтобы ихъ не испугала русская идея, необходимо на дѣлѣ показать, что она къ нимъ вполнѣ примѣнима, и не только не разрушаетъ ихъ благосостоянія, но дастъ имъ выгоды образованія и умственно-нравственнаго развитія—этой прочной основы всякаго благосостоянія. Словомъ, въ Туркестанскомъ краѣ нужно, по моему мнѣнію, начать школьное дѣло и выработать его систему фактически, какъ въ Казани"... Выражая радость, что судьба избавила его отъ командировки въ Туркестанъ, Николай Ивановичъ заявляетъ, что у него нѣтъ ни энергіи, ни самонадѣянности составлять такія положенія, которыя бы потомъ стали закономъ

для края. Поѣздки по области и русскія стремленія Положенія могли бы вызвать толки въ населеніи, которое потомъ могло бы встрѣтить школьное дѣло оппозиціей. „Такова судьба почти всѣхъ новыхъ положеній, и я не смѣю обольщать себя надеждою, что для одного меня будетъ исключеніе изъ общаго правила. Самое лучшее положеніе можетъ потерять свою годность отъ исполненія неумѣлаго или неблаговременнаго" прибавляетъ Николай Ивановичъ.

16 августа Н. И. Ильинскій написалъ отвѣтъ Кауфману. Указывая на боязнь, что не съ его силами брать на себя серьезное и трудное порученіе, на боязнь за миссіонерское дѣло въ Казани при его продолжительномъ отсутствіи изъ города; на отказъ Министерства, онъ продолжаетъ: „Я тоже не знаю, кто бы былъ къ такому дѣлу пригоденъ. Но меня интересуетъ судьба инородческаго образованія въ краѣ, вновь сформированномъ. Я себѣ живо представлялъ Вашу заботу устроить дѣло на прочныхъ основаніяхъ и даже Ваше потерпѣливое ожиданіе; но съ другой стороны при практическомъ исполненіи Вашего порученія, путь, Вами избранный, мнѣ казался скользкимъ и опаснымъ. Сколько положеній, надъ которыми трудились люди, завѣдомо даровитые, оказались на дѣлѣ не удобными или вели къ положительнымъ затрудненіямъ отъ того, что была упущена изъ виду какая нибудь малость, или отъ не надлежащаго исполненія. Утвержденное Верховною Властію Положеніе—такой торжественный актъ, что его въ случаѣ неудачи ни назадъ взять, ни измѣнить радикально нельзя, а придется итти уже напроломъ. Это еще, быть можетъ, сколько нибудь сносно въ административномъ дѣлѣ, но не въ образованіи, которое все должно основываться на душевномъ расположеніи, на сочувствіи и благодушіи. Кромѣ того, такой ужъ у меня складъ мыслей, что я люблю идти путемъ опыта, анализа и не вѣрую въ синтетическій методъ, въ теоритическое построеніе даже школьной системы. Отдѣляя отъ дѣла то, что есть личнаго, мнѣ кажется, что въ самомъ дѣлѣ есть стороны, которыя могутъ существенно вредить успѣху дѣла или при исполненіи порученія, или при послѣдствіяхъ. Послѣ долгихъ раз-

мышленій и колебаній, я наконецъ рѣшился въ своемъ отвѣтѣ на предложеніе г. попечителя по поводу командировки высказать свой взглядъ, именно съ цѣлію сдѣлать указаніе на тѣ стороны, которыя должны быть устранены въ случаѣ, если кто займется исполненіемъ Вашего порученія... Дай Богъ, чтобы нашелся человѣкъ съ свѣтлой головой, честными правилами, съ энергіей, съ душой симпатичной, съ любовью къ русскому дѣлу, словомъ со всѣми качествами для Вашей великой мысли"...

Генералъ-Губернаторъ, получивъ такое письмо, замѣтилъ, что „профессоръ Ильменскій смотритъ на дѣло нѣсколько преувеличенными глазами; по его мнѣнію выходитъ, что ничего по части народнаго образованія сдѣлать нельзя." Онъ рѣшился обратиться къ самому гр. Д. А. Толстому съ просьбой помочь ему назначеніемъ лица, способнаго дать совѣтъ и составить проектъ положенія по народному образованію. Но такого лица не оказалось и въ распоряженіи Министерства, и пришлось дѣлать дѣло самимъ путемъ устройства въ Ташкентѣ особой коммиссіи. Кауфманъ рѣшилъ открыть въ Ташкентѣ среднія учебныя заведенія (муж. и жен. прогимназіи) и учительскую семинарію для подготовленія учителей будущихъ нар. училищъ. Кромѣ того, въ области намѣчены были города для открытія низшихъ школъ. Въ 1876 г. былъ утвержденъ проектъ, и открылась должность главнаго инспектора, которую занялъ Кунъ. Кауфману опять пришлось обратиться къ Министру Н. Пр. за рекомендаціей директора будущей семинаріи. Но Министерство просило обратиться за этимъ къ Николаю Ивановичу. Тогда Кауфманъ чрезъ Куна, завѣдовавшаго учеб. частью, и обратился къ Н. И. Ильминскому. У послѣдняго въ семинаріи служилъ его ученикъ по Казанской Духовной Академіи, преемникъ своего учителя по преподаванію въ Академіи доцентъ Н. Петр. Остроумовъ. Послѣдній былъ близокъ Николаю Ивановичу, какъ ревностный и дѣльный студентъ, принимавшій близко къ сердцу противомусульманское миссіонерство. Не см. на то, что онъ уже хорошо устроился въ Казани, получая 1200 р. изъ Академіи и 600 р. изъ Семинаріи, имѣлъ свой домикъ и большую семью, пользовался располо-

женіемъ общества и владыки Антонія, его потянуло въ Среднюю Азію патріотическое усердіе и та миссіонерская жилка, которая билась въ немъ. Пока онъ ушелъ въ Туркестанъ даже не директоромъ семинаріи, а инспекторомъ народ. училищъ, на должность, для него лишь открытую, чтобы привлечь этого человѣка въ степь. Онъ постарался открыть въ Туркестанѣ нѣсколько начальныхъ русско-туземныхъ училищъ и подалъ мысль Кауфману пригласить, въ эти зародыши русскаго просвѣщенія воспитанниковъ Каз. Духовной Академіи. На этотъ подвигъ откликнулись ученики Н. П. Остроумова магистранты Миротіевъ и Софійскій, Поздневъ и дѣйств. студентъ Воскресенскій, нѣкоторые даже женатые. Всѣ они были рекомендованы Николаемъ Ивановичемъ и сначала Миротіевъ и Воскресенскій, потомъ Софійскій и Поздневъ пошли въ Туркестанъ начальными учителями, имѣя права на занятіе семинарскихъ каѳедръ. Въ 1879 году открылась въ Ташкентѣ учительская семинарія, и въ числѣ ея преподавателей очутились эти казанскіе академисты (3), а учениками ея явились казачьи дѣти да на половину киргизы и другіе инородцы изъ Семирѣчья.

Теперь между двумя семинаріями начались самыя дѣятельныя сношенія, и Туркестанская семинарія представляла какъ бы дѣтище Казанской, взявъ на себя трудную, но высокую задачу обрусѣнія инородцевъ и борьбы съ мусульманствомъ, которое здѣсь явилось господствующей религіей и сильно распространялось среди кочового киргизскаго населенія. Въ основу открытой 1 августа 1879 г. семинаріи было положено полное уваженіе къ религіознымъ вѣрованіямъ воспитанниковъ, безъ посягательства на прозелитизмъ. Въ то же время изученіе ислама здѣсь признавалось излишнимъ. Исполненіе религіозныхъ обязанностей признавалось обязательнымъ лишь для православныхъ, а иновѣрцамъ только „не возбранялось“. Изъ инородцевъ края семинарія должна была обратить преимущественное вниманіе на киргизовъ; почему въ кругъ ея предметовъ было введено преподаваніе киргизскаго языка для русскихъ воспитанниковъ, какъ будущихъ учителей аульныхъ школъ. Это изученіе

языка было не столько теоретическое, сколько практическое. Видя, что киргизы охотнѣе другихъ туземцевъ отдаютъ своихъ дѣтей въ школы, Кауфманъ и задумалъ ввести въ степь русское образованіе путемъ школъ на киргизскомъ языкѣ. Нужно замѣтить, что основанная въ 1870 г. въ Ташкентѣ коммиссія для составленія положенія объ учебной части края между прочимъ постановила, кромѣ среднихъ школъ и уѣздныхъ двухкл. училищъ и ремесленными классами для русскаго и туземнаго населенія, открыть и начальныя школы для степного кочующаго населенія, чтобы изолировать его отъ татарскаго и сартскаго вліянія, устроивъ школы по ауламъ и кишлакамъ. Въ этихъ правительственныхъ школахъ признано излишнимъ преподаваніе ислама. Въ то же время мѣстная религіозная школа подвергалась игнорированію со стороны власти, внѣ всякаго надзора, направленія и помощи, въ надеждѣ, что новыя условія жизни заставятъ инородцевъ двинуться въ благоустроенныя русскія школы, а туземная школа замретъ сама собою (?!). Въ краѣ должны были устраиваться школы для киргизъ, сартовъ и русскихъ. Для первыхъ вводилась русская транскрипція киргизской рѣчи. Въ инородческихъ школахъ должны были учить читать и писать по-русски; учителями имѣлось въ виду назначать учениковъ уѣздныхъ двухклас. школъ, въ которыхъ въ свою очередь должны преподавать ученики имѣющей быть учительской семинаріи. Въ этихъ школахъ должна изучаться, географія, ариѳметика, исторія, русскій языкъ. Православный Законъ Божій предназначался лишь для русскихъ. Учениками, кромѣ русскихъ, могли быть городскіе сарты и киргизы; для послѣднихъ могли устраиваться при школахъ пансіоны. Эти школы соединяются въ городахъ съ ремесленными школами. Обученіе должно итти здѣсь на русскомъ языкѣ, который одинаково долженъ изучаться и въ аульныхъ школахъ.

Такое рѣшеніе коммиссіи, принятое въ 1876 г. Министерствомъ Н. Просвѣщенія, однако, на практикѣ вызвало затрудненіе. Русскія школы еще прививались, благодаря запросу на нихъ со стороны русскаго населенія, но туземцевъ въ этихъ школахъ было весьма мало. Киргизскія школы не нашли себѣ сочувствія.

Степняки, еще не привыкшіе къ русскимъ, смотрѣли на нихъ, какъ на кяфировъ, и не принимали ихъ школъ, не чувствуя въ нихъ потребности. Даже послѣ смерти Кауфмана, въ 1880 годахъ для пополненія русскотуземныхъ школъ приходилось набирать учениковъ силою власти; образовалась негласная повинность „школъ—пули“ деньги на школу, т. е. на наемъ бѣдныхъ туземныхъ дѣтей для отправленія въ училища (Остроумовъ: „Сарты“). Между тѣмъ Николай Ивановичъ предлагалъ для Туркестана медленный, осторожный, но вѣрный путь, открывши для степняковъ сначала одну школу въ киргизской глуши съ учителемъ киргизомъ въ родѣ Алтынсарина, при сродной степнякамъ обстановкѣ и на инородческомъ языкѣ съ русской транскрипціей, подготовляя потихоньку руководства и книжки для чтенія. Только по мѣрѣ интереса киргизовъ къ такой школѣ начинается и размноженіе ея. Между тѣмъ въ открытыхъ Кауфманомъ школахъ учителями были лица, совершенно не подходящія къ дѣлу, еле грамотныя. Сначала это были большею частію казаки, потомъ разные искатели привилегированной службы изъ Имперіи. Замѣчательно, что даже разные нѣмцы, чехи, румыны, русскіе космополиты явились въ Ташкентъ служить русскому дѣлу, будучи не пригодны для края даже по нравственнымъ качествамъ, только вредя русскому имени. Никто изъ нихъ не понималъ даже механизма русской транскрипціи, и главный воротила всего учебнаго дѣла въ краѣ А. Л. Кунъ просилъ Николая Ивановича взять къ себѣ чимкентскаго муфтія Абду-Сатара, будто-бы русскаго направленія, для обученія его въ Казанской семинаріи и сообщенія ему механизма этой транскрипціи, о которой онъ такъ кричалъ въ своихъ письмахъ. Николай Ивановичъ 1-го августа 1875 г. и даетъ совѣтъ прислать этого муфтія въ Казань, гдѣ бы онъ вмѣстѣ съ П. П. Остроумовымъ могъ заняться приготовленіемъ учебниковъ на киргиз. языкѣ, пока семинарія въ Ташкентѣ еще не открыта, и Николай Петровичъ можетъ такимъ образомъ подготовиться къ новой должности. Н. П. Ильминскій просилъ Куна прислать номера Ташкентской газеты, гдѣ внесены тексты на мѣстныхъ языкахъ, ровно и составленный Куномъ учебникъ для киргизскихъ

школъ, интересуясь его системой, алфавитомъ и подборомъ матеріала. Но хитрый и льстивый Кунъ боялся суда Николая Ивановича; льстя послѣднему, называя его патріархомъ инородческаго дѣла, крѣпко держась за него, какъ за надежный оплотъ, объявляя себя ученикомъ Николая Ивановича, онъ отдѣлывался отъ посылки своихъ трудовъ, оставшихся лишь въ проектѣ.

Вопросъ о введеніи въ преподаваніе киргизскаго языка русской транскрипціи считался важнымъ и самимъ Кауфманомъ. Когда въ 1879 г. была открыта имъ въ Ташкентѣ учительская семинарія, то онъ рѣшилъ выдвинуть впередъ киргизскій языкъ и киргизскую народность еще не совершенно омусульманившуюся. Онъ „считалъ нужнымъ содѣйствовать освобожденію киргизъ отъ вліянія, къ чему не мало способствовало бы введеніе между ними русской письменности. Этихъ задачъ можно достигнуть только путемъ распространенія между киргизами русскаго образованія съ помощію ихъ роднаго языка“. Преподаваніе киргизскаго языка съ 1881 г. (28 января) по Высочайшему повелѣнію дѣйствительно стало производиться при помощи русской транскрипціи, чтобы вывести изъ степи употребленіе арабскаго алфавита. Но это желаніе Кауфмана изгнать изъ степи арабскій алфавитъ и связанную съ нимъ мусульманскую литературу нашло въ Кунѣ не совсѣмъ подходящаго исполнителя. Кунъ сталъ настаивать на примѣненіи русскаго алфавита безъ всякихъ измѣненій. Кауфманъ, въ тѣхъ же мысляхъ, сталъ просить Министра Н. Пр. Д. А. Толстого объ Высочайшемъ повелѣніи относительно примѣненія такого алфавита къ инород. языкамъ всей Россіи; добился согласія Попечителя Оренбургскаго Учеб. Округа И. А. Лавровскаго. Министерство сдѣлало запросъ объ этомъ восточному факультету Петербургскаго университета и Н. И. Ильминскому. Кунъ старался склонить послѣдняго на свою сторону и въ письмѣ онъ къ нему просилъ мнѣнія „согласнаго письму Лавровскаго“. „Изъ переписки къ вопросу о примѣненіи русскаго алфавита къ инородческимъ языкамъ“ (Казань 1883 г.) видно, что восточный факультетъ „не съ научной впрочемъ точки зрѣнія, а съ гораздо важнѣйшихъ точекъ, практической и политической, согласился съ

мнѣніемъ Кауфмана. Но Н. И. Ильминскій не былъ согласенъ съ этимъ желаніемъ большинства. Въ трехъ обширныхъ запискахъ: отъ 3 мая 1876 г. на имя Попечителя Каз. Учеб. Округа, отъ 25 мая—на имя Министра и отъ 16 мая 1878 г. онъ обстоятельно разсмотрѣлъ предложенный вопросъ и пришелъ къ необходимости почти отрицательнаго рѣшенія. Алфавиты разныхъ народовъ, по его мнѣнію, имѣютъ происхожденіе и значеніе какъ памятникъ религіозныхъ отношеній, и съ перемѣной религіи часто измѣняется и алфавитъ. У католиковъ алфавитъ латинскій, у православныхъ греческій, у магометанъ—арабскій. Еслибы какимъ нибудь чудомъ всѣ подвластныя Россіи племена, исповѣдующія магометанство, вдругъ приняли православную вѣру, то и русскій алфавитъ вошелъ бы къ нимъ безъ всякаго затрудненія. Но пока они остаются въ магометанской вѣрѣ, до тѣхъ поръ русской азбукѣ будетъ крайне трудно бороться съ алфавитомъ арабскимъ.

Если въ виду тѣхъ или другихъ соображеній необходимо ввести въ языкѣ магометанскихъ племенъ русскую азбуку, то нужно найти какую нибудь опору для нея въ симпатіи магометанъ. За недостаткомъ религіознаго сочувствія, нужно опереться, напримѣръ, на идеѣ звукового преимущества русскаго алфавита предъ арабскимъ, приспособивъ русскую азбуку къ киргизской фонетикѣ, допустивъ для этого нужныя измѣненія и значки. Подобныя приспособленія допускались, и лучшимъ примѣромъ служитъ кириллица; даже латинство и магометанство допустили діакритическіе значки въ своихъ алфавитахъ. Переводы свящ. книгъ на инород. языки во времена Библейскаго общества также допустили приспособленіе русской азбуки къ фонетикѣ этихъ языковъ. Приспособленія соблюдаются и въ изданіяхъ братства св. Гурія. Николай Ивановичъ полагалъ обязательное установленіе неприкосновенности русской азбуки и однообразной системы ея примѣненія ко всѣмъ татарскимъ и финскимъ языкамъ стѣснительнымъ, неудобнымъ для инородческаго образованія, да и далеко не важнымъ. Культурное и патріотическое значеніе русскаго алфавита заключается лишь во внѣшней его формѣ и общей системѣ, а не въ частномъ при-

мѣнении. Да и одно употребленіе алфавита безъ образованія въ русскомъ духѣ еще не приведетъ инородцевъ къ единенію съ русскими. Народы, имѣющіе свою письменность, татары, буряты, не примутъ русскаго алфавита безъ перемѣны религіи. Народы, не имѣющіе своей письменности, усвоятъ русскій алфавитъ, если будетъ введенъ киргизскій, напримѣръ, языкъ и въ школѣ и въ управленіи киргизовъ. Только опираясь на любовь киргиза къ родному языку, опираясь на общее употребленіе его въ степи въ дѣловыхъ отношеніяхъ, можно разсчитывать, что степняки примутъ русскій алфавитъ и отвернуться отъ арабскаго, какъ символа татарства. И Николай Ивановичъ добился того, что не положено было запрещенія примѣнять русскій алфавитъ для инород. нарѣчій; но въ Туркестанѣ русскій алфавитъ примѣнялся и въ школѣ (напр. въ Чимкентскомъ 2 кл. училищѣ) и въ изданіяхъ: въ киргизскомъ словарѣ Букина, киргизской христоматіи Остроумова и Лютша безъ измѣненій. Съ кончиной Кауфмана и такое примѣненіе русскаго алфавита перестало быть предметомъ заботъ власти, къ торжеству азіатскаго магометанства.

Это магометанство угнетало духъ Николая Ивановича и особенно оказалось враждебнымъ его дѣятельности въ Уфимскомъ краѣ. Противъ его школъ и учителей впервые подняли крикъ мусульманскіе члены Белебеевскаго земства 9 октября 1879 г. на уѣздномъ земскомъ собраніи, уразумѣвъ грядущую опасность. Еще болѣе вооружилось мусульманство края противъ новаго епископа Никанора, ревностнаго приверженца Казанской системы. Мусульманскіе дѣятели стали писать злостныя корреспонденціи, роняющія епископа въ глазахъ читающаго люда. Эти нападки, эти газетныя инсинуаціи обличительной прессы начались съ того времени, какъ стало утверждаться христіанство среди старокрещеныхъ татаръ еще въ Казанской губерніи: „онѣ язвили, чернили и въ гробъ провожали одного изъ самыхъ достойнѣйшихъ и ревностнѣйшихъ архипастырей русскихъ, блаженной памяти Антонія, архіепископа Казанскаго, а теперь набросились на епископа Никанора, его подражателя въ миссіонерскомъ дѣлѣ“.

„Уфимскій край, если можно сказать, магометанскій, и ма-

гометане въ немъ сильны не одною своею численностью, но и тѣмъ, что среди нихъ тамъ находятся помѣщики дворяне, чиновники и люди, получившіе образованіе въ кадетскихъ корпусахъ, гимназіяхъ и даже университетахъ. Была большая ошибка со стороны покойнаго генералъ-губернатора Безака выбрать муфтія изъ богатого, авторитетнаго и вліятельнаго въ цѣломъ краѣ рода дворянъ Тевкелевыхъ. Конечно, правительство разсчитывало на русское образованіе татаръ; но видно, образованіе дѣйствуетъ разлагающимъ образомъ на національныя и религіозныя убѣжденія только насъ, русскихъ. Теперь, когда у татаръ Оренбургскаго Уфимскаго края и Крымскихъ начала созидаться интеллигенція, она начинаетъ вмѣсто обычнаго неуклюжаго, неблаговиднаго фанатизма усванвать точку зрѣнія національно-политическую подъ видомъ интеллигентнаго прогресса.“.

Она, по словамъ Н. И. Ильминскаго, напоминаетъ нашу южную и западную еврейскую интеллигенцію и въ союзѣ съ аристократіей вмѣстѣ съ тѣмъ представляетъ замѣчательную и опасную для русскаго дѣла сплоченность, солидарность съ сельскимъ магометанскимъ населеніемъ, ясно понимая свои національные интересы. Она въ 1875 году наводнила собою мѣстныя, вновь открытыя земскія учрежденія и даже пробралось въ училищные совѣты вопреки Положенія о начальныхъ училищахъ 1874 г. И вотъ пришлось считаться съ такими фактами, какъ назначеніе жалованія за преподаваніе вѣроученія въ земскихъ школахъ муллямъ, и отказъ въ томъ же священникамъ.

Татары и башкиры подвергли своему вліянію и мѣстныхъ инородцевъ: чувашъ, мордву, черемисъ и вотяковъ; они сдѣлали то, что вотяки и черемисы Бирскаго уѣзда изъ язычниковъ рѣшительно склонны къ магометанству, которое вліяетъ и на крещеныхъ инородцевъ.

Когда Преосвященный Никаноръ ознакомился съ епархіей, его первымъ дѣломъ было обратиться за помощію къ Николаю Ивановичу и втянуть его въ свое дѣло.

И вотъ въ теченіе 3—4 лѣтъ учреждено нѣсколько новыхъ приходовъ въ инородческихъ селеніяхъ, посвящено въ

священники 8 крещеныхъ татаръ и чувашъ изъ воспитанниковъ Ильминскаго и открыты, какъ мы уже знаемъ, миссіонерскія училища. Тогда то (1881 г.) началось обличеніе преосвященнаго въ желаніи выслужиться предъ Св. Синодомъ, преслѣдованіе крещеныхъ инородцевъ со стороны чиновниковъ-магометанъ, напримѣръ въ Бакалахъ въ 1881 году былъ уволенъ писарь изъ крещеныхъ татаръ Василій Сизовъ, дотолѣ 10 лѣтъ исправно служившій волости и т. п.

Чѣмъ дальше шло время, нѣмъ больше и больше пришлось страдать Николаю Ивановичу за инородцевъ отъ напора магометанства, которое въ восьмидесятые годы подняло голову, благодаря потворству, какое допущено въ Петербургѣ чествованіемъ муфтія Султанова и комитетами о благоустройствѣ мусульманства.

Такъ, когда въ Уфимской епархіи епископская каѳедра была замѣщена великимъ просвѣтителемъ якутовъ преосвященнымъ Діонисіемъ, а преосвященный Никаноръ назначенъ архіепископомъ въ Одессу, татары подняли голову и стали дѣйствовать. Белебеевское земское собраніе, гдѣ предсѣдателемъ Управы служилъ магометанинъ Сыртлановъ, отказано въ пособіе крещено-татарскимъ школамъ Ахмановской и Курчеевской, доселѣ существовавшихъ на счетъ земства. И прежде предсѣдателями земскихъ управъ были татары, но они прежде мирились съ миссіонерскими школами; а теперь эти иновѣрцы даже университетскаго образованія стали оказывать свое несочувствіе и православію и свѣтскому русскому образованію, убѣждая насъ, что наши среднія и высшія школы черезъ-чуръ космополичны, принижаютъ русское самосознаніе своимъ индифферентизмомъ къ національнымъ задачамъ.

Въ то самое время, какъ чествуемый муфтій въ Петербургѣ старался пустить пыль въ глаза своею молитвою въ мечетяхъ за Государя и тѣмъ добиться постройки въ столицѣ роскошной мечети въ 200 тыс. руб., при пособіи казны, сельское и городское татарское населеніе востока сильно вооружилось противъ русскаго языка, не допуская его въ свои школы. Николай Ивановичъ сильно возмущался отношеніемъ Белебеевскаго земства къ упомянутымъ 2 школамъ и искалъ защиты у Оберъ-Прокурора

Св. Синода и добился желаемаго. Онъ признавалъ, что въ современныхъ образованныхъ татарахъ меньше фанатизма, но магометанское дѣло въ Россіи приняло теперь направленіе панисламитское, проявляющееся даже въ мелочахъ, напримѣръ, замѣной прибавки „углы“ (сынъ) арабскимъ слевомъ „бенъ“ именно у интеллигентныхъ магометанъ съ университетскимъ образованіемъ. Панисламитскія идеи нашли одного сильнаго врага въ лицѣ цензора магометанскихъ изданій въ Россіи профессора турецкой словесности В. Д. Смирнова. Татары, особенно казанскіе и оренбургскіе, подавали на него жалобы и всѣми сплами старались съѣсть его, и Николай Ивановичъ просилъ своего высокаго покровителя К. П. Побѣдоносцева обратить свое вниманіе на преслѣдуемаго татарскими претензіями профессора.

Татары не щадили и свѣтскихъ чиновниковъ, особенно Министерства Н. Просвѣщенія, инспекторовъ училищъ, которымъ поневолѣ приходилось или страдать или уступать магометанской кликѣ. Такъ, напримѣръ, тотъ же татаринъ Сыртлановъ наводнилъ канцелярію Попечителя Оренбургскаго Учеб. Округа жалобами на мѣстнаго инспектора Попова, который покровительствовалъ миссіонерскому дѣлу въ Белебеевскомъ и Стерлитамакскомъ уѣздахъ, подавалъ протесты противъ злобныхъ распоряженій земской Управы, которая, напримѣръ, законоучителю чувашской Боргіевской школы съ 1888 года не стала выдавать жалованіе, аккуратно платя оное муллямъ за преподаваніе вѣроученія. „Попечитель не чуялъ этихъ впрочемъ не особенно скрытыхъ пружинъ“, перевелъ Попова въ Златоустъ, ронялъ этимъ просвѣтительное инородческое дѣло въ уѣздѣ. Николаю Ивановичу пришлось просить своего покровителя „подкрѣпить своимъ участіемъ великодушное и просвѣщенное ходатайство Ивана Давыдовича Делянова къ защитѣ Попова, котораго нужно возстановить въ инспекціи Белебеевскаго и Стерлитамакскаго уѣздовъ, да „нѣкогда речетъ врагъ: гдѣ есть Богъ ихъ?“

Не одна Уфа проявляла свою ненависть къ христіанству. Въ Мамадышскомъ уѣздѣ Казанской губерніи, въ селѣ Елышевѣ, когда-то отпадшемъ въ магометанство, въ 1870 г. была постро-

ена церковь, устроена братская школа, и жители, руководимые инородческими священниками, ихъ бдительностью и заботливостью, остались въ христіанствѣ. Школы были открыты и въ другихъ селеніяхъ прихода. Тогда магометанская пропаганда усилила свою операцію. Она стала дѣйствовать внушеніями, подговорами, перешла къ насмѣшкамъ, кощунству надъ христіанствомъ, побоямъ, угрозамъ, чѣмъ обезлюдила Елышевскую братскую школу; наконецъ забрала въ свои руки сельскія должности, не смотря на то, что въ Елышевской волости есть русскія и крещенотатарскія деревни. И вотъ власти изъ магометанъ или отступниковъ стараются подвергать держащихся православія татаръ разнымъ притѣсненіямъ, наказаніямъ, суду, чтобы лишить права быть выбранными на должностныя мѣста. Въ деревнѣ Большихъ Саврушахъ 12 и 13 февраля 1882 г. было произведено или разореніе лучшихъ крещенотатар. семействъ за земскій овесъ, хотя къ должникамъ изъ отступниковъ этого примѣнено не было.

„И русскіе чины, пишетъ Николай Ивановичъ, становой приставъ, урядникъ, стражникъ не умудрились защитить православныхъ христіанъ, кто проспалъ, кто—какъ“.

Такіе факты убѣждаютъ простодушныхъ крещеныхъ, что Правительство на сторонѣ магометанства, или по крайней мѣрѣ не расположено защищать православіе. И вотъ Елышевцы опять заявляютъ себя магометанами и составляютъ какъ бы отступническій центръ. Въ 1882 г. отпадаютъ крещеные татары нѣкоторыхъ деревень Уфимской епархіи; крещеные вотяки нѣкоторыхъ мѣстностей Казанской губерніи не хотятъ платить приходскій сборъ на церковныя нужды и т. п. „Отступники самовольно сложили съ себя иго Христово“, находя поддержку даже въ мѣстныхъ властяхъ, заявляющихъ, что согласно распоряженія Министра Вн. Дѣлъ, отпавшіе отъ православія въ магометанство сбору на содержаніе приход. церквей не подлежатъ. (1880 г. 24 сент. за № 5402). Въ Уфимской губерніи есть обширнѣйшая Стерлибашская медреса—цѣлая колонія муллъ и шакирдовъ. Кругомъ нея значительныя чувашскія деревни частію изъ крещеныхъ, частію изъ язычниковъ. Муллы завели здѣсь пропаганду.

Когда сдѣланъ былъ приходскимъ священникомъ чувашинъ Андрей Поповъ, очень энергичный человѣкъ; рѣшено было устроить церковь въ дер. Базлыкъ Белебеевскаго уѣзда; тогда магометанствующіе стали заявлять себя отступниками; отдавали дѣтей въ медресу, мулла бывалъ у нихъ, принималъ ихъ у себя, разглашая, что нынѣ разрѣшено Царемъ всякому держать вѣру, какую захочетъ. Началось судебное дѣло; при настойчивости о. Попова и владыки Діонисія удалось муллу посадить подъ арестъ. Отступники бросились за совѣтами и помощью, и магометане этого края стали сочувственно слѣдить за ходомъ дѣла. Деревни Старыя и Новыя Гордоли Мензелинскаго уѣзда уже цѣлое столѣтіе владѣли дачей; отъ которой власти вдругъ отрѣзали часть въ пользу башкиръ деревни Соройлы, переселившихся сюда 7—8 лѣтъ; а гордолинцамъ дали добавочную землю верстъ за 30. Итакъ православныхъ староселовъ, получившихъ надѣлъ по случаю принятія крещенія и имѣющихъ документъ, разбиваютъ на 2 части въ пользу магометанъ новоселовъ. Гордолинцы уже построили себѣ церковь, составляли сплоченный приходъ и отбивались отъ вліянія магометанства. Теперь „хитрое наущеніе магометанское“, вѣроятно, задумало ихъ разбить, уничтожить приходъ, христіанское сожительство, и такимъ образомъ погублены самые высокіе, самые дорогіе христіанскіе интересы. И пришлось Николаю Ивановичу вмѣстѣ съ владыкой Діонисіемъ защищать гордолинцевъ и писать о высокомъ, государственномъ значеніи Базлыкскаго дѣла, чтобы не проиграть его въ пользу ислама.

При такомъ отношеніи ислама къ инородческому христіанству, естественно, что язычники инородцы, напримѣръ, черемисы Уфимской губерніи совершенно татарятся по языку, костюму, понятіямъ и симпатіямъ; „совсѣмъ въ душѣ своей они магометане, только еще не осмѣлятся, а ждутъ благопріятнаго момента, чтобы возбудить ходатайство о переходѣ въ магометанство“. Извѣстный дѣятель по инородческому образованію И. А. Износковъ видѣлъ въ Уфимской губерніи черемисскаго юношу, умѣющаго по-русски читать и писать, чистаго магометанина (1891 г.) Въ отчетѣ о дѣятельности Оренбургскаго Михайло-Архангельскаго братства за

1887—88 г.) разсказывается, что въ станицѣ Ильинской Орскаго уѣзда Нагайбаки слабы въ православіи и мулла Валей Искаковъ совращаетъ ихъ въ магометанство, основываясь на указѣ Оренбургскаго духов. магометанскаго собранія о бракахъ мусульманъ съ язычницами и еврейками, озаглавленномъ „По указу Его Императорскаго Величества".

Распоряженіе Оренбургскаго духов. магом. собранія основано на указѣ Уфимскаго Губ. Правленія отъ 20 марта 1884 г. и предписаніи Министра Вн. Дѣлъ отъ 11 августа 1881 года. Принимая это распоряженіе, не согласное съ требованіями Корана и Шаріата, муллы, конечно, предварительно обращаютъ язычницъ, въ исламъ, по указанію Корана. „Это равносильно открытому обращенію язычниковъ въ магометанство, какъ и понимаютъ татары и нагайбаки Ильинскаго Посада да и вездѣ по всей Россіи магометане такъ понимаютъ этотъ указъ", говоритъ Николай Ивановичъ.

Подобное совращеніе бывало и раньше, напримѣръ въ 1840 годахъ. Николай Ивановичъ хлопочетъ исправить оплошность Министерства 1881 г., равно отмѣнить „и другія подобныя вредныя для православія распоряженія въ пользу магометанства", причинившія такъ много зла русской церкви на востокѣ Россіи, благодаря либеральному направленію тогдашняго министра Вн. Дѣлъ; да и форму канцелярскихъ бумагъ слѣдовало бы конечно, употреблять въ инородческомъ краѣ съ большей осмотрительностью, чтобы инородцы не принимали министерскихъ и губернскихъ распоряженій за Высочайшіе указы (повелѣнія).

Татарское магометанство проводитъ свои идеи не только чрезъ свое фанатичное духовенство, но и всякій мусульманинъ старается быть миссіонеромъ ислама. Изъ дневника старокрещеннаго татарина можно набрать тому множество примѣровъ касательно старокрещеныхъ татаръ Казанской губерніи.

Но эти добровольные миссіонеры забрались и далеко на востокъ. Такъ въ 20 н. Томскихъ Епар. Вѣдомостей за 1891 г. говорится объ извѣстномъ бійскомъ магометанинѣ Абдулѣ Измайловичѣ, который подъ видомъ торговца ведетъ на Алтаѣ дѣятель-

ную магометанскую пропаганду. Н. И. Ильминскій спрашиваетъ, „зачѣмъ допустили этой тли магометанской заползти на Алтай“; и умоляетъ своего высокаго собесѣдника выхлопотать Высочайшее повелѣніе о запрещеніи магометанамъ переселяться на Алтай и поселившихся лишить права разъѣздовъ по Алтаю и даже выслать ихъ оттуда.

Онъ не надѣется на то, чтобы это сдѣлало начальство горнаго управленія или Кабинетъ, и его патріотическая душа тоскуетъ, что мы, русскіе, за статьями да инструкціями, за либерализмомъ, едвали и понимаемъ всю опасность этого дѣла Абдулы.

Въ Уфимской, напримѣръ, губерніи русскіе, даже духовные аборигены, по словамъ Н. И. Ильминскаго, предъ надъ магометанскими муллами и дворянами готовы кувыркаться; это почитаніе къ татарамъ не чуждо и администраціи края до самой маковки въ губерніи.

Возмущаясь выборомъ въ Белебеевскомъ инородческомъ уѣздѣ въ предводители дворянства чиновника магометанина Сыртланова, племянника умершаго муфтія, вмѣсто русскаго человѣка Н. М. Бунина, не рѣшившагося даже и тягаться съ этимъ конкурентомъ, Н. И. еще болѣе возмущается при мысли, что этотъ магометанинъ, хотя и получившій лоскъ свѣтскаго образованія, теперь становится предсѣдателемъ училищнаго совѣта, слѣдовательно руководителемъ христіанскаго просвѣщенія русскихъ и крещеныхъ инородцевъ. Онъ проситъ К. П. Побѣдоносцева похлопотать оговорку въ Положеніи о начальныхъ училищахъ, что бы при такихъ случаяхъ предсѣдательство въ училищныхъ совѣтахъ принадлежало директорамъ и инспекторамъ народ. училищъ. Боясь за судьбу миссіонерскихъ школъ въ Белебеевскомъ уѣздѣ, онъ проситъ объ учрежденіи въ этомъ или хоть въ Мензелинскомъ уѣздѣ казенной должности инспектора нар. училищъ и даже рекомендуетъ кандидата изъ окончившихъ курсъ въ Казанской Дух. Академіи, урожденца чувашскаго села и знающаго чувашскій языкъ Г. Васильева, видя въ этомъ впрочемъ лишь палліативное средство.

Скоро опасенія Н. И. сбылись. Новый предводитель, пред-

сѣдатель управы и училищнаго совѣта Сыртлановъ „потребовалъ отъ инспектора народ. училищъ Попова увольненія одного миссіонерскаго учителя Ивана Кондратьева „за безграмотность". Подозрѣвая здѣсь наговоры муллъ за усердіе Кондратьева, „прекраснаго учителя", къ православію, П. Нв. указываетъ К. П. Побѣдоносцеву, что уфимская татарская интеллигенція въ настоящее время начинаетъ воспитывать въ себѣ національные мотивы, внутренно солидарна съ муллами и народомъ и составляетъ одну магометанскую массу, при ея ортодоксальномъ суннитскомъ догматѣ и обрядѣ со всѣми гуріями и легендами. Предъ русскими они показываютъ видъ раціонализма и любви къ европейскому просвѣщенію, даже стараются доказать, что Коранъ и Магометъ — въ пользу разума и научнаго знанія. Это, напримѣръ, въ 1888 г. говорилъ татаринъ, едва ли не изъ касимовскихъ, во вступительной рѣчи къ урокамъ магометанскаго вѣроученія въ Уфимской гимназіи, въ присутствіи начальства, внушая ученикамъ хорошо учиться, повиноваться, и даже совершилъ моленіе за Государя (Волж. Вѣсти. № 28 1888 г.). Либерализмъ русскихъ, конечно, въ восхищеніи отъ этой обворожительной уловки, чтобы отвести глаза отъ дѣйствительнаго положенія дѣла.

„Учитель Иванъ Кондратьевъ, пишетъ Н. Нв. къ своему высокому ходатаю за всѣхъ униженныхъ и оскорбленныхъ, изъ крещеныхъ татаръ, ученикъ крещенотатарской школы, юноша способный и мастеръ пѣть; давно состоитъ учителемъ крещенотатар. школъ Белебеевскаго уѣзда, сначала былъ въ миссіонерской, а теперь въ земской, его очень одобряютъ за усердное и успѣшное обученіе грамотѣ, православной вѣрѣ и церковному пѣнію. Эти черты язвительны и невыносимы для татарина-магометанина, и чѣмъ полезнѣе и успѣшнѣе учитель, тѣмъ онъ непріятнѣе магометанину".

Боясь, что Сыртлановъ „найдетъ случай стереть непріятнаго учителя съ лица земли", Н. П. усердно проситъ обратить вниманіе правительства на вредъ, который могутъ принести властные магометане въ области народнаго русскаго православнаго просвѣщенія, особенно въ мѣстностяхъ, гдѣ инородцы особенно наклонны

къ магометанству. Да и въ Положеніи о нач. училищахъ 25 мая 1874 г. говорится лишь о православныхъ школахъ. Положеніе допускаетъ въ члены училищныхъ совѣтовъ только не православныхъ (но всетаки христіанъ), а не иновѣрцевъ: магометанъ или язычниковъ. Тѣмъ болѣе нельзя допускать иновѣрца въ предсѣдатели совѣта. Необходимо слѣдующее дополненіе къ 27 ст. Положенія: предводители дворянства нехристіанской вѣры не должны имѣть никакого участія въ училищныхъ совѣтахъ и никакого отношенія къ народнымъ училищамъ. Въ такихъ случаяхъ предсѣдателями училищныхъ совѣтовъ являются директоры и инспекторы н. училищъ. Да и простыми членами уч. совѣтовъ и попечителями, попечительницами православныхъ школъ не должны быть допускаемы иновѣрцы.

И вотъ 19 декабря 1888 г. Высочайше повелѣно, чтобы предсѣдателями и членами училищ. совѣтовъ были лишь христіане. Если же предводителемъ дворянства будетъ избранъ нехристіанинъ, то предсѣдательство въ учил. совѣтѣ переходитъ къ его замѣстителю; а если и замѣститель будетъ не христіаниномъ, то предсѣдательство возлагается на старшаго изъ членовъ совѣта отъ гражд. вѣдомствъ.

Дѣйствительно нужно удивляться, какъ могутъ попадать мусульмане на отвѣтственные и руководительные посты предводителя дворянства и предсѣдателя управы и т. п.

Вотъ, напримѣръ, въ 1886 г. 8 декабря происходили выборы въ гласные Казанской думы по 3-му разряду. Татары забрались спозаранку, а русскіе „по обычаю“ опоздали. Въ 10 ч. утра двери думы были заперты, и опоздавшихъ не пустили. По баллотировкѣ русскихъ было выбрано 5 человѣкъ, а татаръ 23, да по 2-му разряду татаръ было выбрано 9. Отсюда понятно, кто будетъ вершить общественное дѣло въ христіанскомъ городѣ.

Въ грустныхъ думахъ о громадной силѣ мусульманства въ Россіи, о непониманіи его вреда въ дѣлѣ національнаго объединенія страны и укрѣпленія ея государственнаго организма, Николай Ивановичъ пытался чрезъ своего собесѣдника провести въ госу-

дарственныя сферы истинный взглядъ на инородческій вопросъ въ Россіи. Онъ писалъ:

„Масса татарскаго населенія фанатично и враждебно смотритъ на православіе; возникающая татарская интеллигенція преподноситъ ядъ ехидный въ видѣ позолоченыхъ пилюль литературно и галантерейно и приводитъ въ восторгъ нашу близорукую и безсердечную интеллигенцію. „Это гораздо опаснѣе фанатизма.“ Когда И. И. Остроумовъ напечаталъ статью: „Что такое коранъ,“ ее, къ сожалѣнію, пришлось напечатать въ мало извѣстныхъ русскимъ Туркестанскихъ вѣдомостяхъ. Но татарскіе интеллегенты, раціоналистически прикрашивающіе алкоранъ, идеализирующіе его, слѣдили за статьею, писали ему возраженія въ видѣ писемъ. Мурза Алимъ напечаталъ въ Петербургскихъ вѣдомостяхъ статью: „Исламъ и магометанство.“ Подобно этому въ 1884 г. было напечатано возраженіе Ренану, который въ своей рѣчи нападалъ на магометанство. Возраженіе принадлежало Петербургскому муллѣ—Баязитову и произвело впечатлѣніе, такъ какъ Ренанъ возставалъ въ рѣчи и противъ католичества. И. Пв. подозрѣвалъ авторомъ возраженія того же Мурзу Алима. Откликнулся и издатель бахчисарайской газеты „Переводчикъ“ Гаспринскій. Послѣдній въ своей газетѣ, по словамъ Николая Ивановича, преслѣдуетъ цѣли: распространить между магометанскими подданными Русской имперіи европейское просвѣщеніе на магометанской основѣ, магометанскіе идеалы подкрасить европейскимъ образованіемъ; во-вторыхъ,—все многомилліонное и разномѣстное и частію разноязычное населеніе магометанъ въ Россіи объединить и сплотить (примѣръ—нѣмецкое объединеніе); въ-третьихъ, уложить посредствомъ своего органа для всѣхъ въ Россіи магометанъ туркскаго корня языкъ османскій. И что же оказывается теперь? Въ Казани, слышно, изъ года въ годъ умножаются турецкія газеты и учебники, по пріему и содержанію европейскія, а по языку османскія. Значитъ, Гаспринскій и К° хотятъ провести къ татарамъ европейское образованіе, но только отнюдь не черезъ Россію... „Переводчикъ“ издается на 2 языкахъ: на русскомъ и турецко-татарскомъ: листокъ съ одной стороны представляетъ сплошь русское писаніе, а съ

другой - татарское писаніе одного содержанія съ русскимъ. Хотя нельзя предположить, чтобы тексты явно отступали другъ отъ друга: за тѣмъ слѣдитъ цензура; но никакая цензура не измѣнитъ ума и сердца газетчиковъ, пропитанныхъ чужими идеалами, а въ глазахъ русскаго общества русскій переводъ татарской газеты внушаетъ довѣріе и даже интересъ. Татарская интеллигенція усиливается создать мусульманско-культурный центръ въ Россіи. Николаю Ивановичу невольно приходило на мысль уфимское (оренбургское) магометанское собраніе съ муфтіемъ во главѣ, которое есть религіозно-административный центръ всѣхъ въ Россіи магометанъ, кромѣ Крыма и Кавказа. Если изъяты изъ его вѣдѣнія киргизскіе муллы, то сердце ихъ тянетъ къ нему по старой привычкѣ. Вотъ эти два центра и могутъ соединиться. Уфимскій муфтій Тевкелевъ, хотя отчасти и фанатикъ, но стараго времени степной татарско-русскій помѣщикъ, образованія не далекаго, старъ и дряхлъ, не можетъ усвоить и полюбить прогрессивныя идеи, говоритъ Н. Ив. До него муфтіи были простые, не образованные татары изъ петербургскихъ военныхъ муллъ. Также и трое кадіевъ собранія, избираемые изъ казанскихъ муллъ, доселѣ были не изъ солидныхъ. Но вотъ былъ выбранъ въ кадіи мулла Салиховъ, ученый, фанатикъ и врагъ министерскихъ русско-татарскихъ школъ. Это назначеніе есть плодъ панмусульманскихъ идей Гаспринскаго и К°. Конечно, можно выборъ Салихова кассировать протестомъ; но съ устраненіемъ одного дѣло не прекращается, и будетъ избранъ другой, и татары воспользуются уфимскимъ центромъ, не имѣющимъ основанія ни въ коранѣ ни въ шаріатѣ, а выдуманнымъ при Императрицѣ Екатеринѣ II по соображеніямъ политическимъ, по образцу православныхъ архіереевъ и консисторій; только власть муфтія оказалась властью патріарха. Этотъ уфимскій центръ нужно уничтожить, а всѣ дѣла по испытанію муллъ, разводамъ распредѣлить по губ. правленіямъ, приглашая на засѣданія муллъ, спеціалистовъ Шаріата.

Когда въ 1885 г. умеръ Муфтій Тевкелевъ, то въ кандидаты на открывшуюся вакансію были намѣчены газетами одинъ казанскій ученый мулла да князь Чингизханъ, получившій об-

разованіе въ пажескомъ корпусѣ, отставной полковникъ гвардіи.

Не желая видѣть муфтіемъ ни казанскаго муллу-фанатика, ни аристократа полковника, который можетъ своею силою уничтожить русское духовенство, придать блескъ мусульманству и способствовать усиленію ислама въ киргизской степи, Николай Ивановичъ предполагалъ, не уничтожая пока ни должности муфтія, ни магометанскаго собранія, назначить исправляющимъ должность муфтія члена этого собранія Максютова, поглощеннаго торговыми дѣлами, не далекаго, но имѣющаго право на занятіе должности муфтія; въ крайности лучше фанатикъ безъ русскаго образованія, чѣмъ цивилизованный аристократъ. Но въ Петербургѣ оказались новые кандидаты: Султановъ, Бекчуринъ и Ибрагимовъ. Николаю Ивановичу пришлось высказывать свое мнѣніе, которое оказалось за Султанова, помѣщика средней руки, владѣльца кумыснаго заведенія, учившагося въ доброе старое время въ Казанской 1-й гимназіи.

„Это недалекій татаринъ, любитель деревенско-барской свободы, халатности, по русски грамотенъ, читаетъ татарскія книжки, но не изучалъ магометанства въ его арабскихъ источникахъ; не увлекается національными идеями и не фанатикъ. Бекчуринъ отличный знатокъ азіатскихъ языковъ и національностей, ловкій и опытный азіатскій политикъ, занятый сознаніемъ своего достоинства; при генералѣ-губернаторѣ Крыжановскомъ онъ игралъ видную роль и пользовался довѣріемъ послѣдняго. Ибрагимовъ служилъ при Кауфманѣ въ Туркестанѣ, дѣйствительный статскій совѣтникъ. Это довольно высокій, стройный, тончавый, цивилизованный и комильфотный татаринъ, говоритъ бойко и краснорѣчиво, можетъ стушевать нашихъ мѣшковатыхъ духовныхъ. Какъ человѣкъ умный и внимательный, онъ отлично узналъ всю подноготную мусульманскихъ странъ міра, и если ему влѣзетъ въ голову пан-мусульманская идея, то онъ владѣетъ къ тому всѣми средствами. Блестящимъ русскимъ говоромъ, прогрессивными и, когда нужно, либеральными идеями, свѣтскими и ловкими манерами, смѣлостью, умѣлостью держать себя съ достоинствомъ, но

безъ дерзости предъ кѣмъ угодно — всѣмъ этимъ онъ можетъ обаять и ослѣпить нашихъ господъ и чиновъ высшаго управленія. Но нашей простотѣ орудовать такимъ тонкимъ инструментомъ. Для насъ вотъ что подходящее было бы: чтобы въ русскомъ разговорѣ путался и краснѣлъ, писалъ бы порусски съ порядочнымъ количествомъ ошибокъ, трусилъ бы не только губернатора, но и всякаго столоначальника и т. п. Все это теоретично, но свидѣтельствуетъ о рисковности. Нужно всячески избѣгать касимовцевъ и крымцевъ, какъ прогрессистовъ и національстовъ".

И муфтіемъ былъ сдѣланъ Султановъ. Николай Ивановичъ просилъ не возвеличивать иновѣрное духовенство отличіями и привилегіями, чтобы оно знало свое положеніе, предѣлы и права предъ православнымъ духовенствомъ и не забывалось.

Обращая вниманіе Петербургскихъ друзей на опасныя теченія въ магометанствѣ, Николай Ивановичъ старался указать и на ихъ источники. Особенно его занимала газета „Переводчикъ," которая съ 1883 г. „продолжала давать своимъ читателямъ наиболѣе интересныя и достовѣрныя свѣдѣнія изъ жизни Россіи и друг. странъ, касаясь въ отдѣльныхъ статьяхъ вопросовъ наиболѣе полезныхъ для мусульманъ и необходимыхъ для пониманія или современной жизни и событій". „Газета вполнѣ обнаружила свое искусство, направленіе и тенденцію — соединить милліоны мусульманъ русскихъ подданныхъ, раздѣленныхъ временемъ и племенемъ, соединить подъ знаменемъ мусульманства раціоналистическаго и усовершенствованнаго европейскою цивилизаціею, пропущенную сквозь турецкую, Константинопольскую призму. Здѣсь находится тонко, послѣдовательно и настойчиво проводимая мысль, неблагопріятная для православнорусскаго государства.

Она имѣетъ сношенія и солидарность съ киргизскимъ „Прибавленіемъ къ акмолинскимъ Областнымъ Вѣдомостямъ". Обѣщая въ 1890 г. интересныя письма Молла Аббаса и обширный Энциклопедическій Сборникъ о великихъ людяхъ и о всѣхъ народахъ, она будетъ сопоставлять народы и личности къ торжеству ислама.

Въ упомянутомъ „Прибавленіи“ на киргизскомъ языкѣ въ 1889 г. стали помѣщать соч. заклятаго врага Россіи Вамбери: „Исторія турковъ“, что для поучившихся киргизовъ можетъ послужить источникомъ историч. мечтаній о Чингизахъ и Тамерланахъ, какъ о своихъ предкахъ, предъ которыми рабствовала Россія. Подобныя статьи неумѣстны и вредны для степнякомъ и выходятъ изъ разрѣшенной программы. Николай Ивановичъ обращалъ вниманіе генералъ-губернатора Колпаковскаго на это и совѣтовалъ прекратить неоффиціальную часть Прибавленій, и теперь надѣется, что преемникъ Колпаковскаго благоустроитъ содержаніе газеты и ея направленіе.

Такимъ образомъ назрѣваетъ въ Россіи вопросъ магометанскій, подобно вопросамъ польскому и армянскому; дѣло осложняется. Это всего лучше видно русской цензурѣ и особенно цензору татарской литературы. У Николая Ивановича и былъ знакомецъ цензоръ В. Д. Смирновъ, орд. профессоръ восточнаго факультета по турецкой словесности, который зорко слѣдилъ за мусульманской письменностью въ Россіи, Турціи и вообще за границей, за магометанскими дѣятелями и ихъ политикой въ Петербургѣ. Противъ него и возстали татарскіе воротилы. Этого то дѣятеля Николай Ивановичъ и выдвигаетъ предъ своимъ покровителемъ для справокъ и соображеній.

Особенную важность представляетъ паломничество и обученіе русскихъ мусульманъ въ Константинополѣ. Свѣдѣнія объ этомъ доставилъ Николаю Ивановичу бывшій преподаватель, теперь Директоръ Казанской учительской семинаріи, воспитанникъ Николая Ивановича Н. А. Бобровниковъ, направившійся въ 1890 г. въ Алжиръ, чтобы ознакомиться съ положеніемъ мусульманства въ борьбѣ съ вліяніемъ христіанства и европеизма. Эти русскія паломничества почти совершенно ускользаютъ отъ правительственнаго контроля. Русскіе магометане, пріѣзжая въ Константинополь, попадаютъ въ руки особыхъ промышленниковъ, которые руководятъ и обираютъ ихъ, Мусульмане, правда, являются въ русское консульство за свидѣтельствомъ для полученія тескере отъ турецкой полиціи; являются и на обратномъ пути изъ Мекки съ

просьбами объ отправленіи на казенный счетъ на родину. Но это чисто канцелярскій надзоръ и легко можетъ быть обойденъ.

Наша заграничная паспортная бланка вовсе не имѣетъ въ виду ни купцовъ, ни паломниковъ, ни людей, ѣдущихъ учиться: она не указываетъ никакихъ примѣтъ, а лишь имя лица, не указываетъ даже на возрастъ и хоть приблизительный маршрутъ. Съ нашимъ паспортомъ можетъ явиться въ консульство всякій, и эта явка для визированія не обязательна. Люди, пріѣзжающіе жить въ Константинополѣ, могутъ вовсе не явиться въ консульство, и русскіе мусульмане живутъ въ Константинополѣ и въ глубинѣ Турціи вовсе безъ всякихъ документовъ.

Русская магометанская молодежь пользуется особымъ покровительствомъ турокъ. Самъ султанъ посылаетъ имъ на „салямликахъ“ особый поклонъ. Всѣ русскіе мусульмане, пріѣхавшіе учиться, становятся въ положеніе софтовъ при мечетяхъ, получаютъ содержаніе отъ мечетей и учатся здѣсь въ училищахъ; но они воображаютъ, что получаютъ это содержаніе не изъ вакуфнаго имущества, а изъ личныхъ щедротъ султана. Султанъ здѣсь представляется калифомъ всѣхъ правовѣрныхъ, и отсюда идетъ панъисламская пропаганда. Это пребываніе русскихъ мусульманъ въ школахъ Стамбула заставляетъ ихъ отвыкать отъ русскаго авторитета и задерживаетъ сближеніе мусульманъ съ русскими. Николай Ивановичъ полагалъ необходимымъ упорядочить дѣло постановленіемъ, чтобы 1) заграничные паспорты выдавались изъ губернаторскихъ канцелярій съ обозначеніемъ особыхъ примѣтъ; 2) чтобы мусульмане въ Константинополѣ являлись въ консульство, особенно учащіеся, по крайней мѣрѣ, чрезъ каждые 6 мѣсяцевъ; 3) чтобы путешественники представляли 20 рублевый залогъ при выдачѣ заграничнаго паспорта; 4) чтобы губернаторы 2 раза въ годъ сообщали консульству въ Стамбулѣ о выданныхъ паспортахъ; 5) чтобы жизнь русскихъ мусульманъ въ Константинополѣ была извѣстна консульству чрезъ драгомановъ и достаточно упорядочена.

Насколько сильно вліяніе этого турецкаго образованія, свидѣтельствуетъ слѣдующій фактъ. Въ 1885 г. окончилъ курсъ въ I-й Пензенской гимназіи татаринъ Муса Акчигитовъ; пріѣзжалъ въ

Казань, напечаталъ здѣсь „народный романъ," въ которомъ юный татарскій интеллигентъ на родномъ языкѣ осмѣялъ старыя татарскія понятія и семейные порядки, а выставилъ новыя цивилизованныя положенія, семейныя и общественныя. Героемъ романа выведенъ образованный и гуманный молодой мулла, получившій образованіе въ Стамбулѣ. Этотъ Акчигитовъ не поступилъ въ Казанскій университетъ, а уѣхалъ въ Константинопольскую медицинскую академію. Этотъ фактъ погрузилъ Николая Ивановича въ раздумье. Русская клас. гимназія направила своего питомца, минуя русскіе университеты, въ центръ ислама, въ Стамбулъ, подъ непосредственную сѣнь халифа. Николай Ивановичъ это печальное явленіе объясняетъ тѣмъ, „что усиленнымъ стремленіемъ къ возможно-наивысшему образованію и развитію притомъ по заграничнымъ образцамъ школа ведетъ къ абсолютизму, отрываетъ отъ родныхъ религіозныхъ, семейныхъ и государственныхъ принциповъ и пролагаетъ свободный переходъ ко всякому чужому міросозерцанію и строю." Николай Ивановичъ этотъ фактъ сопоставляетъ съ другимъ: въ 1889 г. къ нему въ Пензѣ явился новокрещеный татаринъ Александръ Исаковъ, красивый брюнетъ, сынъ богатаго татарина, привезшаго 7 лѣтняго сына въ Пензу къ ахуну учиться татарской грамотѣ. Мальчику захотѣлось учиться по-русски, и онъ по татарско-русскому самоучителю принялся за дѣло. Ахунъ запретилъ учиться по-русски. Тогда мальчикъ обратился къ одному знакомому съ отцемъ русскому торговцу, который и отправилъ Исакова къ своему коммиссіонеру въ Оренбургъ. Здѣсь онъ прожилъ нѣсколько лѣтъ, выучился русской грамотѣ, обрусѣлъ, потомъ принялъ крещеніе, поступилъ въ Пензенское дух. училище, а откуда въ дух. семинарію. И вотъ татарская медреса открыла питомцу путь къ христіанской наукѣ, а гимназія направила питомца въ нѣдра ислама. „Что же это въ самомъ дѣлѣ?" Спрашиваетъ смущенный инородческій просвѣтитель и горячій русскій патріотъ, который вообще не доволенъ постановкой нашего школьнаго ученія, производящей изъ русскихъ космополитовъ и либераловъ, преклоняющихся предъ мусульманствомъ. Газетные слухи о перенесеніи изъ Публичной Императорской Библіотеки Корана съ кровью Османа

въ новую петербургскую мечеть (въ 1887 г.), ожиданіе въ столицѣ главы мусульманскаго духовенства съ Кавказа, Шейхуль-ислама Ахида возбуждаютъ его опасеніе, что явятся новыя поблажки мусульманскому дѣлу, въ ущербъ православію „Этого никакъ нельзя!“ патетически восклицаетъ онъ. Но еще больше смущаетъ его присланная К. П. Побѣдоносцевымъ (9 марта 1887 г.) книги Балкашина объ алтайскихъ шаманцахъ и о киргизскихъ магометанахъ. „Первая половина лучше второй, говоритъ Николай Ивановичъ К. П. Побѣдоносцеву въ своемъ отзывѣ на книгу. Здѣсь признается полезная дѣятельность алтайской миссіи, только нѣсколько умаляется заслуга заявленіемъ: простодушныхъ шаманцевъ легко де обратить въ христіанство. Авторъ упрекаетъ миссію за ея нерасположеніе къ русской колонизаціи и за призываніе правительства къ поголовному крещенію алтайскихъ язычниковъ. Первое не лишено основанія. Русскіе колонизаторы, на первыхъ порахъ раскольники, явились со враждою къ православію и пренебреженіемъ къ инородцамъ, въ слухъ ругали церковь, отнимали у новокрещеныхъ земли, угодья.

Великоруссы — плохіе колонизаторы: все норовятъ на даровое и на чужое, въ религіозномъ отношеніи невѣжды, въ нравственномъ — распущенные, въ хозяйствѣ — неряхи. Гораздо способнѣе къ колонизаціи хохлы; трудолюбивы, домовиты, трезвы, степенны, знаютъ молитвы, усердны къ церкви. Вообще у насъ колонизація ведется не хорошо, какъ бы огромный потокъ, все затопляя и разрушая. Вотъ, напримѣръ, въ Оренбургскій край понаѣхало множество русскихъ и посѣло хуторами въ средѣ башкиръ-магометанъ; нѣтъ ни церкви, ни школъ: иные отдаютъ своихъ дѣтей въ башкирскія школы. Одна башкирка-магометанка, кончившая курсъ въ женской гимназіи, русскимъ ученикамъ преподавала Законъ Божій по установленной программѣ и по одобреннымъ учебникамъ, объясняла символъ вѣры, молитвы. Въ Кустанаѣ Тургайской области набралось свыше 10 т. русскихъ крестьянъ изъ разныхъ губерній, разныхъ сектъ, толковъ. Земли оказалось недостаточно, начались захваты, побоища. Церкви не было, кромѣ маленькой гарнизонной, вмѣщающей 40—50 чело-

вѣкъ; русско-киргизское двухклассное училище (въ 1887 г.) было устроено для киргизъ и не подходило для русскаго населенія. Среди этой хаотической массы сектанты имѣли свои собранія, поселившіеся татары торговцы, люди пропаганды, завели свое богомолье и ученье. Вотъ миссіонерская обстановка! На Алтаѣ, говоритъ Николай Ивановичъ, русскую колонизацію не слѣдуетъ допускать въ мѣста, занятыя крещеными инородцами; русскіе поселки выдвигать въ видѣ казачьихъ постовъ ближе къ китайской границѣ, чтобы защитить мѣстность отъ пропаганды ислама и буддизма, во всякомъ случаѣ въ согласіи съ пользами Алтайской миссіи.

Желаніе поголовнаго крещенія язычниковъ Алтая есть вопль наболѣвшей души, есть лишь благочестивое благопожеланіе. Алтайская миссія со времени ея приснопамятнаго основателя основательно просвѣтила и устроила большинство инородцевъ, создала дѣло и нашла людей. Преосвященный Макарій, по окончаніи семинарскаго курса, поступилъ въ миссію послушникомъ и, наслушавшись живыхъ разсказовъ о подвигахъ Макарія старшаго, много потрудился для миссіи, бывъ въ Казани, заимствовалъ святогурьевскую систему, завязалъ связи съ Казанью, и не Балкашину его учить.

Записка Балкашина о киргизской миссіи заключаетъ много ошибокъ и нелѣпостей. Балкашинъ утверждаетъ, что мусульманскія и христіанскія вѣрованія общи, что мусульмане чтутъ Библію и Евангеліе, забывая, что они чтутъ не то, что мы, а воображаемыя написанныя на небесахъ книги, (ниспосланныя Моисею — Таурать (Тора), Давиду Псалтирь, Іисусу—Евангеліе, Магомету Коранъ. А Балкашинъ совѣтуетъ миссіонерамъ указывать на эту „общность вѣрованій“. Ставить Спасителя въ хвостѣ Магомета противно, грѣшно, безумно. Еще хуже его совѣты объ Уральскѣ, какъ пунктѣ для киргизской миссіи. Здѣсь казаки—раскольники, а киргизы Уральской области сильно отатарены. Другое мѣсто Буконь: здѣсь казаки православные, къ церкви усердные, и сами предрасполагаютъ киргизовъ къ крещенію. Киргизы здѣсь менѣе заражены магометанствомъ. Киргизская миссія здѣсь въ 1887 г.

трудится въ Букопьской школѣ, дѣльно и складно перевела на киргизскій языкъ 2 книжки, нѣсколько киргизятъ послала въ Бійскую центральную школу, все шире и основательнѣе устраиваетъ свое дѣло. Книга Балкашина не основательна и оскорбительна для Алтайской миссіи. Она съ тономъ убѣжденія позволяетъ себѣ передавать о магометанскихъ святыняхъ и сообщаетъ русскому народу татарско-магометанскіе вымыслы, какъ непреложную истину.

Балкашинъ особенно выдвигаетъ русскихъ татаръ, желая видѣть ихъ на восточныхъ и южныхъ границахъ, какъ „лучшихъ, способнѣйшихъ и усердпѣйшихъ охранителей интересовъ и неприкосновенности Россіи," „за исключеніемъ развѣ той поры, когда появится чудесный мусульманскій Магди", Но Магди есть проявленіе мусульманскаго духа, его олицетвореніе; панъисламизмъ уже появился, онъ проповѣдуется и въ Турціи и у насъ. Этимъ шутить нельзя. Между тѣмъ Балкашинъ ходатайствуетъ даже освободить татаръ отъ воинской повинности, сильно сглаживающей инородческія особенности. Какъ бы хорошо было, заключаетъ Николай Ивановичъ, если бы подъ книгой подписался, напримѣръ, Гаспринскій, или Девлеткильдѣевъ или Ахунъ Баязитовъ. Я грѣшу, что эта книга сооружена общими силами подъ сѣнію Restaurant Tartare, при чемъ русскій, ради превратной учености, интеллигентнаго безпристрастія и свойственной намъ русскимъ, любезности, почти только водилъ веромъ.

Дѣйствительно грустно подумать, какъ мало у насъ, русскихъ, и національнаго самосознанія, и религіозной ревности. Былъ при извѣстномъ В. А. Перовскомъ генералъ Балкашинъ сначала уфимскимъ губернаторомъ, потомъ командиромъ башкирскаго войска. Что онъ сдѣлалъ? Въ Оренбургѣ воздвигъ караванъ-сарай, устроилъ зданіе для башкирскаго управленія, истинно художественное и въ восточномъ вкусѣ, съ великолѣпнымъ минаретомъ и мечетью. Вотъ ужъ именно азіатско-мусульманскій дѣятель! А тутъ другой Балкашинъ воздвигаетъ татарство охранителями неприкосновенности Россіи и увѣряетъ въ „общности мусульманскихъ и христіанскихъ вѣрованій".

Вотъ та картина, которая изображена Николаемъ Ивановичемъ съ его письмахъ къ К. П. Побѣдоносцеву о магометанствѣ въ Россіи и борьбѣ съ нимъ, картина грустная, тяжелая для искренняго русскаго сердца, наводящая на рядъ размышленій о судьбѣ Россіи въ виду панъисламской пропаганды, „этого чуднаго мусульманскаго Магди“ въ европейскомъ вооруженіи. Этому не мало способствовала бывшая Уфимская, потомъ переведенная въ Оренбургъ и наконецъ упраздненная татарская учительская школа, разсадница интеллигентнаго магометанства. Тоже дѣлаютъ теперь Казанская и Симферопольская тат. учительскія школы, такъ не любимыя Н. И. Ильминскимъ, признававшимъ ихъ положительно вредными.

Миссіонерское дѣло по-прежнему остается для Николая Ивановича душевнымъ дѣламъ. Онъ восхищается преосвященнымъ Владимиромъ, какъ отличнымъ и талантливымъ миссіонеромъ на Алтаѣ; но еще болѣе радъ поставленію (въ 1884 г.) томскимъ викаріемъ и начальникомъ Алтайкой миссіи стараго знакомца по 1868—9 годамъ маленькаго, худенькаго Макарія, „человѣка добрѣйшаго, кроткаго, истиннаго ангела и пресимпатичнѣйшаго“, знатока алтайскаго языка. Дѣйствительно новый начальникъ былъ уже опытный миссіонеръ. По окончаніи въ 1854 г., курса въ Тобольской духов. семинаріи, онъ по влеченію сердца поступилъ на Алтайскую миссію „на свѣжіе слѣды великаго Макарія“, основателя миссіи, потомъ лѣтъ 18 работалъ подъ управленіемъ преосвященнаго Владимира, имѣя предъ глазами два образца, да руководство М. В. Чевалкова, замѣчательнаго миссіонера, обращеннаго основателемъ миссіи изъ язычества и воспитаннаго въ христіан. духѣ. Въ 1886 г. Николай Ивановичъ узналъ о появленіи въ 1885 г. гегеня на Чуйско-китайской границѣ и боится за Алтай, куда станутъ жаловать буддійскіе губилганы и гегени, и съ Алтаемъ повторятся наши приволжскія отпаденія. Гегень завелъ пропаганду въ 40 верстахъ отъ Кошагача (Кошъ—Агашъ), и Н. И. хлопочетъ объ открытіи миссіонерскаго здѣсь стана, выборѣ опытнаго миссіонера съ умными и усердными помощниками изъ алтайцевъ-катихизаторовъ и учителей, даже пря-

мо указываетъ на опытнаго почетнаго старца М. В. Чевалкова временно, на годъ или на два, чтобы положить твердое основаніе дѣятельности миссіонера въ стану; хотя и признаетъ, что о. Чевалковъ нуженъ въ Чулышманѣ, какъ миссіонеръ-цѣлитель. „Нужно вступиться и ополчиться“, пишетъ онъ и хлопочетъ, чтобы „отличныя дарованія, горячая ревность по вѣрѣ Христовой и благоуспѣшная дѣятельность М. Чевалкова“ была отмѣчена пожалованіемъ ему золотого наперснаго креста.

Не успокоившись на этомъ, Николай Ивановичъ воспользовался приглашеніемъ степного генералъ-губернатора Г. А. Колпаковскаго, въ бытность въ Петербургѣ, указалъ ему о покушеніи монгольскаго гегеня устроить кумирню на южной окраинѣ Алтая. Генералъ уже зналъ объ этомъ фанатикѣ-гегенѣ, который дѣлалъ свои попытки и со стороны Зайсанскаго поста; генералъ, сочувствуя миссіи, могъ-бы наблюдать и охранять окраину Алтая отъ буддійскихъ покушеній.

Не признавая возможнымъ поголовнаго крещенія алтайцевъ, считая необходимымъ защиту инородцевъ отъ русскихъ раскольниковъ переселенцевъ, злѣйшихъ враговъ православной церкви, И. И. хлопочетъ о точномъ примѣненіи на практикѣ „Правилъ объ устройствѣ внѣшняго быта новокрещенныхъ“. Даже 18 ноября 1891 г., наканунѣ, такъ сказать, смертнаго дня Николай Ивановичъ думаетъ о миломъ сердцу Алтаѣ, возмущается появившеюся здѣсь мусульманской пропагандой Абдула Измаиловича и хлопочетъ о недопущеніи мусульманъ въ глухіе алтайскіе закоулки.

Въ то время какъ эти мусульмане сами стараются дѣятельно пропагандировать, однако сами приходятъ въ волненіе отъ всякаго поступательнаго дѣйствія православной церкви. Напримѣръ, когда назначенъ былъ на 8 іюня 1885 г. съѣздъ въ Казани преосвященныхъ Казанскаго края, татары заговорили, что въ Казань собираются архіереи и митрополиты, даже самъ папа римскій толковать о Магометѣ. Николай Ивановичъ вообще боялся разныхъ съѣздовъ и шума, отказывался отъ всякаго рода командировокъ, могущихъ вызвать этотъ шумъ. Такъ, когда въ 1884 г. В. П. Шемякинъ поднялъ вопросъ о миссіонерскошкольнымъ съ-

ѣздѣ въ Казани, составилъ по сему записку, Николай Ивановичъ прямо сказалъ: „Я боюсь и съѣзда въ Казани и желаемой отъ меня записки. Если обратиться къ Слову Божію, мы въ немъ читаемъ: „аще не Господь созиждетъ домъ, всуе трудишася зиждущіи.“ Если обратиться къ человѣческой мудрости, она гласитъ какой порядокъ ни затѣй, въ рукахъ безтолковыхъ людей не принесетъ онъ пользы. Не вѣрю я въ регламенты и параграфы, особенно, когда дѣло касается такого живого, духовнаго, неуловимаго предмета, какъ образованіе народное и особенно инородческое... Но если въ предѣлахъ человѣческой власти и умѣлости и могутъ иные задумывать и составлять основательные и прочные планы, то я не имѣю въ этомъ отношеніи ни умѣнья, ни храбрости.“ Передавъ далѣе, какъ въ 1869 г. Кауфманъ всячески старался вызвать его на годъ въ Туркестанъ для ознакомленія съ мѣстными условіями и составленія проекта народнаго образованія въ край, „я, говоритъ, Николай Ивановичъ, наотрѣзъ отказался, потому что перепугался и написалъ покойному Кауфману слезовое и самоуничижительное письмо на тему: имѣй мя отреченна. Эту тему я и теперь совершенно искренно и добросовѣстно повторяю. Казанская Учительская Семинарія дѣйствительно достигла нѣкоторыхъ прочныхъ и существенныхъ результатовъ; но я тутъ ни при чемъ. Богъ послалъ видно на счастье сиротамъ инородцамъ Казанскаго края преподавателей семинаріи честныхъ, умныхъ, дѣльныхъ и не формалистовъ, которые исполняютъ свое дѣло не за страхъ, а за совѣсть и не по статьямъ инструкціи, а по реальной и живой дѣйствительности. Не скажу, чтобы я былъ совершенно лишній и безполезный здѣсь. Я какимъ то инстинктивнымъ или непосредственнымъ чутьемъ чую и различаю хорошее, но не имѣю да и не пытаюсь формулировать его въ точныхъ и категорическихъ опредѣленіяхъ, изъ какихъ строятся всѣ положенія инструкціи. Какой нибудь рѣчистый и самонадѣянный спорщикъ обратитъ меня въ пухъ и прахъ; въ собраніи даже знакомыхъ и близкихъ людей, а тѣмъ болѣе чужихъ и пріѣзжихъ я положительно теряюсь и не могу сказать двухъ словъ. Противорѣчіе окончательно разстраиваетъ

меня, я теряю хладнокровіе и способенъ наговорить дерзостей или долженъ молчать. Какой же тутъ съѣздъ, если я на немъ долженъ быть чуть не главнымъ лицомъ—разъяснителемъ и руководителемъ? И пусть В. И. Шемякинъ не огорчается моимъ отказомъ осуществить его блестящую идею. Я, напротивъ, опасаюсь, зная свою неуклюжую натуру, что могу осуществить французскую поговорку: отъ великаго до смѣшного одинъ только шагъ. Итакъ.. „имѣй мя отречена.“

Но Николай Ивановичъ признавалъ большую пользу учительскихъ съѣздовъ, и въ его семинаріи, крещено татарской школѣ эти съѣзды учителей-миссіонеровъ происходили постоянно: онъ готовъ былъ ѣхать куда угодно, когда сознавалъ пользу отъ этихъ поѣздкахъ. Такъ въ 1884 году онъ ѣздилъ въ Уфу къ преосвященному Діонисію, который усердно звалъ его потолковать о новыхъ для владыки дѣлахъ и обстоятельствахъ Уфимской епархіи. Николай Ивановичъ былъ знакомъ съ владыкой Діанисіемъ съ 1857 г., когда тотъ проѣзжалъ изъ Якутска черезъ Казань въ Москву печатать Якутскіе переводы. Видя въ немъ человѣка почтеннаго, талантливаго, симпантичнаго, соединяя его личность съ образомъ незабвеннаго Иннокентія, миссіонера всероссійскаго, Николай Ивановичъ согласился, „съ удовольствіемъ провести съ нимъ недѣлю, другую“. Совсѣмъ другое дѣло съѣзды, какъ осуществленіе „блестящихъ идей“, съ членами „рѣчистыми, самонадѣянными, горячими и нетерпѣливыми“, готовыми ради лишь своихъ теоретическихъ соображеній и разныхъ помысловъ топтать въ грязь то, на чемъ зиждется система, напримѣръ, требовать, чтобы въ инород. школѣ всѣ и всегда только и старались, что о русскомъ языкѣ, который житель инородческой глуши все равно забудетъ, но не забудетъ принудительности его изученія, или требовать уничтоженія инород. чтенія, какъ будто дѣтямъ не слѣдуетъ читать инород. религіозныхъ книгъ для семьи и въ храмѣ, къ чему такъ стремится система, и т. п. Нужно сознаться, самъ Николай Ивановичъ, предвидя горькое будущее, уже думалъ, что можетъ осуществиться то, чего онъ такъ опасался при жизни и врагъ будетъ колебать его зданіе.

Ведя дѣятельную борьбу съ теченіями, противными миссіонерству, Николай Ивановичъ всѣми силами старается помочь инородцамъ въ дѣлѣ просвѣщенія Онъ пріютилъ у себя въ семинаріи крещенаго чувашина Никифора Охотникова, бывшаго учителя, добившагося поступленія въ университетъ, и старается ввести его въ миссіонерскіе интересы (1889 г.). Онъ хлопочетъ о крещеніи 2 своихъ учениковъ черемисина Миклая и вотяка Аймаша, не смотря на запретъ со стороны матерей. Онъ радуется назначенію преосвященнаго Макарія на Томскую каѳедру, за его 36 лѣтніе миссіонерскіе труды, за его поученія тысячной толпѣ инородцевъ, которые внимательно, съ благоговѣніемъ и слезами слушали его слова *„эти рѣки воды живы“, которыя истекутъ изъ чрева не ученаго книжника, а искренно вѣрующаго.* Его радуетъ, что крещеные татары втягиваются въ христіанство, что въ д. Верхнемъ Маплакѣ крещ татаринъ пожертвовалъ срубы и мѣсто для школы; что одинъ священникъ изъ крещеныхъ татаръ повѣнчалъ за годъ 40 браковъ, бывшихъ до того неблагословенными; что ко встрѣчѣ иконы Смоленской Божіей Матери въ 1891 г. приходило въ Казань до 200 человѣкъ крещеныхъ татаръ. Всѣ эти радости однако омрачались разными гоненіями на миссіонерскія школы и инородческія книги, напримѣръ, въ Елабужскомъ уѣздѣ, въ другихъ мѣстахъ. Онъ груститъ, что Самарская губернія до сихъ поръ не представляетъ отпора татарской пропагандѣ, что владыка ея Серафимъ избѣгаетъ миссіонерскихъ школъ, а желаетъ благоустроенныхъ по формѣ, забывая, что Богъ и въ немощахъ проявляетъ свою силу. Грустью пропитано письмо его къ К. П. Побѣдоносцеву отъ 3 февраля 1891 г., что почти единственнымъ покровителемъ инородческаго просвѣщенія въ Симбирскѣ является владыка Варсонофій, самъ экзаменующій инородцевъ, ищущихъ священства, отвергающій послѣ тщательныхъ разслѣдованій клеветы, ябеды на инородческое духовенство и открыто признающійся Николаю Ивановичу (1884 г), что русское доховенство не любитъ инородцевъ духовныхъ („наши вашихъ не долюбливаютъ“). Но постоянныя горести не охлаждаютъ энергіи знаменитаго дѣятеля. Онъ продолжаетъ свое дѣло. Вотъ

учитель поселка Новая Казанка сообщаетъ ему (1890 г.), что здѣсь среди Букеевской орды живетъ по лѣтамъ до 200 русскихъ, а по зимамъ даже до 600 человѣкъ, но нѣтъ церкви, и православные умираютъ безъ покаянія, хоронятся безъ отпѣванія; дѣти не крестятся мѣсяца по три. Русскіе просятъ о церкви инспектора Катаринскаго, даже собираютъ деньги; но наша несообразительность и неисправность всюду даютъ себя знать. Наконецъ русскіе обратились съ просьбою къ астраханскому губернатору. Николай Ивановичъ и тутъ является на помощь и ходатайствуетъ о пособіи на постройку храма и на содержаніе причта, намѣчая кандидата въ священники. Въ храмѣ нуждался и другой поселокъ: Таловка.

Такія хлопоты нужны были тогда, когда въ поселкѣ съ 2 т. населенія было уже нѣсколько мечетей и строилась новая. И въ 1891 г. Николай Ивановичъ получаетъ извѣстіе, что „въ Казанкѣ теперь строится храмъ". Нужно только удивляться, какъ это въ Букеевской ордѣ, находящейся въ Астраханской губерніи и окруженной русскими поселеніями, до послѣдняго времени не учреждена миссія. Орда пришла сюда шаманствующей, и если высшее сословіе кочевниковъ исповѣдовало исламъ, то простолюдины знали магометанство менѣе всего, и хану Джангеру приходилось даже въ своей столицѣ, Ханской Ставкѣ, употреблять русскихъ казаковъ, чтобы загонять киргизовъ въ ставочную мечеть. Русскіе и не подумали привлечь кочевниковъ къ христіанству. Между тѣмъ магометанство, въ лицѣ казанскихъ муллъ, татаръ-торговцевъ, поселившихся въ Казанкѣ, Таловкѣ, Ставкѣ и всюду по степи, сдѣлало свое дѣло: теперь мусульманская культура господствуетъ въ степи, и кочевники путешествуютъ въ Мекку. Даже до 1895 г. не было при единственной въ степи ставочной маленькой церкви приходской школы, и русскіе жители Ставки учились вмѣстѣ съ киргизятами. Дѣло о постройкѣ церкви въ Новой Казанкѣ, основанной казанскими татарами, поднимаетъ кто же? ученикъ семинаріи Ильминскаго, учитель Пирожковъ; подобно этому въ другомъ углу Киргизской степи, въ Кустанаѣ учителемъ, потомъ священникомъ явился его же воспитанникъ

Соколовъ (выпуска 1883 г.), явившійся и пастыремъ разбросаннаго по ауламъ громаднаго русскаго населенія.

Но не однѣ киргизскія степи, не одинъ Алтай служили предметомъ попеченія Николая Ивановича. По мысли его шли дальше на востокъ, и онъ заботился о миссіи Иркутской, Забайкальской и даже Камчатской. Признавая въ священномъ огнѣ миссіонерства особую благодатную силу, онъ видѣлъ два свѣточа, два священныхъ огня: въ Иннокентіи и Макаріи Глухаревѣ. «Иннокентій—самородный, сильный умъ; онъ дѣйствовалъ преимущественно катихизической проповѣдью и инородческими переводами. Макарій архимандритъ имѣлъ мистическій оттѣнокъ, старался возбудить духъ христіанскій и благодатный въ инородцахъ, хотя онъ не отрицалъ, а даже признавалъ пользу мѣстныхъ языковъ. Настоящіе дѣятели Алтайской миссіи приняли это преемство силы отъ ея приснопамятнаго основателя. Съ Алтая преосвященный Парфеній перенесъ въ Иркутскъ внѣшнее устройство миссіи и нѣкоторую долю алтайскаго миссіонерскаго духа, чѣмъ доселѣ держатся Забайкальская и Иркутская миссіи Иркутской епархіи. Японскій миссіонеръ, преосвященный Николай отъ Иннокентія принялъ миссіонерское наставленіе, особенно въ отношеніи мѣстнаго языка. Въ Камчатской епархіи миссіонерское дѣло начато тоже Иннокентіемъ, и есть тамъ переводы гольдскіе и корейскіе. Но послѣ Иннокентія его продолжатели не умѣли поставить переводное дѣло правильно и существенно». Какъ трудившійся въ Иркутскѣ (1886 г.) преосвященный Веніаминъ былъ лишенъ дара языковъ; такъ Благовѣщенскій епископъ Мартиніанъ, тоже казанецъ, не силенъ былъ въ филологіи, и у него какъ кто перевелъ, такъ и ладно. Преемникъ его Преосвященный Гурій однако взялся за дѣло энергично, и Николаю Ивановичу пришлось подавать свое мнѣніе (1886 г.) объ устройствѣ школьнаго дѣла въ миссіи Камчатской. Не соглашаясь съ предположеніемъ миссіонеровъ закрыть цѣлыхъ 8 училищъ въ пріамурскихъ мѣстностяхъ съ 179 учащимися обоего пола (по отчету за 1884 г.), чтобы открыть вмѣсто нихъ въ Хабаровскѣ одну общую для дѣтей всѣхъ національностей школу съ пансіономъ на 50 человѣкъ при 2 годич-

номъ курсѣ по программѣ церковно-приходскихъ школъ, Николай Ивановичъ удивляется, какъ можно рѣшиться собирать дѣтей разноплеменныхъ въ одну центральную школу на двухлѣтній курсъ, безъ всякой подготовки

Въ Хабаровскомъ училищѣ соберутся ученики полудикіе, своеобразные, плохо или совсѣмъ не понимающіе другъ друга, выхваченные изъ своихъ семей и доставленные въ школу. Одного уже этого принудительнаго разлученія дѣтей съ родными и родиной достаточно, чтобы возбудить общее неудовольствіе противъ этой школы со стороны дѣтей и всего инородческаго населенія, а это въ самомъ началѣ подорветъ просвѣтительное дѣйствіе задуманной школы.

Въ миссіонерскихъ школахъ долженъ быть родной языкъ въ преподаваніи, учебникахъ и богослуженіи. Въ Хабаровской школѣ едва-ли будетъ дано мѣсто роднымъ языкамъ всѣхъ ея питомцевъ. На какомъ языкѣ дѣти будутъ имѣть возможность практически обучаться церковному чтенію и пѣнію въ церкви? Очевидно, на русскомъ, потому что нельзя же сразу читать и пѣть на трехъ инородческихъ языкахъ. Въ школѣ предположенъ завѣдующій начальникъ миссіи и 2 учителя-священника на правахъ миссіонеровъ. Но должны ли знать они языки своихъ учениковъ? Если каждый будетъ знать по-одному, то начальникъ миссіи долженъ будетъ взять на себя обязанности учителя и воспитателя, которыя парализуютъ его дѣятельность по руководству миссіонерами. Въ концѣ концовъ вся эта затѣя сведется къ преподаванію на русскомъ языкѣ, при богослуженіи на языкѣ церковнославянскомъ.

Школы же въ селеніяхъ и становищахъ инородческихъ имѣютъ еще то преимущество, что онѣ на глазахъ у инород. населенія, дѣти живутъ въ семьяхъ, и если каждый день и мало пріобрѣтаютъ въ школѣ, то, во-первыхъ, усваиваютъ это съ охотой и усердіемъ, во-вторыхъ, сейчасъ же могутъ передавать своимъ родичамъ. Особенно *чтеніе священныхъ повѣствованій и пѣніе молитвъ* производитъ благотворное впечатлѣніе на инородцевъ. *Это миссіонерское средство болѣе дѣйствительно, чѣмъ*

собесѣдованія миссіонеровъ съ инородцами. По словамъ преосвященнаго Камчатской епархіи, пріамурскіе инородцы болѣе упорно держатся традицій своей національности, чѣмъ буряты. Тогда зачѣмъ отрывать ихъ дѣтей, зачѣмъ вступать въ борьбу съ этой привязанностью къ родному? Христіанское ученіе и богослуженіе для нихъ болѣе симпатичны, если не затрагиваютъ прямо бытовой стороны. За то они внутренно просвѣщаютъ, облагораживаютъ и укрѣпляютъ человѣка въ его умѣ и сердцѣ. Николай Ивановичъ проситъ удержать прежде-существовавшія миссіонерскія школы. Если онѣ плохи, то нужно улучшить ихъ въ смыслѣ Казанской системы.

Хабаровская же школа тогда будетъ высшей ступенью на подобіе Казанской Центр. Крещенотатарской школы, съ обученіемъ прямо по-русски. Ученики поступаютъ сюда добровольно, преимущественно даровитые и христіански настроенные. Программу здѣсь нужно принять церковно-приход. школъ, но съ 3 или 4 лѣтнимъ курсомъ, чтобы дѣти изучали все постепенно, упражнялись въ чтеніи христ. книгъ на родномъ языкѣ и переложеніи прочитаннаго; имѣли вакаціи, которыя они должны проводить дома, упражняясь здѣсь въ чтеніи и пѣніи инородцамъ свящ. разсказовъ и пѣснопѣній.

Что касается сѣтованія преосвященнаго, что въ камчатской миссіи никто изъ духовенства,' кромѣ Протодіаконовыхъ, не усвоилъ мѣстныхъ нарѣчій. Николай Ивановичъ объясняетъ это трудностью для русскихъ усвоить эти языки, которые не обработаны и не имѣютъ письменности, предполагая, что о.о. Протодіаконовы—якутскіе уроженцы, хорошо знакомые съ якутскимъ языкомъ, близкимъ къ гольдскому. Онъ совѣтуетъ пригласить въ миссіонеры изъ Забайкальской миссіи усердныхъ въ проповѣдничествѣ христіанъ-бурятъ, упражнявшихся въ переводахъ на бурятскій языкъ, сходный съ пріамур. нарѣчіями, а для корейцевъ избрать способныхъ быть катихизаторами изъ этого племени, въ родѣ корейскихъ учителей Степана Тима, Тимоѳея Цхэ, Николая Кима, авторовъ корейскихъ переводовъ по иниціативѣ священника Трусова, вызвавшихъ одобрительную аттестацію со сто-

роны Преосвященнаго Мартиніана. Правда, его преемникъ такъ изобразилъ переводческія качества этихъ корейцевъ: Тимъ, получившій образованіе въ Иркутской учит семинаріи, владѣетъ русскимъ языкомъ, но мало знаетъ по-китайски, Цхэ—едва объясняется по-русски, а Кимъ, хорошо зная по-китайски, ни слова не говоритъ по-русски. Кромѣ нихъ, въ переводахъ участвовалъ Михаилъ Шестаковъ, знакомый съ буддійскими книгами и корейскимъ языкомъ, выучившійся по-русски у семинаристовъ, у которыхъ онъ и усвоилъ истины вѣры и благочестія.

Николай Ивановичъ не согласенъ съ способомъ перевода религіозныхъ книгъ на книжный, а не на народный языкъ, хотя хорошо, что они переводили съ китайскаго, если послѣдній имѣетъ внутреннюю близость къ корейскому, какъ, напримѣръ, японскій. Только нужно переводы дѣлать не буквально, а сообразно со строемъ инород. языка.

Не слѣдуетъ также употреблять корейскаго алфавита, и приспособить къ этому русскій, въ цѣляхъ обрусѣнія и духов. возрожденія.

Казанская Перев. Коммиссія напечатала тунгузскій переводъ Евангелія, на гольдскомъ языкѣ—объясненіе главнѣйшихъ праздниковъ, Евангеліе отъ Матѳея, толковый молитвенникъ, букварь. Не имѣя для провѣрки переводовъ природныхъ гольдовъ, она печатала по рукописямъ, но сдѣлала послѣсловіе къ тунгузскому Евангелію и предисловіе къ гольдскому объясненію праздниковъ, въ которыхъ помѣстила разныя замѣчанія къ переводамъ и даже опытъ передѣлки перевода, по татарской конструкціи, чтобы знать мнѣніе туземныхъ грамотеевъ объ этихъ замѣчаніяхъ и передѣлкѣ. Это было въ 1881 г. Николай Ивановичъ и желалъ знать судьбу этихъ замѣчаній и перевода. Долго пришлось ожидать отвѣта. Наконецъ онъ въ 1890 г. написалъ Камчатскому преосвященному и объ этомъ и получилъ оффиціальный отвѣтъ: „Бывшимъ въ Охотскѣ священникомъ Кесаремъ Паргачевскимъ было прочитано Евангеліе, переведенное на тунгузскій языкъ, но мѣстные тунгусы очень плохо понимали а нѣкоторые и совсѣмъ не понимали читаннаго. Къ сему благочинный присовокупилъ, что

нарѣчія охотскихъ тунгусовъ настолько разнятся между собою, что, напримѣръ, тунгусы Охотскаго прихода съ тунгусами Тауйскаго прихода не могутъ свободно объясняться между собою".

А „самодѣльный" образчикъ не удостоился ни одного слова, хотя бы въ порицаніе. Это обстоятельство еще болѣе заставило Николая Ивановича воспользоваться 3 якутами студентами и подъ покровомъ Московской Академіи направить ихъ на вѣрную стезю переводческаго искусства, чтобы изъ нихъ вышли переводчики и руководители переводчиковъ на многочисленные языки и нарѣчія инородцевъ отдаленнаго востока.

Николай Ивановичъ интересовался даже алеутскими переводами, грамматикой, словаремъ описаніемъ Аляски. Когда въ 1873 г. въ Казань пріѣхалъ французскій ученый Пинаръ, на мѣстѣ изучившій языки чукчей, алеутовъ и колошей, а въ Казани позанявшійся мордовскимъ языкомъ. Николай Ивановичъ познакомился съ нимъ и отъ него узналъ, что Иннокентіевскіе переводы научны и понимаются свободно, и туземцы-старики вспоминаютъ имя Иннокентія съ любовью.

Въ заботахъ о процвѣтаніи миссіонерства на окраинахъ, Николай Ивановичъ былъ очень строгъ въ своихъ рекомендаціяхъ миссіонеровъ. Такъ, когда Преосвященный Гурій Камчатскій въ 1887 г. задумалъ взять въ священники на Командорскіе острова окончившаго курсъ Казанскаго миссіонерскаго пріюта Василія Ніодорова „хорошо рекомендованнаго", Николай Ивановичъ далъ К. П. Побѣдоносцеву откровенную характеристику. Ніодоровъ оказался урожденцемъ Пермской губерніи, башкиромъ или татариномъ, не кончившимъ курса въ Оренбургской тат. учительск. школѣ, пріѣхавшимъ въ Казань и 2 года учившимся въ миссіонерскомъ пріютѣ у Е. А. Малова, гдѣ и крестился. Воспріемникомъ его былъ Ніодоръ Александровичъ Износковъ. „Его нельзя похвалить, но какъ человѣкъ молодой (25 л.), а паче, какъ человѣкъ восточный, онъ отличается горячностью и нетерпѣливостью: метался въ разныя стороны — и въ учителя, и въ сватовство, и въ діаконы, но ни въ комъ, его лично знающемъ, не возбуждалъ къ себѣ довѣрія... Поэтому, я полагаю, что едва-

ли онъ будетъ на мѣстѣ на Командорскихъ островахъ въ качествѣ самостоятельнаго священника... Его крестный отецъ затруднился же дать ему мѣсто учителя; а о. Маловъ сегодня положительно мнѣ сказалъ, что Василій Иліодоровъ не можетъ быть еще самостоятельнымъ миссіонеромъ въ отдаленной мѣстности".

Николаю Ивановичу пришлось защищать миссіонерское дѣло даже отъ инославныхъ: петербургскаго пастора Дальтона и его „Offenes Sendschreiben." Здѣсь на 60 страницахъ пасторъ ратуетъ противъ русскаго миссіонерства, противъ приволжской миссіи, заявляя совершенно ложно, что христіанство между татарами впервые насаждено евангелической миссіей на Кавказѣ и на Волгѣ, и когда ее прекратили, тогда и начались отпаденія. Между тѣмъ евангелическая миссія Эдинбургскихъ и Базельскихъ миссіонеровъ не имѣла успѣха между татарами. Дальтонъ указываетъ на три книжки, изданныя въ Казани съ разрѣшенія петербургской цензуры: Tibjan ul metalib, Agidei menzume, и Die Gabe der Könige. *), какъ на доказательство, что правительственная цензура плохо смотритъ, и въ Малой Азіи и Константинополѣ можно купить татарскія книги фанатичнаго и враждебнаго христіанству содержанія, даже называющія султана падишахомъ, напечатанныя въ Россіи съ разрѣшенія цензуры. Открытое письмо Дальтона распространено было въ Остзейскомъ краѣ и даже уже есть отвѣтъ на него. Послѣдній опровергаетъ Дальтона очень хорошо: только авторъ не обратилъ вниманія на невѣрности въ переводѣ и вставки, за которыя однако въ отвѣтѣ поставленъ упрекъ цензору. Послѣдняго и беретъ подъ свою защиту Николай Ивановичъ, особенно послѣ запроса со стороны Департамента духов. дѣлъ иностр. исповѣданій о трехъ татарскихъ книжкахъ, упомянутыхъ Дальтономъ.

Опровергая возможность существованія татарскихъ книжекъ въ Турціи, ибо онѣ не понравятся изысканному вкусу османлисовъ; развѣ только случайно чрезъ татарскихъ пилигримовъ могло попасть нѣсколько книжекъ, и случайное явленіе обращено Дальтономъ въ нормальный фактъ.

*) Или Tuchfet ul muluk' (Даръ Царей).

Книжка „Tibjan ul metalib, одобренная къ печатанію въ 1883 году, по Дальтону, предлагается ученикамъ медресе и въ числѣ ихъ крещенымъ татарамъ. Но это не учебникъ, а крещеные татары въ медресе не учатся и имѣютъ свои христіанскія книги. Книжка эта турецкаго происхожденія и излагаетъ совѣты, какъ исправить міръ, чтобы всѣ неурядицы успокоились. Для этого нужно уничтожить ворожецовъ, сказочниковъ, кофейни, прогулку женщинъ по базарамъ, не хотящихъ ходить въ мечети, а идущихъ въ лавки, пивныя, продажу щербетовъ, нечестивцевъ, одѣвающихъ юношей въ шелковыя одежды. Нужно поощрять исполненіе магомет. обрядовъ, учиться религіи по книгамъ и со словъ, а не по-передски для образованности, или арабской грамматикѣ, логикѣ, словесности. Авторъ книги вооружается противъ кофе и табаку; султана естественно называетъ падишахомъ.

Въ книгѣ: „Agidei menzume", катихизисѣ въ стихахъ, по Дальтону, указана война за вѣру съ врагами. Но эти враги: 1) кяфиръ, 2) плоть, 3) діаволъ, но о священ. войнѣ не говорится.

Въ книгѣ „Tuchfet ul mutuk." *) изложенъ шаріатъ въ 10 главахъ, гдѣ и говорится о священной войнѣ. Но это встрѣчается и въ классическихъ руководствахъ по шаріату, напр., въ Мухтасаръ-Уль-Викаетъ изд. 1879 г. стр. 173; оно находится въ самомъ коранѣ, какъ ни стараются цивилизованные мусульмане скрыть или прикрасить это. Поэтому фанатическія выходки въ упомянутыхъ трехъ книжкахъ не представляютъ ничего особеннаго. Но Николай Ивановичъ совѣтуетъ оградить цензуру отъ назойливыхъ мусульманскихъ издателей особой инструкціей, въ которой бы указывалось, какія статьи, книги, главы, мысли нельзя печатать на татарскомъ и турец. языкахъ для русскихъ мусульманъ, напр., объ обязанности священной войны, воздаваніи равнымъ за равное, наименованіи султана падишахомъ. „Подобныя мѣста въ книгахъ могутъ быть указываемы довѣрчивымъ татарамъ-простолюдинамъ и смущать ихъ магометанскую совѣсть".

*) Это „Даръ Царей (Die Gabe der Könige).

Это было въ 1889 г., а въ 1890 г. напечатана статья Николая Ивановича: „Образецъ полемики пастора Дальтона“ Казань, 1890 г.

Одновременно съ такою обширною миссіонерскою перепиской Николай Ивановичъ стоялъ во главѣ обширнаго дѣла Казанской Переводческой Коммиссіи, какъ ея основатель и предсѣдатель Основанная при Братствѣ Св. Гурія для потребностей Казанской епархіи по Высочайше утвержденнымъ правиламъ 18 марта 1868 г., она превратилась по иниціативѣ покойнаго московскаго митрополита Иннокентія въ Коммиссію Православ. Миссіонер. Общества. Теперь естественно, что положеніе 1-й статьи Правилъ 1868 г. о томъ, чтобы Коммиссія печатала книги на языкахъ Казанскаго края, кромѣ мордовскаго, потеряло фактически силу. Общество предлагало печатать переводы гольдскіе, тунгузскіе, остякскіе. Да и мордва въ Тамбовской и Пензенской губерніяхъ далеко не усвоила русскую рѣчь, какъ это видно изъ отношенія Попечителя Харьков. Учеб Округа (отъ 1 ноября 1889 г. № 7444) Переводческой Коммиссіи пришлось печатать для школъ букварн. словари, грамматики и т. п для миссіонеровъ. Миссіонерское общество постоянно одобряло эту дѣятельность, считая, что „Переводческая Коммиссія оказываетъ весьма важную услугу развитію миссіонерскаго дѣла въ Россіи“. Поэтому Николай Ивановичъ и хлопоталъ о разрѣшеніи на расширеніе дѣятельности Коммиссіи въ подробномъ докладѣ онъ указалъ о задачахъ Переводческой Коммиссіи по Правиламъ 18 марта 1868 г., которыми дозволялось подъ цензурою Совѣта издавать православно-вѣроучительныя и религіозно—нравственныя книги на нарѣчіяхъ Казанскаго края, кромѣ мордовскаго. Переводъ обыкновенно разсматривался въ особой коммиссіи, состоявшей изъ Н. Н. Ильинскаго, П. П. Золотницкаго и Е. А. Малова Впослѣдствіи вмѣсто Золотницкаго вошелъ П. Я. Яковлевъ. Отъ переводовъ требовалось согласованіе съ православнымъ ученіемъ, возможная близость къ тексту, общедоступность и такое изложеніе, чтобы оно возбуждало въ инородцѣ чувства благоговѣйныя и назидательныя. Коммиссія для провѣрки переводовъ приглашала природныхъ ино-

родцевъ или сама отправлялась съ переводомъ въ центры инород. поселенія. Рукопись перевода подписывалась братчикомъ—спеціалистомъ и предсѣдателемъ совѣта: съ разрѣшенія послѣдняго и выпускалась книга изъ типографіи.

Митрополитъ Иннокентій познакомился съ казанскими переводами еще въ 1857 году, въ 1858 г. и наконецъ въ 1868 г., оказавъ полное вниманіе, радушіе и родственную ласку Николаю Ивановичу. Сдѣлавшись митрополитомъ, онъ реорганизовалъ Миссіонерское Общество по новому составу 1870 г. и открылъ его въ Москвѣ подъ своимъ предсѣдательствомъ. Митрополитъ не нашелъ возможность устроить въ столицѣ Переводческую Коммиссію. Вспомнилъ владыка о казанскихъ переводчикахъ. Въ іюлѣ 1875 г. и было предложено братству взять на себя обязанность Общества „озаботиться систематическимъ, послѣдовательнымъ переводомъ и печатаніемъ священныхъ, богослужебныхъ и другихъ христіанскихъ книгъ на инородческихъ языкахъ". Чрезъ протоіерея А О. Ключарева (теперь архіепископа Амвросія) назначалось предсѣдателю и руководителямъ Коммиссіи и переводчикамъ даже примѣрное вознагражденіе. Предсѣдательство возлагалось на Николая Ивановича. На Коммиссію отпускалось ежегодно по 4000 р. и для руководства, въ цѣляхъ ускоренія дѣла, приняты были Правила 18 марта 1868 г. Въ составъ Коммиссіи вошли Г. С. Саблуковъ и В. В. Миротворцевъ. Братство приняло предложенія Общества, и Коммиссія стала печатать сибирскіе переводы, равно и переводы мордовскіе.

Вотъ эта то расширенная дѣятельность Коммиссіи, не входящая по формѣ въ рамки Правилъ 1868 г., и нашла—себѣ противника въ 1889 г. въ лицѣ преосвященнаго викарія Казанскаго Сергія, предсѣдателя братскаго Совѣта. Онъ въ своей рѣчи на общемъ собраніи Братства 3 декабря 1889 г о покойномъ П. Д. Шестаковѣ ясно намекнулъ на недозволительность и неправильность изданій Коммиссіи. Кромѣ того, онъ сталъ домогаться преобразованія братскихъ школъ миссіонерскаго направленія, чтобы ослабить въ нихъ употребленіе инород. языковъ и ввести русскій языкъ. Такія обстоятельства и заставили Николая

Ивановича хлопотать о расширеніи правилъ Коммиссіи, что и нашло удовлетвореніе.

Поддерживаемый казанскимъ архіепископомъ Павломъ, Николай Ивановичъ продолжалъ расширять дѣло Коммиссіи изданіемъ статей религіозно-нравственнаго содержанія. Къ сожалѣнію, издательскія силы Коммиссіи были ограничены, и Николай Ивановичъ горько жаловался на множество работы. „Теперь я, напримѣръ, веду 4 изданія и читаю корректуры или всѣ или послѣднюю: сочиненіе покойнаго Г. С. Саблукова съ арабскими текстами (тутъ мнѣ помогаетъ Воскресенскій), Требникъ на якутскомъ языкѣ; служебникъ и книжицу на татар. языкѣ корректируетъ о. Василій, но я прочитываю послѣднюю корректуру: теперь печатаю статью о переводахъ 1803 г. А затѣмъ начали печатать богослужебные переводы чувашскіе; пойдутъ переводы алтайскіе“, писалъ Николай Ивановичъ въ 1883 г., прося себѣ свѣжаго и дѣльнаго сотрудника А. В. Воскресенскаго въ качествѣ законоучителя крещенотатар. школы, и, въ виду синодальнаго указа 15 января 1883 г о предоставленіи епархіальнымъ архіереямъ права разрѣшать богослуженіе на инород. языкахъ, предвидѣлъ впереди еще больше переводной и издательской работы.

Упомянутый нами указъ Синода былъ новымъ шагомъ въ дѣлѣ христіанскаго просвѣщенія инородцевъ и всецѣло обязанъ трудамъ Оберъ-Прокурора К. П. Побѣдоносцева. Николай Ивановичъ задумалъ послѣдовательное историческое изложеніе хода инородческихъ переводовъ и подготовленія къ открытію богослуженія на инородческихъ языкахъ, особенно въ виду того, что Предсѣдатель Прав. М. Общества былъ новый человѣкъ—владыка Іоанникій; да и настоятели инородческихъ приходовъ будутъ тогда имѣть ясное понятіе о поводахъ, цѣли, средствахъ и образѣ исполненія богослуженія на инор. языкахъ. Дѣйствительно въ 1883 г. появилась статья „О церковномъ богослуженіи на инор. языкахъ.“ Но эта статья однако мало убѣдила русское духовенство. Послѣднее воздвигло и на богослуженіе и на инородческое ученіе вражду и брань съ разныхъ сторонъ. Этимъ

инородческимъ просвѣщеніемъ дѣлаютъ будто бы помѣху русскому населенію и русскому богослуженію, забывая что не такъ давно чуваши, напримѣръ, язычествовали или уходили въ магометанство. Русское духовенство недовольно было тѣмъ, что отъ него уходили мѣста въ инородческихъ приходахъ для простецовъ, не знающихъ орографіи, но сильныхъ словомъ и духомъ. Инородческіе переводы находятъ не нужными и даже вредными для государственнаго единства, прицѣпляясь къ ошибкамъ, часто воображаемымъ, мнимымъ. „Такъ какъ переводы составляютъ мою обязанность, мою миссію, то я старался на всѣ по возможности возраженія отвѣчать. Ничто-же успѣваетъ, но паче молва бываетъ. Я и огрызаюсь и верчусь на всѣ стороны: но у меня разладилась голова: чуть что непріятно или враждебно коснется моей миссіи, то сейчасъ бросается въ голову, а иногда мнѣ приходитъ въ голову, что я могу имѣть неожиданно конецъ... Вотъ Вы и защитите бѣдныхъ, чуть начавшихъ становиться на ноги и видѣть свѣтъ Христовъ инородцевъ!“ взываетъ Николай Ивановичъ къ своему покровителю. Теперь, пришедши на западъ жизни, боясь за дальнѣйшую судьбу своего дѣла, онъ старается отдѣльными статьями излагать свои мысли. „Изъ переписки по вопросу о примѣненіи русскаго алфавита,“ „Къ исторіи инородческихъ переводовъ,“ „Изъ переписки объ удостоеніи инородцевъ священнослужительскихъ должностей,“ „Опыты переложенія христіанскихъ вѣроучительныхъ книгъ на татарскій и другіе инородческіе языки въ началѣ текущаго столѣтія,“ „Переписка о чувашскихъ изданіяхъ переводческой коммиссіи“ и тому подобныя брошюры дѣйствительно наглядно убѣждаютъ безпристрастнаго читателя въ очевидной полезности миссіи этого беззавѣтнаго труженика на нивѣ инородческаго просвѣщенія. Особенно интересно историческое изслѣдованіе о переводахъ 1803 г. Оказывается, что переводы были вызваны Высочайшимъ повелѣніемъ 1802 г. по случаю отпаденія татаръ Нижегородской губерніи: велѣно было перевести символъ вѣры, десятословіе, катихизисъ на языки корельскій, финскій, татарскій, чувашскій, черемисскій, вотяцкій, мордовскій, и эти переводы, кромѣ корельскаго и вотяцкаго, на-

печатаны были въ Московской синод. типографіи: присланы они были архіепископомъ Казанскимъ Серапіономъ. Кромѣ того, тутъ участвовали преосвященные Амвросій Петербургскій, Павелъ Тверской, Амвросій Вятскій, Симонъ Рязанскій, Ософилъ Тамбовскій и Тобольская консисторія. Катихизисъ былъ переведенъ въ сокращеніи по тексту „Пространнаго катихизиса" изд. въ царствованіе императрицы Екатерины II. Чрезъ посредство своего покровителя Николай Ивановичъ пользовался архивомъ Св. Синода, откуда получалъ не только дѣло о переводахъ, но и экземпляры инородческихъ изданій Синода и Библейскаго общества 1800, 1803 и 1808 годовъ. Въ числѣ нихъ были даже переводы новаго завѣта на турецкій яз. армянскими буквами, на калмыцкій, монгольскій, персидскій, богослужебныя книги на якутскомъ и черемисскомъ языкахъ, катихизисъ на чувашскомъ языкѣ Особенно интересовалъ Николая Ивановича переводъ литургіи на зырянскій языкъ. Онъ сошелся въ Казани съ чиновникомъ Поповымъ, природнымъ зырянином, и вмѣстѣ съ П. Д. Шестаковымъ, написавшимъ сочиненіе о пермскомъ первосвятителѣ, реставрировалъ отрывки литургіи на зырянскомъ языкѣ (напечатанные весьма искаженно въ дневникѣ Лепехина), пользуясь переводомъ литургіи въ рукописномъ сборникѣ Румянцевскаго музея. Далѣе Николай Ивановичъ завелъ переписку съ авторомъ обширныхъ трудовъ по христіанскому просвѣщенію зырянъ Лыткинымъ, переведшимъ Евангеліе и литургію, и замѣченные въ переводахъ русицизмы послѣдній объяснилъ нашему дѣятелю вліяніемъ цензорскихъ требованій.

Познакомившись въ 1878 г. съ ученымъ финляндцемъ Аминовымъ, пріѣхавшимъ изучать языкъ вотяковъ, Николай Ивановичъ изумилъ финна своими инород. переводами: тогда какъ переводы богослужеб. книгъ на финскій языкъ у него на родинѣ не употребляются, а богослуженіе для православныхъ финновъ совершается на славянскомъ языкѣ. Николай Ивановичъ начинаетъ проводить предъ своимъ высокимъ покровителемъ мысль о необходимости введенія для финновъ богослуженія на финскомъ языкѣ, въ цѣляхъ распространенія въ странѣ православія.

Когда въ 1873 году въ Петербургъ явилась депутація отъ бурятъ съ ходатайствомъ о дозволеніи учреждать частныя школы для обученія дѣтей тибетской и монгольской грамотѣ, Николаю Ивановичу пришлось подавать свое мнѣніе по этому случаю. Видя въ этой просьбѣ домогательство ламайскаго духовенства къ усиленному обращенію бурятъ—шаманистовъ въ буддизмъ, Николай Ивановичъ полагалъ устроить для инородцевъ Восточной Сибири обученіе на родномъ народномъ языкѣ, съ цѣлію распространенія научныхъ свѣдѣній и знакомства съ Русью; для этихъ школъ необходимо составить доступныя книги на мѣстныхъ нарѣчіяхъ. Вновь открытая Иркутская учит. семинарія и должна была по примѣру Казанской заняться приготовленіемъ учителей и учебниковъ для инород. школъ. Мнѣніе Николая Ивановича совпало и съ мнѣніемъ профессора Восточнаго факультета Петербургскаго университета, вѣроятно, Г. Васильева, который въ домогательствѣ депутаціи тоже увидалъ происки ламайскаго духовенства. Изученіе монгольскаго языка вовсе не вызывается ни торговыми, ни другими отношеніями, а изученіе тибетскаго языка вредно и въ цѣляхъ политическихъ, какъ внѣдреніе въ населеніи ламаизма, и въ цѣляхъ экономическихъ, какъ способствующее развитію монашеской жизни, ничего не производящей, ибо монашеской сословіе ламъ эксплуатируетъ и истощаетъ нашихъ бурятъ.

Между тѣмъ архіепископъ Иркутскій Веніаминъ обратился къ Николаю Ивановичу въ 1884 г. по вопросу объ учрежденіи инородческихъ школъ въ миссіонерскихъ станахъ. Не надѣясь на Иркутскую учит. семинарію, которая усвоила несимпатичный тонъ обычныхъ учительскихъ семинарій и по своему направленію оказалась не подходящей для инородцевъ, Николай Ивановичъ полагалъ какъ для Иркутской, такъ и для Камчатской епархій имѣть учителей хоть и съ малымъ свѣтскимъ образованіемъ, но съ твердымъ христіанскимъ ученіемъ и съ сердечнымъ убѣжденіемъ въ истинѣ и спасительности Христовой вѣры, съ живымъ усердіемъ къ распространенію ея среди единоплеменниковъ. Даровитѣйшіе же инородцы могутъ помѣщаться въ духовноучеб. заведенія. Въ 1883 г. для восточныхъ инородцевъ

были переведены литургія св. Златоуста и Евангеліе отъ Матѳея, а въ 1884 г. Евангеліе отъ Марка, Луки и Іоанна на корейскій языкъ. Они были напечатаны Казанской Пер. Коммиссіей. На гольдскій языкъ были переведены букварь съ молитвами, толковый молитвенникъ и Евангеліе отъ Матѳея св. Пр. Протодьяконовымъ. На тунгузскомъ языкѣ напечатанъ переводъ Евангелія отъ Матѳея. Находя упомянутые переводы вызывающими сомнѣнія, Николай Ивановичъ и просилъ въ 1886 г. прислать въ Казань къ нему гольда, корейца и тунгуза, толковыхъ и работящихъ, для провѣрки переводовъ въ коммиссіи.

Для якутовъ были переведены часословъ, псалтырь, требникъ, служебникъ, пасхальная служба, евангеліе и апостолъ, которые всѣ были напечатаны въ Казани и нѣкоторыя вторымъ изданіемъ, подъ руководствомъ преосвященнаго Діонисія. Николаю Ивановичу и въ послѣдній годъ жизни пришлось приложить свои силы къ якутскимъ переводамъ, при помощи студента Каз. Академіи И. Нифонтова, природнаго якута. Вмѣстѣ съ послѣднимъ, его товарищемъ, студентомъ Московской академіи и ученикомъ Императорской капеллы, въ іюлѣ 1891 г. поселился Николай Ивановичъ въ тиши Геосиманскаго скита, и тамъ принялись они за переложеніе по-якутски нравоучит. разсказовъ изъ Троицкихъ листковъ и пролога въ поученіяхъ; потомъ принялись за просмотръ якутскаго текста евангелія для новаго изданія. Николаю Ивановичу пришла мысль составить съ помощью этихъ студентовъ Нифонтова, Явловскаго и Попова грамматику и словарь якутскаго языка сравнительно съ татарскимъ, но смерть смежила очи и прервала дѣло.

Въ 1880 г. Николая Ивановича заинтересовало изложеніе христіанской вѣры патріарха Геннадія Схоларія Султану Мухамеду II. Ему рисовалось, что оно будетъ полезно при миссіонерскомъ собесѣдованіи съ учеными магометанами, и онъ думалъ его издать въ русскомъ, турецкомъ и татарскомъ переводахъ. Онъ рѣшился въ 1880 г. не довольствоваться имѣющимися у него новыми списками перевода Мартина Крузія на лат. и греч. языкахъ и старался чрезъ К. П. Побѣдоносцева добиться

древнихъ списковъ Геннадіева исповѣданія, разыскивая ихъ въ Вѣнѣ, Венеціи, Римѣ, въ Царьградѣ, Аѳонѣ и др. мѣстахъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ чрезъ ходатайство своего покровителя добился полученія трехъ турецко-татарскихъ рукописей правосл. исповѣданія Петра Могилы (2 рук.) и книги объ обращеніи сарацынъ къ православной вѣрѣ митрополита Антонія Стаховскаго. Въ 1885 году Николай Ивановичъ получаетъ чрезъ архимандрита русской миссіи въ Константинополѣ отъ преподавателя Халкинскаго богослов. греч. училища копію съ Крузіева изданія съ турецкой перепиcью, а потомъ и изъ Парижа былъ полученъ прекрасный снимокъ рукописи, хранящейся въ Парижской Національ. Библіотекѣ. Наконецъ въ 1890 г. онъ задумалъ получить списокъ рукописи, хранящійся въ Берлинской королев. библіотекѣ, и собирался издать весь собранный матеріалъ, но этого не случилось за смертью ученаго труженика, и дѣло ограничилось изданіемъ въ 1879 г. „Предварительнаго сообщенія о турецкомъ переводѣ изложенія вѣры патріарха Геннадія Схоларія".

Въ заботахъ объ упроченіи своей системы, Николай Ивановичъ задумалъ собрать имѣющіеся у него матеріалы по исторіи христіанскаго просвѣщенія крещеныхъ татаръ. Въ 1887 г. онъ издалъ этотъ сборникъ, съ надлежащаго разрѣшенія, подъ названіемъ: „Казанская Центральная Крещенотатарская Школа," на средства попечителя школы и старосты школьной церкви П. В. Щетинкина. Чрезъ К. П. Побѣдоносцева три экземпляра книги были поднесены Государю, Государынѣ и Наслѣднику Престола Цесаревичу. Насколько цѣнны изданные матеріалы, лучше всего показываетъ слѣдующій отзывъ о нихъ С. А. Рачинскаго, другого работника на нивѣ просвѣщенія: „книга—мощный призывъ, радостное одобреніе всѣмъ трудящимся на поприщѣ школьнаго дѣла. Вы простымъ сопоставленіемъ матеріаловъ заставляете читателя переживать всѣ судьбы Казанской крещено-татарской школы и порожденнаго ею образовательнаго движенія. Высокое достоинство этихъ матеріаловъ усиливаетъ впечатлѣніе этой поучительной повѣсти. Несравненные по теплотѣ и искренности, по обилію содержанія дневники Василія Тимоѳеева, Ваши собственные

клады, исполненные столь простой и глубокой воспитательной, мудрости, —истинный кладъ для всякаго педагога, разумѣющаго что онъ творитъ. Интересъ этой книги несравненно шире ея непосредственнаго содержанія. Недалеко отъ бѣдныхъ язычниковъ Приволжья ушелъ во многихъ и многихъ обширныхъ полосахъ Россіи нашъ исконни крещеный народъ. Та-же темнота, та-же дѣтская трогательная воспріимчивость. Безпрестанно, при чтеніи Вашей книги, поражало меня сходство съ пережитымъ, но опытомъ извѣданнымъ даже въ мелочахъ, даже въ пріемахъ обученія, вытекающихъ сами собою изъ силы вещей... Книга эта должна быть внесена во всѣ семинарскія библіотеки. Она изобилуетъ указаніями на то, что не понимается большинствомъ нашихъ сельскихъ батюшекъ, и что понять имъ необходимо." Николай Ивановичъ и самъ желалъ разослать изданные имъ „матеріалы" всѣмъ преосвященнымъ и во всѣ духовно-учебныя заведенія и православнымъ миссіямъ. Ходатайство объ этомъ было возбуждено имъ 15 декабря 1887 г., и въ хозяйственное Управленіе при Св. Синодѣ было отослано слишкомъ 500 экземпляровъ книги.

Въ томъ-же 1887 г. въ Казани былъ Великій Князь Михаилъ Николаевичъ. Казанская крещено-татарская школа ожидала посѣщенія Высочайшей Особы. Собралось множество крещеныхъ татаръ, учащихся и пожилыхъ; но Его Высочество не посѣтилъ школы. Это, конечно, произвело впечатлѣніе. И вотъ когда въ 1889 г. открывалась въ Казани научно-промышленная выставка, которую Государь Наслѣдникъ-Цесаревичъ взялъ подъ свое покровительство и будтобы обѣщалъ удостоить ее своимъ посѣщеніемъ, Николай Ивановичъ сталъ заранѣе хлопотать, чтобы Его Императорское Высочество посѣтилъ и школу, которую осчастливили своимъ посѣщеніемъ и постоянною поддержкою Августѣйшіе родители Его Высочества. „Школа на выставкѣ экспонировать не будетъ, писалъ Николай Ивановичъ, ибо какая можетъ быть выставка миссіонерскаго религіознаго учрежденія? Для Наслѣдника Цесаревича школа соберется въ Казани, вмѣстѣ съ родителями и множествомъ крещеныхъ татаръ." Спрашивалось, когда угодно будетъ Его Высочеству пожаловать въ Казань, чтобы заблаговременно собрать та-

тарскую миссію и можно ли поднести Высокому посѣтителю татарскую партитуру и „матеріалы.“ Но Его Высочество не посѣтилъ Казани и ея выставки.

Хотя Казанская школа представляла предметъ особыхъ попеченій Николая Ивановича, какъ ея учредителя и руководителя, была любимымъ дѣтищемъ его сердца, но онъ не забывалъ и другихъ подобныхъ ей инородческихъ школъ своимъ попеченіемъ. Такъ, будучи въ Петербургѣ, онъ предетавилъ К. П. Побѣдоносцеву докладную записку инспектора Симбирской чувашской центральной школы И. Я. Яковлева о нуждахъ этого учрежденія въ смыслѣ его реформы въ учительскую школу, равно и о другихъ инород. чувашскихъ школахъ. Еще до этого онъ особенно хлопоталъ объ устройствѣ при школѣ домовой церкви, чего съ радостію и дождался. Теперь съ чувствомъ христіанскаго умиленія онъ сообщаетъ своему покровителю, что въ 1886 г. въ Симбирской школѣ на 1-й недѣлѣ говѣли воспитанницы и воспитанники вмѣстѣ съ своими учителями и пріѣхавшими чувашами. Служба совершалась на чувашскомъ языкѣ. Всенощная продолжалась 3 часа, часы 2½ час. Великій каноиъ Андрея Критскаго, великое повечеріе и весь часословъ исполнялись по-чувашски. Если присовокупить благоговѣйное и душевное исполненіе чувашскаго священника Андрея Петрова и стройное, умилительное пѣніе, то можно повѣрить, что чуваши не только съ терпѣніемъ, но и съ наслажденіемъ и восторгомъ выстаивали продолжительныя службы. Не съ меньшей любовью онъ интересуется судьбою 26 лѣтняго ученика Симбирской школы Данилова, который возлюбилъ путешествіе по св. мѣстамъ; но Н. И. боится, не представится ли опасности и испытанія живой и наивной вѣрѣ инородца, если онъ увидитъ тамъ нѣкоторыя нестроенія. Николай Ивановичъ посылаетъ въ 1889 г. въ журналъ М. П. Просвѣщенія „Записки чувашина о своемъ воспитаніи.“ Авторъ ихъ, чистопольскій чувашинъ, ученикъ Симбирской школы, потомъ сельскій учитель и наконецъ студентъ Казанскаго Университета—Охотниковъ. Получивъ отказъ въ напечатаніи этой «интересной, типичной и совершенно правдивой объективной исторіи развитія и обрусѣнія чу-

вашъ», Николай Ивановичъ хлопочетъ о напечатаніи „записокъ“ на счетъ Св. Синода, посылаетъ К. П. Побѣдоносцеву выдержку изъ нихъ. Этого Охотникова онъ посылаетъ въ Белебеевскій уѣздъ, и получаетъ отъ него слѣдующую картину татарской пропаганды: „Въ Уфимской губерніи татарское вліяніе на чувашъ проникаетъ и такимъ образомъ. Татары нанимаются къ чувашамъ въ работники и приводятъ съ собой все семейство; живутъ совсѣмъ по-татарски, восхваляя татарское и презирая православіе и язычество. Проходятъ годы, и татарщина оказываетъ свое дѣйствіе: мѣняютъ костюмъ и убѣждаются въ татарскихъ доводахъ. Николай Ивановичъ смотрѣлъ на Симбирскую школу какъ на свое дѣтище: заботился объ ея питомцахъ, пользовался ими для просвѣтительнаго и переводческаго дѣла. Упомянутый Охотниковъ жилъ въ семинаріи, помогалъ въ переводахъ и даже въ перепискѣ Николая Ивановича.

Сильное доброе слово Николая Ивановича раздавалось и за Бирскую черемисскую учительскую школу, основанную здѣсь для приготовленія учителей въ черемисскія языческія и христіанскія школы. Не рѣдко эта школа, находящаяся подъ руководствомъ воспитанника Казанской Д. Академіи Н. П. Вишневецкаго, съ дѣтства говорящаго по-черемисски и родившагося среди густого черемисскаго населенія, встрѣчала упреки. Одни упрекали ее въ томъ, что она готовитъ учителей язычниковъ и выпускаетъ, не окрестивъ ихъ, т. е. не преслѣдуетъ въ своей дѣятельности именно этой цѣли. Другіе, наоборотъ, сѣтовали, что у ея воспитанниковъ непреодолимое желаніе принять православіе, и только сила власти этого не допускаетъ изъ боязни, что это подорветъ довѣріе къ школѣ у родителей-язычниковъ, и они не будутъ пускать туда дѣтей (Рус. Арх. 1898 г. Окт. стр. 275).

Николай Ивановичъ открыто признаетъ за школой громадную пользу въ дѣлѣ христіанскаго воспитанія черемисъ. Такъ, когда нужно было указать кандидата въ священники для походной церкви въ черемисскомъ селеніи Корзи, чтобы удержать населеніе отъ перехода въ магометанство, Николай Ивановичъ рекомендовалъ Пермскому епископу Владиміру учителя Бирской шко-

лы. Въ Корзинскую школу учителемъ былъ назначенъ некрещеный черемисинъ Байтуганъ Байтемировъ изъ учениковъ Бирской школы, принявшій св. крещеніе съ именемъ Василія. Это даетъ Николаю Ивановичу возможность указать на плодотворную дѣятельность Бирской школы, въ защиту ея отъ инсинуацій.

Не обойдена была работами Николая Ивановича и Орская киргизская учительская школа. Не говоря уже о томъ, что Николай Ивановичъ писалъ ея проектъ, онъ заботился о ней и послѣ. Такъ когда въ 1888 г. эта школа сгорѣла со всѣмъ имуществомъ, и попечитель хотѣлъ перевести ее сначала въ Уральскъ въ помѣщеніе 2-хъ класснаго русско-киргизскаго училища, а потомъ въ Оренбургъ въ помѣщеніе имѣющей закрыться татарской учительской школы, Николай Ивановичъ призналъ весьма полезнымъ скорѣйшее закрытіе татарской школы, „ибо эти школы (другая Казанская татарская магометанская учительская школа) долгимъ опытомъ доказали свою безполезность въ дѣлѣ обрусѣнія татаръ—магометанъ, и фанатизма они татарскаго не ослабляютъ, а лишь татарскую интеллигенцію воспитываютъ и могутъ подготовлять хитрыхъ и ловкихъ рачителей мусульманской арабско-стамбульско-французской (а не русской) культуры и цивилизаціи.“ Онъ старается поддержать оренбургскія предположенія и перенести киргизскую учит. школу въ Оренбургъ на мѣсто татарской, что и сбылось.

Когда въ Министерствѣ Народ. Просвѣщенія рѣшено было закрыть Самарскую учительскую семинарію, и въ 1888 году освободилась ассигнованная на нее сумма 16698 руб. изъ Государственнаго Казначейства, Николай Ивановичъ воспользовался своими хорошими отношеніями къ преемнику П. Д. Шестакова—Попечителю П. Н. Масленникову и уговорилъ его обратить эту сумму на усиленіе народнообразовательныхъ заведеній Казанскаго Округа, именно Казанской учит. семинаріи 8000 руб., Симбирской центральной чувашской школы 5415 р. 50 коп., Казанской центральной крещенотатарской школы 2150 руб. и затѣмъ остающіеся 1132 р. 50 к. употребить на открытіе и устройство центральной вотяцкой школы. Соображенія по этому поводу были

написаны Николаемъ Ивановичемъ, одобрены Попечителемъ и въ 1888 г. отправлены въ Министерство.

Характеръ вотяцкой школы предполагался миссіонерскій, а цѣль должна была состоять въ утвержденіи христіанской вѣры среди вотскаго населенія, подвергающагося сильному вліянію магометанства. Въ школѣ предполагалась церковь съ богослуженіемъ на вотяцкомъ языкѣ. Въ виду того, что вотяки живутъ преимущественно въ Вятской губерніи и только небольшими окраинами заходятъ въ губерніи Казанскую, Уфимскую, Самарскую и Пермскую, то мѣстомъ школы была избрана деревня Старый Карлыганъ въ углу Уржумскаго уѣзда на границахъ Малмыжскаго, Мамадышскаго и Казанскаго уѣздовъ. „Само Провидѣніе подготовило данныя къ осуществленію этой школы," пишетъ Николай Ивановичъ къ К. П. Побѣдоносцеву и проситъ содѣйствія по Духовному Вѣдомству.

Въ своемъ представленіи къ открытію вотской центральной школы, директоръ Казанской уч. семинаріи говоритъ о будущихъ питомцахъ школы: „Пусть эти учителя будутъ сначала плохо знающими по-русски, но добрыми людьми и истинными христіанами; они принесутъ такую же пользу дѣлу, какую несомнѣнно принесли учителя братскихъ школъ, хотя они и обвинялись иногда даже въ малограмотности." Складомъ учебно-воспитательнаго дѣла она должна уподобиться Казанской школѣ, но не въ нынѣшнемъ ея развитомъ видѣ, когда она является центральной въ отношеніи 60 школъ—отраслей, а въ томъ скромномъ, какой она имѣла въ первые годы ея существованія. Пусть вотская школа пройдетъ тѣ же фазисы развитія, какіе проходили Казанская крещено-татарская и Симбирская чувашская. Во главѣ школы поставлялся священникъ—вотякъ, не имѣющій прихода; при немъ 2 учителя. Программа школы должна приближаться къ программѣ сельскаго однокласснаго М. Н. Пр. училища. Если будетъ женское отдѣленіе, то одинъ учитель замѣняется учительницей. Содержаніе воспитанниковъ должно быть на счетъ родителей, но квартира съ отопленіемъ и освѣщеніемъ должна быть на счетъ казны. Школа предполагалась къ открытію въ 1890 г., а смѣт-

ная сумма 1889 г. должна была итти на постройку школьнаго зданія.

Въ виду того, что Казанская школа обязана своимъ успѣхомъ крещеному татарину Василію Тимоѳеевичу, Николай Ивановичъ нашелъ для будущей вотской школы вотяка съ такими же качествами. Это былъ Кузьма Андреевъ, крестьянинъ поселка Старый Карлыганъ. Родившись въ старокрещеной, но язычествующей семьѣ, онъ выучился грамотѣ у крещенотатарскаго учителя, такъ какъ зналъ говорить по-татарски. Добывши книги религіознаго содержанія, Кузьма Андреевъ сталъ ихъ читать, пересталъ исполнять языческіе обряды и, съ согласія мѣстнаго священника, открылъ у себя пятницкую школу, такъ какъ вотяки празднуютъ вм. воскресенья пятницу, по татарскому обычаю. Съ 1883 г. ему положили изъ Вят. Комитета Мис. Общества жалованіе по 130 р. въ годъ. Андреевъ выстроилъ двухъ-этажный пятистѣнный домъ и здѣсь открылъ ежедневную школу съ общежитіемъ. Скоро однако жалованіе прекратилось, и школа поддерживалась частію земствомъ (1885 г.), частію М. Н. Просвѣщенія (1886 г.), а за послѣдніе два года пособій не было, кромѣ учеб. пособій со стороны земства.

Между тѣмъ школа оказала дѣйствіе особенно бесѣдами учителя со взрослыми. Теперь въ поселкѣ стали праздновать воскресенье; въ школѣ явились дѣти изъ сосѣднихъ деревень, даже черемисы и русскіе. Ученіе въ школѣ пошло по указаніямъ Казанской Учит. Семинаріи, а бесѣды учитель велъ подъ руководствомъ священника и инородческаго миссіонера. Вотъ этотъ учитель и представлялся въ кандидаты на должность учителя предполагаемой школы, которая въ руководительномъ отношеніи ставилась въ связь съ Казан. уч. семинаріей и Центральной Крещенотатарской школой. Ближайшее наблюденіе возлагалось на мѣстнаго священника и миссіонера, воспитанниковъ упомянутыхъ казанскихъ заведеній. Кузьмѣ Андрееву предполагалось жалованье 200 руб. въ годъ, а остатки должны итти на устройство дома и храма въ немъ. Кромѣ того Андреевъ долженъ былъ получить за послѣдніе 2 года службы пособіе изъ М. Н. Просвѣщенія до

60 р. да на школу 75 р. Однако Директоръ нар. училищъ Вятской губ. И. М. Канаевъ, признавая полезнымъ устройство центральной школы для 334,176 чел. вотяковъ, хотя и христіанъ, но сильно склоняющихся къ язычеству, находилъ мѣсто школы въ Карлыганѣ неудобнымъ по его удаленію отъ массы вотскаго населенія, именно въ Глазовскомъ уѣздѣ 134807 ч., въ Сарапульскомъ 79879 ч., Малмыжскомъ 62864. Елабужскомъ 50271. Высказывая, что и Преосвященный Сергій, вятскій епископъ, желалъ бы видѣть вотскую центральную школу въ одномъ изъ торговыхъ или промышленныхъ школъ Глазовскаго уѣзда, И. М. Канаевъ не находитъ это удобнымъ по отдаленности уѣзда и трудной его доступности для руководительныхъ посѣщеній начальства. Онъ предлагаетъ устроить школу въ Сарапульскомъ или Елабужскомъ уѣздѣ, на мѣстѣ ихъ соприкосновенія или на границѣ съ уѣздами Малмыжскимъ или Глазовскимъ. Затрудненія въ выборѣ мѣста для открытія центральной школы въ сплошномъ вотскомъ населеніи быть не можетъ: между тѣмъ Мамешерскій приходъ, гдѣ находится Карлыганская школа, состоитъ изъ русскихъ, татаръ, черемисъ и вотяковъ, и поселокъ Карлыганъ отстоитъ отъ села на 8 верстъ.

Съ мнѣніемъ И. М. Канаева не согласился Николай Ивановичъ и 31 февраля 1888 г. въ своемъ заключеніи на его письмо указалъ на связь Карлыгана, хотя и находящагося въ Уржумскомъ уѣздѣ, но на границѣ съ Малмыжскимъ, и вотяки Уржумскаго уѣзда, равно какъ и Мамадышскаго, Казанскаго уѣздовъ представляютъ „небольшіе заливы Малмыжскаго населенія“, что доказывается и тѣмъ, что районъ вліянія Карлыганской школы именно распространяется на селенія Малмыжскаго уѣзда, отстоящія отъ него въ 2, 5, 6 верстахъ. Мнѣніе, что школа должна быть въ торговомъ или промышленномъ селѣ, съ педагогической точки зрѣнія несостоятельно, и для школы лучшее мѣсто — захолустье, удаленное отъ бойкихъ промышленныхъ центровъ и движеній. Противъ нахожденія школы въ мѣстѣ наибольшей скученности вотскаго населенія, чтобы всѣ вотскіе уѣзды были къ ней по возможности близки, говоритъ примѣръ Симбирской

и Казанской центральныхъ школъ, хотя та и другая простираютъ свое вліяніе на отдаленныя мѣстности разныхъ губерній. Эти школы открылись здѣсь потому, что въ этихъ мѣстахъ очутились Яковлевъ и Тимоѳеевъ. Какъ они суть особые, отмѣченные перстомъ Божіимъ избранники, такъ и Кузьма Андреевъ есть исключительная личность изъ вотскаго населенія. Онъ на дѣлѣ оказалъ свою способность и совершенную благонадежность для великаго дѣла христіанскаго просвѣщенія своего народа. И нѣтъ никакой надобности розыскивать и выбирать пунктъ среди безконечнаго множества пунктовъ. Зародышъ центральной вотской школы уже существуетъ и не первый годъ, и вотяки не только его деревни, но и другихъ селеній расположились къ его школѣ и охотно отдаютъ въ оную своихъ дѣтей. А что еще важнѣе — Кузьма Андреевъ своими миссіонерскими бесѣдами произвелъ значительный поворотъ ближайшаго населенія отъ языческихъ обрядовъ и повѣрій къ истинной христіанской вѣрѣ.

Въ виду того, что „въ Казанской губерніи доселѣ не замѣтно почти никакого почина и движенія въ направленіи той системы инородческаго образованія, какая давно практикуется въ Казанскомъ краѣ и съ пользою примѣняется въ губерніяхъ Оренбургской, Уфимской, Пермской и даже въ Тургайской области, ради полезнаго и цѣлесообразнаго руководства центральной вотской школой съ учителемъ Кузьмою Андреевымъ во главѣ“, она должна быть передана въ руки казанскихъ спеціалистовъ, будучи какъ бы нарочно поставлена въ такомъ близкомъ разстояніи (120 в.) отъ Казани, съ которою инородцы Мамешерскаго и другихъ окрестныхъ приходовъ имѣютъ постоянное торговое сношеніе. Да и мѣстный приходъ, священникъ и ближайшій миссіонеръ, руководители Кузьмы Андреева, состоятъ казанскими воспитанниками и примѣнятъ къ школѣ Казанскую систему. Пока шла длинная переписка о школѣ, Кузьма Андреевъ безъ перерыва велъ свои занятія и собесѣдованія со взрослыми. Не надѣясь устроить Карлыганскую школу на счетъ Вятскаго Комитета, боясь, что семья учителя, уступившая домъ подъ школу и рабочую силу въ лицѣ самого Кузьмы, будутъ роптать за его

даровыя занятія, Николай Ивановичъ сталъ хлопотать объ единовременномъ ассигнованіи на школу 150 руб. изъ миссіонер. суммъ св. Синода съ выдачей чрезъ Попечителя Каз. Учеб. Округа въ 3 раза. Но оказалось, что вопросъ о вотской школѣ въ 1889 г. рѣшенъ въ благопріятномъ смыслѣ; кромѣ того Кузьмѣ Андрееву на 1889 г. назначено было пособіе изъ Вятскаго Комитета; самъ учитель, случившись въ маѣ въ Казани для занятій по переложенію молитвъ на вотскій языкъ, просилъ Николая Ивановича оставить ходатайство предъ св. Синодомъ о пособіи безъ послѣдствій.

Получивъ въ маѣ 1889 г. увѣдомленіе объ утвержденіи высшимъ правительствомъ проекта распредѣленія суммъ бывшей Самарской Уч. Семинаріи, съ превращеніемъ Симбирской Центр. школы въ учительскую школу и учрежденіемъ Вотской Центральной школы, Николай Ивановичъ принялся за хлопоты по выработкѣ положенія о школѣ, устройствѣ помѣщенія и пр. Въ временномъ положеніи о Центральной Карлыганской Вотской школѣ онъ упорно настаивалъ на постановкѣ ея по образцу Казанской Крещено-татарской школы, а Кузьму Андреева ставилъ въ параллель съ Василіемъ Тимоѳеевичемъ, даже полагая, что послѣдній 27 лѣтъ тому назадъ, когда приступалъ къ обученію крещеныхъ татаръ, уступалъ первому въ знаніяхъ и разсужденіи, сходясь лишь по одушевленію, усердію къ православной вѣрѣ, по учительности и благочестію, заботливости о просвѣщеніи своихъ единоплеменниковъ. Въ виду того, что при школѣ должна быть и церковь съ богослуженіемъ на вотскомъ языкѣ, онъ сталъ хлопотать предъ К. П. Побѣдоносцевымъ о посвященіи Кузьмы Андреева въ священники, надѣясь на содѣйствіе сановника предъ вятскимъ епископомъ, полагая, что епархіальныя власти потребуютъ отъ кандидата образовательнаго ценза, ссылаясь на церковныя правила. Школа въ учебномъ отношеніи должна подчиняться Попечителю Учеб. Округа чрезъ Казанскую Учит. Семинарію, помимо мѣстной учеб. власти. Священникъ школьной церкви будетъ совершать богослуженіе на вотскомъ языкѣ, а въ дѣлѣ переложенія на этотъ языкъ богослужебныхъ,

священныхъ книгъ будетъ непосредственно подчиненъ Казанской Переводческой Коммиссіи. Цѣль школы-быть разсадникомъ православно—христіанскаго воспитанія и русскаго образованія для всего по возможности племени вотяковъ. Это заведеніе открытое, но должно имѣть для пріѣзжихъ дѣтей ночлежный пріютъ. Непосредственно завѣдывающимъ школой ставится Кузьма Андреевъ въ такомъ же приблизительно значеніи, въ какомъ завѣдуетъ о. Василій Тимоѳеевъ Казанской школой. Такъ какъ Кузьма Андреевъ долженъ трудиться въ переводѣ христіанскихъ вѣроучительныхъ книгъ на вотскій языкъ и устраивать собесѣдованія въ вотскихъ селеніяхъ, то на помощь ему, по избранію директора Казанской учит. семинаріи, назначаются 2 учителя вотяка изъ воспитанниковъ семинаріи. Въ школѣ должно быть женское отдѣленіе для дѣвочекъ, которыхъ руководитъ и обучаетъ сначала Кузьма Андреевъ, а впослѣдствіи особая учительница изъ природныхъ вотячекъ, получившихъ христіанское воспитаніе и достаточное образованіе. Предметы обученія въ Карлыганской школѣ главные: православный Законъ Божій, церковное пѣніе, русскій языкъ, славянская грамота; второстепенные: ариѳметика, письмо и черченіе. Программы обученія и учебные планы постепенно выработываются учителями школы подъ руководствомъ Директора Казанской уч. семинаріи и утверждаются Попечителемъ Округа. Учебными книгами служатъ книги на вотскомъ языкѣ, изд. Правосл. Миc. Обществомъ, и русскіе учебники, одобренные Духовнымъ Вѣдомствомъ и Министерствомъ Н. Просвѣщенія. Ассигнуемая на школу сумма отпускается изъ Казанскаго Губ. Казначейства по ассигновкамъ Казанской учит. семинаріи. На счетъ ассигнованной суммы (1132 р. 50 к.) долженъ быть построенъ на пожертвованной жителями землѣ домъ для школы съ церковью и пріютомъ и необходимою обстановкою, всего на 1500—2000 р. До полнаго устройства Андреевъ и учители получаютъ уменьшенное содержаніе, равно и школа, сообразно съ остающеюся отъ постройки суммою. Временное положеніе было одобрено Попечителемъ Округа, съ начала 1900 г. изъ казначейства отпускалась потребная сумма, и въ апрѣлѣ 1890 года Окружное на-

чальство, по рекомендаціи Николая Ивановича, командировала въ Карлыганъ преподавателя учит. семинаріи. И. А. Бобровникова для ближайшаго соображенія какъ характера мѣстныхъ и окрестныхъ инородцевъ, такъ плана и смѣты на постройку училища съ церковью. Все это потомъ было представлено въ Министерство и получило утвержденіе. Пока строилась школа и церковь, Николай Ивановичъ, уже боявшійся за свою жизнь, рѣшилъ, „пока день есть“ хлопотать о посвященіи Кузьмы Андреева въ діаконы села Мамешеръ, съ предоставленіемъ ему права отправлять повотски діаконскія части богослуженія. Кромѣ того, онъ продолжалъ учительствовать и миссіонерствовать. Такъ открылась Карлыганская Центральная Вотская школа, преобразованная изъ школы Кузьмы Андреева, уже нѣсколько лѣтъ фактически существовавшая въ поселкѣ и теперь начавшая только развиваться. Учрежденіе ея всецѣло обязано „издавнему приставнику при дѣлѣ христіанскаго просвѣщенія инородцевъ Казанскаго края“, такъ грубо прозванному со стороны враговъ „прожектеромъ“.

Собиравшіеся въ Казани въ 1885 г. епископы въ числѣ мѣръ къ скорѣйшему и вѣрнѣйшему просвѣщенію инородцевъ Казанскаго края свѣтомъ христіанства между прочимъ предложили принимать лучшихъ учениковъ инородческихъ центральныхъ школъ въ духовныя семинаріи для прохожденія курса богословскихъ предметовъ. Симбирскій епископъ Варсонофій съ полнымъ вниманіемъ отнесся къ этой мѣрѣ, и въ 1888 г. 1889 г.г. два раза изъ мѣстной центральной школы поступали по 3 лучшихъ воспитанника чувашина, выбранные изъ даровитыхъ, нравственныхъ и усердныхъ къ вѣрѣ и ученію. Эти чувашскія семинары по-прежнему оставались жить въ школѣ подъ наблюденіемъ И. Я. Яковлева Такая мѣра однако встрѣтила недовольство со стороны мѣстнаго духовенства, и консисторія хотѣла не допускать второго пріема чувашъ; только владыка Варсонофій приказалъ принять чувашъ въ Семинарію. Николай Ивановичъ боялся, что эти 9 чувашъ въ 3 высшихъ классахъ Симбирской семинаріи постоянно будутъ смущать мѣстное духовенство, по этому ходатайствовалъ, чтобы эти чуваши-семинаристы получали мѣста

священниковъ не въ одной Симбирской, но и въ Казанской, Самарской, Уфимской, Оренбургской, Саратовской епархіяхъ, гдѣ есть чувашское населеніе. Въ этихъ епархіяхъ будутъ обучаться въ семинаріяхъ уже другіе инородцы: черемисы, вотяки, татары мордва, и чувашскому населенію будутъ служить лишь Симбирская семинарія, гдѣ уже началось семинарское обученіе чувашъ. Такимъ образомъ стипендіи инородческія должны быть разбиты въ семинаріяхъ по племенамъ, а чувашскія стипендіи сосредоточить въ Симбирской Семинаріи. Но эта мѣра, по настойчивому желанію Николая Ивановича, не должна преграждать путь къ священству лучшимъ инородческимъ учителямъ, проявившимъ свои миссіонерскія способности. Онъ вообще противъ манеры строго придерживаться пунктовъ и параграфовъ разныхъ уставовъ, созданныхъ теоріей, безъ примѣненія къ жизненнымъ обстоятельствамъ, и приводитъ въ примѣръ Кіевскую академію, поставлявшую въ прошломъ столѣтіи преподавателей на всю Россію, и когда у ней не хватало кандидатовъ въ учители, она посылала лучшихъ студентовъ философіи. Не такъ давно и въ духов. академіи посылались даровитые ученики среднихъ отдѣленій семинарій, если таковыхъ не находилось въ высшихъ отдѣленіяхъ. „Теперь все установлено въ строгія и точныя рамки: не дошелъ до конца или не получилъ по одному какому-либо предмету удовлетворительнаго балла-пропалъ. Теперь поэтому аккуратная посредственность скорѣе пройдетъ и достигнетъ академій и университетовъ, чѣмъ блестящій и выдающійся талантъ, но всеобъемлющій“.

Святое дѣло миссіонерскихъ школъ и ихъ учителей находило недоброжелательство даже въ высшихъ представителяхъ клира. Одни только молча проявляли это, другіе рѣшались и на протестъ. Въ числѣ послѣднихъ былъ епископъ Чебоксарскій Сергій, викарій Казанской епархіи и Предсѣдатель Совѣта Братства св. Гурія. Прежде всего онъ сталъ выражать свое недоумѣніе и смущеніе по поводу якобы уклоненія отъ Высочайше утвержденныхъ правилъ для Казанской Перев. Коммиссіи, когда послѣдняя стала печатать такія изданія какъ Пособіе къ изученію че-

ремисскаго языка, на луговомъ нарѣчіи, краткій русско-орочанскій словарь и т. п. Между тѣмъ эти изданія съ одобреніемъ упоминались во Всеподданнѣйшихъ отчетахъ по Вѣдомству Правос. Исповѣданія, и Миссіонерское Общество всегда воздавало признательность Коммиссіи, признавая, что Переводческая Коммиссія, снабжая своими изданіями миссіи, инородческіе приходы и миссіонерскія школы, оказываетъ весьма важную услугу развитію миссіонерскаго дѣла въ Россіи". (Отч. за 1888 г. стр. 37). Владыка сталъ опасаться подписывать цензурныя разрѣшенія, заявляя, что „будто бы слышалъ сѣтованія по этому случаю отъ лица, стоящаго во главѣ Миссіонерскаго Общества и отъ многихъ другихъ компетентныхъ лицъ". На собраніи Братства Св. Гурія 3 декабря 1889 г. владыка сдѣлалъ о томъ ясный намекъ, началъ домогаться преобразованія братскихъ школъ на образецъ обычныхъ церковно-приходскихъ, чтобы ослабить употребленіе въ нихъ инород. языковъ; задумалъ, по образцу западныхъ братствъ, устроить таковыя при сельскихъ приходахъ. Еще раньше, когда Министръ Нар. Просвѣщенія графъ И. Д. Деляновъ, въ бытность свою съ 26 августа по 4 сентября 1888 г. въ Казани посѣтилъ съ Преосвященнымъ Сергіемъ Казанскую Крещенотат. школу, то обошелъ всѣ три класса мальчиковъ, спрашивалъ ихъ, особенно заставлялъ читать по-славянски и по-русски; въ женскомъ отдѣленіи ученицы пѣли и читали по-русски и по-славянски. Николай Ивановичъ просилъ защитить миссіонерское дѣло. Особенно онъ испугался, когда узналъ, что владыка Сергій поѣхалъ въ Самару помогать больному преосвященному Серафиму. Въ Самарской епархіи миссіонерское дѣло было въ забросѣ, не смотря на то, что въ ней было много инородцевъ, даже язычниковъ, гдѣ раскинула свои сѣти мусульманская пропаганда. „Преосвященный Серафимъ понятій слишкомъ высокихъ и цивилизованныхъ для простодушныхъ чувашъ; ему нужно, чтобы и школы были непремѣнно по всей формѣ и во всѣхъ отношеніяхъ образцовыя. Онъ не допускаетъ, не понимаетъ силы Божіей, совершаемой въ немощахъ, способности младенцевъ понимать тайны Божіи, избраніе Богомъ бѣдныхъ и нищихъ выше муд-

рыхъ и знатныхъ". Во всей епархіи красуется по Всеподданнѣйшему отчету имя одного только миссіонера Перепелкина, да и то онъ воспитанъ не Самарой, а Симбирскомъ; у Самарскаго Миссіонерскаго Комитета красуется одна разъединая чувашскаа школа. Естественно, что Николай Ивановичъ желалъ видѣть на Самарской каѳедрѣ епископомъ миссіонера; еще въ 1889 г. мечталъ о преосвященномъ Кириллѣ, Казанскомъ викаріи, который сердечно относился къ инородцамъ, что особенно проявилъ при освященіи церкви въ Нижнемъ Потамѣ Красноуф. уѣзда. выстроенной усердіемъ некрещеныхъ черемисъ. Очевидно, что онъ испугался „настойчивой, упрямой и самоувѣренной мысли епископа Сергія, которая направлена вовсе не въ сторону, полезную для инородческаго дѣла, котораго въ Самарской сторонѣ весьма много". И въ Самару Провидѣніе скоро привело на каѳедру епископа-миссіонера владыку Гурія.

Такого рода недоумѣнія по отношенію къ инород. дѣлу начались съ самаго введенія въ епархіяхъ церковно-приходскихъ школъ по Правиламъ 13 іюля 1884 г.: послѣднія имѣли цѣлію 1) утверждать въ народѣ православное ученіе вѣры и нравственности христіанской и 2) сообщать первоначальныя полезныя знанія. Многіе стали полагать, что всякая церковная школа сама по себѣ миссіонерская, и потому начали клонить къ тому, чтобы и миссіонерскія школы, созданныя по казанской системѣ, подошли подъ разрядъ школъ церковноприходскихъ, приняли извѣстную форму, строго регламентированную Правилами. Николаю Ивановичу пришлось приняться за составленіе „Программы школы для крещеныхъ инородцевъ", чтобы съ одной стороны удовлетворить требованіямъ объединителей, съ другой — сохранить въ школахъ инородческій языкъ и миссіонерское направленіе. Программа снабжена «общими соображеніями, объяснительными записками и стала значительно регламентировать инородческія школы, которыя по идеямъ творца системы именно должны были быть чужды всякой регламентаціи. Эти школы стали приближаться къ церковно-приходскимъ и школамъ грамоты; но инородческое дѣло отъ этого стало страдать, ибо программы церковныхъ школъ были еще

не по силамъ инородческимъ дѣтямъ. Постоянный заступникъ послѣднихъ и подалъ 11 марта 1891 г. записку въ Училищный Совѣтъ при Святѣйшемъ Синодѣ «О подготовительномъ къ церковноприходской школѣ учрежденіи для инородцевъ" въ родѣ школъ Казанскаго Братства Св. Гурія, т. е. съ употребленіемъ разныхъ языковъ. Онъ хотѣлъ придать скромнымъ братскимъ школамъ законность существованія, послѣ того какъ онѣ нерѣдко подвергались нападкамъ. Самъ присутствуя на засѣданіи Учил. Совѣта 25 іюня 1891 г., въ качествѣ члена, Николай Ивановичъ убѣдился, что Совѣту неизвѣстно взаимное положеніе инородческихъ племенъ Приволжья, чужды духовныя потребности крещеныхъ инородцевъ и язычниковъ; неизвѣстны, а потому недоумѣнны и сомнительны способы и средства инородческаго образованія, выработанные Братствомъ Св. Гурія. Главнымъ и сильнымъ пунктомъ сомнѣнія было высказанное Преосвященнымъ Предсѣдателемъ Училищнаго Совѣта опасеніе, что допущеніе инородческихъ языковъ въ школу и церковь создастъ народности въ ущербъ и во вредъ русскому народу и государству.

Въ послѣдній разъ тогда былъ Николай Ивановичъ на засѣданіи Совѣта, и здѣсь ему пришлось выслушать такую оцѣнку своего жизненнаго труда. Въ письмѣ своемъ отъ 27 іюня 1891 г. къ К. П. Побѣдоносцеву онъ, испытавшій всю жестокость этихъ „опасеній," указываетъ на постепенное поглощеніе въ Поволжьѣ всѣхъ инородцевъ татарствомъ. Претворилась въ татаръ мещера, сохранивъ лишь названія „мишарь," превращались и превращаются въ татаръ чуваши, черемисы, вотяки. Совершается процессъ, который, если не встрѣтитъ преграды, въ 50—100 лѣтъ превратитъ всѣхъ нашихъ инородцевъ въ татаръ—магометанъ „и будетъ Магометъ всяческая во всѣхъ." Единственное средство противъ такой гангрены внутреннее сердечное усвоеніе инородцами христіанства чрезъ употребленіе роднаго языка. Если не допускать инород. языка въ школы и церкви въ достаточномъ количествѣ для убѣжденнаго усвоенія христіанства, то всѣ инородцы „уйдутъ въ татары." Если даже и допустить, что инородческіе языки поддерживаютъ существованіе народностей, но ка-

кихъ? разныхъ, мелкихъ, враждебныхъ къ татарству, соединенныхъ съ русскимъ народомъ единствомъ вѣры. „Выбирайте!“ восклицаетъ Николай Ивановичъ изъ глубины своей изстрадавшейся души.

Кромѣ изложеннаго національнаго опасенія, на засѣданіи Училищнаго Совѣта говорилось о томъ, что Совѣтъ не можетъ контролировать инородческихъ изданій, которыя употребляются въ инородческихъ школахъ и предполагаются къ введенію въ „подготовительныхъ заведеніяхъ.“ Заявляя, что печатаемыя Переводческою Коммиссіею книги всѣ вѣроучительнаго и религіознаго содержанія, гдѣ не можетъ быть вредныхъ и ложныхъ мыслей религіозныхъ, политическихъ и соціальныхъ, обиженный дѣятель спрашиваетъ: „Что же тутъ контролировать?“ Совѣтъ желалъ знать устройство и постановку казанскихъ братскихъ школъ. „Школы эти, говоритъ Николай Ивановичъ, большею частію бѣдны и просты, но это зависитъ отъ малыхъ средствъ, а всетаки онѣ дѣлаютъ свое дѣло; притомъ своей уютностью и дешевизной могутъ уравновѣшивать татарскія школы, отличающіяся крайней дешевизной и простотой.“

Слава Богу, что Совѣтъ не нанесъ руки на твореніе Николая Ивановича, и хотя не принялъ доклада о подготовительныхъ школахъ, *но спустя 8 лѣтъ убѣдился*, что не превращеніе инородческой школы въ русскую, а *„точное примѣненіе въ ней системы Н. И. Ильминскаго“* улучшитъ учебно-воспитательную часть въ инородческихъ церковно-приходскихъ школахъ и школахъ грамоты. (Отн. Учил. Совѣта при Св. Синодѣ отъ 29 мая 1899 г. за № 2965).

Не меньшую заботу для Николая Ивановича составляло построеніе церквей. Онъ хлопочетъ о постройкѣ церквей въ дер. Владимировой, въ Новой Казанкѣ, Тлошкѣ прося денегъ у Константина Петровича Побѣдоносцева: по его хлопотамъ послѣдній далъ 1500 руб. на окончательное устройство храма въ чувашской деревнѣ Шемякинѣ и т. п. Малыя и простыя братскія школы постоянно вызывали Николая Ивановича обращаться за помощью имъ. Такъ въ 1883 г. онъ проситъ на нихъ 750 руб.,

которыя ассигновались на школы духов. вѣдомства въ вѣдѣніе директора народ. уч. Казанской губерніи. Высокій покровитель утѣшалъ Николая Ивановича своею постоянною отзывчивостью на просьбы послѣдняго. Онъ поддерживалъ его и нравственно при непрерывныхъ непріятностяхъ. Въ 1891 г. Константинъ Петровичъ чрезъ Н. А. Бобровникова прислалъ въ даръ семинаріи икону святыхъ Соловецкихъ Угодниковъ. Она была помѣщена Николаемъ Ивановичемъ въ семинарскомъ храмѣ на правомъ клиросѣ около иконы св. первоучителей Славянскихъ.

Въ своихъ письмахъ къ К. Петр. Побѣдоносцеву Николай Ивановичъ касался постановки учебнаго дѣла и въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ. Ему особенно не нравился толстовскій классицизмъ, совершенный снимокъ съ гимназическаго классицизма. Николай Ивановичъ полагалъ—болѣе полезнымъ изученіе въ духовноучебныхъ заведеніяхъ греческаго языка по богослужебнымъ книгамъ и евангелію, а не по Платону и Гомеру. „Если бы разобрать наши училищныя и семинарскія духовныя программы, съ точки зрѣнія церковной и конфессіональной цѣлесообразности, то много нашлось бы, полагаю, что нужно перестроить“, писалъ онъ въ 1889 году. Ему не нравилось также изученіе богословія, какъ науки, что вовсе не дѣлаетъ человѣка религіознымъ, а лишь способнымъ разсуждать на богословскіе вопросы. Ему хотѣлось бы усилить въ семинаріяхъ сравнительное изученіе богослужебныхъ текстовъ путемъ сопоставленія славянскаго съ греческимъ, чтобы дѣйствительно понимать богослужебныя книги. Онъ съ истинною радостію встрѣтилъ возобновленіе церковноприход. школъ, гдѣ славянская грамота, пѣніе и церковность стали на первомъ мѣстѣ. Точно также и въ народныхъ школахъ Министерства Нар. Просвѣщенія при министрѣ И. Д. Деляновѣ сильно поднялись церковность, славянское чтеніе и пѣніе. Въ этомъ дѣлѣ Николай Ивановичъ игралъ значительную роль, подавая въ Министерство свои соображенія. Интересно знать, какъ вообще относился Николай Ивановичъ къ школамъ этихъ двухъ вѣдомствъ въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ. По этому поводу 3 октября 1888 г. вотъ что онъ пишетъ къ К. П. Побѣдоносцеву: „зная давно и

видѣвъ нѣкоторый антогонизмъ между разными вѣдомствами мнѣ и пришла мысль, какъ смотрѣть на участіе свѣтскаго учебнаго вѣдомства въ религіозномъ образованіи и даже въ миссіонерскомъ дѣлѣ. „Не браните: иже бо нѣсть на вы, по по васъ есть" (Лук. 9, 40, 50 тоже Марка 9, 38—40). Этотъ случай въ жизни и ученіи Спасителя и высказанное Господомъ наставленіе апостоламъ можетъ и намъ служить руководствомъ„. Для Николая Ивановича было безразлично, чья школа: но онъ желалъ видѣть въ школѣ религіознонравственное направленіе, и потому симпатизировалъ церковнымъ школамъ по преимуществу. Особенно ему нравились школы „Татевскаго подвижника и свѣтильника". Николай Ивановичъ находился въ перепискѣ съ С. А. Рачинскимъ, читалъ собственныя его статьи и записки „живыя, проникнутыя однимъ одушевленіемъ и одною мыслію: въ нихъ свѣтскія знанія — орографія и ариѳметика, такъ сказать, облиты господствующимъ церковнорелигіознымъ и нравственно-воспитательнымъ колоритомъ: такъ отъ лучей восходящаго или заходящаго солнца всякая болотина и всякая кочка горитъ огнемъ и блещетъ брилліантами". „Сочиненіями Сергѣя Александровича онъ одушевлялся", и когда ему владыка Палладій поручилъ составить программу вновь открываемыхъ церковноприход. школъ, онъ взялъ за руководство записку Сергѣя Александровича. Татевская школа въ ея сути, внутренней глубинѣ можетъ быть изучена въ продолженіе лишь многихъ годовъ. Николай Ивановичъ былъ именно за ту простоту обученія, когда всякій грамотный обучаетъ дѣтей у себя на дому, за простоту обстановки, которая для большинства школъ грамотности не доступна Школы Рачинскаго въ деревняхъ напоминали Николаю Ивановичу тѣ незамысловатыя чувашскія школы грамотности, гдѣ учили „для Бога", гдѣ вмѣсто аспидныхъ досокъ употребляли корчажныя донышки, гдѣ учителя сдва росписывались въ полученіи жалованія: «они не въ писаря готовились, а старались узнать Христову вѣру». И Николай Ивановичъ говорилъ: „зачѣмъ стѣснять опредѣленнымъ типомъ и программой эти первоначальныя школы грамотности? Пусть учатъ и учатся, кто какъ и на

сколько можетъ, лишь бы было правильное ученіе православное и добрая нравственность .. Въ школахъ грамотности главнымъ и господствующимъ предметомъ должно быть религіозное православно-христіанское воспитаніе (это далеко не то, чтобы прочитать по книжкѣ объясненіе молитвы), а всѣ мірскія и свѣтскія знанія должны быть на второмъ планѣ, и на нихъ можно только тратить свободные досуги отъ религіозныхъ предметовъ. Во всякомъ случаѣ даже для церковноприходской школы русскую орографію и грамматику я считалъ бы совершенно излишними, а для нашихъ инородческихъ школъ (прямо скажу) вредными и убійственными".

Исходя изъ этой точки зрѣнія, Николай Ивановичъ отрицательно отнесся къ присланному ему Конст. Петр. Побѣдоносцевымъ корректурному экземпляру брошюры: „Совѣты учителямъ двухлѣтнихъ деревенскихъ школъ грамотности" написанной учителемъ Горбовымъ, но прошедшей черезъ руки С. А. Рачинскаго. Находя эти совѣты часто противорѣчивыми другъ другу и не соотвѣтствующими задачамъ школъ грамоты и жизненной ихъ обстановкѣ, Николай Ивановичъ полагалъ, что Сергѣй Александровичъ просто пропустилъ утомленнымъ взоромъ сочиненіе молодого, назойливаго ревнителя, натуры горячей и нетерпѣливой; тогда какъ къ С. А. Рачинскому онъ питаетъ „всегдашнее и неизмѣнное, самое искреннее и благоговѣйное уваженіе, именно какъ къ народному учителю."

Когда въ Министерствѣ Народ. Просвѣщенія былъ поднятъ вопросъ объ усиленіи преподаванія славянской грамоты въ школахъ и вообще объ усиленіи церковности, Николай Ивановичъ откликнулся на призывъ Министра И. Д. Делянова притти на помощь въ этомъ дѣлѣ Въ это же время создавались правила о церковно-приходскихъ школахъ. И вотъ въ 1883 г. онъ печатаетъ въ типографіи Св. Синода учебный часословъ и задумалъ готовить учебный октоихъ для школъ, который бы содержалъ въ себѣ только воскресныя службы всѣхъ восьми гласовъ. При печатаніи учебнаго часослова Николай Ивановичъ возбудилъ предъ Св. Синодомъ вопросъ объ исправленіи орографіи текста, чтобы

сдѣлать его понятнымъ, положивъ за основаніе правильность грамматическую. Такъ онъ требовалъ, чтобы мѣстоименіе ꙗ печаталось не слитно: молимъ ти ꙗ, чтобы а и ю отличались при употребленіи не механически: въ началѣ слова ꙗ, а въ срединѣ или на концѣ слова а, но согласно требованій грамматики: душе моа, грѣхи моа. Учеб. часословъ печатался въ Московской синодальной типографіи и въ такомъ объемѣ, чтобы дать школамъ все потребное на дневную жизнь. Къ ноябрю, благодаря содѣйствію К. П. Побѣдоносцева, часословъ вышелъ изъ печати въ количествѣ 20 т. экземпляровъ и былъ рекомендованъ вниманію И. Д. Делянова и епархіальныхъ преосвященныхъ. Въ слѣдующихъ изданіяхъ Н. И. постарался присоединить къ нему утренія и вечернія молитвы, кои находятся въ сокращенномъ молитвословѣ, чтобы изгнать изъ употребленія послѣдній. Часословъ былъ вскорѣ рекомендованъ подлежащими вѣдомствами для употребленія въ народ. училищахъ. Книга пошла очень ходко и въ 1889 г. было уже шестое изданіе. Съ каждымъ изданіемъ Николай Ивановичъ исправлялъ не только орѳографію, но и текстъ, на основаніи греческихъ подлинниковъ, стараясь возстановленіемъ правильныхъ формъ выяснить многія темныя мѣста, напр. „укрѣпи бѣдствующую и худую мою руку,“ „ятъ ю за руку и возста дѣвица“ и т. п. Въ 1884 г. былъ готовъ и учебный октоихъ, который вмѣстѣ съ объяснительной запиской отправленъ былъ въ Св. Сунодъ для просмотра и разрѣшенія. „Моя главная цѣль — чтобы народная школа получила уютный и дешевый октоихъ, а исправленіе текста на дальнемъ планѣ. Пусть нестѣсняются архипастыри браковать мои поправки, хотя бы наполовину и даже болѣе, только бы явился на свѣтъ и не закоснилъ учебный октоихъ,“ писалъ при семъ Николай Ивановичъ. Боясь, какъ бы многочисленность поправокъ не навела на мысль произвести коренной пересмотръ богослужебныхъ книгъ, онъ готовъ былъ отступиться рѣшительно отъ всѣхъ своихъ поправокъ, даже грамматическихъ, лишь бы только напечатали октоихъ и при томъ въ Москов. сунод. типографіи однимъ форматомъ и шрифтомъ съ учебнымъ часословомъ. Въ дѣлѣ церковномъ Николай Ивановичъ

былъ консерваторъ съ археологическимъ оттѣнкомъ; его сердце стремилось къ стройности и выразительности языка Кирилло-Меѳодіевскаго. „Если бы онъ не зналъ господствующей наклонности къ поновленіямъ, т. е. къ попиранію Кирилло-Меѳодіевскаго труда и характера, даже въ духовной и церковной нашей интеллигенціи, онъ не прочь бы желать радикальнаго пересмотра и исправленія нашихъ богослужебныхъ книгъ, именно ради возвращенія ихъ въ первобытную чистоту и благолѣпіе.“ Но теперь онъ считалъ опаснымъ затѣвать пересмотръ даже октоиха въ полномъ его составѣ; готовъ былъ допустить, чтобы сдѣланныя имъ посильныя замѣчанія и исправленія, если будутъ признаны Св. Сѵнодомъ основательными, были помѣщены „на брезѣ:“ готовъ былъ на изданіе безъ всякихъ поправокъ, если онѣ могутъ наводить читателя на соображенія, не выгодныя для нашего церковнаго текста, и тѣмъ нарушать миръ церкви. Составитель просилъ только сохранить объяснительную записку къ октоиху и „не хоронить ее заживо въ архивной могилѣ.“ Однако изданіе книги значительно задержано. Хотя октоихъ „посмотрѣли, похвалили и прошли мимо,“ но не признали его удобнымъ къ печати, и только послѣ многихъ хлопотъ удалось увидѣть книги въ печати.

Послѣ этого Николая Ивановича стала занимать мысль объ изданіи учебной псалтири. Нужно замѣтить, что въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ онъ довольно пристально сталъ вематриваться въ наши богослужебные тексты и книги, сличалъ ихъ съ греческими и старопечатными и пришелъ непарокомъ къ такому, между прочимъ, выводу, „что XVIII вѣкъ внесъ въ церковную область много чуждаго, мірского, страстнаго и подобострастнаго, а исправители библіи Петра и Елизаветы и священный языкъ окончательно перепортили.“ (29 ф. 1884 г. № 24). Особенно бросилась ему въ глаза „ина служба того же святаго пророка Захаріи и святыя праведныя Елисаветы“ при существованіи древней службы святаго пророка Захаріи, отца честнаго Іоанна Предтечи. (Минея служба 5 сент.). Онъ прослѣдилъ службу 30 августа, молебствіе предъ началомъ ученія и пришелъ къ выводу, что „храмъ Божій и церковныя книги въ XVIII вѣкѣ сдѣлались аре-

ной политическихъ симпатій и педагогическихъ воззрѣній.“ Просматривая старопечатныя книги, онъ нашелъ рядъ явленій, которыми обозначается ходъ постепеннаго употребленія крупныхъ (прописныхъ) буквъ въ Высочайшихъ титулахъ и именахъ. Такъ въ октоихѣ, напечатанномъ при царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ, имена и титулы напечатаны съ малыхъ строчныхъ буквъ, а тѣмъ болѣе имя патріарха. Такъ издревле въ рукописяхъ прописныя буквы употреблялись только въ началѣ статьи, въ началѣ стиха, напримѣръ, въ псалмахъ, а также послѣ большой точки, а въ текстѣ вездѣ писались строчныя буквы безъ исключенія именъ собственныхъ и божественныхъ. Но вотъ начинаются нововведенія въ царствованіе Императора Петра I: титулы и Высочайшія имена стали печататься прописными буквами, а въ книгахъ начала XIX вѣка мы видимъ, что вся царская фамилія писалась уже крупными буквами. Но рядомъ съ этимъ имена: Богъ, Господь и т. д. писались строчными буквами согласно древняго обычая. Признавая такую непослѣдовательность въ употребленіи прописныхъ буквъ неудобною, особенно въ учебныхъ церковныхъ книгахъ, Николай Ивановичъ говоритъ: „Во всякомъ случаѣ это противно вѣковѣчному обычаю церковно-славянской письменности и печати. Неужели нельзя вернуться въ этомъ частномъ случаѣ къ доброму старому?“ (29 февр. 1884 года). Разсматривая далѣе языкъ разновременныхъ редакцій церковно-славянскаго перевода псалтыри и евангелія, онъ собралъ много филологическаго матеріала, который изданъ въ „Размышленіи о сравнительномъ достоинствѣ въ отношеніи языка разновремен. редак. церковно-славянскаго перевода псалтыри и евангелія.“ 1882—1886 г.г.

Изучая въ 1884 г. русскій переводъ псалтыри, Николай Ивановичъ отъ души желалъ возвращенія „на царскій путь славянства“. Русскій переводъ онъ признавалъ дубоватымъ по языку и не симпатичнымъ для православнаго сердца. Въ „Размышленіи“ онъ разъяснялъ и доказывалъ церковное значеніе славянскаго языка и непригодность русскаго языка для православнаго богослуженія. Онъ признавалъ основательность мнѣнія автора статьи „Русская Церковь и сектантство“, что со времени появленія Но-

ваго завѣта на русскомъ языкѣ борьба церкви противъ сектантства дѣлается съ каждымъ годомъ тяжелѣе: что если православные будутъ плѣняться русскимъ переводомъ и бросать текстъ славянскій, то они уже прервутъ внутреннюю связь съ православной церковью. „Становится понятнымъ, почему иностранные миссіонеры съ такой настойчивостью распространяютъ русскій переводъ библіи и новаго завѣта“. Найдя въ лицѣ своего покровителя человѣка, не расположеннаго къ русскому переводу псалтыри и задумавшаго ея изданіе по-славянски съ исправленіемъ темныхъ мѣстъ по греческому подлиннику и древнеславянскимъ текстамъ, Николай Ивановичъ готовъ былъ притти на помощь самъ своими замѣтками и привлекъ къ дѣлу профессора Казанской Академіи г. Некрасова, знатока греческаго языка. Но въ тоже время онъ полагалъ, что „предварительно новыхъ попытокъ къ исправленію славянскаго перевода священныхъ и богослужебныхъ книгъ, нужно еще воспитать въ русскомъ народѣ, и особенно въ духовенствѣ, правильный вкусъ къ древнему славянскому благолѣпію, а для этого необходимо теперь же приготовить и издать полный учебный текстъ евангелія, составленный на основаніи изданій арх. Амфилохія и проф. Ягича и по ороографіи Остромировской. Такое изданіе, читаемое въ духовныхъ семинаріяхъ и училищахъ, а также любознательными клириками и мірянами, несомнѣнно оживитъ интересъ древнеславянскаго языка.“ Это было въ 1884 году. Но изданіе псалтыри задерживалось: хотя Некрасовъ старался объяснять темныя мѣста текста, но они составляли предметъ особыхъ заботъ издателя, отъ котораго требовалась большая осмотрительность. Николай Ивановичъ указываетъ ему въ качествѣ пособія на толковую псалтырь Евоимія Зигабена, самъ въ 1888 г. на экземплярѣ псалтыри выставляетъ по давно заготовленнымъ матеріаламъ желаемыя исправленія, замѣтки и цитаты, которыя онъ сдѣлалъ еще въ 1886 г., будучи въ Петербургѣ въ апрѣлѣ мѣсяцѣ. Поднявшись съ восходомъ весенняго солнца, онъ разъ усѣлся за работу предъ окошкомъ на востокъ да и просидѣлъ, невыряясь въ псалтыри и симфоніи, за полдень. Теперь эта весенняя работа была переписана и представлена высокому по-

кровителю. Учебная псалтырь однако была издана Николаемъ Ивановичемъ, только нѣсколько позже, послѣ замѣчаній П. А. Гильдебрандта *) по поводу предполагаемаго изданія. Онъ мечталъ и объ изданіи псалтыри параллельно на слав. и греч. языкахъ. Въ 1884 году Николай Ивановичъ пришелъ къ мысли, что слѣдовало бы возстановить церковный текстъ учебнаго новаго завѣта, „какъ по уваженію къ напрестольному евангелію, такъ и потому, что учебный, собственно Елизаветинскій текстъ произвелъ большую путаницу и смѣсь въ формахъ, напримѣръ, наполовину уничтожилъ двойственное число, наполовину оставилъ и изъ стройнаго и симметрическаго языка церковнославянскаго выдѣлалъ какую-то смѣсь. Но если этого пока еще нельзя сдѣлать, то нельзя ли по крайней мѣрѣ устроить такъ, чтобы къ завѣту обязательно прилагался указатель церковныхъ чтеній евангелія и апостола, и чтобы учебный завѣтъ въ такомъ составѣ въ достаточномъ количествѣ высылался для продажи по школамъ и въ частныя руки, въ устраненіе по возможности англійской библейской конкуренціи“.

Постоянно имѣя дѣло съ славянскими текстами, для перевода ихъ на инород. языки, Николай Ивановичъ съ грустію убѣждался, что исправители библіи въ 18 вѣкѣ, знатоки древнихъ языковъ, не имѣли никакого понятія о славянскомъ языкѣ. Такія выраженія, какъ „многи борютъ мя страсти“, представляя грам. неправильность, проходили и проходятъ не только безъ смущенія, но и безъ всякаго сознанія ошибки. Славянскій языкъ и его письменность исключительно духовнаго содержанія, и ему было грустно, что „въ духовенство всосалось пренебреженіе къ славянщинѣ“. Поэтому ему еще въ 1883 году пришла мысль издать древнеславянскій текстъ четвероевангелія на основаніи Востоковскаго Остромирова евангелія и Галичскаго евангелія, изд. о. Амфилохіемъ. Онъ въ началѣ думалъ ограничиться двумя евангелистами Матоеемъ и Маркомъ и пригласилъ на помощь мѣстнаго знатока славянщины профессора М. И. Петровскаго, пожелавшаго къ двумъ источникамъ присоединить и древнеславянскій

*) Справщика Петер Сун. типографіи.

текстъ евангелія отъ Матоея, изд. Миклошичемъ въ 1856 г.; а потомъ они выписали и Маріинское евангеліе изд. проф. Ягичемъ.

Запавшая въ голову мысль зрѣла. Николай Ивановичъ собиралъ необходимыя пособія. Особенно его заинтересовала статья Г. А. Воскресенскаго: „Характеристическія черты главныхъ редакцій славянскаго перевода евангелія по рукописямъ XI—XV вв.“. Къ 1887 г. онъ приготовилъ уже древнеславянскій текстъ Евангелія отъ Матоея, составленный по Остромирову, Маріинскому и Галичскому Евангеліямъ, и 17 декабря того же года Св. Синодъ разрѣшилъ печатаніе текста. Николай Ивановичъ, соглашаясь съ мнѣніемъ г. Воскресенскаго, что, „древній переводъ евангелія отличается точностью, вѣрностью подлиннику и ясностью при большей или меньшей свободѣ переложенія», рѣшилъ теперь издать все евангеліе, причемъ за евангеліемъ отъ Матѳея должно быть напечатано евангеліе отъ Іоанна, которое въ Остромировомъ спискѣ помѣщено почти цѣликомъ, съ самыми незначительными пропусками. Къ началу 1888 г. Николай Ивановичъ окончилъ печатаніе текста евангелія отъ Матѳея. Надъ этой книжкой онъ учился древнеславянской орѳографіи и постепенно приходилъ къ болѣе ясному и основательному ея пониманію. Ошибки и опечатки наводили грусть на издателя, и ему пришлось перепечатывать болѣе половины книжки. Придерживаясь Остромирова текста, онъ допустилъ написаніе священнаго имени Іисусъ съ двумя и однимъ „ижемъ“, въ цѣляхъ миссіонерскихъ, для большаго довѣрія старообрядческихъ читателей и ученаго безпристрастія; при чемъ въ предисловіи были приведены не только эти написанія, но и указаны мѣста Остромирова евангелія, гдѣ находятся.

Появленіе на свѣтъ текста Евангелія отъ Матоея было принято сочувственно со стороны К. П. Побѣдоносцева, А. О. Бычкова, профессоровъ М. П. Петровскаго и Н. Н. Булича. Они дали Николаю Ивановичу разъясненія; послѣдній познакомился съ изданіемъ Миклошича и „выяснилъ себѣ задачу не памятники воспроизводить, а на основаніи оныхъ дать по возможности точный текстъ Кирилло-Меѳодіевскаго перевода евангелія“. Издатель

теперь сталъ писать евангеліе отъ Луки и такъ усвоилъ древнюю орографію, что съ небольшими справками довольно свободно ставилъ юсы и друг. особенности древней орографіи По примѣру Миклошича, онъ писалъ теперь полныя слова, безъ сокращеній и собственныя имена, особенно Божественное Имя Іисусъ нормально, съ греческаго. Послѣ изданія евангелія отъ Луки, онъ думалъ приняться за евангеліе отъ Іоанна, а въ заключеніе напечаталъ бы евангеліе отъ Марка, котораго болѣе половины нѣтъ въ Остромировомъ спискѣ. Издатель представилъ въ Св. Синодъ проектъ новаго изданія и просилъ разрѣшенія напечатать и евангеліе отъ Луки (1888 г. 3 іюня) современнымъ церковнославянскимъ шрифтомъ.

Кропотливый трудъ Николая Ивановича оконченъ и напечатанъ. Къ 1890 г. былъ изданъ текстъ всего евангелія, допущенъ во всѣ семинаріи и среднія школы М. Н. Просвѣщенія; но послѣднія не потребовали ни одного экземпляра даже для фундаментальныхъ библіотекъ. „Мнѣ тягостенъ этотъ остракизмъ на мой посильный трудъ, пишетъ Николай Ивановичъ, который я производилъ съ такой любовью не съ корыстными разсчетами, а съ надеждой принести пользу общую“. Ограничительнымъ опредѣленіемъ Учеб. Комитетовъ обоихъ вѣдомствъ онъ считалъ себя положительно раздавленнымъ, можетъ быть, не понимая силы „допущенія“. Ему казалось, что этимъ словомъ уже выражено недопущеніе или даже запрещеніе доступа данной книги во всѣ мѣста, кромѣ того только мѣста, куда она допущена... Какое мнѣ удовольствіе смотрѣть на праздно-лежащіе экземпляры евангелія? и вотъ я сталъ раздавать экземпляры его знакомымъ и случайнымъ посѣтителямъ“.

Въ отзывѣ объ изданіи И. И. Ильминскаго было сказано: „При основномъ единствѣ текста переписчики вносили въ свои копіи разнообразіе грамматическихъ формъ, невыдержанность въ правописаніи и вообще печать своего мѣстнаго говора Устранивъ это разногласіе, г. Ильминскій далъ своему тексту общій уровень довольно выдержаннаго правописанія, по нормѣ, установленной филологами и принятой въ учебникахъ“. Допуская изданіе

для употребленія среди образованныхъ, которые бы пожелали читать древнеславянскій текстъ, изданный г. Ильминскимъ, для духовнаго назиданія и молитвеннаго самоуглубленія и возношенія», отзывъ признаетъ распространеніе этого изданія въ школахъ, въ качествѣ пособія, излишнимъ, такъ какъ ознакомленіе съ грамматикою древнеславян. языка всего лучше производить по драгоцѣнному тексту Остромирова списка, который даетъ твердую основу для сознательнаго изученія грамматики какъ языка неисправляемыхъ церковныхъ текстовъ, такъ и языка особенно русскаго.

Не желая вступать въ препирательства «съ высокимъ ученымъ авторитетомъ и почтенными сѣдинами своего рецензента». *) Николай Ивановичъ лишь просилъ разрѣшенія прислать въ Хозяйственное Управленіе при Св. Синодѣ 300 экз. евангелія для разсылки безъ всякой платы по семинаріямъ и духовнымъ училищамъ. Въ то время, какъ изданіе нашего замѣчательнаго дѣятеля лишь допускалось, чуть не признавалось излишнимъ, профессоръ Вѣнскаго университета извѣстный славистъ Ягичъ помѣстилъ на это изданіе слѣдующую обстоятельную рецензію въ Archiv für Slavische Philologie: „Эта книга хотя есть только изданіе текста, но имѣетъ принципіальное значеніе. Извѣстный своими познаніями восточныхъ языковъ г. И. Ильминскій изъ Казани уже не разъ съ энтузіазмомъ юноши указывалъ на высшія достоинства древне-славянскаго перевода евангелій. Его книга „Размышленіе о срав. дост. въ отн. языка разн. изд. церковнослав. п. псалтыри и евангелія въ 1886 г. явилось вторымъ изданіемъ.“ Затѣмъ Ягичъ говоритъ, что кто знаетъ грамматическо-лексикальную сторону ныне употребительнаго въ Россіи церковнаго текста евангелій, тотъ пойметъ, что г. Ильминскій имъ совсѣмъ недоволенъ. „Чтобы пріобрѣсти извѣстное воззрѣніе на древне-славянскій языкъ, которое каждый духовный собственно долженъ бы имѣть, реставрація въ смыслѣ г. Ильминскаго во всякомъ случаѣ заслуживаетъ предпочтенія. Она въ этой книгѣ и проведена, и даже довольно послѣдовательно, что въ человѣ-

*) Академика Ѳ. И. Буслаева.

кѣ, никогда не занимавшемся славистикой спеціально, заслуживаетъ великаго признанія.“ Приводя затѣмъ порядочный списокъ ошибокъ и опечатокъ, Ягичъ говоритъ: „Эти и другія ошибки, которыя надо сочесть большею частію за опечатки недосмотрѣнныя, могутъ быть исправлены во второмъ изданіи, котораго Я этому предпріятію желаю. Во всѣхъ духовныхъ заведеніяхъ такое евангеліе должно бы употребляться для упражненія въ дѣйствительно высокомъ церковно-славянскомъ языкѣ. Если стремленію автора достанется признаніе и одобреніе, то можно ожидать, что онъ такимъ же образомъ издастъ намъ еще по крайней мѣрѣ апостолъ и псалтырь... Спеціалисту доставляетъ великую радость, когда онъ видитъ, что результаты научнаго изслѣдованія и въ этой области начинаютъ дѣлаться общимъ достояніемъ.“

Николай Ивановичъ хотѣлъ было напечатать всю рецензію проф. Ягича въ русскомъ переводѣ, но воздержался въ виду того, что ратовалъ по поводу замышлявшагося исправленія церковнаго текста евангелія. Онъ видѣлъ въ Петербургѣ оконченное уже исправленіе и пришелъ въ ужасъ. Теперь онъ принялъ во вниманіе исправленія Ягича, перечиталъ свое изданіе, выставилъ на поляхъ опечатки и описки и опять увлекся текстомъ. Онъ представлялъ ему еще много загадокъ: тонкостей, основаній грам. формъ Н. И. еще не уловилъ. По себѣ онъ судилъ, какихъ знаній требуютъ исправленія; а при отсутствіи знаній, знакомства съ духомъ и буквой рѣчи попытки исправленій или поновленій могутъ завести Богъ знаетъ куда.

Между тѣмъ въ 11 № трудовъ Кіевской Академіи за 1888 г. была помѣщена статья „Еп. Авг. „по вопросу объ исправленіи богослужеб. книгъ“. Авторъ ея воспиталъ въ себѣ сильное желаніе видѣть наши богослужебныя книги передѣланными кореннымъ образомъ въ смыслѣ приближенія къ русскому складу. Появленіе учебныхъ октоиха и часослова навели его на мысль высказать накопившіяся мысли и чувства.

Опасаясь, что эти новаторскія мысли идутъ отъ одного изъ высшихъ членовъ русской православной іерархіи, пропагандирующаго ихъ въ общую извѣстность и полагающаго, что исправле-

ніе и изданіе богослуж. книгъ можетъ быть дѣломъ частнаго лица, Николай Ивановичъ рѣшительно возсталъ противъ исправительскихъ поползновеній, ибо мы далеко не достигли тѣхъ знаній, которыя необходимы для основательнаго исполненія этого дѣла, и бывшія исправленія только портили тексты. Онъ задумалъ помѣстить въ Православ. Собесѣдникѣ исторію учебныхъ часослова и октоиха (по запискѣ и проекту октоиха отъ 23 апр. 1884 г.), протестуя противъ самаго способа и направленія передѣлки церковнаго текста, о коемъ мечтаетъ Еп. Авг., равно и противъ мысли, что такое исправленіе можетъ быть дѣломъ частнаго лица. При этомъ долженъ быть принятъ и напѣвъ, такъ какъ при рѣшительномъ измѣненіи текста произойдетъ ломка и въ напѣвѣ. Напримѣръ, если измѣняющее слово имѣетъ больше слоговъ, или если перемѣщается логическое ударепіе, то требуется значительная передѣлка въ напѣвѣ, въ распредѣленіи нотъ. Еп. Авг. въ своей статьѣ: „по поводу изданія учебнаго октоиха и учебнаго часослова“ съ рѣзкою откровенностію высказываетъ глубоко-сердечную скорбь, что ему приходится читать и слышать такія выраженія, «въ которыхъ нельзя открыть не только логическаго смысла, но часто и простого грамматическаго», благодаря ихъ неточности, неясности и безграмотности. Указавъ нѣсколько такихъ выраженій и сдѣлавъ нужныя поправки, авторъ высказалъ и свои исправительные принципы, ратуя за ясность и вразумительность церковныхъ пѣснопѣній и молитвословій ради ихъ назидательности и умилительности. Тотъ же авторъ напечаталъ и все продолжалъ печатать въ Душеполезномъ Чтеніи свои полуславянскія и полурусскія переложенія праздничныхъ каноновъ и стихиръ, называя ихъ новымъ переводомъ на церковнославянскій языкъ. Изъ этихъ трудовъ видно его близкое и подробное знакомство съ греческими и славянскими текстами и радикальное направленіе исправленія въ духѣ русскаго языка. Проявленіе такихъ новаторскихъ наклонностей въ лицѣ изъ высшаго духовнаго сословія наводитъ Николая Ивановича на мысль, что наши духовныя высшія и среднія школы пропитаны духомъ научнаго абсолютизма, а въ отношеніи къ родному и древнеславянскому — индифферентизма. „Это.

конечно, фатализмъ или лучше — испытаніе Божіе, но неблагоразумно не употреблять противъ опасныхъ случайностей посильныя мѣры. Я изложенное стремленіе къ поновленію церковныхъ текстовъ готовъ приписать всеобщему незнанію древнеславянскаго языка и перевода, господствующему въ нашемъ духовенствѣ, и тѣмъ паче, чѣмъ ученѣе и выше. А это я приписываю обязательному требованію отъ русской науки твердаго знакомства съ современными изслѣдованіями иноземныхъ богослововъ положительнаго и отрицательнаго направленія". Чтобы привлечь мысль къ древнеславянскому переводу и языку, онъ предлагаетъ безплатно 75 экз. изданнаго имъ евангелія отъ Матѳея для разсылки во всѣ духовныя семинаріи, равно проситъ разослать по семинаріямъ его „Размышленіе", находящееся въ синодальномъ складѣ, и обѣщаетъ безплатно разослать по семинаріямъ и будущій полный текстъ евангелія (29 марта 1889 года).

Постоянно имѣя дѣло съ богослужебными и священными книгами, Николай Ивановичъ глубоко интересовался филологической и поэтической сторонами текста. Остановится его вниманіе на какомъ нибудь словѣ, выраженіи церковной молитвы, и онъ освѣтитъ по славянскимъ и греческимъ источникамъ ихъ происхожденіе, грамматическій смыслъ, нарисуетъ поэтическую картину природы, раскрывая смыслъ вдохновенной рѣчи. „Напишетъ и пошлетъ одному изъ сочувственныхъ друзей своихъ". Такъ онъ обращалъ вниманіе на слова молитвы Господней: „яко на небеси и на земли" и относилъ это ко всѣмъ 3 первымъ прошеніямъ, полагая, согласно толкованія преосвященнаго Филарета, что это собственно не три прошенія, а одно собственно прошеніе, только для большаго уясненія или усиленія съ трехъ сторонъ выраженное. Николай Ивановичъ спрашиваетъ: „кто раздѣлилъ молитву Господню на семь прошеній? Спаситель не дѣлилъ". Онъ находитъ болѣе удобнымъ дѣленіе ея на 4 прошенія. Равно Символъ вѣры, по его мнѣнію, долженъ имѣть 5 или 6 членовъ вмѣсто 12, когда 2, 3, 4, 5, 6, 7 будутъ соединены въ одинъ, какъ ученіе о второмъ лицѣ св. Троицы: 9-й членъ можетъ быть соединенъ съ 10, а 11-й съ 12.

Точно также онъ удивляется, что насчитали 9 блаженствъ, тогда какъ евангелистъ Лука приводитъ ихъ всего 4, да и то въ другомъ порядкѣ. „Дѣленіе есть разсѣченіе живого тѣла, стало быть убійство, омертвленіе... Но особенно вредно это раздѣленіе на практикѣ нѣкоторыхъ законоучителей и экзаменаторовъ, которые мучаютъ мальчишекъ разбросанными вопросами: какъ читается 5-й членъ символа вѣры? Какъ 10-й?, какъ 3-й? Гоняютъ ихъ изъ угла въ уголъ, равно также по заповѣдямъ, по блаженствамъ и по молитвѣ Господней. И обратили живое слово Божіе въ гимнастику памяти, самую бездушную и безсмысленную". Николай Ивановичъ интересовался знать, откуда у насъ появился катихизисъ въ существующемъ видѣ, когда у грековъ не было такого катихизиса, а были исповѣданія вѣры, для опредѣленія отдѣльныхъ догматовъ. Ему кажется, что катихизисъ—дѣло западной средневѣковой схоластики; не нравится ему тѣмъ, что онъ „старается втиснуть все христіанское ученіе въ рамки символа вѣры, молитвы Господней и т. д. На это потребовалось остроуміе митрополита Филарета, но и ему не всегда это удавалось. У грековъ прямо изучали священное писаніе, богослужебныя книги, творенія св. отецъ, почерпали воду изъ источниковъ живыхъ и обильныхъ"... Катихизисъ годится развѣ только для сгруппировки уже раньше начитаннаго и усвоеннаго живого матеріала: въ начальныхъ же школахъ не должно быть ни катихизиса, ни раздробленія молитвы Господней и прочаго на части и члены. Эти мысли могли бы имѣть примѣненіе въ нашихъ православныхъ школахъ".

Встанетъ, бывало, Николай Ивановичъ весною на восходѣ солнца, откроетъ псалтирь, или ему на память придетъ изреченіе псалма, напримѣръ 103: „на тыхъ птицы небесныя привитаютъ". „Что за форма: на тыхъ?" спрашиваетъ онъ. «Справляюсь съ древнимъ псалтыремъ по изд. преосв. Амфилохія, оказывается: на ты.. винительный падежъ. Связь рѣчи: стих. 10 *Посредѣ горъ пройдутъ воды .. на ты* (т. е. на воды—то) *птицы небесныя привитаютъ*, т. е. сверху, съ воздуха или съ горъ-то спускаются и гнѣздятся небесныя пташки. *Отъ среды камній дадятъ гласъ.* Какая картина! Въ ущельяхъ межъ скалъ

и утесовъ протекаютъ ручьи, на нихъ могутъ расти кусточки. И вотъ пташки заводятъ на этихъ кустахъ гнѣзда и поютъ себѣ на привольи, и далеко по ущельямъ и скаламъ разносятся ихъ голоса»..... Вотъ одно изъ тѣхъ многихъ картинныхъ объясненій, которыми дарилъ поэтъ—филологъ своихъ друзей. Въ письмахъ къ нимъ онъ то возстановляетъ самостоятельное употребленіе мѣстоименія сѧ, то возстаетъ противъ поваторскаго употребленія въ богослужебныхъ книгахъ прописныхъ буквъ тамъ, гдѣ въ древнихъ славянскихъ спискахъ были строчныя; то возстановляетъ смыслъ выраженія, напр. въ I-мъ посланіи къ Тимоѳею: „Молю прежде всѣхъ за... царя (царѧ)", то хлопочетъ о возстановленіи древняго слова царь, которое съ 1721 года, послѣ окончательной побѣды надъ шведами, замѣнено титуломъ императоръ. „А почтенное слово: царь до того унизили, что вставили въ титулъ: царь польскій, а до царя ему далеко. Унизили имя: царь, а небесный—то Царь?".. Въ словѣ преосв. Амвросія „о благодарности„ на 17 октября разъ пять въ двухъ мѣстахъ все говорится слово царь, и лишь однажды употреблено въ концѣ слово императоръ и то въ родѣ оффиціальнаго титула". Николай Ивановичъ полагалъ, что слово царь —церковное и въ богослужебныхъ книгахъ оно къ мѣсту, при выраженіи сердечнаго религіознаго чувства. Его интересуетъ, почему въ тропарѣ св. Николая есть слово „священноначальниче", а въ общемъ тропарѣ святителямъ это слово пропущено. Въ славянскомъ древнемъ переводѣ стояло: святитель. И онъ замѣчаетъ, „что грамматисты и эллинисты XVII вѣка въ погонѣ за буквальною точностію многое уничтожили изъ древняго разумнаго и здраваго". Имъ объясняется выраженіе „единъ субботъ" и т. п.

При занятіяхъ богослужебными текстами Николай Ивановичъ еще въ 1883 году захотѣлъ уяснить себѣ правила церковной орографіи. Ему бросились въ глаза, что въ изданіи Саратовскаго братства Креста: „Молитвы и пѣснопѣнія изъ богослужебныхъ книгъ православной церкви" орографія принята совершенно русская, нѣтъ не только сокращеній съ титлами, но даже и удареній. Онъ „пустился въ составленіе нѣкоторымъ обра-

зомъ учебника церковно-славянской грамоты" по богослужебнымъ изданіямъ Московской Син. Типографіи, стараясь привести и разъяснить основанія и принципы церковной орографіи, чтобы она представляла видъ нѣкоторой маленькой системы. Этимъ онъ и пользовался при изданіяхъ часослова, октоиха, псалтири. И когда Николай Ивановичъ получилъ „симпатичное и радостное" извѣстіе: „Нынѣ у насъ (въ Св. Синодѣ) уже положено и свыше разрѣшено печатать выходные листы въ концѣ и титулы разрядкою" (май 1889 г.), онъ усердно просилъ примѣнить это распоряженіе при изданіи упомянутыхъ выше богослужебно-учебныхъ книгъ.

При изслѣдованіи отдѣльныхъ пѣснопѣній Николай Ивановичъ въ 1884 году обратилъ вниманіе на „Послѣдованіе благодарственнаго и молебнаго пѣнія въ день Рождества Господа нашего Іисуса Христа" и нашелъ сильное сокращеніе молитвы въ книгѣ молебныхъ пѣній изданія 1870 г. сравнительно съ упомянутымъ „послѣдованіемъ" (1882 г.) Пропуски всѣ очень сильные и патріотическіе. Молитва въ полномъ своемъ составѣ представляетъ великолѣпный памятникъ настроенія русскихъ въ отечественную войну. „И нашлась жестокая рука, которая отсѣкла сіи высокія и поучительныя мѣста въ молитвѣ, исказивъ ея художественное построеніе". И Николай Ивановичъ „съ благодарностью къ рукѣ, возстановившей драгоцѣнный памятникъ, вклеилъ послѣдованіе въ книгу молебствій, дабы въ семинарской церкви впредь читалась полная, художественная и поучительная молитва".

Изслѣдуя исторію молебнаго пѣнія на новый годъ, Николай Ивановичъ нашелъ, что въ книгѣ молебныхъ пѣній 1763 г. его нѣтъ и оно появилось лишь въ изданіи 1784 г. и своимъ упоминаніемъ объ агарянскомъ нечестіи, объ ересяхъ и отступствахъ, наводитъ на мысль, что составлено послѣ турецкихъ войнъ, въ виду французской революціи и массонства. Новолѣтнее молебствіе въ 1887 году поразило Николая Ивановича живописностью и граціозностью изображеній, напримѣръ: „Исходы утра и вечера украсиши. Начало псалма 64: „Тебѣ подобаетъ пѣснь, Боже,

въ Сіонѣ“ можетъ быть отнесено къ православной церкви, а выраженіе: „словеса беззаконникъ перемогоша насъ“ точь-въ-точь приходится къ намъ, русскимъ, противъ которыхъ направлены клеветы и сплетни Западной Европы. Изъ архивныхъ дѣлъ Св. Синода Николай Ивановичъ добылъ оригиналъ молебнаго пѣнія на новый годъ 1788 г. Сличивъ его съ нынѣшними, онъ нашелъ, что въ молебное пѣніе вошла идея Императрицы Екатерины о завоеваніи Константинополя и присоединялось даже осѣненіе архіереемъ во всѣ стороны крестомъ, но зачеркнуто. Разслѣдуя исторію молебнаго пѣнія о начатіи ученія отроковъ по оригиналу 1788 г., сравнительно съ современными, Николай Ивановичъ замѣтилъ, что въ молебное пѣніе 1788 г. вошли педагогическіе идеалы народныхъ школъ, скопированныхъ съ австрійскихъ, напримѣръ, вмѣсто древняго: „свѣтомъ твоего богоразумія“ поставлено „свѣтомъ твоего благоразумія“. Такъ какъ теперь идеалы школы возвратились къ православно-церковному направленію, то онъ полагалъ, что молебное пѣніе нужно приблизить къ древнему церковному типу, какой доселѣ сохранился въ листовомъ требникѣ. Въ концѣ 1887 г. Николай Ивановичъ издалъ „Исторію молебнаго пѣнія“, гдѣ проведены и довольно подробно разработаны всѣ молитвы и послѣдованія. Ему хотѣлось „Молебное пѣніе при началѣ ученія отроковъ“ замѣнить „Послѣдованіемъ“, егда приходитъ отроча учитися священнымъ писаніемъ. Событіе 17 октября 1888 г. произвело на Николая Ивановича сильное впечатлѣніе. Онъ вмѣстѣ со всею вѣрующею Россіею увидѣлъ въ этомъ проявленіе благости Божіей надъ царскимъ семействомъ и считалъ въ высшей степени поучительными величіе духа Государя, доблесть христіанскую и то крайнее смиреніе, съ которымъ Государь принялъ милость Божію.

Когда въ 1889 г. онъ получилъ отъ своего друга „Послѣдованіе благодарственнаго и молебнаго пѣнія мѣсяца октоврія въ 17 день“, то призналъ логичными содержаніе и порядокъ дополнительныхъ прошеній на великой ектеніи. Разумностью онъ называлъ отмѣнное соотвѣтствіе приведенныхъ изъ св. Писанія мѣстъ, напр. паремій изъ Исаіи, апостола и евангелія. Особенную

назидательность онъ усматривалъ въ колѣнопреклоненной молитвѣ „Вся она очень хороша, но особенно назидательно ея окончаніе: „да взыщемъ въ просвѣщеніи нашемъ истины Твоея, въ начинаніяхъ славы Твоея, въ дѣлахъ нашихъ соблюденія святыхъ Твоихъ заповѣдій, и да будетъ на царехъ нашихъ и на державѣ россійстѣй благоволеніе, милость и благословеніе отнынѣ и до вѣка". Попутно онъ указалъ и на ошибки: „молимъ ти" вм. „молимъ ти ся", „мятежа" вм. „мятежа", „дивно сохранивъ всѣхъ чадъ вм. вся чада", о „еже и въ предняя призрѣти", а лучше—„призирати".

Кромѣ провѣрки богослужебныхъ текстовъ и изданія ихъ, Николай Ивановичъ воспользовался своею любовію къ церковной славянщинѣ въ цѣляхъ учебныхъ. Когда въ 1884 г. началось возстановленіе церковно-приходскихъ школъ, онъ въ нихъ увидѣлъ могучее средство воспитать русскій народъ въ любви къ церкви и отечеству, что давно дѣлалъ по отношенію къ инородцамъ въ своихъ миссіонерскихъ школахъ. Поэтому Николай Ивановичъ ревностно примкнулъ къ начавшемуся движенію, сталъ въ число членовъ синодальнаго Учил. Совѣта и своею педагогическою опытностью много содѣйствовалъ правильному устройству школьнаго дѣла. Мало этого, онъ началъ составлять книжки для начальныхъ русскихъ школъ, преимущественно церковно-приходскихъ. Въ 1885 г. онъ составляетъ „Обученіе церковно-славянскому чтенію", какъ приложеніе къ „Книжкѣ для чтенія" А. П. Сердобольскаго. Матеріалъ взятъ изъ богослужебныхъ книгъ, а при печатаніи Николай Ивановичъ постарался представить текстъ образцовый, вполнѣ согласный съ московской церковной орѳографіей. Первый опытъ однако нашелъ себѣ строгаго цѣнителя въ лицѣ Гильдебрандта *), который представилъ много поучительныхъ замѣчаній, произведшихъ сокрушающее впечатлѣніе на автора этого перваго опыта. Однако авторъ принялъ къ свѣдѣнію многія полезныя указанія критика, особенно относительно „опущенія въ книгѣ и объяснительныхъ замѣчаній для народныхъ

*) П. А. Гильдебрандтъ, правитель дѣлъ и членъ Археографической Коммиссіи Мин. Нар. Пр., справщикъ Петерб. Синод. Типографіи, авторъ Справочнаго и объяс. словаря къ Новому Завѣту, издатель многихъ памятниковъ, помогалъ И. Ив. въ его славянскихъ занятіяхъ.

учителей". Поэтому въ слѣдующемъ изданіи (1887 г.) „Обученіе" уже составляло отдѣльныя книжки для учениковъ и для учителей и ходко пошло по церковнымъ школамъ.

Въ 1888 г. Николай Ивановичъ составилъ „Церковнославянскую азбуку для церковно-приходскихъ школъ и для школъ грамоты", а еще раньше представилъ на предварительное воззрѣніе Училищнаго Совѣта свою статью: „Обученіе по церковнославянской азбукѣ", напечатанную въ кіевскомъ журналѣ: „Церковно-приходская школа", гдѣ изложилъ свою идею, какъ бы оживить заброшенный старый способъ обученія азбукѣ. Совѣтъ отнесся къ его мысли вполнѣ сочувственно, не высказывая впрочемъ рѣшительнаго сужденія о будущей еще тогда работѣ. Упомянутая азбука и представляетъ небольшой опытъ, въ которомъ онъ примѣнилъ свои взгляды, „обработалъ идею вѣрную". Этотъ опытъ могъ подвинуть и другихъ заняться подобной же работой. Азбука вышла въ 2 книжкахъ: для учителей и для учениковъ. Въ 1886 г. Николаю Ивановичу вздумалось просмотрѣть краткую грамматику церковно-славянскаго языка для духовныхъ училищъ, и онъ замѣтилъ въ ней не мало явныхъ описокъ, недосмотровъ и обмолвокъ и поспѣшилъ сообщить свое наблюденіе, тѣмъ болѣе, что грамматика еще готовилась къ выпуску. Выписавъ цѣлую массу погрѣшностей, онъ призналъ одинѣ корректурными ошибками; другія, по его мнѣнію, завнсѣли онъ неправильнаго взгляда на задачу. Грамматика была написана для языка нашихъ церковныхъ книгъ. Авторъ ея принялъ за основаніе Елизаветинскій текстъ. Ему хотѣлось соблюсти научность; между тѣмъ смѣсь славянскихъ формъ съ русскими въ Елизаветинскомъ текстѣ разрушала всю послѣдовательность и научность. Это вошло въ самую сущность труда, и масса противорѣчій должна спутать умы учениковъ, особенно спряженія и склоненія, представляющія „трущобу непроходимую.

Производя разслѣдованія богослужебныхъ текстовъ, Николай Ивановичъ разыскивалъ по мѣстнымъ церквамъ старыя изданія и находилъ послѣднія 18-го и 17-го вѣковъ; но они были растрепаны, разбиты и не полны. Въ одной церкви по книгѣ мо-

лебныхъ пѣній временъ Императора Павла I доселѣ отправляли благодарственный молебенъ. „Старопечатныя книги свято хранились многочисленными и усердными чтителями—старообрядцами. а мы то что бережемъ и чѣмъ дорожимъ? Будьте увѣрены, что лѣтъ чрезъ 20—30 и лоскутковъ не останется отъ этихъ книгъ“ говоритъ Николай Ивановичъ. Ему случайно достался отъ одного священника Тверской епархіи служебникъ съ именемъ благовѣрнаго царя и Великаго Князя Алексѣя Михаиловича, по православной редакціи. Экземпляръ былъ раздѣленъ на нѣсколько переплетовъ, изъ которыхъ сохранились только два, и тѣ довольно растрепаны и отчасти растеряны. Онъ велѣлъ ихъ подшить и отдалъ въ библіотеку Каз. Академіи, какъ замѣчательность. Судя по нѣкоторымъ поправкамъ и варіантамъ на поляхъ, натиснутымъ отъ руки и по грубоватой работѣ, это былъ какой-то подробный экземпляръ въ родѣ первоучины: тогда еще не совсѣмъ установился новоисправленный текстъ. Николай Ивановичъ посему просилъ своего друга и покровителя „сдѣлать административное распоряженіе отъ своего имени по всѣмъ епархіямъ, чтобы изъ монастырей, соборовъ и церквей всѣ новоисправленныя книги XVII, XVIII и пожалуй даже первой четверти XIX столѣтія были представлены въ мѣстныя духовныя семинаріи и академіи; въ академіяхъ и семинаріяхъ сдѣланы были бы имъ реестры, съ обозначеніемъ мѣста и времени напечатанія, по выходнымъ листамъ, если они цѣлы, или по евтеньямъ приблизительно. Такимъ путемъ можно бы составить собраніе всѣхъ по порядку изданій церковныхъ, священныхъ и богослужебныхъ книгъ каждой типографіи. Таковыми собраніями нужно снабдить всѣ духовныя академіи, а кромѣ того, сдѣлать по мѣстамъ въ нѣкоторыхъ епархіяхъ церковные музеи. А текущихъ изданій нужно выслать непремѣнно въ каждую академію по экземпляру, замѣняя подносные.“

Замѣчательная мысль Николая Ивановича, высказанная 2 января 1885 года, судя по газетнымъ сообщеніямъ, начинаетъ приводиться въ исполненіе лишь теперь именно путемъ заведенія епархіальныхъ древлехранилищъ.

Отдаваясь всею душою книжному дѣлу, Николай Ивановичъ старался поощрять въ этомъ отношеніи и своихъ семинарскихъ сослуживцевъ. Когда А. П. Сердобольскій составилъ „Книжку для чтенія“ для употребленія въ народ. училищахъ, Николай Ивановичъ принимаетъ въ этомъ изданіи самое живое участіе, присоединяетъ къ ней свое „Обученіе церковно-славян. чтенію,“ рекомендуетъ эту книжку, какъ совершенно удобопонятную для дѣтей по изложенію, интересную по содержанію; надѣется, что она понравится и С. А. Рачинскому. Про автора онъ пишетъ къ своему другу, что Сердобольскій „поистинѣ составляетъ основу и краеугольный камень Казанской учит. семинаріи, служа въ ней безраздѣльно съ самаго основанія. Какъ преподаватель русскаго языка и словесности, старающійся не просто передать ученикамъ русскую этимологію и орографію, какъ сухой регламентъ, но показать въ тоже время живописность и красоту русскаго слова, онъ не замѣнимъ. И все это онъ ведетъ съ любовію и нѣкоторою восторженностію или вѣрнѣе съ одушевленіемъ. Онъ не остановился на одномъ законченномъ курсѣ, а съ каждымъ годомъ вводитъ новыя мысли и улучшенія. Теперь, напримѣръ, онъ настаиваетъ на выразительномъ и художественномъ чтеніи, на практикѣ показывая и разъясняя своимъ ученикамъ, какъ отъ того или другого чтенія мѣняется самая мысль. Его изданіе не есть барышничество или спекуляція, а есть добросовѣстный трудъ ради пользы народнаго образованія и воспитанія. Черезъ недѣлю я представлю Вамъ отпечатанные листы „книжки“ и образчики ея картинокъ для того, чтобы Вы составили понятіе о ея внѣшности и частью направленіи. Но и заранѣе убѣдительнѣйше прошу Вашего содѣйствія и покровительства этому изданію. А мое немудрое „Обученіе церковно-славянскому чтенію“ имѣетъ необходимую связь съ этой книжкой. Если это мое издѣліе найдете полезнымъ для церковно-приходскихъ школъ, то Сердобольскій сдѣлаетъ значительную уступку на нее.“ „Только неутомимая энергія, художественная взыскательность да точность, безотвязная настойчивость добиться возможно лучшаго исполненія своей идеи, отличающія характеръ Сердобольскаго, могли достигнуть такого

результата, какой Вы видите," писалъ Николай Ивановичъ, представляя его „Книжку" К. П. Побѣдоносцеву. „Книжку свою онъ издастъ въ трехъ видахъ: одинъ для русскихъ безъ обозначенія ударенiй, другой съ обозначеніемъ ударенiй черненькими буквами —для крещеныхъ инородцевъ, третій—съ такимъ же обозначеніемъ ударенiй, но безъ картинокъ и безъ славянскаго приложенія—для магометанъ." (4 дек. 1884 г.).

Точно также И. И. рекомендовалъ вниманію К. П. Побѣдоносцева и другого преподавателя В. И. Витевскаго, автора капитальнаго изслѣдованія о Неплюевѣ, и мудрый покровитель оказалъ живое участіе въ подпискѣ печатныхъ трудовъ этого литературнаго работника по исторіи Уральскаго казачьяго войска Государю Наслѣднику Цесаревичу Николаю Александровичу, благоволившему пожаловать изъ царскихъ щедротъ вспомоществованіе на изданіе трудовъ Вл. Николаевича. Сообщая свѣдѣнія о дальнѣйшихъ работахъ В. И Витевскаго о Неплюевѣ, Николай Ивановичъ сообщаетъ между прочимъ, что въ Оренбургѣ Витевскій нашелъ иконостасъ походной церкви, устроенной Петромъ Великимъ для своего крестника калмыцкаго тайши, и вдовою послѣдняго подаренной Неплюеву. Иконостасъ написанъ художественно на шелковой матеріи; теперь стоитъ на горнемъ мѣстѣ въ церкви Неплюевскаго Кад. Корпуса. Стоитъ такъ, что мѣстныя иконы сближены, а царскія врата поставлены по краямъ, каждая половина на соотвѣтственномъ мѣстѣ.

Но еще большаго вниманія и покровительства Николая Ивановича заслужили труды преподавателя семинаріи С. В. Смоленскаго по церковному пѣнію, любимому дѣлу инородческихъ школъ. Когда Смоленскій приготовилъ въ 1884 г. курсъ хорового пѣнія, Николай Ивановичъ убѣдительнѣйше просилъ своего друга защитить, поддержать и осуществить этотъ курсъ, который „своею пользою и потребностію перевѣситъ всѣ октоихи, и часословы въ сложности, ибо пѣніе вліятельнѣе и сильнѣе чтенія". Получивъ рукопись обратно съ указаніемъ должныхъ исправленій, авторъ не замедлилъ сдѣлать капитальную переработку учебника, согласно произведенныхъ имъ лѣтомъ 1884 г. наблюденій за преподава-

ніемъ хорового пѣнія и музыки за границей. „И увѣренъ, говоритъ Николай Ивановичъ, что изданіе его учебника и та польза, какую эта книга станетъ приносить народнымъ школамъ, усугубитъ ревность Смоленскаго къ церковному пѣнію и сильно поощритъ и подвинетъ его собственное пѣвческое образованіе и опытность". Смоленскій пересмотрѣлъ и довольно подробно изучилъ пѣвческія рукописи Соловецкой библіотеки: большинство ихъ крюковыя; есть нѣсколько очень старыхъ — XV и XVI в. Онъ собралъ изъ нихъ много матеріала, который можетъ составить своего рода археологическую монографію о церковномъ пѣніи. Высокій покровитель принялъ учебникъ подъ свое покровительство, и онъ вышелъ на свѣтъ, при живомъ участіи Николая Ивановича въ этомъ дѣлѣ.

С. В. Смоленскій задумалъ потомъ передѣлать этотъ курсъ для духовныхъ семинарій и издать азбуку Мезенца и описаніе Соловецкихъ крюковыхъ нотныхъ рукописей. Денежное пособіе изъ суммъ Св. Синода было дано, и въ 1887 г. авторъ-издатель съ утра до ночи сидѣлъ надъ своими разнообразными корректурами, да мимоходомъ сталъ печатать описаніе харатейнаго ирмологія Воскресенскаго монастыря XII вѣка со снимками замѣчательныхъ мѣстъ. „Его работа надъ курсомъ и крюками, производимая такъ энергично и отчетливо, во-первыхъ, ясно показала и опредѣлила его талантъ и призваніе, во-вторыхъ, рѣшительно содѣйствовала его развитію и возмужанію; теперь можно сказать, что онъ пришелъ въ мѣру возраста настоящаго работника на этой важной и обширной нивѣ православнорусской церковности — церковнаго пѣнія, для котораго въ немъ соединились и критическое сужденіе, и музыкальный талантъ, и практическая опытность, и сила регентская. Я имѣю слабость обобщать и строить планы. Эта моя черта такъ и рвется пофантазировать надъ будущей судьбой вышеупомянутаго крупнаго и рѣдкаго таланта; но здѣсь я поставлю точку", пишетъ Николай Ивановичъ.

Курсъ Смоленскаго въ настоящемъ его видѣ и составѣ предназначенъ былъ для людей, начинающихъ нотное обученіе прямо съ азовъ, для занятій въ учительской семинаріи, въ которой

есть дѣтскіе голоса и достаточное число часовъ для занятій. Курсъ заключалъ въ себѣ цыфирную нотацію. Онъ встрѣтилъ доброе мнѣніе со стороны К. Петр. Побѣдоносцева, который и предложилъ Н. И. передѣлать курсъ для духовныхъ семинарій на круглыя ноты, такъ какъ семинаристы уже прошли элементарный курсъ пѣнія въ духовныхъ училищахъ. Николай Ивановичъ постарался выступить въ защиту цифирной нотаціи, впервые заведенной о. Макаріемъ, алтайскимъ миссіонеромъ, въ Казанской Крещенотатарской школѣ. Онъ указывалъ, напримѣръ, на сочувствіе, которое встрѣтили курсъ люди, занимающіеся нотнымъ пѣніемъ. „Цифирная система, весьма удобная для начальнаго обученія и для разъясненія элементарныхъ правилъ пѣнія и гармоніи, крѣпко привилась въ здѣшней учительской семинаріи, говоритъ Ильминскій, а также у татаръ, чувашъ и др. инородцевъ. Благодаря цифрамъ, всѣ эти простыя дѣти основательно усваиваютъ законы музыки, сознательно исполняютъ церковное пѣснопѣніе, могутъ дать отчетъ въ построеніи аккордовъ и распредѣленіи голосовъ. Если цифирная система уже такъ прочно укоренилась и получила столь широкое распространеніе, то и оставимъ ее въ покоѣ. Я слышалъ, что она практиковалась не очень давно и въ Петербургѣ въ заведеніяхъ Императрицы Маріи. Значитъ, и въ Петербургѣ она можетъ имѣть сторонниковъ. Противъ нея стоятъ въ Петербургѣ члены придворной капеллы, опасаясь подрыва своимъ изданіямъ, петербургскіе производители школьныхъ пособій; они же и цѣнители не безпристрастные къ произведеніямъ провинціаловъ. Къ этому нужно присоединить и силу привычки. Архіерейскій пѣвчій отъ молодыхъ ногтей сродняется съ круглою нотой, и ему не милы не только цифры, но даже и квадратныя ноты Не эта-ли причина, что въ Петербургѣ на этихъ годахъ нѣкоторые учебники для церковнаго пѣнія обиходнаго были напечатаны круглыми нотами вмѣсто квадратныхъ... Круглыя ноты — созданіе итальянское, католическое, иноземное и иновѣрное. Вошли онѣ въ русскую церковь случайно и не особенно давно; вошли силою власти, чрезъ придворную капеллу и архіерейскіе хоры, какъ на западѣ унія вошла чрезъ высшее духовенство и

магнатовъ. Съ этими нотами вошли въ нашу церковь чужіе, а подъ-часъ и неприличные напѣвы. Мнѣ кажется, круглыя ноты принесли въ нашу церковь столько зла и растлѣнія, что ихъ пора бы давно изгнать изъ церковной ограды; пусть онѣ остаются на театральныхъ подмосткахъ. Цифры мнѣ тѣмъ дороги, что онѣ изподтишка подкапываютъ вѣру въ рѣшительный и исключительный авторитетъ и необходимость итальянской ноты. Потеряли мы, какъ старый хламъ, отбросили почтенныя, чисто русскія знамена. Ястребовъ прислалъ Смоленскому греческій учебникъ церковнаго пѣнія въ двухъ частяхъ, составленный и напечатанный въ Салоникахъ въ недавнее время. Это что-то очень интересное. Когда Смоленскій покончитъ свои работы надъ соловецкими крюками, то хочетъ, при помощи какого нибудь грека, приняться за этотъ учебникъ и узнать греческую систему церковнаго пѣнія. Достойно замѣчанія и даже бы подражанія, что въ этомъ учебникѣ напѣвы изображены не нотами, а своими греческими знаменами, отличными отъ всѣхъ крюковъ. Не думаю, чтобы салоникскій грекъ былъ незнакомъ съ итальянской музыкой и съ круглыми нотами; но онъ, стало быть, крѣпче насъ, русскихъ, духомъ патріотизма и церковности". Николай Ивановичъ очень испугался, что Смоленскій въ 1887 г. почти потерялъ голосъ отъ крайняго напряженія голосовыхъ связокъ при обученіи хора въ 1886 г., когда онъ устроивалъ чуть не ежедневныя спѣвки и во время преподаванія не щадилъ ни себя ни своего голоса. „Это было бы большимъ несчастіемъ потерять такого талантливаго и усерднаго работника на полѣ церковнаго пѣнія", писалъ онъ по этому поводу. Скоро (въ августѣ 1889 г.) Николаю Ивановичу пришлось разстаться съ С. В. Смоленскимъ, который при его же помощи перешелъ на службу въ Москву директоромъ Синодальнаго хора.

Въ 1891 г. Николай Ивановичъ уже мечтаетъ — того самаго якута, который поступилъ въ придворную капеллу, видѣть въ московскомъ синодальномъ хорѣ для подготовленія въ регенты. Здѣсь Смоленскій, наслушавшійся въ Казани инородческаго пѣнія и содѣйствовавшій благоустройству нотныхъ переложеній для ино-

родческихъ богослужебныхъ текстовъ, могъ бы научить якута перелагать на ноты якутскія церковныя пѣснопѣнія, чтобы явиться на родину съ знаніемъ въ головѣ и партитурой въ рукахъ.

Не менѣе интересовался Николай Ивановичъ дѣятельностью своего товарища по службѣ въ Академіи Евѳимія Александровича Малова, который не бросилъ своей миссіонерской дѣятельности среди мусульманъ и послѣ 1870 г., когда онъ перешелъ на каѳедру еврейскаго языка и библейской археологіи. Такъ въ 1884 г. онъ хлопочетъ добыть для него консисторскія дѣла объ отпаденіи крещеныхъ татаръ въ 1882 г. въ Уфимской епархіи. Онъ имѣетъ съ нимъ сношенія по миссіонерскому пріюту, находившемуся до 1892 г. въ вѣдѣніи Евѳимія Александровича; совѣтуется съ нимъ о воспитанникахъ этого пріюта и инородческихъ дѣлахъ; съ нимъ онъ шелъ рука объ руку въ дѣлахъ переводческой коммиссіи. Но особенно Николай Ивановичъ интересовался бесѣдами, которыя Е. А. Маловъ велъ съ ученымъ муллой Сахибгиреемъ Ахмеровымъ „Этому муллѣ 32 года. Онъ даровитъ и энергиченъ. Умъ его пытливый и придумчивый, трудолюбіе неистощимое. Мусульманскіе языки знаетъ основательно, науки мусульманскія изучилъ глубоко; начитанъ въ евангеліи и библіи, довольно ознакомился съ нашими толкованіями, даже читалъ отчасти Іоанна Златоустаго. Бесѣды Ахмерова, какъ и вообще знакомство его съ о Маловымъ начались въ мартѣ 1882 г., велись систематично о. пророкахъ по порядку: Адамѣ, Авраамѣ, Моисеѣ и Давидѣ; объ Іисусѣ Христѣ и Магометѣ еще осталось говорить, но и о нихъ была частію рѣчь вић систематической программы. Эти бесѣды съ небольшими перерывами продолжались нѣсколько лѣтъ. Ахмеровъ держался все крѣпко, возражалъ сильно и находчиво, наконецъ въ настоящемъ 1890 г въ немъ обнаружился крутой поворотъ въ религіозныхъ воззрѣніяхъ противъ корана и въ сторону евангелія. Ему уже не сочувственно стало магометанское общество, и онъ оставилъ медресу, въ которой учился и по окончаніи курса продолжалъ жить до послѣдняго времени, пользуясь вниманіемъ и сочувствіемъ учащихся и другихъ мусульманъ. Въ началѣ октября онъ переселился въ Академическую слободку на

дачу протоіерея Малова, который продолжалъ здѣсь его навѣщать по нѣскольку разъ въ недѣлю. Этотъ внутренній переворотъ совершился послѣ сильной внутренней борьбы, слѣдовательно прочно и глубоко.

Обращеніе Ахмерова знаменательно, какъ плодъ многолѣтняго, систематическаго и непрерывнаго собесѣдованія его съ протоіереемъ Маловымъ, веденнаго съ обѣихъ сторонъ отъ всей души и съ искренней любовью къ истинѣ. Замѣчу, что о. Маловъ силенъ, какъ миссіонеръ, не одними только препретельными словесами, но паче религіознымъ убѣжденіемъ, живою церковностью и симпатичнымъ отношеніемъ къ собесѣдникамъ и серьезностью тона. Въ обращеніи Ахмерова я вижу настоящій, прочный и живой зародышъ миссіонерскаго дѣла, какъ органическаго процесса, къ которому предыдущая сорокалѣтняя жизнь миссіонерскаго отдѣленія, какъ противо-мусульманскаго, служила подготовкой. Труды покойнаго профессора Саблукова и преемника его о. Малова составили почву, въ которой и зачалось теперь въ лицѣ Ахмерова дѣйствительное противо-мусульманское миссіонерство. Этотъ случай—единственный; потерять его—грѣхъ, и имъ надо воспользоваться, надо его поддержать, чтобы изъ этого зародыша возросло многоплодное дерево. Въ этомъ и состоитъ сущность моей мысли. Ахмеровъ, оставивъ татаръ и магометанство, лишился и тѣхъ случайныхъ небольшихъ заработковъ, которые онъ могъ имѣть прежде; теперь его о. Маловъ безплатно держитъ на своей дачѣ и помогаетъ понемногу своими деньгами. Ахмерову надо составить теперь же нѣкоторое содержаніе. Но Ахмеровъ не будетъ пользоваться онымъ, какъ пенсіей за обращеніе: онъ можетъ сильно и полезно помогать въ занятіяхъ противо-мусульманскаго отдѣленія. Вотъ его занятіе и положеніе—практикантъ арабскаго книжнаго, преимущественно богословско-научнаго языка. Студенты миссіонерскаго отдѣленія пишутъ сочиненія и изслѣдованія о разныхъ мусульманскихъ вопросахъ по мусульманскимъ, преимущественно арабскимъ источникамъ. Таковыхъ источниковъ очень много; есть изъ нихъ толстые, схоластично и мудрено изложенные. Ахмеровъ способенъ по цѣлымъ днямъ и часамъ тол-

мачить подобныя книги студентамъ. Но онъ самъ настолько проникся сознаніемъ и очевидностью недостатковъ корана и ислама, что не премнетъ писать о нихъ сочиненія, а также при случаѣ устно бесѣдовать съ учащимися татарами—шакирдами (сартами), съ которыми у него могутъ возобновиться не совсѣмъ порвавшіяся внутреннія и научныя связи." Такъ хлопоталъ Николай Ивановичъ объ Ахмеровѣ предъ Константиномъ Петровичемъ Побѣдоносцевымъ, заявляя, что мысли его раздѣляетъ и Казанскій владыка Павелъ, уже имѣвшій объ Ахмеровѣ подобныя же соображенія. Новый практикантъ долженъ быть сверхштатнымъ, помимо о. Василія Тимофеевича, который остается за крещеными татарами.

Ахмеровъ былъ крещенъ въ Раиской пустыни (въ 30 вер. отъ Казани), съ нареченіемъ Павломъ по крестному отцу Николаевичемъ. Имя апостола Павла онъ избралъ по глубокому уваженію къ апостолу языковъ, коего посланія онъ читалъ усердно и съ умиленіемъ. Хлопоты Николая Ивановича увѣнчались успѣхомъ, и съ января 1891 г. онъ былъ поселенъ въ Каз. Академіи. „Къ нему приходятъ знакомые ему татарскіе шакирды. Изъ нихъ нѣкоторые хоть теперь готовы креститься, но боятся татаръ магометанъ. По шаріату если мусульманинъ отступилъ отъ своей вѣры, то ему должно предложить возвратиться и разъяснить ему пунктъ сомнѣнія, изъ-за котораго онъ отступилъ отъ ислама; можно дать ему отсрочку на три дня; но потомъ, если онъ не согласится, то его убиваютъ. Смертная казнь въ Россіи, конечно, не допускается правительствомъ русскимъ; такъ магометанская то совѣсть, считая шаріатъ обязательнымъ для себя, можетъ осуществить тайно. А муллы и особенно фанатичные татары общественники принялись теперь сторожить шакирдовъ и зорко слѣдить, не ходитъ ли кто къ Ахмерову. Нужно бы что нибудь устроить среднее между казеннымъ и частнымъ, т. е. частное убѣжище для неофитовъ на казенныя средства или на средства Прав. Мис. Общества. Изъ этихъ обращающихся ученыхъ мусульманъ нужно составить нѣкоторую общину литературную для веденія полемики устной и письменной съ татарами магометанами". Такъ писалъ Николай Ивановичъ.

Въ Ахмеровѣ принялъ участіе племянникъ бывшаго Нижегородскаго, потомъ Казанскаго владыки окончившій курсъ философъ Петровъ, пожелавшій итти по миссіонерскимъ стопамъ своего дяди. Онъ въ учебномъ $18^{90}/_{91}$ г. слушалъ въ Казанской Академіи сокращенные курсы и былъ поселенъ въ зданіи Академіи, сошелся съ Ахмеровымъ, принималъ живое участіе въ его крещеніи и одного его послѣдователя захотѣлъ увезти въ Нижній, чтобы тамъ его крестить.

Не меньшимъ вниманіемъ и защитой пользовался извѣстный сотрудникъ Николая Ивановича по просвѣщенію чувашъ, „дитя его сердца" Иванъ Яковлевичъ Яковлевъ, связанный съ своимъ руководителемъ еще и тѣмъ, что по окончаніи курса въ Университетѣ женился на воспитанницѣ Николая Ивановича, дочери его друга А. А. Бобровникова Екатеринѣ Алексѣевнѣ Бобровниковой. Иванъ Яковлевичъ, обращенный Николаемъ Ивановичемъ въ свою вѣру, всецѣло предался осуществленію идей великаго учителя въ примѣненіи къ чувашамъ, устроивъ въ Симбирскѣ центральную чувашскую школу, превращенную потомъ въ учительскую школу, и рядъ школъ—отраслей въ разныхъ мѣстностяхъ чувашскаго поселенія. Казанская система принесена Иваномъ Яковлевичемъ въ Симбирскій край для замѣны прежней обрусительной Симбирской системы о. Баратынскаго; естественно вызвала отпоръ въ прежнихъ дѣятеляхъ, особенно въ духовенствѣ, послѣ того какъ стала поставлять кандидатовъ на духовныя должности въ инородческихъ приходахъ. Начались доносы, корреспонденціи съ цѣлью подорвать дѣятельность инспектора чувашскихъ школъ. Такова, напримѣръ, была корреспонденція въ 9 номерѣ Церковно-общественнаго Вѣстника за 1884 г. „Изъ Чебоксарскаго уѣзда. О дѣятельности г. Яковлева по образованію чувашъ." Здѣсь сдѣланы были на этого почтеннаго и самоотверженнаго труженика ядовитые намеки съ стороны чувашскихъ переводовъ. Для людей, не знакомыхъ съ дѣломъ, и тѣмъ болѣе для не сочувствующихъ инородческимъ переводамъ, эта эхидная статья могла подать поводъ къ сомнѣнію. И вотъ Николай Ивановичъ пишетъ на нее опроверженіе, рекомендуетъ Яковлева К. П. Побѣдоносцеву въ предупрежденіе толковъ и недоразумѣній.

Когда И. Я. Яковлевъ задумалъ о преобразованіи своей центральной школы въ учительскую, съ назначеніемъ отъ Св. Синода денежнаго вспомоществованія на преобразованную школу, онъ съ общаго совѣта и согласія составилъ докладную записку о нуждахъ своего дѣтища и чрезъ Николая Ивановича представилъ ее К. П. Побѣдоносцеву. Николай Ивановича призывалъ „благосклонное вниманіе послѣдняго на дѣятельность и нужды симбирской чувашской школы со включеніемъ ея учредителя и главнаго дѣятеля труженика Яковлева". Онъ восхищался Симбирскою школою, куда ѣздилъ для душевнаго успокоенія и наслажденія церковною службою, пѣніемъ и всѣмъ строемъ школьной жизни.

Когда Симбирская консисторія стала дѣлать препоны къ ежегодному поступленію трехъ учениковъ Симбирской чув. школы въ духовную семинарію, Николай Ивановичъ горячо взялъ школу подъ свою защиту, и 1-го февраля 1840 г. усердно хлопоталъ предъ своимъ другомъ, чтобы пріемъ чувашъ Симбирской школы не только продолжался, но чтобы эти чуваши—семинаристы могли занимать священническія мѣста въ чувашскихъ приходахъ и другихъ епархій. Онъ обращаетъ вниманіе своего друга на ученика чувашской школы Яковлева Ананію Данилова, стремящагося къ монашеству и посѣтившаго русскія св. мѣста. Этотъ Ананія направленъ былъ Яковлевымъ на миссіонерскія собесѣдованія съ чувашами, ходилъ по деревнямъ и до такой степени вліялъ на темную чувашскую среду, что въ одной деревнѣ по его увѣщанію и настоянію пожгли приховъ. Это родъ кереметей; вырѣзываются изъ лубка дощечки въ видѣ треугольника, четыреугольника, круга и т. п. кладутъ ихъ въ лукошко вмѣстѣ и съ жертвами: оловянными подобіями монетъ, кусочками хлѣба; все это вѣшаютъ въ сараѣ или клѣти, и въ этомъ полагается страшная вражья сила. Возбужденные Ананіею чуваши привязывали къ веревкамъ эти лукошки, съ крикомъ и насмѣшками тащили по деревнѣ, палками колотили приховъ, вытащили за деревню и бросали въ пылающій костеръ, при нѣкоторомъ однако сожалѣніи части населенія, особенно старухъ. И вотъ въ 1840 г., на порогѣ 20 столѣтія въ центрѣ православной Руси христіане—чува-

ши повторяютъ Кіевскія сцены крещенія Руси! Николай Ивановичъ вспоминаетъ при этомъ слова своего друга, что простые люди изъ народа гораздо лучше умѣютъ говорить съ этимъ народомъ, чѣмъ ученые профессора; указываетъ на сильное вліяніе чувашской книжки свящ. Филимонова „О загробной жизни", читаемой чувашами съ умиленіемъ и глубокимъ интересомъ. Система брошюръ о христіанствѣ оказывается самою подходящею для миссіонерства. На инородцевъ болѣе всего дѣйствуетъ движеніе сердца, наглядная картина, трогательное жалостливое изображеніе. Н. И. хлопочетъ предъ своимъ другомъ о высылкѣ Анаши для собесѣдованій чрезъ И. Я. Яковлева твореній св. Дмитрія Ростовскаго, Тихона Задонскаго и Четьихъ Миней; обѣщается выслать записки этого миссіонера своему другу „для свѣдѣнія и собственнаго удовлетворенія христолюбиваго сердца".

За годъ до смерти, 3 февраля 1891 г., ревностный предстатель за инородческое дѣло съ горькимъ чувствомъ изливаетъ предъ К. П. Побѣдоносцевымъ слѣдующія грустныя думы: „противъ инородческаго образованія воздвигается издавна, а чѣмъ дальше, тѣмъ больше — вражда и брань съ разныхъ сторонъ и разнаго содержанія. Вотъ напримѣръ m-me Берви жалуется на Яковлева, что онъ повсюду заводитъ чувашскія школы и чувашскій языкъ, — онъ заводитъ или лучше старается заводить школы повсюду, гдѣ крайняя необходимость, гдѣ чуваши стали уходить въ магометанство, а теперь начинаютъ понемногу возвращаться; что этимъ будто-бы Яковлевъ дѣлаетъ помѣху русскому населенію и русскому богослуженію. Значитъ, русскому населенію было легче и пріятнѣе, когда чуваши язычествовали или даже уходивъ магометанство... Эта госпожа есть отголосокъ приходскаго сельскаго духовенства..... есть люди, которые почти ждутъ моей смерти, полагая что я единственная опора и защита инородчества, говоритъ падающій подъ тяжестью возложеннаго креста дѣятель. Въ защитите бѣдныхъ, чуть начинающихъ становиться на ноги и видѣть свѣтъ Христовъ инородцевъ. Господь да защититъ! восклицаетъ онъ свой предсмертный завѣтъ искреннему другу. Вотъ почему Николай Ивановичъ и старался познакомить своего друга

съ дѣятельностью своей миссіонерской дружины, представлялъ ихъ главному покровителю инородчества, чтобы онъ во-очію уразумѣлъ инородческое дѣло, „всѣ подробности миссіонерскихъ обстоятельствъ и событій". Зато съ какимъ глубокимъ чувствомъ благодарности говоритъ Николай Ивановичъ о лицахъ, понимающихъ инородческое просвѣщеніе, каковы Иннокентій, митрополитъ Московскій и его преемникъ Макарій, Амвросій, архіепископъ Харьковскій, приснопамятный Антоній Казанскій, Павелъ Казанскій, Варсонофій Симбирскій, Никаноръ и Діонисій Уфимскіе и нѣкот. другіе епископы восточнаго края Россіи.

Неутомимый Николай Ивановичъ, какъ приставникъ инородческаго просвѣщенія, защитникъ отъ клеветы и козней и Николая Петровича Остроумова, уже намъ извѣстнаго директора Ташкентской Учительской Семинаріи, ученика Казанской Академіи, въ 1883 году 30 сентября перемѣщеннаго въ директоры Ташкентской классической гимназіи. Остроумову съ самаго начала службы пришлось подпасть подъ ревнивое недоброжелательство Куна, который завидовалъ внимательному отношенію Кауфмана къ Николаю Петровичу и старался инсинуаціями вредить ему. Николай Ивановичъ еще въ 1878 г. замѣтилъ это и потребовалъ отъ Куна разъясненій, но Кунъ въ 1879 г. постарался разсѣять всякія подозрѣнія. 4-го мая 1882 г. Кауфманъ скончался, оставивъ 5 среднихъ школъ и 74 низшихъ училища. Кунъ уѣхалъ въ Петербургъ, и здѣсь Остроумовъ былъ оклеветанъ предъ новымъ генералъ-губернаторомъ Черняевымъ и глав. инспекторомъ Забѣлинымъ, которые явились въ Ташкентъ предубѣжденные противъ казанцевъ. Въ своемъ защитительномъ письмѣ къ Константину Петровичу Побѣдоносцеву отъ 11 ноября 1883 г. Николай Ивановичъ подробно разсказалъ извѣстную намъ исторію поступленія Остроумова въ Ташкентъ сначала инспекторомъ народныхъ училищъ, а потомъ директоромъ семинаріи. Послѣдній поставилъ семинарію прекрасно во всѣхъ отношеніяхъ, и генералъ-губернаторъ края К. П. Кауфманъ былъ доволенъ имъ. Порядки семинаріи правились и преемнику Кауфмана М. Г. Черняеву. Вдругъ признано было излишнимъ существованіе се-

минаріи, съ такимъ трудомъ и настойчивостью устроенной первымъ генералъ-губернаторомъ края, и ее задумали превратить сначала въ реальное, потомъ въ 4-классное училище для русскихъ и туземцевъ съ приготовительнымъ классомъ для послѣднихъ, и Остроумовъ съ душевнымъ сожалѣніемъ перешелъ въ гимназію, по ходатайству мѣстнаго начальства.

Зная Остроумова по Академіи, Семинаріи, Братству св. Гурія, какъ человѣка честнаго, искренняго, православно-русскаго, трудолюбиваго, Николай Ивановичъ усмотрѣлъ во всей этой исторіи указаніе промысла Божія. Шестилѣтнее служеніе Остроумова въ Средней Азіи должно было расширить и утвердить его познанія въ силѣ магометанства и служить подготовленіемъ къ управленію Казанской Учит. Семинаріей. „Настоящее мое директорство, писалъ Николай Ивановичъ, я всегда находилъ и чувствовалъ превышающимъ мои силы и, говоря по совѣсти, рискнулъ взвалить сію ношу на свои плечи только благодаря совершенному отсутствію даже мало-мальски подходящихъ людей. Единственно, что я имѣю полезнаго для семинаріи, это мое убѣжденіе въ необходимости религіозно-нравственной, православно-христіанской, церковно-русской основы для народнаго русскаго просвѣщенія; это собственно и почти исключительно и творжу я изъ года въ годъ на своихъ урокахъ педагогики. Всѣ прочіе учебные предметы и науки идутъ успѣшно и основательно, благодаря собственно добросовѣстной и просвѣщенной дѣятельности г.г. преподавателей. Но меня угнетаетъ формально-административная и формально экономическая, впрочемъ и вообще экономическая сторона дѣла. Тутъ необходимо руководство директора, а я къ этому не имѣю ни способности, ни охоты. Я впрочемъ понимаю, что и формальность нужна, но не могу и не умѣю ее исполнить. Впрочемъ, если я нравственно обязанъ заботиться объ упроченіи Казанской Учительской Семинаріи на многіе годы и навсегда, то самый мой возрастъ уже долженъ внушать мысль о пріисканіи замѣстителя. И вотъ совершенно неожиданно Господь указываетъ лицо вполнѣ благопотребное и благонадежное—Остроумова“. Заявляя, что ему никто не намекалъ объ отставкѣ, что Попечитель Каз. Учеб.

Округа къ нему благоволитъ. а Министръ Народ. Просвѣщенія оказываетъ ему высокое вниманіе и благорасположеніе, онъ выражаетъ сожалѣніе, что своею неумѣлостью ставитъ ихъ въ затрудненіе. Настоящія служебныя обязанности подавляли его спокойствіе духа, отвлекали вниманіе отъ любимаго дѣла: переводовъ и изданія инородческихъ книгъ и другихъ отраслей инородческаго дѣла. Не имѣя пока отъ Остроумова выраженнаго желанія перееслиться въ Казань, онъ проситъ лишь о частномъ содѣйствіи къ тому, чтобы Остроумовъ считался кандидатомъ на его мѣсто въ Казанской семинаріи, направленіе которой ему было симпатично, а „большинству русскихъ педагоговъ вовсе не симпатично“. Стало быть, онъ постарается это направленіе поддержать и упрочить, а его хозяйственныя способности и административная опытность восполнятъ и внѣшне-формальную, домостроительную сторону семинарской жизни. Николай Ивановичъ послалъ къ К. П. Побѣдоносцеву нѣсколько сочиненій Остроумова, напечатавшаго довольно длинный рядъ статей, и миссіонерско-патріотическую статью: „Что такое коранъ?“ Чтобы еще болѣе убѣдить своего друга, онъ предложилъ его вниманію выписки изъ писемъ только что поступившаго въ 1883 г. въ Ташкентскую семинарію учителемъ математики студента Казанскаго Университета N. Послѣдній въ письмахъ къ своей матери откровенно излагалъ впечатлѣнія человѣка свѣжаго, не успѣвшаго еще втянуться въ мѣстные интересы, относительно семинаріи. По его письмамъ, ученики Ташкентской семинаріи поступали въ нее съ очень слабою подготовкой: „не имѣютъ обыкновенно понятія даже о сложеніи“. Они все народъ взрослый, поступали по окончаніи курса 4-хъ класснаго начальнаго училища. „Хорошо, что директоръ Остроумовъ смотритъ на дѣло съ правильной точки зрѣнія: онъ не требуетъ выполненія программы, а заботится о томъ, чтобы ученики знали хотя немного, но основательно“, пишетъ онъ. Молодого педагога заботитъ новый для него предметъ: методика ариѳметики, которую онъ долженъ читать въ послѣднемъ классѣ. Это слабая сторона университетской подготовки, не дающей ни математикамъ, ни филологамъ педагогическихъ познаній, не знакомящей ни съ исторіей

педагогики, ни съ методиками школьныхъ предметовъ, ни съ дидактикой. Понятно, что одни педагоги проходятъ методику ариѳметики „по книгѣ Евтушевскаго—отсюда до сюда“, а другіе, болѣе добросовѣстные, „вслухъ читаютъ задаваемые уроки, затѣмъ разъясняютъ прочитанное, задавая ученикамъ вопросы; при этомъ нѣкоторые ученики противорѣчатъ, и выходитъ оживленная бесѣда“. Этотъ способъ одинъ изъ болѣе удачныхъ при невысокомъ уровнѣ развитія и познаній учениковъ, про которыхъ авторъ-математикъ писалъ: „Семинаристы 4-го класса народъ все дѣльный; къ сожалѣнію, нельзя того сказать про другіе классы“. Но это, можетъ быть, зависѣло и отъ дурной подготовки поступающихъ изъ народныхъ школъ. Директоръ и учителя ему понравились: „между ними нѣтъ ни одного формалиста, ни одного сухого педанта. Въ библіотекѣ много хорошихъ книгъ по разнымъ отдѣламъ, кромѣ математики“. Переводъ директора для семинаріи оказался „непріятной новостью“. Дежуря въ первый разъ въ семинаріи, математикъ „обошелъ всѣ зданія, побывалъ въ спальныхъ, въ мастерскихъ, обѣдалъ съ семинаристами и нашелъ все хорошо устроеннымъ; присутствовалъ на спѣвкѣ хора. Хоръ составился недавно и идетъ еще плохо. Далѣе онъ прекрасно отзывается о законоучителѣ Воскресенскомъ, какъ о трудолюбивомъ и честномъ человѣкѣ, свыкшимся съ Ташкентскою жизнью; о посѣщеніи семинаріи епископомъ Неофитомъ, который „осмотрѣлъ семинарію, присутствовалъ на урокахъ Закона Божія и русскаго языка, видѣлъ завтракъ. Семинаристы поднесли ему въ подарокъ посохъ, сдѣланный однимъ изъ воспитанниковъ, и нѣсколько книжекъ, составленныхъ преподавателями семинаріи, между прочимъ киргизскій словарь и христоматію. Столярныя работы многихъ семинаристовъ очень не дурны. Нѣкоторые дѣлаютъ даже музыкальные инструменты“; напримѣръ, авторъ „видѣлъ скрипку работы одного воспитанника: звукъ ея хоть куда“.

Этотъ отзывъ молодого педагога дышетъ правдивостью и свидѣтельствуетъ, что семинарія поставлена была Остроумовымъ совершенно правильно, и нужно было выждать ея результатовъ, а не ломать школу послѣ первыхъ же годовъ ея существованія.

Константинъ Петровичъ видимо заинтересовался Остроумовымъ и попросилъ преосвященнаго Неофита дать частный конфиденціальный отзывъ о Ташкентской учит. семинаріи, ея преподавателяхъ и бывшемъ директорѣ Остроумовѣ, котораго интрига обвиняла во всемъ, чуть ли даже не въ нигилизмѣ. Дѣло стало разъясняться. Завѣдующимъ учебною частію въ Туркестанѣ въ это время былъ А. П. Забѣлинъ, по образованію медикъ, служившій прежде въ Западномъ краѣ и явившійся въ Туркестанъ съ новымъ генералъ-губернаторомъ. Онъ сталъ смотрѣть на инородческое дѣло въ „обрусительномъ“ смыслѣ, и естественно не сошелся съ Остроумовымъ. Къ тому же ему хотѣлось видѣть директоромъ семинаріи Ю. О. Крачковскаго, директора Полоцкой учительской семинаріи. Одновременно въ Туркестанѣ была ревизія сенатора Гирса, послѣдствіемъ которой въ Петербургѣ была учреждена коммиссія для обсужденія вопросовъ относительно Туркестана, при чемъ предполагалось изъять учебныя заведенія изъ вѣдѣнія генералъ-губернатора. Остроумовъ, по порученію сенатора Гирса, составилъ обширную записку объ образованіи въ Туркестанскомъ краѣ и подалъ сенатору. Въ запискѣ онъ доказываетъ необходимость поддержанія среднихъ учеб. заведеній для образованія русскихъ дѣтей и частію инородцевъ. Касаясь необходимыхъ преобразованій въ мѣстныхъ гимназіяхъ, онъ коснулся и частной квартиры для учениковъ гимназіи, содержимой нѣкоторыми учителями съ пособіемъ отъ казны въ 1200 руб., а между тѣмъ имѣющей высокую плату за содержаніе. Вмѣсто нея Остроумовъ и предложилъ устроить при гимназіи пансіонъ, лишивъ нѣкоторыхъ преподавателей даровыхъ казенныхъ квартиръ. Inde ira... Коснулся онъ и ученической квартиры для русскихъ и инородцевъ, гдѣ сарты начали бунтоваться, тяготясь гимназическимъ ученіемъ. Остроумовъ предлагалъ киргизовъ воспитывать отдѣльно отъ сартовъ, ибо сарты совершенно омусульманились, а киргизы народъ свѣжій, любознательный и воспріимчивый; къ нимъ еще можно привить русскія симпатіи и понятія. Для образованія инородцевъ онъ и настаивалъ на существованіи учительской семинаріи съ основательнымъ преподаваніемъ русскаго языка и прове-

деніемъ здраваго взгляда на вещи. Николай Ивановичъ цѣликомъ представилъ черновую записку Остроумова Константину Петровичу Побѣдоносцеву, высказавъ, что совершенно излишне привлекать киргизовъ и сартовъ въ гимназіи, откуда они поступаютъ въ университеты, пропитываются европейскими понятіями о національности, европейской культурой и становятся потомъ въ ложное положеніе по отношенію къ русскимъ. Нашимъ инородцамъ нужно не классическое образованіе, а здоровое, основательное русское образованіе, дающее людей дѣльныхъ, любознательныхъ, а не напичканныхъ отрывочно нахватанными свѣдѣніями обо всемъ, лишь развращающими молодыя головы. Между тѣмъ поднятъ былъ вопросъ объ учрежденіи Туркестанскаго Учебн. Округа. Если-бъ учебная часть была изъята изъ вѣдѣнія генералъ-губернатора, и въ Ташкентъ былъ назначенъ Попечитель, то Николай Ивановичъ желалъ бы видѣть на этомъ посту человѣка русскаго, патріотичнаго, дѣльнаго и основательнаго, а Остроумова пожелавшаго остаться въ Ташкентѣ, окружнымъ инспекторомъ для завѣдыванія инородческимъ образованіемъ въ краѣ; или же вернуть его въ еще существующую учительскую семинарію. Впрочемъ онъ желалъ, по мѣстнымъ условіямъ, чтобы учебная часть по-прежнему оставалась въ вѣдѣніи генералъ-губернатора, только-бы главнымъ инспекторомъ не былъ ни Забѣлинъ, ни Кунъ, не понимающіе инородческаго вопроса въ Россіи. Остроумовъ, натура богатая и воспріимчивая, готовая на самопожертвованіе, видимо готовъ былъ и на то, чтобы перейти въ предполагаемое 4-хъ классное городское училище (вмѣсто семинаріи), съ удержаніемъ прежняго положенія, какъ установителя и насадителя инородческаго образованія въ цѣломъ краѣ, имѣя главный, рѣшающій голосъ при пріемѣ инородцевъ въ училище и относительно воспитательныхъ мѣръ. Онъ долженъ распредѣлять и назначать окончившихъ курсъ учениковъ по мѣстамъ и родамъ ихъ службы. Николай Ивановичъ указывалъ, что Остроумовъ психологъ и зоркій надлюдатель: еще въ Казани, въ семинаріи при пріемѣ учениковъ онъ слѣдилъ не только за отвѣтами и степенью развитія поступавшихъ, но старался вникнуть въ характеръ и образъ мыслей юношей, удачно

опредѣляя внутреннія качества экзаменующихся. Въ Ташкентской семинаріи онъ жилъ съ учениками и отлично зналъ ихъ, а Забѣлинъ воспитанниковъ I-го выпуска семинаріи, въ которыхъ Остроумовъ положилъ свою душу, не допускалъ до учительскихъ мѣстъ, а выписывалъ на эти вакансіи учителей изъ Западнаго края, конечно, чуждыхъ того миссіонерско-патріотическаго направленія, которое необходимо для Туркестана. Онъ возставалъ даже противъ манеры приглашать въ Туркестанъ на учебную службу воспитанниковъ восточнаго факультета и особенно Лазаревскаго института, и совѣтовалъ пользоваться воспитанниками миссіонерскихъ отдѣленій Казанской Дух. Академіи.

Кромѣ того, съ перемѣной генералъ-губернатора въ Туркестанѣ начался „новый курсъ“. Кафманъ былъ глубокій государственный мужъ и патріотъ. Служба въ Западномъ краѣ научила его, какъ можно менѣе довѣряться лести инородцевъ. Остроумовъ сходился во взглядахъ съ Кауфманомъ, имѣлъ основательное, разумное понятіе объ инородчествѣ, о мусульманствѣ, о среднеазіатскомъ духовенствѣ; его мечты и миссіонерскіе идеалы соединялись съ семинаріей. М. Г. Черняевъ повелъ будто бы совсѣмъ иную политику съ мусульманствомъ и вообще съ иновѣріемъ, что замѣтили и газеты. Самъ Остроумовъ намекнулъ въ письмѣ къ Николаю Ивановичу, что теперь туземные муллы поднимаютъ повидимому головы. Вотъ почему могло болѣть сердце Остроумова, и свои чувства, мысли онъ высказывалъ въ бесѣдахъ съ коллегами, главнымъ инспекторомъ, и этотъ голосъ вопіющаго въ пустынѣ былъ признанъ за интригу. Черняевъ впрочемъ послѣ ряда ревизій относился къ Остроумову хорошо и даже въ 1883 году съ похвальнымъ отзывомъ представилъ его къ наградѣ орденомъ Владиміра 4 ст., заявляя министру, что Остроумовъ „ долженъ считаться не только въ Туркестанскомъ краѣ, но и въ Европейской Россіи образцовымъ директоромъ; имѣетъ за собою очень большія заслуги въ пользу образованія края“, но личность Остроумова не нравилась Забѣлину, который невыгодно отзывался о воспитанникахъ Казанской Дух. Академіи, будто бы привезенныхъ или выписанныхъ Остроумовымъ. Николай Ивановичъ на основаніи до-

кументовъ доказалъ своему другу, что и самъ Остроумовъ и другіе академисты были рекомендованы имъ К. П. Кауфману, который чрезъ Куна просилъ его рекомендовать ему преподавателей и директора въ учрежденную Ташкентскую семинарію Этотъ Кунъ 4 іюня 1878 года самъ былъ въ Казани у Николая Ивановича, гдѣ ему были представлены рекомендованные академическимъ начальствомъ и профессорами академисты. Кунъ прежде всего благодарилъ хозяина за Остроумова, потомъ нѣсколько часовъ бесѣдовалъ съ 4 будущими педагогами семинаріи и начальныхъ школъ, пошедшихъ туда явно изъ-за идеи. И вотъ, чтобы отстранить Остроумова отъ инородческаго дѣла, Забѣлинъ переводитъ его въ гимназію „на лучшее мѣсто“, а Софійскаго въ Ташкентскую семинарію; П. А. Поздневъ уѣзжаетъ изъ Самарканда, гдѣ онъ учительствовалъ послѣ Мироніева, при Кауфманѣ, въ Россію. Николай Ивановичъ настаиваетъ на возвращеніи Остроумова въ семинарію. Если же будетъ предположено превратить ее въ низшее русско-инородческое училище, то начальникомъ его онъ находилъ необходимымъ сдѣлать Софійскаго, предполагая рекомендовать его въ инспекторы киргизскихъ школъ Уральской области. Онъ боялся, что Забѣлинъ выживетъ Остроумова изъ Ташкента. Это желаніе спасти для миссіонерскаго дѣла честнаго и ревностнаго дѣятеля оказало свое дѣйствіе: 16 марта 1884 г. Николай Ивановичъ благодарилъ нелицепріятнаго государственнаго мужа „за Остроумова“. Послѣдній, оправданный, остался директоромъ Ташкентской гимназіи *), но потому, что семинарія должна была подвергнуться преобразованію. И. М. Софійскій въ 1884 г. поступилъ въ инспекторы училищъ Оренбургской дирекціи, а въ Ташкентѣ остались Воскресенскій да Мироніевъ, который вскорѣ написалъ и помѣстилъ въ 17 номерѣ „Руси“ за 1884 г. статью: „Какія начала должны быть положены въ основу образованія русскихъ инородцевъ мусульманъ“, высказывая идеи, согласныя съ убѣжденіями казанскихъ дѣятелей. Въ 1886 г. онъ былъ уже инспекторомъ училищъ Сыръ-

*) И. П. Остроумовъ и въ гимназіи не покинулъ-инородческаго дѣла, миссіонерства, и тѣмъ успокоилъ Николая Ивановича, жаловавшагося, что его сотрудниковъ отрываютъ отъ инородчества.

Дарьинской области. Однако проэктъ реформы семинаріи признанъ неудачнымъ, и семинарія въ Ташкентѣ осталась; Крачковскій въ 1888 г. уступилъ свое мѣсто Миропіеву, а директоромъ ея теперь состоитъ П. М. Софійскій. Въ 1888 г. Забѣлинъ былъ замѣненъ казанцемъ: О. М. Керенскимъ, директоромъ Симбирской гимназіи. Въ грустныхъ думахъ, что „сыны вѣка мудрѣйши сыновъ свѣта въ родѣ своемъ суть", навела Николая Ивановича на грустныя думы: „вечеромъ, уже при огняхъ, иду я по улицѣ, одинъ, и все тихо; и напало на меня раздумье, сначала какое—то неопредѣленное, а потомъ стало яснѣть, и является, вопросъ: что такое я на свѣтѣ, и могу ли я кого огорчить? Но что же у меня есть? Ничего или почти ничего; мнѣ только желается, чтобы инородцы учились, переводы ихъ продолжались, мало-мальски способные и усердные въ служеніе христіанскому Богу допускались,—все это вещи, повидимому, безобидныя: но тѣмъ не менѣе были и теперь, можетъ быть, еще найдутся люди, которые готовы считать всякую инородческую книжку за цѣлую литературу, отслуженную по—инородчески всенощную за покушеніе на цѣлость отечества".

Всѣ воспитанники Николая Ивановича, священники, учителя, шли къ нему за совѣтами, наставленіями, защитой отъ притѣсненій, и онъ всѣмъ и всегда готовъ былъ прійти на помощь. Не только эти дѣти его сердца, но и всѣ инородцы могли найти къ нему доступъ. Въ 1883 г. онъ ходатайствуетъ предъ К. П. Побѣдоносцевымъ, чтобы командированному на священную коронацію Ихъ Императорскихъ Величествъ крещеному якуту Николаеву да и другимъ крещенымъ инородческимъ представителямъ было оказано всякое пособіе, разъясненіе и руководство въ Москвѣ; чтобы они увидѣли Государя, Русское царство, все, что для Руси свято и дорого; желаетъ допущенія ихъ на общее собраніе Православнаго Миссіонерскаго Общества; а въ послѣдній пріѣздъ въ Петербургъ хлопочетъ за алтайку, которая не успѣла во время обмѣнять 25 рублевую кредитку стараго образца на новый билетъ, и достигаетъ цѣли. До этого онъ помогъ обмѣнить одному алтайцу такой же изъѣденный мышами 100 рублевый би-

летъ. По сему Николай Ивановичъ замѣтилъ: „Я потому принялъ особое участіе въ этомъ дѣлѣ, что меня просилъ похлопотать о томъ Ив. М. Штыгаевъ, бывшій нашъ воспитанникъ по семинаріи, подвизающійся теперь на нивѣ христіанскаго просвѣщенія алтайцевъ въ Сибири. Зная, какъ важенъ авторитетъ лица, желающаго воздѣйствовать на инородцевъ, я постарался направить дѣло такъ, чтобы алтайцы остались увѣренными въ силѣ и значеніи Штыгаева, какъ человѣка полезнаго для нихъ и въ чисто житейскихъ дѣлахъ, а это можетъ имѣть важное значеніе для Штыгаева, какъ учителя-миссіонера среди алтайцевъ. Онъ мнѣ переслалъ и кредитные билеты на обмѣнъ."

Но еще болѣе сердечное участіе принялъ Николай Ивановичъ въ дѣлѣ чувашской деревни, Цивильскаго уѣзда, Казанской губерніи, по имени Старые Урмары. Эта деревня существуетъ болѣе 300 лѣтъ и сильно разрослась на нѣсколько поселковъ, которые составляли одно общество и сообща пользовались землею. Лѣтъ 35 тому назадъ начальство раздѣлило ихъ общія земли на двѣ части, раздѣленныя небольшою рѣчкой. По одну сторону стали владѣть землею Старо-Урмаровскіе чуваши, по другую— Мало-Урмаровскіе. Вдругъ чрезъ нѣсколько лѣтъ послѣдніе узнали, что на планѣ Старо-Урмаровской дачи находится клочекъ земли, принадлежащій Мало-Урмаровцамъ, и начался искъ. Окружный Судъ присудилъ землю въ пользу Мало-Урмаровскаго общества: но когда дѣло дошло до отмежеванія, то Староурмаровцы не дали отмежевать, оказали сопротивленіе. Становой приставъ, волостной старшина и землемѣръ успѣли спастись: изъ понятыхъ нѣкоторые убѣжали, а трехъ толпа староурмаровцевъ забила на смерть и нѣсколько человѣкъ въ схваткѣ были изувѣчены.

Дѣло разбиралось военнымъ судомъ. Изъ 50 обвиняемыхъ 17 приговорены къ смертной казни чрезъ повѣшеніе, остальные оправданы. Осужденные, всѣ совершенно невѣжественные, безграмотные, до того были ошеломлены приговоромъ, что въ 1-й день не принимали и пищи, все навзрыдъ плакали. Николаю Ивановичу пришла мысль дать имъ чрезъ священника, знающаго по-

чувашски, духовное наставленіе и утѣшеніе. Онъ выбралъ для этого священника села Мусирмы, Цивильскаго уѣзда, чувашина Даніила Филимонова, воспитанника Казанской учит. семинаріи перваго выпуска, 7 лѣтъ прослужившаго учителемъ и 7 лѣтъ священствовавшаго въ чувашскомъ приходѣ. Онъ обратился за согласіемъ къ прокурору Судебной Палаты и Владыкѣ Павлу. Послѣдній самъ вызвался преподать священнику Филимонову наставленіе и письмо къ прокурору. Убитые понятые были какъ разъ прихожанами о. Филимонова, а осужденные принадлежали къ сосѣднему приходу, но могли его знать, видя въ церкви и въ другихъ мѣстахъ. Когда о. Филимоновъ пришелъ въ камеру, нѣкоторые осужденные его узнали, всѣ заплакали, многіе высказали желаніе помолиться, исповѣдаться и всѣ остановились на томъ, чтобы батюшка отслужилъ имъ молебенъ. Это было въ пятницу. Въ субботу о. Филимоновъ, по соглашенію съ смотрителемъ тюрьмы и настоятелемъ тюремной церкви, отслужилъ молебенъ Божіей Матери по учебному часовнику, переведенному на чувашскій языкъ въ Симбирской школѣ Яковлева. Чувашъ привели въ церковь, и здѣсь предъ растворенными царскими вратами и предъ иконой Божіей Матери отслуженъ молебенъ безъ пропусковъ, безъ торопливости, выразительно и умиленно: вычитанъ былъ весь канонъ, пропѣли „Высшую небесъ,“ а заключительная молитва прочитана колѣнопреклоненно. Чуваши молились отъ души, предварительно выслушавши наставленіе священника, что нужно молиться отъ чистаго сердца и съ сокрушеніемъ душевнымъ. Послѣ молебна священникъ долго бесѣдовалъ съ осужденными въ ихъ камерѣ. Они проявили полное раскаяніе и предали судьбу свою волѣ Божіей и милости царской и просили только дозволить имъ исповѣдаться въ грѣхахъ предъ казнью или предъ ссылкой. Прокуроръ Суд. Палаты обѣщалъ съ своей стороны пригласить о. Филимонова, когда выйдетъ имъ окончательное рѣшеніе.

Описывая душевное состояніе осужденныхъ, дѣлая вѣрную характеристику ихъ преступленія, Николай Ивановичъ прибавляетъ: „Нельзя не присоединиться къ молитвѣ этихъ несчастныхъ

инородцевъ, да обратитъ Господь сердце Царево къ пощадѣ, и пусть бы они въ трудахъ каторжныхъ, хотя бы пожизненныхъ, искупили свои грѣхи, но только бы сохранена была имъ жизнь." Онъ просилъ своего покровителя оказать въ этомъ случаѣ свое христіанское содѣйствіе. Это было 18 сентября 1888 года. И Государь Императоръ даровалъ жизнь 17 темнымъ инородцамъ. Чуваши приняли царскую милость съ душевной благодарностью и на колѣняхъ молились за здравіе царя, даровавшаго имъ жизнь да и наказаніе такъ облегчившаго имъ, какъ они и не ожидали и не смѣли надѣяться. А еще болѣе радовался этому самъ Николай Ивановичъ, получивши отъ своего друга своевременное сообщеніе объ этой царской милости чувашамъ.

Когда въ 1891 году въ послѣдній годъ жизни Николая Ивановича, Казанскую и сосѣднія губерніи постигъ неурожай и голодъ, Николай Ивановичъ получилъ письма отъ извѣстнаго уже намъ священника Филимонова о страшномъ голодѣ въ его приходѣ. Священникъ пріѣхалъ въ приходскую деревню и насмотрѣлся на ужасныя картины. Въ деревнѣ изъ 145 семействъ только 20 ѣдятъ хлѣбъ, а остальные—толченые липовые листья. Родители въ нѣкоторыхъ семьяхъ ушли сбирать милостыню, оставивъ дѣтей на голодную смерть. Впереди тоже не отрадно: яровые пропали, сѣять нечего. Николай Ивановичъ послалъ для голодающихъ нѣсколько денегъ, а письмо о. Филимонова отправилъ въ редакцію Московскихъ Вѣдомостей и сообщилъ о голодѣ своему другу. Тотъ немедленно выслалъ свою лепту—100 р., которые Николай Ивановичъ тотчасъ услалъ въ Цивильскъ на имя о. Филимонова. Къ тому же и письмо послѣдняго напечатано въ Московскихъ Вѣдомостяхъ (8 августа 1896), и Николай Ивановичъ такимъ образомъ спасъ многихъ отъ голодной смерти, вызвавъ усиленную благотворительность голодающему населенію уѣзда.

Лучшій изъ всѣхъ добрыхъ людей, Николай Ивановичъ пришелъ въ 1890 г. на помощь осиротѣлой семьѣ скончавшагося заслуженнаго преподавателя Казанской Д. Академіи П. Я. Порфирьева, прослужившаго 42 года Академіи, извѣстнаго своими

учеными трудами. Узнавъ, что осиротѣвшей семьѣ покойнаго, состоявшей изъ вдовы, 2 еще не устроившихся сыновей, 2 сиротокъ, малолѣтнихъ дочерей умершаго зятя, тоже профессора Академіи, да матери этого зятя, безпріютной вдовы, предстоитъ пенсія не болѣе 500 р. въ годъ, онъ обратился къ К. П. Побѣдоносцеву съ просьбой во имя справедливости исходатайствовать у Св. Синода увеличеніе пенсіи семейству покойнаго И. Я. Порфирьева, въ сообществѣ со многими сиротами. (Вдова И. Я. Порфирьева была родная дочь Г. С. Саблукова, и Николай Ивановичъ былъ въ семьѣ Саблукова и Порфирьева самымъ дорогимъ, самымъ близкимъ человѣкомъ. Просьба была уважена).

Постоянные труды и заботы, постоянная необходимость „увѣрять людей, въ чемъ они не хотятъ переувѣриться“, необходимость „противу рожна прати“ жестоко отзывалась на Николаѣ Ивановичѣ. Еще 8 октября 1887 г., когда онъ былъ занятъ „Бесѣдами о народной школѣ,“ почувствовалъ, что „дожилъ до лѣтъ не малыхъ,“ „ослабѣлъ головой и частію ногами и все не могъ притти въ норму, находясь въ отливѣ энергіи душевной.“ Особенно онъ утомился, живя съ конца октября 1885 г. до половины 1886 г. въ Петербургѣ и участвуя въ обсужденіи вопроса о народномъ образованіи, устройствѣ церковно-приходскихъ школъ по селамъ, выработкѣ программъ. Плодомъ многихъ думъ и размышленій и явились упомянутыя „бесѣды,“ напечатанныя въ 1888 г. въ Православномъ Собесѣдникѣ.

Непрерывные труды и непріятности отразились на крѣпкомъ организмѣ работника. Послѣдніе 4 года своей жизни онъ сталъ проводить лѣтніе каникулы или въ путешествіяхъ или на дачѣ. Такъ въ 1887 г. онъ лѣчился на Кавказѣ эссентуками, потомъ жилъ въ Кисловодскѣ. Живой, дѣятельный, Николай Ивановичъ тяготился необычайностью своей обстановки на водахъ, жизни среди чуждыхъ ему людей, душевно радовался посѣщеніямъ своего сослуживца В. И. Витевскаго, тоже лѣчившагося эссентуками. Особенно пріятна была ему встрѣча здѣсь съ Иркутскимъ архіепископомъ Вениаминомъ, бывшимъ казанцемъ, и Ставропольскимъ епископомъ Владиміромъ. „Въ бесѣдахъ съ ними и профессоромъ

Палимпсестовымъ, тоже случившимся въ эссентукахъ, онъ оживлялся, отдавался воспоминаніямъ прошлаго, шутилъ и благодушествовалъ. Здѣсь же онъ встрѣтился съ Сербскимъ митрополитомъ Михаиломъ, и вернулся съ Кавказа къ началу осени. Лѣто 1888 г. было проведено Николаемъ Ивановичемъ въ Ставрополѣ, гдѣ онъ въ тѣни сосновыхъ рощъ занимался возстановленіемъ древне-славянскаго текста евангелія. Въ концѣ этого года предъ Рождествомъ онъ неожиданно потерялъ своего дѣлопроизводителя С. С. Медвѣдовскаго, 16 лѣтъ работавшаго съ нимъ въ семинарской канцеляріи. Этотъ замѣчательно трудолюбивый человѣкъ день и ночь былъ занятъ, кромѣ канцелярскаго дѣла, переписываніемъ мнѣній, заключеній, проектовъ и запросовъ Николая Ивановича по миссіонерскимъ и школьнымъ дѣламъ. Даже накануѣ своей смерти С. С. Медвѣдовскій до 11 часовъ вечера работалъ въ канцеляріи, а въ 6 часовъ утра скоропостижно скончался отъ разрыва аорты.

Смерть вѣрнаго человѣка, опытнаго помощника по перепискѣ опечалила Николая Ивановича, который уже не могъ найти ему хорошаго преемника, въ теченіе 3 лѣтъ смѣнилъ 3 письмоводителей, что непріятно дѣйствовало на старѣющагося директора.

Въ 1889 г. весною покинулъ семинарію ея опора А. П. Сердобольскій, получившій мѣсто инспектора нар. уч. Ставропольскаго уѣзда Самарской губерніи. Въ іюлѣ умеръ „Ибрашъ“ Алтынсаринъ, а въ августѣ оставилъ службу въ семинаріи С. В. Смоленскій, назначенный директоромъ Московскаго Синодальнаго хора. Въ томъ же году умеръ и бывшій Попечитель Казанскаго Учеб. Округа П. Д. Шестаковъ, на глазахъ котораго зародилась и развилась Казанская система. Все это сильно вліяло на утомленнаго Николая Ивановича, съ грустію замѣчавшаго, что прежній характеръ семинарской жизни разрушался на его глазахъ.

Въ 1890 г. умеръ попечитель Оренбургскаго Округа Д. С. Михайловъ; въ маѣ скоропостижно скончался Казанскій Попечитель П. Н. Масленниковъ. Въ маѣ умеръ на рукахъ Николая Ивановича привезенный имъ въ Казань изъ Ставрополя любимый родственникъ А. П. Сердобольскій; наконецъ 26 октября скон-

чался отъ удара проф. И. Я. Порфирьевъ. Николай Ивановичъ былъ страшно пораженъ такою потерею ряда дорогихъ сердцу людей и въ письмѣ отъ 3 февраля 1891 г., сообщилъ своему покровителю, что совсѣмъ разладился головой и нервами; непріятности по миссіи вліяютъ на голову, и ему приходитъ мысль, что и онъ можетъ имѣть неожиданный конецъ, подобно И. Я. Порфирьеву и Д. С. Михайлову. Получивъ отъ уфимскаго преосвященнаго Діонисія извѣстіе о смерти Д. С. Михайлова Николай Ивановичъ съ глубокою грустью сказалъ В. Н. Витевскому: „Да, вотъ какъ, В. Н., смерть внезапно похищаетъ человѣка! Подъ вліяніемъ такихъ печальныхъ извѣстій я невольно останавливаюсь мыслью о томъ, долго-ли еще я проживу, когда и гдѣ пошлетъ мнѣ Господь кончину; сижу иногда въ кабинетѣ и думаю, что вотъ настанетъ и часъ мой". На успокоительныя слова В. Н. Витевскаго, онъ замѣтилъ: „нѣтъ, видно, приближается срокъ и моей жизни: желудокъ почти отказывается служить; часто чувствую головокруженіе, особенно когда хожу по комнатѣ: ноги тоже не такъ послушны мнѣ, какъ прежде; говорить много не могу; чувствую какую-то тяжесть въ головѣ,—умирать приходится, что дѣлать! боюсь только внезапной смерти, хотѣлось-бы умереть иначе".

Не переставая жить по лѣтамъ на дачѣ (лѣтомъ 1889 г. въ Ставрополѣ на Волгѣ, а въ 1890 г. въ селѣ Нижнемъ Услонѣ). Николай Ивановичъ продолжалъ свою дѣятельность, слѣдуя ободряющему слову, указанному ему К. П. Побѣдоносцевымъ: „Подобаетъ дѣлати дондеже день есть; пріидетъ нощь, егда никто не можетъ дѣлати". 23 апрѣля 1891 г. онъ писалъ: „Сегодня въ память св. великомученика Георгія Побѣдоносца, исполнилось 69 лѣтъ моей жизни; еще годъ и достигну предѣла назначеннаго пророкомъ Давидомъ. Предѣлъ этотъ наименьшій, но для моей немощи и это великая милость Божія, а что выдастся плюсъ, то будетъ трудъ и болѣзнь. Но за все да будетъ благодареніе Господу Богу, яко не по беззаконіямъ нашимъ сотворилъ еси намъ, ниже по грѣхамъ нашимъ воздалъ еси намъ. Сказать-ли: „Обновится, яко орля, юность моя?" Трудно,

хотя для Господа все возможно. Но впрочемъ тотъ же пророкъ Давидъ сказалъ: Еда врачеве воскресятъ и исповѣдятся Тебѣ?*

Вотъ какія мысли волновали душу Николая Ивановича въ послѣднюю годовщину дня его рожденія. Нужно однако замѣтить, что событія послѣдняго года жизни этого человѣка въ общемъ оживляли и даже радовали его. Онъ радовался крещенію Ахмерова и строилъ планы о будущей его дѣятельности, радовался миссіонерскимъ поѣздкамъ кустонайскаго священника О. Д. Соколова, воспитанника Казанской Учительской Семинаріи, съ радостію встрѣчаемаго русскими переселенцами, заброшенными судьбою по киргизскимъ ауламъ. Его особенно обрадовалъ подарокъ семинаріи, сдѣланный К. Петр. Побѣдоносцевымъ: образъ соловецкихъ угодниковъ, какъ знакъ покровительства со стороны этого сановника и учительской семинаріи и ея миссіонерскому дѣлу. Ему было по душѣ сообщеніе Катаринскаго объ изданіи съ 1891 г. Тургайскихъ областныхъ вѣдомостей съ переводомъ распоряженій по киргизской степи на киргизскій языкъ и напечатаніемъ русскими буквами. При этомъ ему были высланы 13 номеровъ этихъ Вѣдомостей. Такимъ образомъ давнишняя идея Николая Ивановича о замѣнѣ въ Киргизской степи татарскаго языка киргизскимъ и арабской азбуки—русской стала осуществляться. Но „прекрасная мысль Тургайскаго губернатора не нашла еще полнаго исполненія," и радостный Николай Ивановичъ рѣшилъ помочь дѣлу, указавъ, какъ надо примѣнять русскія буквы къ написанію киргизскихъ словъ. Николай Ивановичъ не обижается на нехорошую кличку „прожектера," данную ему, и заявляетъ, что „прожекты" его оживляютъ, и за Кабаномъ *) является какъ бы центръ, куда сходятся извѣстія изъ разныхъ губерній, вездѣ есть знакомые владыки, удостоивающіе его благосклоннымъ вниманіемъ и дѣлящіеся съ нимъ своими потребностями.

Но еще болѣе обрадовало его довѣрительное порученіе Николаю Ивановичу пересмотрѣть и напечатать въ Москов. Синод. типографіи евангеліе на якутскомъ языкѣ, и онъ всею душею от-

*) Озеро въ г. Казани. На берегу этого озера находится учительская семинарія.

далася мысли употребить остатокъ силъ и энергіи любимому переводческому дѣлу, по окончаніи учебнаго года, когда онъ былъ вызванъ въ Петербургъ по дѣламъ службы. И 1891 годъ былъ послѣднимъ годомъ этой службы. И такъ въ трудахъ, въ службѣ церкви и отечеству прошла вся жизнь этого великаго труженика, который подвигомъ добрымъ подвизался, не зная личной жизни, личныхъ радостей, всецѣло отдавшись инородческому и просвѣтительному дѣлу.

Про личную жизнь Николая Ивановича можно сказать лишь нѣсколько словъ. Супруга его, Екатерина Степановна, смотрѣла на своего мужа, какъ на необыкновеннаго человѣка, и всѣ силы ея были направлены къ доставленію ему семейнаго спокойствія. „Скончался нашъ ангелъ“, сказала она въ моментъ смерти своего супруга, сотворивъ крестное знаменіе и тѣмъ показавъ на высокую степень своего благоговѣнія предъ личностью послѣдняго.

Николай Ивановичъ не имѣлъ своихъ дѣтей,—его дѣтьми были инородцы. Кромѣ того, судьба доровала ему и личныя родительскія заботы: онъ взялъ къ себѣ на воспитаніе 3 малютокъ, дѣтей своего умершаго въ бѣдности друга А. А. Бобровникова. Эти сиротки и сдѣлались настоящими дѣтьми благочестиваго семейства, воспитались въ идеяхъ Николая Ивановича. Одна изъ нихъ Екатерина Алексѣевна, впослѣдствіи супруга инспектора чувашскихъ школъ, положила не мало трудовъ на пользу инородческаго просвѣщенія въ Симбирской чувашской школѣ, работая въ женскомъ отдѣленіи школы. Другой, Николай Алексѣевичъ, по окончаніи университетскаго курса, отдалъ свои силы Казанской Учительской семинаріи, гдѣ работаетъ и доселѣ, уже въ качествѣ преемника трудовъ своего воспитателя. О немъ Николай Ивановичъ писалъ К. П. Побѣдоносцеву, какъ о человѣкѣ очень дѣльномъ, энергичномъ, блестящей головѣ и горячемъ патріотѣ, основательно разсуждающемъ въ дѣлахъ педагогическихъ и инородческихъ. „Инородческая механика далась ему отъ того, вѣроятно, говоритъ Николай Ивановичъ, между прочимъ, что онъ пріѣхалъ ко мнѣ на житье въ 1865 году десятилѣтнимъ ребенкомъ. На

его глазахъ крещенотатарская школа росла и выросла, онъ слушалъ мои разговоры съ о. Макаріемъ нынѣшнимъ бійскимъ епископомъ, при немъ семинарія была открыта. При его блестящемъ умѣ и симпатичномъ, горячемъ сердцѣ не удивительно, что онъ набрался кое-чего, а самъ пріумножилъ .. Какъ наблюдательный, безконечно пытливый, онъ не можетъ оставаться въ бездѣйствіи — слѣдитъ, наблюдаетъ, изучаетъ .. Отъ него можно ожидать многаго, а для меня онъ великая опора и надежда, и ему я полагаю (егда помышляю смерть) вручить бы Казанское инородчество, но это въ рукахъ Божіихъ". Николай Алексѣевичъ дѣйствительно сталъ преемникомъ знаменитаго просвѣтителя и взялъ на рамена свои нелегкое бремя инородческое, а съ нимъ горести и печали. Братъ Николая Алексѣевича, Александръ Алексѣевичъ тоже служитъ учебному дѣлу въ качествѣ архиваріуса Казанскаго Университета.

Кромѣ того, Николай Ивановичъ въ семейномъ отношеніи оставилъ по себѣ добрую память своимъ живымъ, сердечнымъ отношеніемъ къ родственникамъ: Сердобольскимъ, Смоленскимъ, Алексѣевымъ и др., помогая имъ матеріально и нравственно. Его квартира никогда не была пуста, въ ней жило всегда много людей, которыхъ призрѣвала мягкая, отзывчивая Екатерина Степановна. Николай Ивановичъ, всегда дѣятельный и благодушный, умѣлъ привлекать къ себѣ сердца людей, и къ нему шли за совѣтами и утѣшеніями. Онъ не любилъ общественныхъ развлеченій и все свое время посвящалъ инородчеству, отдыхая и наслаждаясь среди малыхъ сихъ, слушая ихъ дѣтскій лепетъ, всецѣло отдаваясь ихъ радостямъ и печалямъ. Жилъ онъ до крайности просто, одѣвался еще проще, и никто, никто не узналъ бы въ этомъ болѣе чѣмъ просто одѣтомъ, спѣшащемъ человѣкѣ великаго работника, свѣтильника Казанскаго края, если-бы пришлось встрѣтиться съ нимъ на улицѣ. Нужно еще замѣтить, что Николай Ивановичъ, живя такимъ образомъ, всѣ свои средства отдавалъ инород. дѣлу, былъ безсребренникомъ. Увлекаемый идеей безкорыстнаго служенія дѣлу, онъ однако лишенъ былъ способности входить въ семейное положеніе своихъ служащихъ, семей-

ныхъ, нуждающихся въ пособіи, чтобы воспитать дѣтей, дать имъ образованіе: неохотно выслушивалъ, если какой нибудь народный учитель изъ его воспитанниковъ станетъ ему печаловаться на скудость жалованія въ 10 или 15 рублей въ мѣсяцъ, на что дѣйствительно трудно прожить и въ деревнѣ. Онъ не выносилъ мысли о какихъ-либо наградахъ и потому, кажется, ни одинъ его семинарскій преподаватель не былъ имъ представляемъ къ почетной наградѣ. Онъ желалъ, чтобы вся его семинарія, все юнородчество стремилось, искало не земныхъ благъ, а царствія Божія и правды его. Вотъ какого великаго ума и какого чистаго сердца и какой кипучей энергіи былъ Николай Ивановичъ Ильминскій до самаго конца жизни. Съ его смертію потухъ въ нашемъ краѣ яркій свѣточъ русскаго православія, лучами своими озарявшій умы и согрѣвавшій сердца русскихъ инородцевъ...

ГЛАВА VI.

Послѣдніе дни жизни Николая Ивановича. Его кончина и погребеніе. Перечень главныхъ печатныхъ трудовъ покойнаго.

Въ іюнѣ 1891 г. Николай Ивановичъ былъ вызванъ по дѣламъ службы въ Петербургъ, откуда онъ рѣшилъ отправиться въ Троице-Сергіеву лавру, чтобы въ тиши Гефсиманскаго скита, среди полноты и простоты старины, строго здѣсь охраняемой, среди очаровательной мѣстности прожить лѣто, трудясь вмѣстѣ съ 3 студентами академіи, природными якутами, надъ исправленіемъ перевода на якутскій языкъ евангелія. Любимое дѣло и хорошая погода оживили труженика. Онъ былъ бодръ духомъ и видимо наслаждался благопріятною обстановкой труда.

Живя въ скиту, Николай Ивановичъ простудился и захворалъ инфлюэнціей, которая страшно надорвала старческія силы, хотя принятыя мѣры и подняли старца съ одра болѣзни. Но теперь онъ уже скоро уставалъ, постарѣлъ на цѣлые годы: хотя и уѣхалъ изъ Москвы въ веселомъ настроеніи, радуясь добрымъ извѣстіямъ объ инородческихъ дѣлахъ и неожиданной встрѣчѣ съ начальникомъ Алтайской миссіи, преосвященнымъ Владиміромъ Бійскимъ, бывшимъ тогда въ Москвѣ.

По возвращеніи въ Казань, Николай Ивановичъ былъ неузнаваемъ: лицо его осунулось, глаза впали и какъ то подозрительно свѣтились, голосъ ослабѣлъ, движенія стали медленны, морщины избороздили дотолѣ ясный, чистый ликъ. Слабость была такова, что 5 сентября въ храмовой семинарскій праздникъ онъ едва отстоялъ службу. Самъ больной и его докторъ подозрѣвали неизлѣчимую болѣзнь — ракъ желудка. Но вѣрный рабъ Божій не

захотѣлъ отдыхать въ немногіе остающіеся ему дни. Онъ не говорилъ о своей болѣзни, не хотѣлъ видимо думать о ней, а старался какъ можно болѣе работать, торопился самъ и торопилъ другихъ, спѣшилъ закончить свои дѣла. Жена и родные настояли, чтобы онъ лѣчился: собрали консиліумъ; Николай Ивановичъ на все соглашался, шутилъ со врачами, но не пожелалъ и узнать, что за болѣзнь угнетала его тѣло: духъ его былъ занятъ думами о будущемъ. Смерть извѣстныхъ и близкихъ Николаю Ивановичу лицъ: профессора Казанской Академіи В. В. Миротворцева, его лучшаго сотрудника по переводческой коммиссіи, профессоровъ Я. С. Степанова и П. Н. Холмогорова, бывшихъ университетскихъ сослуживцевъ, произвела сильное впечатлѣніе на больного. „Много уже умерло моихъ знакомыхъ и родныхъ, говорилъ Николай Ивановичъ своей супругѣ: въ послѣдніе годы особенно мнѣ приходилось часто слышать о смерти или хоронить дорогихъ людей; но никогда еще я такъ не останавливался и не сосредоточивался мыслью на смерти, какъ теперь: кончина П. Н. Холмогорова точно впервые уяснила мнѣ, что значитъ умереть“...

Незамѣнимый работникъ умиралъ на нивѣ и какъ бы погребалъ вмѣстѣ съ собою свои лучшія, свѣтлыя идеи. 23 ноября онъ слегъ въ постель, признанъ былъ безнадежнымъ и 1 декабря пожелалъ причаститься и помолиться предъ Тихвинской иконой Божіей Матери; временно чувствовалъ облегченіе отъ болѣзни, которая мучила его своими сильными болями. Съ 5 декабря онъ передалъ исправленіе должности наставнику семинаріи Н. А. Бобровникову, но почти весь декабрь посвятилъ окончанію своихъ дѣлъ: писалъ ученикамъ и сотрудникамъ письма, велъ корректуру послѣднихъ листовъ перевода псалтыри на татарскій языкъ, исправлялъ переводъ евангелія. Послѣднимъ было его завѣщаніе переводческой коммиссіи. Послѣдніе дни больной почти ничего не ѣлъ, не принималъ лѣкарствъ.

Въ первый день праздника Рождества Христова Николай Ивановичъ пособоровался, простился съ женой, родными, каждаго утѣшалъ. Въ этотъ день онъ давалъ послѣднія распоряженія,

передалъ Н. А. Бобровникову и свое духовное завѣщаніе, хранившееся доселѣ у законоучителя семинаріи К. Н. Богородицкаго. Въ ночь съ 26 на 27 декабря онъ исповѣдовался и причастился у своего духовника священника Меньшикова, а въ 3 ч. утра законоучитель семинаріи прочиталъ надъ больнымъ молитвы на исходъ души. Въ 9 часовъ вечера священникъ Василій Тимоѳеевичъ началъ читать отходную, а въ 9½ часовъ утра тихо, безъ всякихъ стоновъ, мирно скончался истинно „человѣкъ Божій."

Николай Ивановичъ въ своемъ духовномъ завѣщаніи озаботился обо всемъ. Похоронить себя онъ велѣлъ не въ Спасскомъ монастырѣ, а пожелалъ лечь на общемъ кладбищѣ, подлѣ того забора, который выходитъ къ крещенотатарской школѣ, откуда нѣтъ, нѣтъ да и придутъ отслужить панихиду.

Прощаясь съ Николаемъ Алексѣевымъ Бобровниковымъ, онъ сказалъ: „Проститься въ воспитанниками я не могу: это меня разстроитъ. Передай имъ, что я желаю имъ всякаго счастія, желаю имъ преуспѣвать въ благонравіи и трудѣ... Передай воспитанникамъ мой завѣтъ, чтобы отнюдь никогда ничего не пили: многіе изъ нашихъ воспитанниковъ погибли... всѣ, которые погибли, погибли отъ вина. Передай воспитанникамъ мой завѣтъ, чтобы отнюдь никогда не пили." По кончинѣ Николая Ивановича не было ни стоновъ ни плача, но было умилительно торжественное, хотя и скорбное общее чувство. Во всемъ домѣ стояла совершенная тишина, и даже хлопотавшіе вокругъ покойнаго говорили шепотомъ. Ни для кого потеря Николая Ивановича не была такъ чувствительна и незамѣнима, какъ для Василія Тимоѳеевича съ его крещеными татарами. „Боже мой, что будемъ дѣлать-то, куда пойдемъ?" говорилъ о. Василій, ни къ кому не обращаясь, никого не замѣчая, отдаваясь своему горю при видѣ умирающаго друга, сотрудника и руководителя.

По покойникѣ была впервые зачитана псалтырь на татарскомъ языкѣ, этотъ послѣдній переводческій трудъ усопшаго. У тѣла почившаго было отслужено множество панихидъ по усердію. Всѣхъ трогательнѣе были панихиды отъ плачущихъ инородцевъ. Православное пѣніе послѣднихъ, несравненное по своей задушев-

пости и простотѣ, было трогательно выразительнымъ, было выраженіемъ скорби ихъ душъ.

Нужно было приступать къ погребенію. О послѣднемъ Николай Ивановичъ сдѣлалъ слѣдующее распоряженіе:

„Относительно погребенія положительно не желаю я тѣхъ почестей, какими въ недавнее сравнительно время провождаютъ почившихъ въ могилу: прошу освободить меня отъ всякой торжественности и представительности: ни вѣнковъ, ни колесницы; я желалъ бы, чтобы меня несли на одрѣ, какъ у насъ на родинѣ хоронили, а можетъ и теперь еще хоронятъ православныхъ покойниковъ; мнѣ этотъ одръ по душѣ. Не желаю я формальныхъ и панихидъ. Всегда я сильно смущался и стѣснялся всякой выдающейся отличкой: нарядами, отличіями, почестями, рекомендаціями, титулами, орденами и т. д. Я не могу представить хладнокровно, если меня будутъ провожать въ могилу съ помпой. Желаю и прошу устроить дѣло моего погребенія просто, по православному, по семейному, чтобы лишь самые близкіе, родные и знакомые, русскіе и инородцы, меня проводили и за меня, грѣшнаго, помолились. Больше ничего не имѣю, а эти написанные пункты я озаботился изложить, дабы они не были нарушены по усердію ко мнѣ или по легальнымъ требованіямъ. Прибавляю для поясненія сейчасъ по написаніи всего: орденовъ и шпаги со шляпой чтобы не было—отнюдь не желаю. Нагъ отъ всякихъ земныхъ отличій явиться я долженъ предъ Богомъ, да проститъ Онъ мои согрѣшенія.“ Еще въ началѣ декабря Николай Ивановичъ просилъ архіепископа Казанскаго, чтобы на его похоронахъ не было и похвальныхъ рѣчей: „грѣшный человѣкъ отправляется къ судіѣ, а его везутъ, какъ тріумфатора, на колесницѣ, съ вѣнками. Если душѣ человѣка позволено видѣть и слышать, что совершается вокругъ тѣла, она должна безконечно страдать отъ чрезмѣрныхъ несправедливыхъ похвалъ, которыя произносятся иногда по постороннимъ побужденіямъ. Какъ послѣ воздаянныхъ почестей явится душа предъ престоломъ Всевышняго? Она уже получила на землѣ мзду свыше мѣры“.

31 декабря совершены были похороны. Всѣ представители города, учрежденій, почитатели покойнаго явились въ одеждахъ частныхъ людей. Явилось много инородцевъ. Въ семинарскомъ храмѣ совершена была заупокойная литургія и—чинъ отпѣванія. Богослуженіе совершалъ преосвященный Никаноръ, а на отпѣваніе вышли 23 человѣка. Всѣ были въ бѣлыхъ ризахъ, по завѣщанію покойнаго. Ектеніи, возгласы и пѣніе совершались на инородческихъ языкахъ воспитанниками семинаріи и крещено-татарской школы. И вотъ дрогнули сердца молящихся, когда при прощаніи съ почившимъ, сверхъ всякаго ожиданія, раздался первый, полный неисходнаго горя голосъ о. Василія Тимоѳеевича: „не могу терпѣть, но смѣю молчать“—началъ онъ, заливаясь слезами свое прощальное слово, въ которомъ просто и задушевно благодарилъ усопшаго за то добро, которое онъ сдѣлалъ инородцамъ; просилъ молитвъ усопшаго предъ Царемъ небеснымъ о дальнѣйшемъ преуспѣяніи христіанскаго просвѣщенія татаръ.

По окончаніи отпѣванія тѣло покойнаго было вынесено на одрѣ, который, какъ и гробъ, былъ сдѣланъ руками учениковъ Николая Ивановича. Шествіе тронулось къ городскому кладбищу, прерываясь рядомъ литій на славянскомъ и инородческихъ языкахъ около тѣхъ учрежденій, гдѣ служилъ Николай Ивановичъ. Впереди гроба несли хоругвь Братства св. Гурія, священное знамя, которое такъ высоко держалъ Николай Ивановичъ въ теченіе своей жизни. Послѣдняя литія была совершена у любимаго дѣтища усопшаго, осиротѣвшей и горько плачущей Крещено-татарской Школы. Въ 3½ часа по-полудни гробъ съ дорогими останками опустили въ могилу, послѣ того какъ товарищъ по академіи и лучшій другъ его, А. П. Владимірскій благословилъ предать тѣло землѣ, и могила была засыпана. Судьба доставила покойному лучшее мѣсто: у входа въ храмъ при придѣлѣ Св. Николая.

Могильная насыпь потомъ была обдѣлана дерномъ, увѣнчана крестомъ, а во главѣ могилы, на храмовой стѣнѣ былъ устроенъ образъ Св. Николая Чудотворца. Сюда въ весеннiе, лѣтнiе дни приходятъ дѣти Николая Ивановича по духу, его ученики,

инородцы, его почитатели, чтобы отслужить панихиду и мысленно побыть въ общеніи съ душою дорогого учителя. Сюда направляетъ старческія стопы свои и жизненный другъ Николая Ивановича, Екатерина Степановна, чтобы пролить слезы умиленія на драгоцѣнную могилу, одѣть ее ковромъ живыхъ цвѣтовъ и побесѣдовать о своемъ „ангелѣ“, перенестись духомъ къ нему въ загробный міръ. „Воспоминанія ея *) въ настоящее время слились въ одно общее, свѣтлое представленіе, что Николай Ивановичъ былъ святой человѣкъ. Умъ его, душа и сердце всегда дѣйствовали по законамъ Божескимъ, а все человѣческое было ему чуждо. Случались ли какія непорядки, онъ себя во всемъ обвинялъ; надо-ли было помочь кому нибудь—онъ всегда себя забывалъ, чтобы успокоить человѣка. Въ дѣло свое вкладывалъ всю душу, отстаивалъ свое дѣло кротостію. Онъ не нарушилъ ни одной изъ заповѣдей Божіихъ, а заповѣдь: Да любите другъ друга“ завершала его добродѣтели. Всей душой она вѣритъ, что душа такого человѣка унаслѣдуетъ царство небесное и въ мірѣ всѣхъ совершенствъ успокоится. Вѣчная ему память“! Отъ незабвеннаго Николая Ивановича осталось то, что не можетъ умереть: его дѣла, примѣръ его жизни, въ руководство и поученіе. Пройдутъ годы и годы, а память о христіанскомъ просвѣтителѣ инородцевъ, имя великаго учителя, пока еще мало понятаго, мало оцѣненнаго, будутъ жить въ Казанскомъ краѣ, въ сердцахъ простыхъ, безхитростныхъ людей.

„Кончина Николая Ивановича Ильминскаго—великое горе, цѣлое несчастіе для православной церкви, для русской науки, для русской школы и, наконецъ, для общества. Великое несчастіе, что перестала работать идея, отлетѣлъ творческій геній. Николай Ивановичъ держалъ въ своихъ рукахъ всѣ нити систематическаго просвѣщенія путемъ школы въ цѣломъ восточномъ краѣ до Байкала и Алтая.

Какъ педагогъ, покойный желалъ отъ школы, чтобы она была продолженіемъ семьи и ея свободныхъ и искреннихъ началъ... Поклонимся же за своихъ меньшихъ братьевъ, инородцевъ, покойному: онъ училъ ихъ быть христіанами и людьми“.

*) Письмо Екатерины Степ. Ильминской 11 марта 1890 г.

Николай Ивановичъ завѣщалъ потомству систему инородческаго просвѣщенія, прекрасно имъ разработанную въ цѣломъ рядѣ его сочиненій, изъ которыхъ можно указать на слѣдующія:

„Татарскія надписи изъ временъ Казанскаго царства въ Лаишевскомъ уѣздѣ“ 1851 г.

„О первомъ походѣ монголовъ въ Россію“ съ арабскаго. 1854 г.

„Изданіе арабскаго сочиненія Китабъ-Биркили“. 1855 г.

„Баберъ-Намэ“, записки султана Бабера 1856 г.

„Замѣчанія о тамгахъ и унгунахъ“ 1858 г.

„Древній обычай распредѣленія кусковъ мяса у киргизовъ“ 1866 г.

„О туркменскомъ языкѣ“ 1860 г.

„Исторія пророковъ Рабгузы на джагатайскомъ нарѣчіи“ 1859 г.

„Матеріалы къ изученію киргизскаго нарѣчія“. 1860 г.

„Самоучитель русской грамоты для киргизовъ“. 1861 г.

„Пръ-Таргынъ“, киргизская повѣсть. 1861 г.

„Объ учащательной формѣ татарскаго глагола“. 1863 г.

„Матеріалы для джагатайскаго спряженія изъ Баберъ-Намэ“. 1863 г.

Переводныя изданія: Букварь, книга Бытія. Премудрость, Евангеліе отъ Матоея. пасхальная служба (1862—1869).

„О фонетическихъ отношеніяхъ между чувашскимъ и тюркскими языками“. 1865 г.

Воспоминанія объ А. А. Бобровниковѣ. 1865 г.

Некрологъ А. А. Бобровникова. 1865 г.

О переводѣ христіанскихъ книгъ на тат. языкъ. 1870 г.

Размышленіе о сравнительномъ достоинствѣ въ отношеніи языка разновременныхъ редакцій церковнослав. перевода псалтыри и евангелія. 1882 и 1886 г.

Изъ переписки по поводу примѣненія русскаго алфавита къ инородч. языкамъ. 1883 г.

О церковномъ богослуженіи на инород. языкахъ. 1883 г.

Къ исторіи инородческихъ переводовъ. 1883 г.

Опыты переложенія христіанскихъ вѣроучительныхъ книгъ на татарскій и другіе инород. языки. 1883 г.

Изъ переписки объ удостоеніи инородцевъ священнослужительскихъ должностей. 1885 г.

Обученіе церковнославянской грамотѣ въ начальныхъ народныхъ училищахъ. 1885 г.

Казанская Крещенотатарская Школа. 1887 г.

Бесѣды о народной школѣ. 1888 г.

Матеріалы для сравнительнаго изученія церковнославянскихъ формъ и оборотовъ, извлеченныхъ изъ евангелія и псалтыри. 1888 г.

Святое Евангеліе Господа Нашего Іисуса Христа. Древнеславянскій текстъ. 1889 г.

Церковнославянская азбука для церковно-приходскихъ школъ. 1889 г.

Обученіе грамотѣ по церковнославянской азбукѣ. 1888 г.

По поводу статьи: Школы грамотности. 1888 г.

Достопримѣчательное явленіе въ области первоначальнаго обученія. 1889 г.

Образецъ полемики г. пастора Дальтона. 1890 г.

Переписка о чувашскихъ изданіяхъ Переводческой Коммиссіи. 1890 г.

Некрологъ А. П. Сердобольскаго. 1890 г.

Къ некрологу Махмудова. 1891 г.

Воспоминанія объ И. А. Алтынсаринѣ. 1891 г.

Учебный часословъ, учебный псалтырь и учебный октоихъ для церковноприход. школъ.

Кромѣ этихъ работъ, Николай Ивановичъ оставилъ по себѣ цѣлый рядъ мелкихъ статей, замѣтокъ въ газетахъ и повременныхъ изданіяхъ. Припомнимъ, что ему принадлежитъ много переводовъ священныхъ книгъ на инородческіе языки, и послѣднимъ его переводомъ былъ псалтирь на татарскомъ языкѣ.

Рядъ статей собранъ былъ имъ въ изданіи: „Казанская Крещенотатарская Школа“. Онъ редактировалъ и издалъ дневникъ Василія Тимоѳеевича „бесѣды съ черемисами“ учителя Ма-

лярова, „Погребальные обычаи и повѣрья старокрещен. татаръ“ Гаврилова, „Остатки язычества въ современныхъ вѣрованіяхъ крещ. татаръ Казанской губ.“ Максимова, „Произведенія народ. словесности“ вотяковъ Гаврилова, „Образцы (мордовской народной словесности“ Юртова, „Религіозные обряды черемисъ“ Яковлева, и нѣк. др. статьи.

Вотъ памятникъ трудовъ Н. И. Ильминскаго.

ГЛАВА VII.

Общія воззрѣнія Н. И. Ильминскаго на русскую народную школу.

Работая всю свою жизнь на пользу просвѣщенія края, Николай Ивановичъ долженъ былъ опредѣлить и формулировать свои воззрѣнія на воспитаніе и обученіе въ народной школѣ, служить которой онъ былъ призванъ какъ директоръ учительской семинаріи. Читая въ школѣ педагогику, онъ по своему собственному признанію, только и твердилъ своимъ воспитанникамъ, каковы должны быть основы ихъ будущей просвѣтительной работы.

Призванный къ участію въ обсужденіи вопроса о народномъ образованіи и устройствѣ церковно-приходскихъ школъ, выработкѣ учебныхъ программъ послѣднихъ, Николай Ивановичъ естественно долженъ былъ собрать во-едино всѣ свои взгляды по народному школьному дѣлу, обработать ихъ для общаго употребленія, и въ 1888 г. напечаталъ свои „Бесѣды о народной школѣ“.

Что такое народная школа и какая ея задача? спрашиваетъ онъ. По взгляду приснопамятнаго педагога, народная школа есть низшее, начальное училище, полагающее начало, основаніе всему образованію. Начальная школа есть учрежденіе общеобразовательное, ея задача выпускать людей, составляющихъ народъ, выпускать хорошихъ людей, т. е, обладающихъ нравственными качествами.

Добрая нравственность есть основаніе, на которомъ зиждется всякая спеціальность, научная, ремесленная, и пусть сначала образуется хорошій человѣкъ, а потомъ онъ уже будетъ учиться и спеціальности. Отсюда народная начальная школа общеобязательна для русскихъ и для всякаго человѣка.

Наша нравственность тѣсно связана съ религіей, какъ основою, почему и можетъ быть только нравственностью религіозною.

Хорошій, религіозный человѣкъ, по воззрѣніямъ И. И. Ильминскаго, долженъ быть таковымъ не въ мысляхъ и понятіяхъ, не на словахъ только, но на дѣлѣ, въ жизни, предъ Богомъ и своею совѣстью.

Школа не должна ограничиваться, при образованіи нравственнаго человѣка, однимъ теоретическимъ ученіемъ, что чаще всего и легче всего дѣлается, а ей надобно воспитать человѣка, т. е. вырастить и укрѣпить его въ добрыхъ дѣлахъ, въ чувствахъ богобоязненныхъ и честныхъ. Отвлеченная религіозность, общечеловѣческая, отвлеченная нравственность въ такомъ общемъ, теоретическомъ видѣ не умѣстны въ начальной народной школѣ.

Какъ въ тѣлѣ человѣческомъ, при одинаковости общаго устройства всѣхъ органовъ, а также внутренней дѣятельности и жизни, есть частныя особенности, происшедшія отъ условій страны, климата, пищи и другихъ средствъ матеріальной жизни: какъ соблюденіе этихъ частныхъ особенностей доставляетъ здоровье; какъ совокупность всякихъ частныхъ и мелкихъ особенностей составляетъ расу; подобно этому и въ душѣ человѣческой есть частныя особенности, совокупность которыхъ составляетъ народность, подъ сѣнію которой эти особенности углубляются и развиваются все болѣе и болѣе.

Нравственность и христіанство, при общемъ сходствѣ, на дѣлѣ у каждаго народа имѣютъ свои особыя отличія. Напримѣръ, Богопочтеніе и молитва въ сущности дѣло общехристіанское, но проявленія ихъ у каждаго народа свои. Насъ трогаетъ наша православная богослужебная обстановка, тотъ церковный чинъ, съ которымъ мы съ дѣтства сроднились. У лютеранъ церковь и богослуженіе представляются намъ скорѣе школой и уроками Закона Божія. Точно также каждымъ народомъ своеобразно проявляются благотворительность, почтеніе къ родителямъ, къ старшимъ, вѣжливость.

Эти религіознонравственныя особенности возникаютъ и растутъ подъ сѣнію семьи, общества, государства и церкви.

Наше русское семейное, общественное и государственное устройство сложилось подъ сильнымъ вліяніемъ православной церкви, которая имѣла сильное образовательное дѣйствіе на всѣ проявленія русской жизни.

Отсюда выходитъ, что школа должна воспитывать человѣка въ тѣхъ формахъ и границахъ, въ которыхъ сложилась русская жизнь; должна воспитывать людей русскихъ въ формахъ православія и русской народности.

Что такое воспитаніе? (Болѣе подробное разъясненіе). Воспитаніе означаетъ развитіе и увеличеніе. Увеличеніе бываетъ 1) внѣшнее и механическое и 2) органическое и живое. Примѣромъ перваго служитъ, по словамъ Н. И., строящійся изъ кирпичей домъ; примѣромъ второго—жизнь растеній и животныхъ. Растеніе увеличивается извнутри согласно своей породѣ, причемъ внѣшнія условія—почва, свѣтъ, воздухъ—служатъ лишь матеріалами, которые растенія принимаетъ и переработываетъ съ помощью своихъ органовъ. Тоже происходитъ и съ животнымъ. Воспитатель можетъ способствовать развитію животнаго и растительнаго организмовъ тѣмъ, что доставляетъ имъ необходимыя условія для ихъ жизни и охраняетъ отъ вредныхъ вліяній.

Второй способъ развитія принадлежитъ и душѣ человѣческой, существу, по ученію церкви, отличному и особому отъ тѣла, хотя съ нимъ тѣсно соединенному, частію отъ него зависящему, но болѣе имъ управляющему, существу со своими силами и законами, съ своей формой дѣятельности, начинающемуся и постепенно возрастающему своимъ духовнымъ развитіемъ. Такъ мы представляемъ челов. душу, уподобляя предметамъ вещественнымъ, не будучи въ состояніи понять и представить существо духовныхъ предметовъ.

Народная школа, воспитывая человѣка, должна содѣйствовать органическому внутреннему росту душевныхъ силъ и способностей въ религіозно-нравственномъ направленіи, доставляя необходимую для того пищу и устраняя отъ вредныхъ вліяній.

Въ силахъ душевныхъ нужно различать форму и содержаніе. Разсудокъ составляетъ свои понятія, сужденія и умозаключе-

нія по опредѣленнымъ общечеловѣческимъ законамъ, равно какъ и память, воображеніе. Воспитаніе только развиваетъ и укрѣпляетъ эти способности, но не можетъ измѣнить ихъ природу.

Совсѣмъ другое дѣло содержаніе этихъ способностей: понятія и знанія людей при различныхъ условіяхъ жизни отличаются другъ отъ друга въ значительной степени, особенно въ отношеніи нравственности.

Воспитаніе, содѣйствуя укрѣпленію душевныхъ силъ, направляетъ свои усилія на нравственное облагороженіе человѣка. Въ раннюю пору, въ дѣтствѣ въ душѣ человѣка сильно естественное предрасположеніе къ добру и истинѣ, и юное сердце легко воспринимаетъ все хорошее. Народная школа и должна воспользоваться этою порою жизни для развитія возвышенныхъ чувствъ и наклонностей.

Возрастаніе и развитіе растеній и животныхъ идетъ постепенно, точными періодами, по возрастамъ. Также и въ жизни человѣка существуютъ 3 періода: въ утробѣ матери, по рожденіи въ тѣлѣ, и наконецъ послѣ смерти въ особомъ, обновленномъ состояніи. Первый періодъ продолжается 9 мѣсяцевъ, второй, по указанію пророка Давида, семьдесятъ лѣтъ, аще же въ силахъ— осьмьдесятъ лѣтъ; третій продолжится безконечные вѣки. Во второмъ періодѣ человѣческой жизни замѣчаются такъ назыв. возрасты, имѣющіе въ общемъ опредѣленное продолженіе, каждый свои потребности, формы, способы развитія, свои заботы и занятія, радости и печали. Человѣкъ долженъ пройти черезъ эти возрасты опредѣленнымъ порядкомъ, и всякое ускореніе въ переходѣ одного возраста къ другому сопровождается дурными послѣдствіями, иногда даже непоправимыми.

Жизнь душевная развивается постепенно и проходитъ своего рода возрасты, отличающіеся другъ отъ друга своими потребностями, своею дѣятельностію.

Народная школа имѣетъ дѣло собственно съ возрастомъ дѣтскимъ, по своеобразнымъ особенностямъ болѣе всего нуждающимся въ помощи и охранѣ. Она должна въ примѣненіи матеріаловъ и пріемовъ воспитательно образовательныхъ строго сообразоваться съ

возрастомъ своихъ питомцевъ, не ускоряя искуственнымъ образомъ воспитательнаго процесса и не употребляя способовъ, свойственныхъ другимъ возрастамъ, что разстроитъ правильный ходъ душевной жизни.

Какими свойствами отличается школьный—отроческій возрастъ?

Душа человѣческая—существо духовное и простое, проявляется вся цѣликомъ; но мы, для удобства разсмотрѣнія душевной дѣятельности, раздѣляемъ ее на три области: дѣятельность познавательную и мыслительную (умъ), дѣятельность желательную и дѣйствительную (воля), дѣятельность чувствительную (сердце). Дѣятельность сердца трудно поддается самосознанію, воля имѣетъ большую степень сознательности, ее можно прослѣдить; на самою отчетливою сознательностью отличаются дѣйствія ума, почему они подробнѣе изслѣдованы и лучше извѣстны. Но сущность каждой душевной области, равно какъ и самое существо души недоступны непосредственному самонаблюденію. Въ этой недосягаемой глубинѣ души, зачинаются зародыми нашихъ мыслей и чувствъ, которыя изъ нихъ вырабатываются, выясняются, дѣлаются сознаваемыми. Чѣмъ выше умственное развитіе, тѣмъ рѣзче отдѣляются душевныя области и силы. Но въ людяхъ, малоразвитыхъ умственно, дѣятельность ума сильнѣе отрожается на сердцѣ и волѣ. Стоитъ имъ воспринять какія нибудь, чисто предположительныя разсужденія, какъ они теряютъ вѣру въ то, чему поклонялись доселѣ. Въ дѣтскомъ возрастѣ подобное неразрывное и живое единство всѣхъ душевныхъ силъ необходимо и естественно, но проявляется какой нибудь опредѣленной стороною: либо сердцемъ, либо волею, либо умомъ. Въ дѣтскомъ возрастѣ совмѣстное и цѣльное движеніе жизни души проявляется преимущественно сердечной стороною, т. е. вмѣстѣ съ сердцемъ пробуждаются желаніе и смыслъ, только послѣдніе въ видѣ безсознательныхъ зачатковъ. Первый проблескъ пониманія младенца замѣчается тогда, когда онъ узналъ мать и улыбнулся ей. Но это пониманіе подготовлялось исподволь, и первые зачатки его Николай Ивановичъ готовъ отнести къ утробной жизни ребенка. Оно связано далѣе

съ ощущеніями тепла, насыщенія, отраженіемъ лица матери въ глазахъ ребенка. Все это вмѣстѣ, сопровождаясь пріятнымъ чувствомъ удовлетворенія, разрѣшается, спустя нѣкоторое время, улыбкой младенца у груди матери и осмысленнымъ взглядомъ: ребенокъ узналъ источникъ радостнаго тепла и удовлетворенія и выразилъ свое счастіе улыбкой. Это зародышъ любви. Народная школа должна обратить вниманіе на преимущественное проявленіе сердечной стороны въ душевной жизни дѣтей и въ своихъ воспитательскихъ воздѣйствованіяхъ примѣняться къ этому факту. И такъ первый шагъ душевной жизни человѣка ставитъ его на свѣтлый путь любви, которая въ своемъ развитіи превращается въ любовь къ Богу и любовь къ ближнему, „никогда отпадаетъ, а продолжается всю человѣческую жизнь и переходитъ въ нескончаемую вѣчность“. Любовь къ Богу и представляетъ основу и сущность религіи, а любовь къ ближнему есть основа и сущность нравственности.

Оба вида любви въ жизни въ свою очередь разнообразны по проявленію и примѣненію, но однородны по сущности. Таковы страхъ Божій, благоговѣніе, богоугожденіе, молитвенное чувство и т. п. или сочувствіе, самопожертвованіе и т. д.

Исполненіе любви есть предназначеніе Божіе; но въ людяхъ встрѣчаются и плевелы въ видѣ самолюбія, своекорыстія, плотоугодія и т. п. заполоняющія душу зломъ нравственнымъ.

Въ борьбѣ добра со зломъ воспитаніе должно помочь добру, застигнуть человѣка еще въ дѣтскомъ возрастѣ и охранять его отъ зла цѣлые годы.

Такимъ образомъ задача начальной народной школы состоитъ въ развитіи и укрѣпленіи въ дѣтяхъ любви къ Богу и ближнему во всѣхъ по возможности ея проявленіяхъ.

Какой же доступъ найдетъ воспитатель въ душу ребенка, чтобы въ глубинѣ ея развить религіозность и нравственность, основанныя на любви?

Міръ внѣшній человѣкъ познаетъ посредствомъ чувствъ: добытыя ими отдѣльныя разрозненныя воспріятія разсудокъ обрабатываетъ и строитъ знаніе. Впечатлѣнія внѣшнихъ чувствъ всѣмъ

убѣдительны, рѣшительны и очевидны; понятія, сужденія, умозаключенія уже не имѣютъ у людей такой рѣшительности и убѣдительности.

Но кромѣ міра вещественнаго, есть міръ духовный: Богъ, ангелы, челов. души, міръ нравственный; познаніе ихъ еще болѣе необходимо для людей: „ищите прежде Царствія Божія и правды Его, и сія вся приложатся вамъ„.—„Какая польза человѣку, аще весь міръ пріобрящетъ, душу же свою отщетитъ". Такъ говоритъ Спаситель.

Въ этомъ случаѣ нашъ разсудокъ обработываетъ, приводитъ въ систему то, что доставили ему душевныя воспріятія; въ душѣ должны существовать особыя стороны, какъ бы органы духовныхъ воспріятій. Способность непосредственнаго воспріятія духовныхъ и нравственныхъ предметовъ есть драгоцѣнная способность души человѣческой; существованіе ея очевидно и несомнѣнно убѣдительно. Это лучше всего проявляется въ оцѣнкѣ людьми подвиговъ самопожертвованія, которые всѣми одинаково одобряются, признаются высокими, святыми; или въ общности людскихъ впечатлѣній неповиннаго страданія, когда дѣти выражаютъ такое сильное и живое правосудіе. Впечатлѣніе нравственное, зависящее отъ воспріимчивости и свѣжести сердца, особенно сильно дѣйствуетъ въ юномъ возрастѣ, и Спаситель сказалъ: „Исповѣдаю Ти ся, Отче, Господи небесе и земли, яко утаилъ еси сія отъ премудрыхъ и разумныхъ и открылъ еси та младенцемъ". И дѣйствительно совѣсть и сердце грубѣетъ съ годами, и каждый младенецъ въ дѣлахъ вѣры и нравственности болѣе чуткъ, искреннѣе вѣруетъ и горячѣе любитъ.

Въ жизни природы существуетъ общеобязательный, цѣлесообразный и безошибочный законъ, называемый инстинктомъ, особенно проявляющійся въ животныхъ и насѣкомыхъ, напримѣръ, въ пчелахъ, птицахъ, дѣйствія которыхъ отличаются характеромъ непреложности и безошибочной цѣлесообразности. Это, конечно, одно изъ проявленій премудрости Создателя. Въ жизни человѣка тоже замѣчается проявленіе этой общности, безошибочности и цѣлесообразности. И въ душѣ человѣческой есть необходимый законъ

и движущая сила душевной жизни. Къ такимъ непосредственнымъ дѣйствіямъ души относится, напримѣръ, фактъ языка, происхожденіе котораго, несмотря на современныя изслѣдованія языкознанія, остается неизвѣстнымъ, а откровеніе Божіе сообщаетъ намъ, что человѣкъ владѣетъ языкомъ тотчасъ по созданіи. Къ нимъ же относятся и всѣ первыя возбужденія, внутреннія дѣйствія и расположенія въ душѣ и прежде всего возбужденіе религіозное и нравственное, которое при благопріятныхъ условіяхъ, подобно хлѣбному зерну, можетъ развиваться. Въ душѣ есть всегда зародышъ религіозно-нравственныхъ чувствъ и расположеній, которыя развиваются въ немъ подобно тому, какъ развивается въ немъ даръ рѣчи, незамѣтно отъ окружающихъ, путемъ примѣра и подражанія.

Дѣтскій возрастъ можно раздѣлить на 3 части. Младенчество—это первая пора, когда дитя нуждается въ постоянномъ попеченіи матери. Въ эту пору и проявляются самыя первыя воспріятія любви, которыя запечатлѣваются въ простыхъ дѣтскихъ словахъ: папа, мама, баба, няня и т. п.

Съ 2 лѣтъ до 5 продолжается второй періодъ дѣтскаго возраста. Это періодъ подражательности старшимъ, родителямъ, непремѣнно сопровождается разговорами, выраженіями и волненіями, и замѣтенъ явный перевѣсъ внутр. состоянія надъ внѣшнимъ дѣйствіемъ. Во вторую ступень развитія дѣтской души имѣютъ значеніе явленія дѣйствительной жизни, и чѣмъ они болѣе искренни, жизненны и полны глубины душевной, тѣмъ возбудимѣе для ребенка. Не всѣ явленія дѣйствительности возбуждаютъ душу ребенка а лишь тѣ, которыя потребны. Это преимущественно потребности религіозныя и нравственныя, и въ этотъ періодъ начинаются начала божественнаго чувства и молитвы, если они возбуждаются дѣйствительными религіозными расположеніями взрослыхъ: искренней молитвой, особенно во время несчастія, благочестивымъ расположеніемъ семьи, когда душа ребенка дѣйствительно полна религіознымъ умиленіемъ и глубокими сердечными ощущеніями. Такъ же вліяетъ религіозное настроеніе молящихся въ храмѣ. Въ этотъ періодъ въ значительной степени развивается и

способность рѣчи путемъ подражанія разговору старшихъ, и чѣмъ искреннѣе, сердечнѣе и нравственнѣе этотъ разговоръ, тѣмъ онъ глубже дѣйствуетъ на душу ребенка.

Третій періодъ—это возрастъ отъ 5 до 10 лѣтъ, когда дитя подросло, укрѣпилось, и поле воспріятій для ребенка стало шире. Дѣтская душа имѣетъ предъ собою массу явленій и предметовъ, но вдохновляется и проникается болѣе подходящими и сочувственными. Усвоеніе религіозныхъ и нравственныхъ впечатлѣній продолжается съ большею силою. Церковная служба разныя сильно дѣйствующія явленія развиваютъ въ ребенкѣ то искреннюю жалость и участіе, то радость, безкорыстное сочувствіе, то чувство несправедливости, обиды, незаслуженнаго страданія. И вотъ въ эту то пору воспріятія внѣшнихъ впечатлѣній, преимущественно пассивнымъ образомъ, и западаютъ въ души дѣтей дурныя впечатлѣнія: злоба, мстительность, гнѣвъ. Дѣти безсознательно научаются сквернословію и кощунству, а иногда ихъ этому учатъ и взрослые, къ своему стыду и погибели.

Дѣти нашихъ поселянъ въ возрастѣ 7—10 лѣтъ поступаютъ въ народныя школы. Наши народныя школы уже располагаютъ разными средствами воспитанія и обученія. Въ эти школы поступаютъ дѣти непосредственно-естественнаго семейнаго воспитанія, правда ограниченнаго тѣснымъ кругомъ понятій и умѣній, принадлежащихъ семьѣ, сословію, даже народу; но за то это воспитаніе согласно съ бытомъ, образомъ жизни и крѣпко вложено. Школа, желая вложить въ дѣтей доброе, свѣтлое, разумное, выработанное человѣчествомъ, не должна пренебрегать домашнимъ воспитаніемъ, а уподобиться садовнику, который прививаетъ къ сильному дичку вѣтку облагороженнаго дерева, и эта вѣтка срастается съ дичкомъ, въ органическомъ единеніи растетъ и развивается, и даетъ нѣжные и сладкіе плоды. Вотъ эта задача органическаго, живого развитія и принадлежитъ школѣ.

Существующіе у насъ виды народныхъ школъ: министерская, земская и церковно-приходская *должны имѣть и въ сущности имѣютъ одну и ту же задачу:* религіозно нравствен-

ную и воспитательную. Во всѣхъ нихъ проходятся приблизительно одни и тѣ же предметы, и главный предметъ составляетъ законъ Божій, наиболѣе дѣйствительное средство для исполненія религіознонравственной задачи народной школы. Такъ какъ семейное воспитаніе религіозно-нравственное, то школа, сливаясь съ семейнымъ воспитаніемъ, продолжаетъ послѣднее, расширяетъ и осмысливаетъ.

Наши школы часто заключаютъ въ себѣ новый міръ по обстановкѣ, отношеніямъ, рѣчамъ и пріемамъ, и сельскія дѣти должны долго приноравливаться къ школьнымъ порядкамъ. Школа, напротивъ, должна направляться въ духѣ тѣхъ же семейныхъ привычекъ, съ какими дѣти поступаютъ въ нее. Народный учитель долженъ стоять къ ученикамъ въ отношеніяхъ семейныхъ не господиномъ учителемъ, а по имени и отчеству, дядюшкой, дѣдушкой, имѣть авторитетъ отца, дяди, дѣда, старшаго брата. Уваженіе и послушаніе должно быть предметомъ школьнаго воспитанія, какъ это изображено въ знаменитомъ Orbis pictus Я. А. Каменскаго, греческомъ октоихѣ изданія 1738 и 1845 г., наконецъ въ славяно-греко-латинской азбукѣ начала 18 в. По идеаламъ греческому, русскому и Яна Каменскаго, учитель долженъ быть сановитымъ, спокойнымъ, внушать уваженіе. Наша прежняя учительница изъ келейницъ, степеннаго и набожнаго вида, одѣтая въ черное, въ кельѣ, уставленной образами и съ горящею лампадой, запахомъ ладона: должна была располагать ребенка къ набожнымъ и благоговѣйнымъ впечатлѣніямъ. Конечно, чувства эти не могутъ быть внушены юными свѣтскими учителями съ развязными манерами и игривымъ топомъ рѣчи. Прежде къ книгамъ: часовнику и псалтири относились съ уваженіемъ, предъ чтеніемъ крестились, послѣ чтенія цѣловали книгу, по примѣру духовенства; нынѣ къ учебной книгѣ свѣтскаго содержанія нѣтъ уваженія, съ нею обращаются небрежно, и за нею такое же обращеніе ожидаетъ и священную книгу. Этого нѣтъ даже у татаръ, у которыхъ татарчата уважительно несутъ коранъ и друг. учебныя книги; у нихъ обращеніе съ кораномъ обусловлено точными правилами; у насъ это предоставлено внутреннему одушев-

ленію человѣка. Педагогика внушаетъ дѣтямъ обращаться съ книгами бережно и опрятно, ради пріученія къ порядку и чистотѣ; но нужно научать дѣтей обращаться съ книгами, особенно священными, благоговѣйно и религіозно, что важно въ дѣлѣ развитія религіознаго чувства.

Это религіозное чувство прежде воспитывалось главнымъ образомъ въ церкви, гдѣ дитя усвапвало божественныя впечатлѣнія и набожныя расположенія. И школа должна обратиться къ церкви и подъ ея сѣнію вести дальнѣйшее развитіе религіозныхъ впечатлѣній и вѣроучительныхъ понятій. Въ церкви дѣти видятъ много иконъ. Сельскому юношеству нужно оживить эти изображенія, разсказавъ содержаніе каждой иконы, благоговѣйно стоя предъ нею, дѣлать это не торопясь, постепенно и вмѣстѣ съ объясненіемъ дать понять и почувствовать дѣтямъ, что съ написанными ликами соединена благодатная сила изображенныхъ лицъ невидимо присутствующихъ въ храмѣ. Тогда дѣти, чувствуя себя въ присутствіи Бога и всей небесной церкви, естественно проникнутся благоговѣніемъ и будутъ слушать богослуженіе „добрымъ сердцемъ и благимъ“.

Наше богослуженіе въ избыткѣ содержитъ въ себѣ всѣ религіозные элементы: молитвенные, догматическіе, нравственные, церковно-историческіе, озаренные общимъ молитвеннымъ характеромъ. Въ церкви совершается молитва по преимуществу, происходитъ дѣйствительная религіозная жизнь. Здѣсь воспитывается страхъ Божій и любовь къ Богу; здѣсь слышитъ и изучаетъ ребенокъ на-слухъ молитвы и символъ вѣры. Православный христіанинъ учится молиться именно въ церкви, а не въ школѣ, гдѣ только разъясняютъ или напоминаютъ молитвенные тексты и свящ. предметы, возбуждая и разрабатывая молитвенныя чувства, пріобрѣтенныя въ храмѣ.

Отсюда необходимо, чтобы церковное богослуженіе совершалось благочинно и производило на юное поколѣніе назидательное и священное впечатлѣніе; чтобы возношенія, чтеніе и пѣніе были внятны, раздѣльны и вразумительны. Если дѣти не научатся молитвѣ и страху Божію въ церкви, то въ школѣ они тѣмъ болѣе не научатся.

Таковы были взгляды Николая Ивановича на религіозно-нравственное воспитаніе, которое должны давать сельскому населенію наши народныя школы. Эти взгляды онъ примѣнялъ всецѣло у себя въ семинаріи и крещено-татарской школѣ, а затѣмъ и во всѣхъ сельскихъ инородческихъ школахъ. Послѣднія, бѣдныя матеріально, имѣющія, пожалуй, много недостатковъ со стороны требованій современной педагогики и методики, были сильны религіознымъ духомъ. Это были школы религіознаго подъема духа, гдѣ учитель возбуждалъ къ себѣ уваженіе и любовь; гдѣ дѣти были почтительны, послушны и трудолюбивы; гдѣ дѣло дѣлалось не по принужденію, не за приманки и похвалы, а для Бога, для спасенія души. Въ этихъ школахъ ученіе было вмѣстѣ съ тѣмъ и молитвенное возношеніе, въ которомъ въ религіозномъ восторгѣ одинаково упорствовали и учитель и ученики, и малые и старые, и мужчины и женщины. Они шли въ школу не для развлеченія, а для поученія, для назидательной бесѣды «для души спасенія». Инородческая школа Николая Ивановича была школою религіозною не по кличкѣ, не по принадлежности къ тому и другому вѣдомству, а по существу. Правда, требованія отъ народной школы, чтобы она не только учила, но и воспитывала, чтобы это воспитаніе было нравственное, не новы. Они раздавались еще въ 18 вѣкѣ, въ царствованіе Императрицы Екатерины II-й. Подъ надлежащимъ воспитаніемъ разумѣлось развитіе физическихъ, умственныхъ и нравственныхъ способностей, но такъ, что нравственный элементъ занималъ первое мѣсто. Эту цѣль должны были преслѣдовать учрежденныя Императрицей „народныя училища.“ Но идея о нравственномъ воспитаніи была не русскаго происхожденія, а западнаго, навѣянная Локкомъ, Монтенемъ. Такое воспитаніе основывалось на данныхъ науки о нравственности, а не на православіи, не на религіи. Школы 18 вѣка не думали о развитіи религіозныхъ и нравственныхъ чувствъ русскихъ дѣтей, пользуясь зародышами ихъ въ дѣтской душѣ; онѣ думали прививать нравственность не чрезъ сердце, а чрезъ разумъ, путемъ ученія. Школа 18 вѣка не имѣла тѣсной связи съ православной церковью, не думала о всестороннемъ развитіи въ дѣтяхъ

любви къ Богу и ближнему; она думала о развитіи „чести“ и „стыда“ путемъ похвалъ и порицаній.

Совсѣмъ другое дѣло—народная школа, нарисованная Николаемъ Ивановичемъ въ его „Бесѣдахъ.“ Она религіозна, ибо предметъ ея—развитіе въ дѣтяхъ любви къ Богу и ближнему; она исторична, ибо ея постановка связана съ историческимъ развитіемъ религіозныхъ убѣжденій: она народна, ибо народъ требуетъ религіознаго ученія для спасенія души, а эта школа и учитъ спасенію души путемъ всепрощающей христіанской любви; она нравственна, ибо преслѣдуетъ исполненіе дѣтьми величайшихъ нравственныхъ законовъ о любви къ Богу и любви къ ближнему. Конечно, благочестивыя педагогическія размышленія Николая Ивановича есть идеалъ; но наша школа должна стремиться къ этому идеалу, приближаться къ нему, если только хочетъ сохранить за собою право на благодарность народную и признаніе своихъ заслугъ предъ церковью, государствомъ и народностью. Отъ школы Николая Ивановича такъ и вѣетъ благочестивою, святою, смиреномудрою Русью, свято хранящею церковные, общественные и семейные идеалы, тихимъ счастіемъ, удѣломъ боящихся Господа, а не нѣмецкою педагогикой.

Николай Ивановичъ не былъ любителемъ этой нѣмецкой педагогики съ ея искусственными пріемами и особенно протестантскимъ направленіемъ. Онъ старался всѣми силами уберечь русскую народную школу отъ заноса протестантскихъ идей. Знакомый съ изданіями бывшаго библейскаго общества, его переводами, онъ имѣлъ полное основаніе видѣть въ этомъ чужеземномъ отпрыскѣ тенденцію проникнуть въ православно христіанскую жизнь русскаго народа, съ цѣлію поколебать православно-русскіе устои народной жизни. Все напоминающее старые подвохи заставляло этого православно-русскаго дѣятеля стоять насторожѣ. Такъ, напримѣръ, въ 1883 году онъ сообщаетъ своему другу о чрезвычайно развивающейся дѣятельности Общества поощренія духовнонравственнаго чтенія съ краснымъ штемпелемъ A и Ω. Николай Ивановичъ слышалъ, что брошюры этого общества раздавались на выставкѣ 1882 г., развозились по желѣзнымъ дорогамъ, на паро-

ходахъ, книгоноши разносили ихъ по городамъ и селамъ; наконецъ онѣ стали въ 1883 году по почтѣ разсылаться по сельскимъ министерскимъ училищамъ при печатномъ циркулярѣ за печатною подписью предсѣдателя общества барона Корфа. „Всѣ брошюры этого общества пропитаны явно протестантскимъ направленіемъ съ оттѣнкомъ даже нѣкотораго мистицизма. Теперь, когда повсюду открываемыя школы широко распространили въ народѣ грамотность, а книгъ для чтенія по вкусу народному нѣтъ, эти набожныя брошюрки, массами распространяемыя по всей Россіи, будутъ на-расхватъ читаться сельскими грамотеями. Врагамъ православія пришла блестящая мысль подрубить православіе въ самомъ корнѣ его, въ Россіи. Я убѣжденъ, что всѣ брошюры упомянутаго общества въ сложности сознательно и умышленно направлены къ разрушенію православной церкви въ Россіи, согласно съ волчьею политикой: и волкъ расхититъ и распудитъ овцы".

Мы знаемъ уже, какъ защитилъ Николай Ивановичъ инородческое дѣло противъ вылазокъ пастора Дальтона.

О, если бы русская народная школа имѣла всегда и побольше такихъ приставниковъ, защитниковъ ея православно-русскаго направленія!

ГЛАВА VIII.

Система инородческаго христіанскаго просвѣщенія выработанная Николаемъ Ивановичемъ, и ея недоброжелатели.

Наслѣдіемъ почти полувѣковой, неутомимой и обширной дѣятельности Николая Ивановича въ Казанскомъ краѣ осталась система инородческаго образованія, принятая въ своихъ основахъ Министерствомъ Н. Просвѣщенія еще 2 февраля 1870 г., всесторонне разработанная и примѣненная къ дѣлу христіанскаго просвѣщенія востока Россіи.

Вопросъ о просвѣщеніи инородцевъ до 60-хъ годовъ 19 столѣтія не имѣлъ характера вопросовъ государственной важности. На него скорѣе смотрѣли какъ на вопросъ церковный, и государство полагало достаточнымъ лишь приходить на помощь церкви въ ея стремленіи распространить сферу своего вліянія и на инородческія племена. Эта помощь проявлялась какъ въ дарованіи льготъ крестившимся, такъ и въ стремленіи побуждать иновѣрныхъ къ принятію крещенія, путемъ внѣшняго давленія и угрозъ. Впрочемъ и такого рода участіе въ просвѣщеніи инородцевъ и сближеніи ихъ съ кореннымъ населеніемъ проявлялось государствомъ не всегда послѣдовательно. Напротивъ въ 18 вѣкѣ, въ царствованіе Императрицы Екатерины II самимъ правительствомъ, во имя свободы вѣры, дана была крѣпкая организація одному изъ самыхъ вредныхъ по отношенію къ христіанству исповѣданій—исламу. Въ Уфѣ была утверждена должность муфтія, объединившая магометанство въ Россіи, устроено при немъ духовное правленіе: заведены были указныя муллы, ассигновано жалованіе этимъ творцамъ мусульманскаго объединенія, и что всего важнѣе—

—кочевые народы Россіи, киргизы, башкиры, признаны были подлежащими сферѣ мусульманскаго вліянія. Совершилось ужасное дѣло: степь стала заполняться муллами изъ татаръ, началась постройка мечетей и школъ, а вмѣстѣ съ ними господство татарско-мусульманской культуры. Русскіе казаки, напримѣръ, плетьми сгоняютъ шаманистовъ-киргизовъ въ мечеть Ханской ставки въ Букеевской ордѣ, исполняя приказаніе хана Джангера, женившагося на дочери уфимскаго муфтія Фатимѣ и превратившагося въ ревностнаго магометанина. *)

Сплоченное, объединенное государственною властью мусульманство распространяетъ свое вліяніе не только на степь, но и на другихъ инородцевъ: вотяковъ, черемисъ, чувашъ и въ особенности на своихъ единоплеменниковъ-крещеныхъ татаръ. Пользуясь тѣмъ, что русское духовенство, не зная ни языка, ни быта инородческаго, стояло далеко отъ своей паствы, мусульманскіе муллы пользовались инородческою рѣчью и сходствомъ бытовыхъ условій, пролагая вѣрные пути къ инородческимъ сердцамъ, отвлекая ихъ отъ всего христіанскаго и русскаго и превращая инородцевъ въ представителей мусульманства.

Когда въ 60 годахъ эта дѣятельная пропаганда мусульманства проявила себя массовыми отпаденіями крещеныхъ чувашъ, татаръ и друг. инородцевъ въ мусульманство, „уходомъ въ татары“, тогда то выплылъ наружу инородческій вопросъ.

Масса сторонниковъ государственнаго объединенія, имѣя въ виду Польшу и прибалтійскія губерніи, равно и наши нѣмецкія поселенія, признала насущною необходимостью сближеніе русскихъ съ инородцами путемъ устройства среди нихъ русскихъ школъ. Эти школы должны поучать инородческихъ дѣтей говорить и мыслить по-русски; они распространятъ среди инородцевъ европейское просвѣщеніе, которое расшатаетъ ихъ несложныя вѣрованія, пріобщитъ къ русской культурѣ, проложитъ путь христіанской вѣрѣ. Теоретическіе взгляды государственныхъ объединителей, не знакомыхъ ни съ язычествомъ, ни съ мусульманствомъ на-

*) Спасскій. Потребность православной миссіи для Букеевской орды. 1895 г.

шихъ восточныхъ инородцевъ, создали цѣлую систему просвѣщенія съ 3 татарскими учительскими школами; изъ которыхъ по этой системѣ должны выходить пріобщенные къ русской культурѣ учители; послѣдніе въ сельскихъ татарскихъ школахъ уже будутъ распространять русскіе взгляды. Но то, что создается теоріей, часто не оправдывается на практикѣ. „Правительство, говоритъ Николай Ивановичъ, разсчитывало на русское образованіе татаръ; но, видно, образованіе дѣйствуетъ разлагающимъ образомъ на національныя и религіозныя убѣжденія только насъ, русскихъ. Свое татарство и магометанство образованные татары въ глубинѣ души свято чтутъ и въ случаѣ надобности крѣпко за него стоятъ. Фанатикъ безъ русскаго образованія и языка сравнительно лучше, чѣмъ по-русски цивилизованный татаринъ, а еще хуже аристократъ, а еще хуже человѣкъ университетскаго образованія. Татарская интеллигенція вмѣсто обычнаго, неуклюжаго и неблаговиднаго фанатизма начинаетъ усвоивать точку зрѣнія національно-политическую подъ видомъ интеллигентнаго прогресса". Про Казанскую, Оренбургскую *) (нынѣ уже закрытую) татарскія учительскія школы онъ говоритъ: „Эти школы долгимъ опытомъ доказали свою безполезность въ дѣлѣ обрусенія татаръ магометанъ, и фанатизма татарскаго онѣ не ослабляютъ, а лишь татарскую интеллигенцію воспитываютъ и могутъ приготовлять хитрыхъ и ловкихъ рачителей мусульманской арабско-стамбульско-французской (а не русской) культуры и цивилизаціи. Нужно помнить, что мы, русскіе, не умѣемъ владѣть тѣми орудіями культурными и сливающими народности, которыми такъ успѣшно дѣйствуютъ западные народы, у насъ эти орудія обращаются намъ же во вредъ. Не нашей простотѣ орудовать такимъ тонкимъ инструментомъ". И дѣйствительно мечты уфимскихъ дворянъ изъ татаръ, касимовскихъ „русскихъ мусульманскаго исповѣданія", крымскихъ татарскихъ интеллигентовъ, сплотившихся около редакціи „Переводчика" вполнѣ доказываютъ вѣрность взглядовъ Николая Ивановича на эту сторону русскаго инородческаго вопроса.

*) Бывшую Уфимскую.

Не болѣе удачно рѣшали и рѣшаютъ инородческій вопросъ тѣ сторонники обрусенія *) инородцевъ, которые думали и думаютъ пріобщить инородцевъ къ русской народности путемъ русской христіанской школы. Это стремленіе создать среди инородческаго населенія русскія христіанскія школы появилось еще въ 18 вѣкѣ, и намъ уже извѣстна горькая участь инородческихъ школъ. Устроенныя въ 40-хъ годахъ 19 столѣтія во многихъ селеніяхъ инородцевъ школы удѣльнаго вѣдомства съ русскимъ преподавательскимъ языкомъ не привлекли къ себѣ симпатій населенія, и русское образованіе давалось лишь съ большимъ трудомъ и ограниченному количеству дѣтей. Не болѣе пользы принесло привлеченіе инородческихъ дѣтей въ духовныя училища и семинаріи: „наиболѣе успѣвающіе ученики „оказались впослѣдствіи какими-то полуидіотами, такъ что еще недавно пришлось уволить изъ Вятской духовной семинаріи всѣхъ воспитанниковъ изъ черемисъ за совершенною ихъ неспособностью“ (Ж. М. Н. Пр. 1867 г. февраль). Этотъ фактъ равно и многіе другіе доказываютъ, что русская грамотность и даже само христіанство прививались инородцамъ очень туго. Самая система обученія возбуждала отвращеніе, дѣтей собирали въ школы по наряду. Въ школахъ дѣти усвоивали лишь обрядовое христіанство и легко подпадали подъ вліяніе иновѣрной пропаганды. Такъ, напримѣръ, въ Буинскомъ уѣздѣ, Симбирской губерніи въ числѣ отступниковъ чувашъ и татаръ были учившіеся въ русскихъ удѣльныхъ школахъ. Современная непригодность этихъ школъ и особенно духовныхъ училищъ и семинарій прекрасно сознавалась Николаемъ Ивановичемъ, когда онъ обсуждалъ въ 1871 г. въ особой коммиссіи вопросъ о допущеніи инородческихъ дѣтей въ духовныя школы Казанской епархіи. Онъ признавалъ, что „въ обстановкѣ русскихъ училищъ инородцы не только не развиваются и не образуются, но положительно завядаютъ“. Не смотря на очень горькій опытъ, сторонники этого рода обученія инородцевъ съ особеннымъ рвеніемъ старались на-

*) Обрусеніе отъ гл. обрусить (насильственно).

Обрусѣніе отъ гл. обрусѣть (добровольно).

стоять на проведеніи своихъ взглядовъ въ жизнь и въ правительственныя сферы. Особенное стремленіе отстоять ихъ проявилось въ концѣ 60-хъ годовъ, когда въ Министерствѣ Н. Просвѣщенія былъ поднятъ вопросъ о системѣ инородческаго просвѣщенія. Критикуя просвѣтительные взгляды Николая Ивановича, называя послѣдняго „прожектеромъ", его систему „оранжерейной„ они „проявили такую упорную вражду и брань съ разныхъ сторонъ и разнаго содержанія", что приводили его въ уныніе. Враждебное отношеніе этихъ обрусителей, проявившихъ полное непониманіе историческихъ условій, не прекратилось и тогда, когда Министерство признало обрусительную русскую школу не совмѣстимой съ идеалами церкви и не достигающей цѣлей государственныхъ. „Есть люди, писалъ Николай Ивановичъ за нѣсколько мѣсяцевъ до своей кончины, которые почти ждутъ моей смерти, полагая, что я единственная опора и защита инородчества".

Со смертью Николая Ивановича дѣйствительно система инородческаго образованія, утвержденная и распространенная ея приснопамятнымъ основателемъ, начинаетъ колебаться. Сторонники прежнихъ обрусительныхъ взглядовъ, „люди горячіе и нетерпѣливые" стали отожествлять его систему съ искуственнымъ созданіемъ и поддержаніемъ народностей въ ущербъ русскому народу и государству. Не желая прямо итти противъ этой системы, они задумали ее исправить, дополнить, якобы на основаніи опыта, заявляя, что они въ сущности нисколько не касаются этой системы и даже желаютъ ея точнаго примѣненія, но только замѣчаютъ, что съ кончиной Н. И. она стала, „подвергаться нежелательнымъ измѣненіямъ". И вотъ эти „нетерпѣливые люди" полагаютъ 1) улучшить въ инородческихъ школахъ контингентъ преподавателей, спеціально подготовивъ учительскій персоналъ 2) ввести въ инородческихъ школахъ обученіе русскому языку съ первыхъ же дней поступленія дѣтей въ школу, рекомендуя завѣдующимъ, законоучителямъ и учителямъ не ограничиваться изученіемъ русскаго языка только на урокахъ, но говорить съ учениками по-русски вездѣ, 3) исчисленіе преподавать по-русски, 4) уроки инородческаго чтенія замѣнить другими уроками начальнаго

курса, совершенно забывая, что практика чтенія инородческихъ богослужебныхъ книгъ нужна учащимся для цѣлей религіозныхъ: чтенія въ церкви и въ семьяхъ; 4) въ школахъ смѣшанныхъ начинать обученіе прямо по-русски, 5) „въ цѣляхъ облегченія труда учащихъ и учащихся", имъ весьма желательно начинать обученіе русской грамотѣ по русскому букварю. Имъ нужно, чтобы въ инородческихъ школахъ были и русскіе преподаватели, только знающіе инор. языки, не говоря уже о законоучителяхъ, они ухватились за старый, уже оказавшійся неудачнымъ способъ обученія инородцевъ въ духов. семинаріяхъ; имъ нужно было выдвинуть русскій языкъ на первый планъ, даже въ ущербъ основному предмету: закону Божію, заставляя законоучителя болѣе думать *не о проникновеніи въ душу учениковъ христіанскаго ученія*, а о практикѣ ихъ въ русскомъ языкѣ. Сердечное проникновеніе въ инородческія души христіанства чрезъ народную рѣчь теперь должно уступить мѣсто энергичному обученію русской рѣчи, которая, все равно по выходѣ изъ школы, инородцемъ забудется. И такое рѣзкое проявленіе обрусительныхъ началъ, примѣненіе ихъ къ инородческой семьѣ безъ соображенія съ положеніемъ инородчества въ краѣ происходитъ тогда, когда, напримѣръ, въ Уфимской губерніи черемисы татарятся и по языку и по костюму, по понятіямъ и симпатіямъ тянутъ въ магометанство; тоже происходитъ среди вотяковъ, живущихъ въ Вятской губерніи, чувашъ Уфим. губ., на которыхъ татарщина оказываетъ свое магическое дѣйствіе близостью языка. Черемисы луговой стороны частію сохраняютъ свои священныя рощи, частію склонны къ исламу. (Мис. Обозрѣніе 1900 г.) „Единственное средство противъ такого неминуемаго бѣдствія есть внутреннее, сердечное и убѣжденное усвоеніе инородцами христіанскаго ученія, оживляемое православнымъ богослуженіемъ и молитвою. А для такого глубокаго усвоенія христіанскаго ученія инородцами самымъ вѣрнымъ и дѣйствительнымъ средствомъ служитъ родной языкъ. Такимъ образомъ явится дилемма: „если изъ опасенія поддержанія отдѣльныхъ народностей не допустить инородческаго языка въ инородческія школы и церкви въ достаточномъ количествѣ

для твердаго и полнаго, убѣжденнаго усвоенія христіанской вѣры, въ такомъ случаѣ всѣ инородцы сольются въ одно племя по языку и по вѣрѣ—въ татарское и магометанское. Если же допустить инородческіе языки, въ такомъ случаѣ если бы даже и поддержались народности, но разныя, мелкія, къ татарству не расположенныя и съ русскимъ народомъ соединенныя единствомъ вѣры". Вотъ слова знаменитаго просвѣтителя инородцевъ, оставившаго намъ мудрую, на опытѣ провѣренную систему инородческаго образованія, которую однако такъ жестоко хотятъ исковеркать подъ видомъ разныхъ поправокъ, совершенно противныхъ убѣжденіямъ основателя системы, конечно, на горе инородцамъ и на горе православной церкви, на горе русскому государству предъ грозой панисламизма, проповѣдуемаго въ разныхъ мусульманскихъ мѣстностяхъ Россіи, когда на нашихъ глазахъ цѣлыми деревнями отпадаютъ въ магометанство не только язычники, но и крещеные черемисы, вотяки, чуваши въ губерніяхъ Пермской, Уфимской и другихъ и дѣлаются татарами. Издалека трудно представить это явленіе и восчувствовать его жестокость и горечь, но на мѣстѣ оно явно и очевидно—это неотразимый процессъ, въ родѣ гангрены, который, если ему не поставить преграды, можетъ окончиться въ какія нибудь 50 – 100 лѣтъ окончательнымъ переходомъ всѣхъ нашихъ инородческихъ племенъ: чувашъ, черемисъ и вотяковъ — въ татаръ магометанъ".

Основатель Казанской системы инородческаго просвѣщенія былъ человѣкъ трехъ культуръ: европейской, азіатской и африканской. Онъ лично былъ знакомъ съ состояніемъ магометанствующаго инородчества и видѣлъ что знаніе русскаго языка еще нисколько не дѣлаетъ человѣка русскимъ. Примѣръ ему показывали казанскіе татары, всѣ говорящіе по-русски, но представляющіе самый фанатичный элементъ въ магометанствѣ, и турки, получившіе европейское образованіе. Обстоятельное историческое изученіе русской православной миссіи на востокѣ Россіи, знакомство съ крещеными татарами, киргизами и друг. инородцами края привели Николая Ивановича къ мысли, что нужно найти другую почву, на которой бы можно было сблизить инородчество съ

Русью. Знакомство съ языкомъ господствующаго племени не заставитъ инородца мыслить по-русски, не измѣнитъ его душевнаго склада, и онъ останется съ прежними симпатіями, вѣрованіями; насильственное же, обязательное обученіе въ школѣ на русскомъ языкѣ въ мѣстности инородческой, помимо полной безполезности и чрезвычайной трудности для инород. дѣтей, можетъ вызвать лишь недовольство и отчужденіе отъ русскихъ. И дѣйствительно факты насильственнаго обученія инород. дѣтей въ удѣльныхъ русскихъ школахъ были фактами печальными по преимуществу. Они способствовали еще большей отчужденности населенія отъ русской школы и русскаго образованія (Днев. старокр. татарина). Николаю Ивановичу удалось найти эту почву для сближенія инородчества съ Русью. Этой почвой была замѣченная имъ среди инородцевъ потребность въ религіозномъ образованіи, потребность въ религіи, вслѣдствіе чего инородчество такъ чутко прислушивалось и прислушивается къ татарско-мусульманской пропагандѣ. Время расшатываетъ въ инородчествѣ дѣдовскіе шаманскіе религіозные взгляды, нужна ужъ замѣна ихъ новыми. Мусульманство, близко живущее съ инородчествомъ, воспользовалось этимъ и, посредствомъ родственнаго языка, своей школы стало прокладывать свои пути въ души инородцевъ. Это замѣтилъ и Николай Ивановичъ и рѣшилъ вмѣсто мусульманства выдвинуть христіанство, какъ почву, на которой слѣдуетъ устроить сближеніе народностей. „Христіанство не посягаетъ на народныя особенности, не сглаживаетъ ихъ формальнымъ или внѣшнимъ уровнемъ, не обезличиваетъ человѣка или народа, но соединяетъ народы и племена внутреннимъ, искреннимъ и прочнымъ союзомъ любви, дѣлая ихъ сынами Божіими и братьями во Христѣ. Эта религія, усвоенная инородцами, тѣмъ болѣе можетъ расположить ихъ къ русскимъ, что послѣдніе издавна исповѣдуютъ христіанскую вѣру, въ которой инородцы—новички. Какъ живая, созидающая и спасающая сила, христіанство состоитъ не въ холодномъ, разсудочномъ изученіи догматовъ, не въ формальномъ соблюденіи обрядовъ, но преимущественно въ убѣжденномъ и искреннемъ вѣрованіи, въ сердечномъ усвоеніи хри-

стіанскаго духа, въ проникновеніи нравственностью евангелія, основанною на любви. Въ такомъ смыслѣ христіанство твердо воспринимается только въ дѣтствѣ, чрезъ воспитаніе." (Избр. мѣста изъ пед. соч.). Христіанское воспитаніе незамѣтно, исподволь измѣняетъ понятія и нравы народа. Всякое другое воспитаніе, разрушая младенчески наивныя вѣрованія и не давая вмѣсто нихъ никакой религіи, тѣмъ самымъ подтачиваетъ духовныя силы инородцевъ, пріостанавливаетъ ихъ духовный ростъ и подобно раннему умственному развитію дѣтей, поверхностно схватившихъ верхушки разныхъ знаній. „Какъ бы ни были просты и не развиты понятія и вѣрованія инородцевъ, но они составляютъ сущность ихъ мышленія и основу ихъ нравственности; они не сознательны, но глубоки и любимы, какъ наслѣдіе отдаленнѣйшей старины. Простой человѣкъ мыслитъ и чувствуетъ цѣльно, въ одномъ органически послѣдовательномъ направленіи и дорожитъ своими, каковы они ни на есть, религіозными убѣжденіями, потому что онъ живетъ ими. Станемъ ли смотрѣть на инородцевъ свысока и попирать ихъ понятія, какъ глупость? Чтобы преподаваемыя истины глубоко укоренились въ сознаніи простолюдина, надобно войти въ его міросозерцаніе, принять его понятія за данное и развивать ихъ. Архаически простыя и немногосложныя понятія шаманствующихъ инородцевъ могутъ быть ассимилированы христіанствомъ, наполниться и освятиться его божественнымъ содержаніемъ." (Казанская кр.-тат. школа). Послѣднее возможно только при условіи передачи христіанскаго ученія на родномъ инородцу языкѣ. Необходимо, чтобы это ученіе коснулось инородческаго сердца, проникло въ его мышленіе, произвело переворотъ въ его душѣ. „Мышленіе народа и все міросозерцаніе выражается въ его родномъ языкѣ, кто владѣетъ языкомъ инородцевъ, тотъ понимаетъ, хотя бы и инстинктивно, міросозерцаніе ихъ. Кто говоритъ съ инородцами на ихъ родномъ языкѣ, того они легко понимаютъ и могутъ убѣждаться его доказательствами, потому что вмѣстѣ со словами онъ употребляетъ ихъ же элементы мысли." (Тамъ-же). „Чѣмъ инородческое племя или общество, или отдѣльное лицо менѣе подготовлено къ христіанскому просвѣщенію, чѣмъ пред-

ставляетъ оно болѣе трудную для сего почву, тѣмъ настойчивѣе и дольше нужно примѣнять къ нему родной языкъ; а въ начальномъ образованіи родной языкъ во всякомъ случаѣ и для всѣхъ инородческихъ мѣстностей необходимъ. Родной языкъ сильно и глубоко проникаетъ въ душу; особенно живое и сильное дѣйствіе имѣетъ онъ на инородцевъ въ церковномъ богослуженіи и въ церковной проповѣди." (Система народн. и въ част. инород. образ. въ Казан. краѣ). И такъ богослуженіе и церковное проповѣдничество на родномъ языкѣ утверждаютъ инородцевъ въ христіанствѣ. Приходскій храмъ, собирающій подъ свою сѣнь инородцевъ всѣхъ возрастовъ, и мужчинъ и женщинъ, представляетъ мѣсто, гдѣ предъ ними раскрывается „богатая сокровищница христіанскаго догматическаго, историческаго и нравственнаго ученія, изложеннаго, такъ сказать, въ лирическомъ направленіи." Въ частности Николай Ивановичъ такъ мечталъ объ устройствѣ богослуженія для крещеныхъ татаръ на ихъ родномъ языкѣ. „Въ церкви богослуженіе должно совершаться на народно-татарскомъ языкѣ, чрезъ что раскроется для темныхъ татаръ и сокровище глубокаго богомыслія, какое заключено въ православномъ богослуженіи, и чувство христіанское, то покаянно-умилительное, то восторженное, могущее тронуть и восхитить сердце человѣка; обнаружится имъ вся бѣдность и ничтожество магометанскихъ намазовъ, лучше которыхъ они теперь, по своему невѣдѣнію, и вообразить себѣ ничего не могутъ." Что такое вліяніе можетъ оказать богослуженіе на родномъ языкѣ, прекрасно доказываютъ слова покойнаго епископа Уфимскаго Діонисія, всю жизнь посвятившаго дѣлу христіанскаго просвѣщенія инородцевъ: „10 сентября 1884 года прибыли мы къ Михаило-Архангельской церкви села Юмиды, Мензелинскаго уѣзда. Церковь деревянная. Прихожане-инородцы (крещеные татары) выстроили ее на свой счетъ и вошли въ долги. По обычаю, войдши въ церковь, я сталъ пѣть молебенъ. Вдругъ услышалъ я пѣніе на обоихъ клиросахъ по-татарски, такое умилительное, что отъ слезъ не могъ сказать возгласа. Чѣмъ далѣе продолжался молебенъ, тѣмъ пѣніе становилось пріятнѣе и сладостнѣе для сердца моего, потому что языкъ

татарскій, во многомъ сходствуетъ съ языкомъ якутскимъ, съ которымъ я, такъ сказать, въ теченіе 43 лѣтъ сроднился. Я обѣщалъ выслать въ сію церковь и ризы и евангеліе, и сосуды, самъ не зная, откуда ихъ пріобрѣсти; такъ я былъ тронутъ пріятнымъ пѣніемъ дѣтей въ церкви сей по-татарски."

Чтобы среди инородцевъ края богослуженіе было на ихъ родномъ языкѣ, нужно перевести на инородческіе языки священныя и богослужебныя книги православной церкви. И Николай Ивановичъ, начавъ свое переводческое дѣло съ молитвъ для букваря, такъ расширилъ его, что предъ смертью этого замѣчательнаго переводчика организованная имъ при братствѣ св. Гурія Переводческая Коммиссія издавала ежегодно до 100 названій книгъ на разныхъ инородческихъ языкахъ востока Россіи и Сибири при 200 т. экземпляровъ. Отъ перевода Николай Ивановичъ требовалъ слѣдующаго: онъ долженъ быть вполнѣ согласенъ съ православнымъ ученіемъ, имѣть возможную близость къ смыслу и тексту переведеннаго подлинника. Переводъ долженъ быть общедоступенъ, т. е. исполненъ на правильномъ народномъ языкѣ и изложенъ такъ, чтобы возбуждалъ лишь благоговѣйныя и назидательныя представленія. „Какъ портной или сапожникъ шьетъ по мѣркѣ, снятой съ того человѣка, на котораго онъ беретъ работать кафтанъ или сапоги; такъ и инородческіе переводы должны быть также примѣрены къ инородцамъ, т. е. точно соображены съ мѣрою ихъ разумѣнія и съ обычнымъ характеромъ ихъ рѣчи". (Прак. зам. о пер. и соч. на ин. яз.). Николай Ивановичъ переводилъ на инородческіе языки лишь книги священнаго характера и во-очію убѣждался въ ихъ неотразимомъ вліяніи на инородческія души. „Надъ дѣтьми простыми и темными стала возникать едва замѣтная заря; впервые стали слышать и даже какъ бы, такъ сказать, осязать животворныя христіанскія истины на языкѣ родномъ, простомъ и совершенно понятномъ по своей простотѣ и естественности, уму и сердцу ихъ близкомъ. Тутъ началася и происходилъ процессъ жизни, а не холодная разсудочная дѣятельность". (О примѣн. рус. алф. къ инор. яз.)

Не одни дѣти, но и взрослые инородцы приходили въ во-

сторгъ и умиленіе при богослуженіи и пѣніи на ихъ языкѣ. По словамъ Николая Ивановича „Православное богослуженіе отличается богатствомъ разнообразіемъ и глубокою трогательностью содержанія, а инородческія племена и при томъ чѣмъ проще, тѣмъ въ большей степени имѣютъ искреннее и живое религіозное чувство. и потому, если только въ доступномъ для нихъ изложеніи на ихъ родномъ языкѣ предлагается имъ христіанское богослуженіе, оно должно возбуждать ихъ религіозное чувство и приводить ихъ въ умиленіе. Родной языкъ въ богослуженіи не только содѣйствуетъ пониманію богослужебныхъ книгъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ объемлетъ и восторгаетъ душу“ (Система нар. и въ част. инор. обр. въ Каз. краѣ). „Въ связи съ инородческими переводами богослужебныхъ книгъ и церковныхъ службъ стоитъ пѣніе на инородческихъ языкахъ. Стройное и благоговѣйное пѣніе еще болѣе усиливаетъ впечатлѣніе умилительныхъ православныхъ церковныхъ пѣснопѣній и своими православно-русскими напѣвами и движеніями оно сближаетъ инородческое чувство къ русскимъ“. (Тамъ же). „Пѣніе инородцевъ отличается задушевностью. Преосвященный Никаноръ (Уфимскій), самъ талантливый знатокъ пѣнія и музыки, чутко подмѣтилъ этотъ оттѣнокъ... Пѣніе церковнаго, религіознаго содержанія составляетъ весьма сильное и дѣйствительное средство къ развитію и воспитанію христіанскаго религіознаго чувства. Апостолъ Павелъ совѣтуетъ Ефесскимъ христіанамъ пѣть псалмы и пѣсни духовныя, чтобы исполниться духомъ, духомъ, разумѣется, божественнымъ Христовымъ“. Инородческое пѣніе растрогало преосвященнаго Никанора, когда онъ въ 1878 г. посѣтилъ Палимскую школу, „какою то невыразимою, отличительною народно-татарскою сосредоточенностью и экспрессіею“ и „привело епископа въ умилительное волненіе“: „Мы были совершенно поражены, умилены, растроганы до глубины души успѣхами по церковному пѣнію“. (Переписка о трехъ школахъ Уф. губ.)

Не менѣе сильное вліяніе имѣетъ на инородцевъ, по мнѣнію Николая Ивановича, церковная проповѣдь на инородческомъ языкѣ въ понятной простой формѣ изложенія. „Лицамъ, свободно говорящимъ по-инородчески, я присовѣтовалъ бы прямо писать на

инородческомъ языкѣ: мнѣ думается, что это поставило бы ихъ непосредственно въ виду инородческой простоты и предохранило бы отъ суетнаго краснорѣчія и напыщенности. Но для кого непосредственное изложеніе на инородческомъ языкѣ затруднительно, стѣсняя ходъ мыслей, тотъ пусть сначала напишетъ по-русски, только просто, безыскусственно“ (Практ. зам. о пер. и соч. на ин. яз.) „При сочиненіи на инородческихъ языкахъ нужно все свое вниманіе обратить на то, чтобы ходъ изложенія былъ какъ можно проще, прямѣе, естественнѣе, объяснительнѣе и примѣненнѣе къ быту и пониманію инородцевъ. Съ инородцами надо дѣло начать съ начала и на массу инородцевъ смотрѣть какъ на дѣтей, которыя собрались учиться, и которымъ учитель долженъ преподавать элементарныя знанія, развивать ихъ умъ и воспитывать ихъ религіозное чувство. Поэтому сначала нужно предложить инородцамъ главнѣйшіе факты священной исторіи, просто и ясно. Инородцы твердо вѣруютъ въ Бога, видятъ своими глазами міръ, понимаютъ, что этотъ міръ и все, что въ немъ, сотворены Богомъ. Вотъ самое ясное и доступное для инородцевъ положеніе, которое и послужитъ исходнымъ пунктомъ и прочнымъ началомъ для уроковъ св. исторіи, потому что порядокъ творенія міра и человѣка будетъ разъясненіемъ и подробнымъ раскрытіемъ уже извѣстнаго имъ положенія. Начатое такимъ образомъ изложеніе свящ. Исторіи въ послѣдовательномъ порядкѣ главнѣйшихъ и существеннѣйшихъ событій, шагъ за шагомъ поведетъ инородцевъ къ исторіи новозавѣтной, къ Іисусу Христу, земная жизнь котораго должна быть изложена по евангелію. Это изложеніе должно быть послѣдовательное и отнюдь не отрывочное, потому что отрывочныя свѣдѣнія, внѣ исторической связи, не привьются надлежащимъ образомъ къ мысли инородцевъ, забудутся, пропадутъ безслѣдно. Послѣ священной исторіи или совмѣстно съ нею должно быть представлено христіанское нравоученіе. Оно доступно, близко простому, искреннему сердцу, легко усваивается и сильно дѣйствуетъ на чувство. Молитвы на первый разъ должно избрать для перевода наиболѣе употребительныя и доступныя, или же въ случаѣ затрудненій должно сопровождать ихъ устными или

письменными изъясненіями. Догматическое ученіе должно завершать этотъ инородчески воспитательный планъ. Священная исторія приведетъ къ догматамъ“ (Тамъ же). Вотъ такая простая передача на инородческомъ языкѣ священно-историческаго, догматическаго и лирическаго матеріала съ церковной каѳедры или въ мирной бесѣдѣ съ прихожанами несомнѣнно можетъ оказать вліяніе на религіозное міросозерцаніе инородца. Въ дневникахъ старокрещенаго татарина В. Тимоѳеева между прочимъ говорится, что даже при плохомъ пониманіи словъ проповѣдника послѣдній оказываетъ дѣйствіе на простую душу инородческую. „Когда священникъ читалъ поученіе, я смотрѣлъ ему въ глаза“, пишетъ В. Тимоѳеевъ. „Я познакомился съ нѣсколькими грамотеями изъ русскихъ крестьянъ. Они мнѣ толковали объ Іисусѣ Христѣ, о Божіей Матери и святыхъ угодникахъ“. Но инородческая голова не могла ясно уразумѣть слова русскихъ грамотеевъ. „Когда меня спрашивали дома крещеные о русской вѣрѣ, я ничего не говорилъ: не знаю, не умѣлъ-ли пересказать, или не смѣлъ, что-ли“, писалъ Василій Тимоѳеевъ. Ясно, что русскіе проповѣдники не могли проникнуть въ сердце и умъ крещенина, не смотря на все стараніе послѣдняго уразумѣть слова истины.

Какіе же должны быть у инородцевъ священно-служители и проповѣдники? На это мы находимъ теоретическія указанія у Николая Ивановича и убѣдительнѣйшіе примѣры въ „Дневникѣ старокрещенаго татарина“, въ проповѣдническихъ подвигахъ учениковъ Крещенотатарской Школы, упомянутыхъ наши выше.

„Чтобы передать инородцамъ христіанское догматическое и нравственное ученіе и передать не отвлеченно, не какъ мертвую букву, а такъ, чтобы оно сдѣлалось основою ихъ мышленія и жизни, для этого нужно приноровиться къ ихъ религіознымъ понятіямъ и нравственнымъ убѣжденіямъ, къ ихъ своеобразному ходу и направленію мышленія. Русскій человѣкъ не можетъ вполнѣ приноровиться къ инородцамъ, хотя бы и говорилъ на ихъ родномъ языкѣ, развѣ только посредствомъ глубокаго этнографическаго изученія достигнетъ полнаго объективнаго пониманія умственнаго и нравственнаго склада инородцевъ. Его рѣчь будетъ убѣ-

дительна по-русски, а въ инородцахъ она своею русскою постановкою излагаемыхъ мыслей всегда должна болѣе или менѣе оставлять недоразумѣніе, темноту, отсюда неубѣдительность, бездѣйственность. Если для русскихъ простолюдиновъ бываютъ туманны и не убѣдительны рѣчи русскихъ же людей, только другого сословія и образованія, то тѣмъ естественнѣе это должно случиться при бесѣдахъ русскаго съ инородцами. Но что недостаетъ русскому, развѣ только при высокомъ образованіи, то непосредственно дается инородцу природой. Инородецъ, движимый только врожденнымъ инстинктомъ, прямо и непосредственно можетъ дѣйствовать на умъ и сердце единоплеменныхъ ему инородцевъ, и съ теплымъ, умиленнымъ убѣжденіемъ будутъ приняты ими его христіанскія бесѣды и наставленія. Къ этому надобно присоединить то естественное обстоятельство, что къ человѣку своего племени инородцы, и вообще простолюдины, имѣютъ болѣе довѣрія, нежели къ человѣку чужому". (Изъ переписки объ удост. инор. свящ. должностей). „Есть тонкіе, почти неуловимые оттѣнки въ звукахъ и тонѣ голоса, и также въ складѣ мышленія, отличающіе каждый народъ, соблюденіе которыхъ облегчаетъ пониманіе рѣчи и усиливаетъ впечатлѣніе, а нарушеніе этихъ оттѣнковъ препятствуетъ не только впечатлѣнію, но и пониманію" (Письма Н. И. Ильм. къ К. П. Побѣдоносцеву). Инородцы же видятъ жизнь своихъ единоплеменниковъ, какъ она есть, безъ всякой утайки, и по своей единоплеменности прямо понимаютъ явленія этой жизни". Мы уже знаемъ, что не только Николай Ивановичъ, но великій учитель св. Іоаннъ Златоустъ былъ такого же взгляда, когда бралъ для готтовъ проповѣдниковъ изъ среды этого народа...

Инородческіе священники изъ среды народа, конечно, могутъ имѣть и богословское образованіе и высокое умственное мышленіе; но не это главнымъ образомъ нужно цѣнить въ пастырѣ инородческаго племени. „Священникъ есть учитель своихъ прихожанъ, но не для того, чтобы производить въ нихъ ученость, а правую христіанскую вѣру, и проповѣдуемыя имъ нравственныя христіанскія правила опять должны питать не любознательность собствен-

но, но христіанскій духъ и жизнь, что можетъ дѣлать только тотъ, кто самъ его имѣетъ, кто „самою жизнью подкрѣпляетъ свои слова и своимъ примѣромъ дополняетъ и объясняетъ свои устныя правоученія». По своей неразвитости всѣ простолюдины не отдѣляютъ личности отъ его дѣла или ученія, и всѣ дурные жизненные поступки проповѣдника могутъ приписать его вѣрѣ, имъ объясняемой. „Пусть священники изъ инородцевъ не будутъ учеными богословами и мыслителями: но пусть обладаютъ они сердцемъ теплымъ, любящимъ Бога, вполнѣ преданнымъ христіанской религіи и стремящимся къ благу своихъ соплеменниковъ: они, люди простые, но пламенѣющіе огнемъ вѣры въ Бога и любви къ своимъ ближнимъ, принесутъ пользы болѣе многихъ богослововъ и, подобно апостоламъ, которые, до просвѣщенія ихъ божественнымъ свѣтомъ, были людьми простыми и невѣдующими, далеко разнесутъ евангельское ученіе по своему племени".

„Чтобы инородца сподобить священническаго сана съ надеждою на благоуспѣшное служеніе, для этого нужно искать въ немъ а) зрѣлаго, не менѣе 30-лѣтняго возраста, сопровождаемаго разсудительностью, постоянствомъ, опытностью: б) трезвости, честности, благочестія, но не мнимаго, не лицемѣрнаго; в) искренняго и убѣжденнаго исповѣданія православной вѣры и учительности; г) въ отношеніи образованія нужно ограничиться знаніемъ важнѣйшихъ въ исторіи домостроительства спасенія событій ветхаго завѣта и подробнымъ знаніемъ жизни Господа Іисуса Христа, достаточною начитанностью въ словѣ Божіемъ и особенно въ евангеліи, знаніемъ основныхъ догматовъ вѣры православной, насколько они излагаются въ катихизическихъ сочиненіяхъ для простого народа, знаніемъ порядка православнаго богослуженія; археологическія же и тому подобныя свѣдѣнія въ предметахъ богословія не обязательны; е) желательно при этомъ знаніе (но тоже не научное) русскаго языка настолько, чтобы онъ могъ объясняться свободно по-русски и съ разумѣніемъ читать русскія книги религіознаго содержанія".

„Для направленія священниковъ съ вышепоказанными качествами и образованіемъ было бы полезно учредить окружныхъ

миссіонеровъ—благочинныхъ съ высшимъ академическимъ образованіемъ„. (Тамъ же). Такого рода инородческіе проповѣдники, жегомые божественнымъ огнемъ, руководимые преданными дѣлу просвѣщенія людьми, могутъ произвести въ душѣ инородца переворотъ въ пользу христіанства и отвлечь его отъ наклонности къ исламу. „Духовная мыслящая сила въ человѣкѣ сама по себѣ имѣетъ такую организующую, живородящую дѣятельность, что при нѣкоторомъ направленіи способна произвести рядъ новыхъ понятій и создать систему, прежде этому человѣку неизвѣстную... Передовыя личности изъ среды инородцевъ удобно могутъ ввести въ свое сознаніе и въ свое сердце христіанство, которое, какъ живое начало, какъ закваска, само воздѣйствуетъ на ихъ мысль и чувство. А организовавшись въ этихъ личностяхъ, отъ нихъ и черезъ нихъ оно передается и къ другимъ. Только при этомъ не должно выпускать изъ рукъ единственно дѣйствующее орудіе—родной языкъ“.

Подготовительной школой для инородческаго священника должно быть учительство, которое „дастъ возможность юношамъ испытать и обнаружить свои качества, свой характеръ и способности, доставитъ нѣкоторую опытность въ народномъ ученіи, дастъ случай вмѣстѣ съ возрастомъ тѣлеснымъ возрасти до той степени умственнаго и нравственнаго развитія, которое нужно для поступленія въ священники“. Примѣромъ служитъ Василій Тимоѳеевичъ, „единственный въ своемъ родѣ и неоцѣнимый человѣкъ, на свѣтлой одушевленной личности котораго основался успѣхъ Казанской крещено-татарской школы“. Николай Ивановичъ былъ очень строгъ въ выборѣ кандидатовъ на инородческія священническія мѣста. „За исключеніемъ Василія Тимоѳеева, я не имѣю въ виду ни одного крещенаго татарина, который бы совмѣщалъ въ своемъ лицѣ всѣ вышеизложенныя качества по возрасту, нравственности и знанію. Поэтому надобно озаботиться воспитаніемъ и приготовленіемъ къ священству людей способныхъ“ Эти слова совершенно опровергаютъ упреки, дѣлаемые Николаю Ивановичу за его пристрастіе, снисходительность къ инородческимъ священникамъ и строгость къ русскому духовенству, за его якобы „патронатство“.

Послѣдствіемъ допущенія роднаго языка въ церковное употребленіе неизбѣжно является усвоеніе инородцами православной русской вѣры, сближеніе съ русскими въ христіанскихъ понятіяхъ, взглядахъ, а затѣмъ и постепенное *обрусѣніе* инородцевъ. Здѣсь нѣтъ мѣста насильственному *обрусенію*, навязыванію инородцамъ чужихъ взглядовъ, чужой рѣчи, нѣтъ мѣста попранію того, съ чѣмъ сошлась душа инородца, какъ завѣтъ, какъ отеческое преданіе. „Это сближеніе начинается не съ вершины, а съ корня: съ усвоенія основной стихіи русской народности — православія. Распространеніе русскаго языка нельзя считать вполнѣ достаточнымъ къ тому, чтобы духовно преобразить инородцевъ и сплотить ихъ воедино не только политическое, но и духовное цѣлое: одинъ языкъ не обладаетъ перерождающею силою. Не въ языкѣ дѣло, по крайней мѣрѣ не въ немъ одномъ: вся суть дѣла въ вѣрованіяхъ, понятіяхъ, преданіяхъ, которыми живетъ народъ, и которыя находятъ свое выраженіе отчасти въ языкѣ. Слѣдовательно не нужно прежде всего работать противъ этихъ вѣрованій и преданій, нужно первѣе и паче всего стараться о томъ, чтобы внутренно обрусить инородцевъ и въ церковномъ и въ гражданскомъ смыслѣ, т. е. научить ихъ мыслить и чувствовать по-христіански и по-русски. А для этого вѣрнѣйшій и надежнѣйшій путь — школьное обученіе на родныхъ нарѣчіяхъ и изданіе русско христіанскихъ книгъ на живомъ разговорномъ языкѣ инородцевъ. Обрусѣніе прежде всего должно состоять въ усвоеніи инородцами религіозныхъ христіанскихъ понятій. Кто усвоилъ себѣ эти понятія, тотъ уже внутренно обрусѣлъ, хотя бы выражалъ ихъ на своемъ языкѣ; и тотъ еще вполнѣ чуждъ православно-русскому народу, кто хотя говоритъ по-русски, но мыслитъ и чувствуетъ по-татарски, по-чувашски. Но усвоить себѣ русско-христіанскія понятія прочно, живо и сознательно инородцы могутъ не иначе, какъ при посредствѣ своего роднаго языка: только родной языкъ служитъ проводникомъ идеи въ самую глубь сознанія. Сколько ни учите въ школѣ инородца русскому языку, какіе продолжительные курсы ни назначайте для этого, всегда русскій языкъ останется для него чѣмъ-

то внѣшнимъ: вы можете его научить говорить по-русски, но мыслить онъ все таки будетъ на своемъ родномъ языкѣ. Русскіе слова и обороты во всей полнотѣ и широтѣ ихъ значенія онъ не будетъ понимать дотолѣ, пока совсѣмъ не забудетъ своего языка, пока русскій языкъ не сдѣлается для него роднымъ, а это рѣшительно невозможно въ короткій періодъ школьнаго обученія *). А потому идеи, понятія, представленія, сообщаемыя инородческому мальчику на русскомъ языкѣ, всегда будутъ подернуты для него какимъ-то туманомъ, не будутъ имѣть той опредѣленности, живости и прозрачности, какъ если-бы они сообщались ему на его родномъ языкѣ; никогда не проникнутъ въ самую глубь души, а будутъ лежать на поверхности ея и могутъ быть вполнѣ усвоены, обратиться, такъ сказать, въ плоть и кровь его духовнаго организма лишь тогда, когда онъ внутренно переведетъ ихъ на свой родной языкъ, разжуетъ и переварить ихъ, такъ сказать, посредствомъ этого внутренняго процесса; въ этомъ только случаѣ они будутъ для него и ясны, и опредѣленны и глубоко залягутъ въ душу.

„Внутреннее обрусѣніе непзбѣжно поведетъ къ внѣшнему, для коего оно кладетъ прочный фундаментъ. Языкъ, нравы, обычаи и прочія стихіи народности дороги теперь инородцамъ, какъ внѣшній отпечатокъ, какъ воплощеніе ихъ вѣрованій и убѣжденій; но какъ скоро послѣднія рухнутъ, какъ скоро послѣдуетъ объединеніе съ русскимъ народомъ въ вѣрованіяхъ и убѣжденіяхъ, то не будетъ болѣе преграды къ внѣшнему объединенію въ языкѣ и во всемъ прочемъ“. (Мнѣніе М. М. Зефирова).

Убѣжденно настаивая на употребленіи при христіанскомъ богослуженіи инородческаго языка, на переводѣ церковныхъ книгъ на мѣстныя нарѣчія, Николай Ивановичъ не допускалъ однако ни какого иного алфавита, кромѣ русскаго. Разсказывая о жизни и дѣятельности приснопамятнаго, мы уже имѣли случай проводить его взгляды на необходимость для инород. нарѣчій этого алфавита. Теперь упомянемъ только, что введеніемъ русскаго алфа-

*) Сравните нашихъ поляковъ, евреевъ, говорящихъ въ школѣ по-русски, а думающихъ по своему, далеко не обрусѣвшихъ.

вита Николай Иванович думалъ рѣзко отдѣлить крещено-инородческую грамотность отъ татарско-мусульманской; видѣлъ въ алфавитѣ указаніе на религіозную связь народовъ и находилъ, что русскія буквы лучше обозначаютъ инородческіе звуки, чѣмъ знаки другихъ алфавитовъ. Но алфавитъ невидимо связываетъ инородческую грамотность съ русской. „Религія способна совершенно измѣнить народное міросозерцаніе и внѣшній бытъ и, что всего важнѣе, соединить данный народъ внутренними искренними духовными узами съ тѣмъ народомъ, отъ котораго онъ заимствовалъ свою вѣру. И въ настоящее время крещеные татары и др. инородцы принимаютъ русскій алфавитъ, именно благодаря связующему православію, которое они называютъ русской вѣрой. Если бы какимъ нибудь чудомъ всѣ подвластныя Россіи племена, исповѣдующія мухаммеданство, вдругъ приняли православную вѣру, то и русскій алфавитъ вошелъ бы къ нимъ безъ всякаго затрудненія:“ (Изъ переписки объ алфавитѣ.). Конечно, „единство алфавита, даже самое точное, не приведетъ къ внутреннему единенію инородцевъ съ русскими, пока первые не объединятся съ нами въ вѣрѣ православной. Я даже полагаю, что иновѣрные инородцы, имѣющіе свою религіозную письменность, какъ напр. татары мухаммедане или ламайцы - буряты, не примутъ русскаго алфавита ни цѣликомъ, ни съ какими угодно приспособленіями и прибавками. Всѣ наши инородцы, какъ и русскій сельскій народъ, находятся въ періодѣ религіознаго міросозерцанія и руководствуются религіозными мотивами .. Христіанское просвѣщеніе инородцевъ мы ведемъ путемъ школъ. Въ этихъ школахъ инородческія дѣти обучаются первоначальной грамотѣ и Закону Божію по книгамъ на своемъ родномъ языкѣ, начиная съ букваря. Успѣшность, разумность и основательность первоначальнаго усвоенія учащимися ученія и письма обусловливаются тѣмъ, чтобы каждый самостоятельный звукъ, ясно различаемый природнымъ слухомъ, обозначался и особеннымъ буквеннымъ знакомъ, всегда неизмѣнно употребляемымъ. Если приложить къ инородческимъ языкамъ русскую азбуку безъ всякаго само-малѣйшаго приспособленія, въ такомъ случаѣ обученіе должно вести въ другомъ порядкѣ, именно

сначала должно выучить инородческихъ дѣтей русской грамотѣ по русскимъ букварямъ и книгамъ, и когда они уже вполнѣ усвоятъ русскую грамоту, тогда только должно дать имъ книги на ихъ родномъ языкѣ. Такой порядокъ обученія былъ бы, конечно, очень неудобенъ и неестественъ... Употребленіе діакритическихъ знаковъ въ русскомъ алфавитѣ даже необходимо, коль скоро является надобность въ переводахъ св. писанія на мѣстные языки." (Изъ переписки объ алфавитѣ). Но Николай Ивановичъ вовсе не стремился наводнять этотъ алфавитъ разными знаками, допуская лишь нѣкоторыя приспособленія. Такъ въ письмѣ къ К. П. Побѣдоносцеву онъ такъ отзывается о корейскихъ переводахъ: „Мнѣ не нравится употребленіе въ нихъ корейскаго алфавита, а желательно, чтобы книги писаны были русскою азбукой съ нѣкоторымъ приспособленіемъ къ корейскимъ азбукамъ. Усвоеніе русскаго алфавита корейскому христіанству будетъ полезно не только въ отношеніи къ ихъ обрусѣнію, но и къ духовному возрожденію."

Николай Ивановичъ неоднократно проводилъ мысль, что употребленіе русскаго алфавита въ инородческихъ переводахъ значительно облегчаетъ изученіе русскаго языка, чего бы, конечно, не было, еслибы алфавитъ инородческихъ переводовъ былъ испещренъ значками до неузнаваемости. Въ цѣляхъ большого сближенія инородческой письменности съ русскою, творецъ Казанской системы упорно настаивалъ на томъ, чтобы новыя христіанскія понятія, собственныя имена писались по-русскому произношенію, не измѣняя правописанія. Поэтому переводы св. книгъ пестрятъ русскими словами, къ которымъ легко привыкаетъ инородческое ухо и вноситъ русскія слова въ свой обиходъ. «Въ случаѣ недостатка въ разговорномъ языкѣ словъ для выраженія христіанскихъ понятій, лучше заимствовать русскія слова, нежели употреблять арабскія, всегда болѣе или менѣе пропитыя мухаммеданскими идеями. Собственныя имена непремѣнно нужно писать по русскому произношенію.» (Сборникъ док. и статей по вопросу объ обр. инород.).

Но богослуженіе, проповѣдь и чтеніе религіозныхъ книгъ на

инородческомъ языкѣ имѣетъ примѣненіе преимущественно къ взрослому инородческому населенію и не такъ успѣшно, какъ воспитаніе цѣлыхъ поколѣній въ христіанскихъ понятіяхъ, незамѣтно вытѣсняющихъ языческія убѣжденія. Къ тому же инородческія семьи не представляютъ благопріятныхъ условій для христіанскаго воспитанія. Вотъ эту святую обязанность и взяли на себя школы, устроенныя Николаемъ Ивановичемъ въ инородческихъ селеніяхъ, а прежде всего Казанская крещено-татарская школа. Онѣ приняли миссіонерскій характеръ. Николай Ивановичъ говорилъ: „Я подъ миссіонерствомъ разумѣю не прямое обращеніе въ православіе и крещеніе инородцевъ, но постепенное и искреннее сообщеніе и внушеніе имъ христіанской нравственности и христіанскаго міровоззрѣнія.“ Онъ не придавалъ значенія школѣ, снабжающей дѣтей знаніемъ русской грамоты и счисленія, но не развивающей въ нихъ высокихъ религіозныхъ чувствованій, не обновляющей ихъ духовно. „Съ тѣхъ поръ какъ открыты народныя школы въ нѣкоторыхъ селахъ, дѣти инородцевъ поступали въ нихъ и обучались грамотѣ по русскимъ книгамъ. Сначала сельскія школы плохо зарекомендовали себя въ глазахъ народа... Писаря изъ инородческихъ мальчиковъ, вышедшихъ изъ сельскихъ школъ, своею заносчивостью и глупыми поступками превзошли всѣхъ русскихъ товарищей по грамотѣ. Это впрочемъ было явленіе временное. Впослѣдствіи многіе примѣры доказали, что и такое необширное сельское образованіе имѣетъ сильное вліяніе на образъ мыслей... Но съ другой стороны, учась наравнѣ съ русскими крестьянскими мальчиками исключительно по русскимъ книгамъ, инородецъ хотя и получаетъ общее православное направленіе, но многаго не понимаетъ или понимаетъ неправильно и главное - не можетъ пріобрѣтенныхъ имъ свѣдѣній облечь въ живую форму своего языка и убѣдительно предложить ихъ въ своей семьѣ. Грамотные въ большинствѣ народа почти безъ слѣда должны исчезать, какъ единицы въ тысячахъ.“ (Объ образ. инородцевъ). Тѣ же печальные результаты получались при обученіи инородцевъ въ духовныхъ школахъ. „Такая поразительная безуспѣшность зависѣла отъ того, что инородческіе мальчики были

помѣщены въ семинарію безъ всякаго приготовленія, вдругъ очутились въ кругу для нихъ чуждомъ, къ которому, вслѣдствіе племенной разности, не могли имѣть никакого сочувствія и не могли черпать изъ него матеріаловъ для умственнаго и нравственнаго образованія. Въ учебныхъ занятіяхъ они на первыхъ же порахъ встрѣтили трудности, какъ отъ разности учебнаго языка, такъ, быть можетъ, отъ схоластичности самаго преподаванія. Это должно было охладить и совсѣмъ убить ихъ любознательность; а потомъ неудача въ ученіи, бездѣйствіе и праздность должны были повести юношей съ мягкимъ и нѣсколько вялымъ характеромъ къ апатіи и тупости. Этого не было бы, если бы инородческіе мальчики поступали послѣ достаточнаго приготовленія въ школахъ, спеціально приноровленныхъ къ образованію инородцевъ„ (Переписка объ удост. инор. священнослуж. д.) „образованіе инородческимъ дѣтямъ должно преподавать въ такомъ видѣ, чтобъ и ими оно легче усваивалось и удобнѣе могло переходить въ массу неграмотнаго народа“ (объ обр. инор.). Одно механическое изученіе русской грамоты, когда ученикъ не понимаетъ, что при этомъ онъ читаетъ, естественно должно утомлять любознательность... „Религіозное движеніе сердца несравненно сильнѣе и глубже возбуждается, когда христіанскія истины слышатся инородцами на языкѣ родномъ, нежели на русскомъ, хотя бы послѣдній и былъ для нихъ знакомъ въ нѣкоторой степени. Это потому, что родной языкъ непосредственно говоритъ уму и сердцу. Какъ скоро въ инородцахъ утвердились посредствомъ родного языка христіанскія понятія и правила, въ нихъ пробуждается любовь къ русскому народу. Когда же посредствомъ родного языка достаточно уже пробуждена и воспитана въ нихъ любознательность вообще, они охотно и съ успѣхомъ занимаются и русскимъ языкомъ и ищутъ русскаго образованія“ (П. В. Знаменскій, На память о И. И. Ильминскомъ“). И такъ по системѣ Николая Ивановича инородческая школа должна быть религіозною, воспитательно образовательною на родномъ языкѣ инородцевъ, подготовляющею молодое поколѣніе къ жизни христіанской, къ защитѣ и проповѣдничеству христіанства. „Нужно стараться, чтобы крещеные то

татары вполнѣ усвоили себя христіанское ученіе, приняли его умомъ и сердцемъ, чтобы христіанство стало въ нихъ дѣломъ жизни: тогда уже они сами передадутъ своимъ мухаммеданскимъ сосѣдямъ христіанство и посредствомъ живой бесѣды, а еще болѣе примѣромъ христіанской жизни" (Знаменскій). „Знанія сами по себѣ, какъ сборъ затверженныхъ фактовъ безъ проникновенія ихъ нравственными идеями, не симпатичны, способны развивать эгоизмъ. Религіозность должна составлять душу образованія, основаніе всего; религіозно-нравственное одушевленіе придаетъ энергію и живость научнымъ даже занятіямъ". „Въ школахъ грамотности, пишетъ Н. Ивановичъ К. П. Побѣдоносцеву, главнымъ и господствующимъ предметомъ должно быть религіозное, православно-христіанское воспитаніе". Переходя затѣмъ къ учебнымъ предметамъ, Николай Ивановичъ полагалъ, что въ первые годы ученія „должно *сосредоточивать всѣ усилія на религіозномъ воспитаніи*", въ слѣдующіе годы *„не упуская изъ виду религіозно воспитательныхъ цѣлей начальной школы*, нужно направить всѣ усилія на усвоеніе дѣтьми *русскаго* языка".

„Въ инородческихъ школахъ дѣтямъ уроки разсказываются и объясняются на ихъ родномъ языкѣ самымъ понятнымъ для нихъ образомъ; для чтенія же въ классѣ и на дому печатаются особыя на инородческихъ языкахъ книги"... „Урокъ или ариѳметическую задачу вы разсказывайте своимъ ученикамъ непремѣнно на ихъ родномъ языкѣ, „совѣтуетъ Николай Ивановичъ". Религіозныя движенія непосредственно и быстро расширяютъ, возвышаютъ, возращаютъ, облагораживаютъ и освящаютъ цѣлый духъ человѣка". „При изученіи священной исторіи важно нестолько усвоеніе связи событія, сколько живое, сердечное запечатлѣніе образовъ и событій священной исторіи" .. „Мало катихизисъ затвердить, даже съ пониманіемъ, нужна, небось, вѣра, сердечное расположеніе къ христіанству („Письмо Н. Ив.) Изученіе закона Божія даже въ младшемъ отдѣленіи школы должно сопровождаться необходимыми объясненіями о Богопочитаніи, о святыхъ. „Живое, толковое особенно по книжкѣ

на инородческомъ языкѣ знакомство съ житіями хотя небольшого числа святыхъ будетъ весьма важно для уничтоженія многихъ суевѣрій между крещеными инородцами и для разсѣянія предубѣжденія противъ христіанства между магометанами, постоянно обвиняющими христіанъ въ многобожіи... Почитаніе святыхъ, часто недостаточно осмысленное въ народныхъ массахъ, служитъ иногда къ соблазну магометанъ." „Преподаваніе Закона Божія въ старшемъ отдѣленіи должно вести въ томъ же духѣ живого христіанскаго наставленія и тщательно избѣгать сухости и педантизма. Желательно, чтобы Законъ Божій въ старшемъ отдѣленіи преподавался по-русски." Въ инородческой 4 годичной школѣ по этому предмету проходится курсъ начальной русской школы. „Для воспособленія преподаваемаго на урокахъ Закона Божія, для заучиванія молитвъ и различныхъ церковныхъ пѣснопѣній и для подготовки къ выразительному чтенію по церковной книгѣ служитъ занятіе славянскимъ языкомъ въ инородческихъ школахъ; начинается со второго полугодія перваго учебнаго года. Ученики учатъ отчетливо молитвы, тропари, ирмосы праздниковъ; при этомъ само собою усвоятся наизусть на славянскомъ языкѣ тѣ молитвы и пѣснопѣнія, которыя изучаются на урокахъ Закона Божія по-инородчески. Въ дальнѣйшемъ славянское чтеніе приспособляется къ прохожденію священной исторіи: нужно давать читать избранныя мѣста изъ евангелія... Славянское чтеніе легче усвоивается инородческими дѣтьми, чѣмъ русское, такъ какъ по-славянски читается текстъ безъ приноровки къ устному обычному произношенію. Ученики легко успѣваютъ къ концу третьяго года хорошо научиться прочитать шестопсаліе въ церкви. Переводъ славянскаго текста на мало изученный еще русскій языкъ совершенно излишенъ; желателенъ переводъ читаемыхъ текстовъ на инородческій языкъ."

„Пріученіе учениковъ къ *свободному инородческому чтенію весьма важно*, такъ какъ обезпечиваетъ проникновеніе христіанскихъ понятій въ массу, въ огромномъ количествѣ не понимающую не только русской книги, но и самаго простого разговора. Высокогуманная дѣятельность Православнаго Миссіонерскаго

Общества, давшаго теперь уже почти для всѣхъ инородческихъ племенъ учебно-религіозныя книги, должна встрѣтить поддержку со стороны школы, которая по закону преслѣдуетъ тѣ же религіозно-воспитательныя цѣли. Книгами для чтенія по-инородчески должны служить: священная исторія, другія религіозно-нравственныя книги изъ числа изданныхъ Пр. М. Обществомъ."

„Изученіе русскаго языка (въ младшемъ отдѣленіи) начинается заучиваніемъ отдѣльныхъ словъ и предложеній сначала съ голоса, потомъ по книгѣ: „Уроки русскаго языка." За усвоеніемъ матеріала въ этой книгѣ, ученики переходятъ къ чтенію статей по-русски по „книжкѣ для чтенія инородцевъ." Книга эта изучается переводомъ ея на инородческій языкъ; учитель составляетъ фразы для разговора и предложенія для диктовки. Читаются нѣкоторыя главы учебника по священной исторіи или иной книги религіознаго содержанія. Самостоятельными письм. упражненіями въ русскомъ языкѣ служатъ списываніе изучаемыхъ статей и записываніе фразъ, которыя ученики усвоиваютъ съ голоса учителя." Въ старшемъ отдѣленіи „желательно, сколь возможно, доводить учениковъ инородческихъ училищъ до свободнаго и правильнаго разговора по-русски и до свободнаго же пониманія ими русской книги обыденнаго содержанія. Требуется „знакомство съ простѣйшими правилами правописанія, диктовка, упражненіе въ самостоятельномъ изложеніи своихъ мыслей по-русски." Эти требованія въ инородческой школѣ, окруженной населеніемъ, не знающимъ по-русски, весьма высоки. Такое знаніе чужого языка должно достигаться усиленными занятіями, и для людей, преподающихъ чуждые языки дѣтямъ, не слышащимъ ихъ въ семьяхъ, понятна невѣроятная трудность научить инородца въ 4 года только путемъ школьнаго ученія хорошо, правильно говорить и писать по-русски. Намъ нужно обратиться къ примѣру нашихъ русскихъ народныхъ школъ, гдѣ дѣти къ концу курса говорятъ хорошо лишь заученное, и затрудняются въ свободномъ и правильномъ пользованіи живою рѣчью; гдѣ они „натаскиваются" въ диктовкахъ, и простыя изложенія имъ не по — силамъ. Это фактъ. Понятно, что въ инородческой школѣ еще труднѣе достигнуть

того, что не достигается въ русской школѣ съ русскими учениками. Особенное предпочтеніе славянскому чтенію Николай Ивановичъ объяснялъ особымъ укладомъ русской православной жизни, семейной, общественной и государственной, которая „тѣмъ охотнѣе и основательнѣе усвоится инородцами, чѣмъ глубже и полнѣе они проникнутся православно-церковнымъ ученіемъ".

„Ариѳметика въ начальной инородческой школѣ собственно не проходится, дѣти учатся лишь счету умственному и письменному на русскомъ языкѣ, въ видахъ усвоенія послѣдняго," но учители должны давать задачи ученикамъ на ихъ родномъ языкѣ Письма къ крещ. татарамъ).

Особенное вниманіе къ инородческихъ школахъ обращается на пѣніе. Въ младшемъ отдѣленіи дѣти поютъ главнымъ образомъ по-инородчески, со слуха и по нотамъ изучаютъ пѣніе молитвъ, избранныхъ мѣстъ литургіи, всенощной, молебна, панихиды. Въ старшемъ отдѣленіи изучаютъ по-славянски и по-инородчески пѣніе литургіи Іоанна Златоуста, Василія Великаго, всенощной, молебна, панихиды и нѣкоторыхъ пѣснопѣній въ Страстную седмицу. „Въ отношеніи пѣнія инородческая школа должна притти на помощь духовному вѣдомству, которое стремится устроить въ инородческихъ мѣстностяхъ богослуженіе на инородческихъ языкахъ." Пѣніе происходитъ всякій разъ, *когда остается свободное отъ занятій время*, и молитвы изучаются пѣніемъ. Чистописаніе ведется по одобреннымъ Министерствомъ Нар. Просвѣщенія руководствамъ.

Изъ этого мы видимъ, что инородческая школа при 4-лѣтнемъ курсѣ съ 2 отдѣленіями заключаетъ въ себѣ собственно двѣ школы: 1-ое отдѣленіе, т. е. школу грамотности съ религіозно-нравственнымъ воспитаніемъ по преимуществу и 2-е отдѣленіе, сохраняющее прежнее направленіе, но имѣющее предметомъ и сообщеніе полезныхъ знаній. Въ I-мъ отдѣленіи „всѣ мірскія, свѣтскія знанія должны быть на второмъ планѣ, и на нихъ можно только тратить свободные досуги отъ религіозныхъ дредметовъ". Во 2-мъ отдѣленіи имѣетъ значеніе и сообщеніе этихъ „мірскихъ, свѣтскихъ знаній", нужныхъ въ практической жизни ино-

родца, при сношеніяхъ его съ русскими. Располагая курсъ инородческой школы по двумъ концентрамъ, система имѣла въ виду возможность выхода учениковъ изъ младшаго отдѣленія послѣ 2-лѣтняго ученія, сообщившаго инородцу религіозное ученіе и элементарную грамотность.

Вводя въ старшемъ отдѣленіи школы усиленное изученіе государственной рѣчи, система однако не изгоняетъ инородческаго языка изъ школьнаго употребленія особенно по Закону Божію, который долженъ быть „живою бесѣдою учителя съ учениками". Николай Ивановичъ мечталъ о преподаваніи священной исторіи въ храмѣ, гдѣ, указывая на священныя изображенія, учитель своими разсказами могъ произвести на дѣтей сильное впечатлѣніе.

Конечно, никакъ нельзя допустить, чтобы инородческій мальчикъ чрезъ 2 года ученія въ младшемъ отдѣленіи настолько усвоилъ русскую рѣчь, изучаемую имъ лишь въ школѣ, что могъ свободно пользоваться русскимъ учебникомъ, ясно понимать устный разсказъ законоучителя на русскомъ языкѣ; тѣмъ менѣе можно требовать отъ него полныхъ, точныхъ отвѣтовъ, если только онъ не будетъ заучивать уроки механически, наизусть по учебнику, Николай Ивановичъ какъ разъ былъ противъ этой механической учебы и писалъ: „я думаю, что въ такомъ возрастѣ и степени развитія, при такомъ назначеніи, какъ наши воспитанники, для нихъ несравненно полезнѣе теплота и простота вѣры, усвоеніе вѣры сердцемъ; а разсудочный взглядъ на вѣру, мнѣ кажется, долженъ сушить сердце, ослаблять и охлаждать религіозное чувство. По моему мнѣнію, для приготовительныхъ мальчиковъ было бы предостаточно, если-бы они читали евангеліе, вчитываясь въ его духъ и плакали о страданіяхъ Спасителя и благоговѣли предъ Его божественными чудесами... Чувству религіозному нѣтъ дѣла, кто писалъ то или другое евангеліе: оно видитъ во всякомъ евангеліи дѣла и слова самого Господа".

Особенно желалъ Николай Ивановичъ видѣть въ инородческихъ школахъ дѣвушекъ, какъ носительницъ религіознаго чувства по преимуществу. Устраивая школы такъ, что онѣ не отры-

ваютъ дѣтей отъ единоплеменниковъ, Николай Ивановичъ всѣми силами старался развить въ учащихся миссіонерскія наклонности, способности и готовность къ защитѣ христіанства. Для этой дѣятельности женщины были всего способнѣе. Николай Ивановичъ и поощрялъ учителей набирать въ школы дѣвочекъ. „Въ старину людямъ, вѣроятно, и въ мысль не приходило, что нужно учить дѣвицъ. Потомъ, увидѣвши это новое дѣло и познавши его доброту, чрезъ нѣсколько времени и сами отцы дѣвицъ, интересуясь и соревнуя другъ передъ другомъ, сильно будутъ содѣйствовать его развитію, если Господь поможетъ".

Создавъ и разработавъ „Казанскую Свято-Гурьевскую систему" инородческаго просвѣщенія, Николай Ивановичъ всю силу системы полагалъ въ ея миссіонерской задачѣ, которая всецѣло зависѣла отъ „дѣлателей", отъ тѣхъ незамѣтныхъ, но безцѣнныхъ тружениковъ, которые въ тиши инородческихъ деревушекъ мирно сѣяли святое сѣмя религіознаго ученія.

Учителями миссіонерскихъ инородческихъ школъ, по твердому убѣжденію основателя системы, предпочтительно должны быть инородческіе воспитанники Казанской Учительской Семинаріи и мѣстныхъ центральныхъ школъ.

„Предпочтительность туземныхъ учителей и проповѣдниковъ я основываю 1) на силѣ единоплеменности, которая привлекаетъ большее довѣрія и сочувствія народа; на примѣнительности: учитель, вышедшій изъ среды инородцевъ, по себѣ знаетъ мѣру и образъ пониманія своего племени; 3) туземецъ въ самой дикой родной дебри, въ самомъ необезпеченномъ, скудномъ быту будетъ чувствовать себя уютно, тогда какъ для иного человѣка будетъ ощутительно и тяжело отсутствіе удобствъ цивилизованной жизни. А потому даже въ экономическомъ отношеніи полезно воспитать до степени миссіонерскаго служенія туземцевъ; не говорю уже о томъ, что сама справедливость требуетъ возвышать до своего христіанскаго и церковнаго уровня тѣхъ инородцевъ, которые того заслужили бы по своей сколько горячей, столько же сознательной преданности дѣлу христіанства". (Каз. Крещен.-тат. Шк.).

Учители инородческихъ школъ должны имѣть глубоко-хри-

стіанское воспитаніе, ревность къ распространенію христіанства, готовность и умѣнье защищать христіанство. При такихъ условіяхъ при выборѣ инородческихъ учителей нужно обращать вниманіе не столько на знакомство ихъ съ современными методами преподаванія, сколько на знакомство ихъ съ задачами и пріемами миссіонерства. Надъ ними необходимъ контроль приход. священниковъ и постоянное руководство со стороны миссіонеровъ-наблюдателей.

Въ письмахъ своихъ къ инород. учителямъ и къ Василію Тимоѳеевичу Николай Ивановичъ постоянно заботится, пригоденъ ли тотъ или другой для школьнаго дѣла, „не уклоняется ли отъ настоящаго дѣла—христіанскаго образованія". „Ты испытай учителя въ знаніи Закона Божія, особенно въ его учительности и назидательности"... „Я предоставилъ ему самому покопаться въ своемъ сердцѣ, есть ли истинная ревность и готовность потрудиться для дѣла Божія»... „Мнѣ кажется, его вовсе нужно изъ учителей долой, ибо онъ уклоняется отъ настоящаго дѣла – христіанскаго образованія".

Смотря на инородческую школу, какъ на мѣсто для проповѣди, и на ученіе, какъ на проповѣдь, Николай Ивановичъ требовалъ отъ учителя-проповѣдника ласки и любви къ инородцамъ, безъ всякихъ принудительныхъ или искуственныхъ поощреній. „Если кто изъ учениковъ и ошибается, скажите ему добрымъ словомъ, безъ гнѣва; ни колотковъ, ни брани да не будетъ у васъ". (Письма къ крещ.-татар.). Учитель долженъ болѣе всего заботиться объ умѣньи просто и толково передавать дѣтямъ учебные предметы. „Для учителя сельской школы чрезвычайно важно умѣть свободно и толково разсказывать дѣтямъ на ихъ родномъ нарѣчіи; это единственный способъ, которымъ можно ввести въ душу ребенка искреннія чувства, а слѣдовательно и правила жизни. Безъ умѣнья свободно излагать на родномъ языкѣ учитель школы не можетъ достигать тѣхъ миссіонерскихъ и просвѣтительныхъ цѣлей, которыя составляютъ первую и важнѣйшую задачу русской школы въ инородческихъ мѣстностяхъ".

Учитель инородческой школы есть въ тоже время и мис-

сіонеръ. Онъ не долженъ ограничивать свою дѣятельность учащимися и школой: сфера его дѣятельности также и село, деревня и взрослые ихъ жители. „Ты взрослыхъ попробуй заставлять читать, говоритъ Николай Ивановичъ въ одномъ изъ своихъ писемъ къ учителямъ. Они, очевидно, очень расположены къ ученію. Если приступятъ, скоро поймутъ. Если у нихъ появилось расположеніе къ молитвамъ, такъ они не останутся не выученными читать—писать. Особенно ихъ не торопи, потихоньку только двигай; покажи въ день 4—5 словъ, потомъ, когда они, попривыкши, сами начнутъ понимать и будутъ хорошо себя чувствовать, пусть идутъ и далѣе и далѣе. Я объ нихъ особенно забочусь Если такіе взрослые люди узнаютъ ученіе, то тотчасъ же въ состояніи будутъ и другимъ разсказать и объяснить доброе слово. Кто отъ чистаго сердца и ради Господа старается, тому хоть и много лѣтъ, а Господь отверзаетъ умъ. А если кто для похвальбы и для міра хочетъ учиться, а самъ живетъ, какъ отступившій отъ Бога, то и Богъ отъ него отступитъ и не поможетъ достигнуть успѣховъ въ ученіи и познаніи. Пусть же взрослые разсудятъ въ сердцахъ своихъ“.... „Если есть картинки изъ священной исторіи, то начиная съ сотворенія міра, бери картинки по двѣ, по три и показывай ихъ; это имъ и ребятамъ очень понравится. А потомъ еще лучше: заходи въ дома добрыхъ крещеныхъ, иногда наединѣ попробуй дѣйствовать на нихъ пѣніемъ молитвъ въ родѣ: „помощникъ и покровитель“.... Что будетъ? Если одобрятъ, то пой. Ты видишь, что они бѣгутъ, боясь только школы, а отъ наставленій не бѣгутъ; если такъ, то ты чтеніемъ и разговоромъ ихъ учи, а пѣніемъ молитвы удобряй сердца ихъ—о школѣ же не говори. Когда они сердечно обратятся къ вѣрѣ Христовой, тогда сами будутъ стараться учиться, - только ты дѣйствуй съ терпѣніемъ и любовью. Если они тобою не тяготятся, то и ты ими не тяготись. Можетъ быть, Богъ сотворитъ изъ ихъ огрубѣлыхъ сердецъ что-либо мягкое, досточтимое. Почемъ знаешь? Сила и милость Божія вѣдь безмѣрны“.

Кромѣ любви и терпѣнія, на этомъ дѣлѣ необходимо само-

пожертвованіе. „Зерно, если остается цѣло, не даетъ ростка, а если умретъ, то многъ плодъ сотворитъ". „Знаете ли, что куда не падаетъ солнечный свѣтъ, тамъ бываетъ темно и холодно. Солнце не только освѣщаетъ, но и грѣетъ. Іисусъ Христосъ истинно есть какъ солнце. Кто содержитъ законъ Его, тотъ въ свѣтѣ ходитъ и въ теплѣ живетъ, съ яснымъ лицомъ ходитъ и всякаго человѣка любитъ, какъ своего роднаго, всякому доброму дѣлу помогаетъ и не обманываетъ"... Узнавши этотъ истинный свѣтъ, вы должны его теперь всюду распространять, иначе сами будете виновны. Много-ли, мало-ли что знаешь, увеличивай и самъ старайся, учись и учи, сколько самъ узнаешь, и другихъ тому наставляй: не задерживай дѣло Господне"... „Набирайтесь силы и нелѣностно сообщайте, распространяйте истину христіанскую. Жатва увеличилась, поспѣшайте быть годными для жатвы. Христосъ подастъ вамъ награду и не оставитъ васъ на погубленіе. Учите вы словомъ и дѣломъ (книжнымъ ученіемъ вашимъ и дѣлами, которыя дѣлаете). Богъ да сохранитъ васъ отъ дѣлъ, не согласныхъ съ словами вашими. Кругомъ темная ночь; только свѣтлыми дѣлами вы можете ее уничтожить; а если свѣтъ Вашъ будетъ малъ, то тьма сама васъ подавитъ и уничтожитъ".

Свои миссіонерскіе подвиги юные ученики великаго учителя должны совершать преимущественно среди крещеныхъ инородцевъ: „послѣ того какъ крещеные воспримутъ Христово ученіе, чрезъ нихъ уже можно будетъ дѣйствовать и на мусульманъ и язычниковъ, такъ какъ они живутъ съ ними въ одинаковыхъ бытовыхъ условіяхъ„. (Каз. Крещенот. школа) „Слѣдовательно если на первый разъ утверждать православіе въ крещеныхъ татарахъ, то они могутъ имѣть благодѣтельное вліяніе и на магометанъ". Но если придется разговаривать о вѣрѣ съ мусульманами, то учители должны быть осторожны, спокойны: имъ не слѣдуетъ забираться въ дебри ислама, чтобы не уронить своего авторитета. „Съ татарами ты спорь", пишетъ Н. Ивановичъ, „но не раздражайся, и ихъ ты не серди, и самъ не горячись много и ихъ не приводи въ большой гнѣвъ. При взаимномъ гнѣвѣ вѣдь пользы не бываетъ. Какъ по евангелію Іисусъ Христосъ всегда съ

любовію кратко наставлялъ и ходилъ уча, такъ и тебѣ нужно ходить и бесѣдовать. А въ брани нѣтъ пользы. Брань только ожесточаетъ сердце каждаго человѣка"... „Въ мухаммеданствѣ много не копайся. Почему?—скажешь. Къ нѣкоторымъ вещамъ чѣмъ больше прикасаешься, тѣмъ большій запахъ отъ нихъ происходитъ".

Не слѣдуетъ ожидать скорыхъ плодовъ отъ трудовъ и унывать при неудачахъ. Юные учители Николая Ивановича, конечно, болѣе всего нуждались въ нравственной поддержкѣ со стороны своего руководителя, особенно живя въ чужой деревнѣ, въ глуши, среди равнодушнаго или даже враждебно настроеннаго населенія. И Николай Ивановичъ всегда утѣшалъ и ободрялъ питомцевъ въ такихъ случаяхъ: „Безъ благословенія Божія домъ не выстроишь; нельзя безъ помощи Божіей научить и человѣка истинной вѣрѣ. Вѣдь онъ видитъ твое стараніе. Будь вѣрный слуга, дѣлай и дѣлай, не отвращайся, не тропщи. Владыка, по своей милости, неожиданно дастъ успѣхъ твоему дѣлу и третнымъ не оставитъ"... „Подобно тому, какъ если въ сердцевинѣ дерева заведется червякъ, хотя бы и маленькій, и начнетъ его точить, точить, дерево совершенно подсыхаетъ; такъ и въ сердцѣ человѣка, если западетъ какая нибудь грусть, и если, почувствовавъ гнетъ ея, не выкинешь ее, то она является большой помѣхой и гнететъ и давитъ сердце, угашаетъ старательность, руки отнимаетъ отъ дѣла, силу и бодрость обращаетъ въ безсиліе. Если такой червякъ завелся у тебя и сушитъ, то ты постарайся его выбросить и передать себя Богу. Только до конца претерпѣвый спасется".

Истины христіанскія принимаются человѣкомъ не сразу, а постепенно. „У насъ обыкновенно признается мѣриломъ миссіонерскаго успѣха число обращенныхъ въ православіе. Мѣрило весьма шаткое и не точное, какъ я знаю по нерѣдкой практикѣ въ Казанской епархіи. Иные отцы крестятъ себѣ татаръ безъ всякаго собственнаго обращенія, а по случаю, напр. рекрутскаго набора. Обращеніе изъ одной религіи въ другую, конечно, не легко и не скоро можетъ совершиться. И вотъ если-бы какой-нибудь труженикъ

сталъ хлопотать о дѣйствительномъ обращеніи, тогда по этому взгляду на обращеніе онъ бы оказался безуспѣшнымъ; а другой накрестить сотню, другую кое-какъ—и ему честь и слава Но хорошо ли это? Не значитъ ли это дѣлать окрещеныго инородца весьма жалкимъ существомъ, потому что онъ обреченъ исполнять христіанскіе обряды не только безъ вѣры, но и съ отвращеніемъ и съ ужасомъ»? говоритъ Николай Ивановичъ. Поэтому въ миссіонерскомъ дѣлѣ прежде всего нужно терпѣніе. «Въ Египтѣ однажды нашли нѣсколько зеренъ пшеницы на гробѣ одного мертвеца; нашедши, посадили ихъ въ землю; чрезъ мѣсяцъ посмотрѣли: лежатъ въ томъ же положеніи и ни одно зерно не взошло. Потомъ опять посадили. Много мѣсяцевъ лежали зерна въ землѣ, смягчились, взошли, и появилась прекрасная пшеница. И здѣсь точно также. Ты ходи къ нимъ (инородцамъ), наставляй ихъ изъ евангелія, книги премудрости Іисуса Сирахова, катихизиса и добрыми назидательными словами. Если сами они заставляютъ тебя читать, такъ для того, чтобы послушать. А каждый разъ, какъ они слушаютъ, сердца ихъ раскрываются. Слова истинной вѣры близки и сродны чистому сердцу. Самъ Господь Своею силою помогаетъ истинной вѣрѣ. Всякое доброе, великое дѣло потихоньку совершается. И такъ ты не тяготись, не теряй надежды на милость Божію. Богъ самъ съ сожалѣніемъ смотритъ на нихъ, какъ заблудшихъ, не имѣющихъ пастыря овецъ. Онъ тебѣ поможетъ, только ты старайся, переноси, терпи. Претерпѣвый спасется и достигнетъ желаемаго.“

Въ своей жизни инородческіе учителя должны „найти утѣшеніе въ молитвѣ и развлеченіе въ трудахъ, „помогать другъ другу,“ „обходиться между собою ласково, по-дружески, по-братски, сближаться съ приходскими священниками, обо всемъ съ ними совѣтоваться, брать примѣръ, итти по ихъ стопамъ. „Ты сблизиться долженъ всѣхъ болѣе съ отцомъ Арсеніемъ. Съ нимъ обо всемъ совѣтуйся и съ него бери примѣры и по его стопамъ старайся итти,“ совѣтуетъ Н. Ив.“ въ письмѣ къ учителю Василію.“ Учители должны привлечь къ себѣ симпатіи стариковъ въ селѣ.

„Прислушивайтесь съ почтеніемъ къ совѣтамъ старыхъ людей въ затрудненіяхъ вашихъ, писалъ Николай Ивановичъ учителямъ, спрашивайте у нихъ наставленія и, гдѣ не достанетъ вашей силы, умоляйте ихъ, чтобы они помогли вамъ. Деревенскіе старики все равно, что основаніе въ домѣ." „Бѣднаго отъ богатаго, малаго отъ большого не отдѣляйте, со всѣми будьте одинаково ласковы и привѣтливы."

Вотъ какими наставленіями сопутствовалъ Николай Ивановичъ своихъ питомцевъ, направляя ихъ учительскіе пути; такимъ образомъ путемъ труда, самоотверженія и религіозной настроенности онъ приготовлялъ ихъ къ священству въ инородческихъ приходахъ. Даже семейная жизнь инородческаго учителя не проходила безъ наставленій незабвеннаго учителя. „Я очень радъ, пишетъ онъ, что ты вступаешь въ бракъ съ дѣвицей столь хорошей семьи. Это всего дороже; семья ручается за личное достоинство невѣсты... Священная исторія представляетъ тому ясные примѣры, какъ искали не невѣсты, а ея семьи."

Зная, какой тяжелый трудъ предстоялъ его питомцамъ въ миссіонерскихъ школахъ, плохо обезпеченныхъ матеріально, устраиваемыхъ часто среди населенія, недоброжелательно относящагося къ нимъ, Николай Ивановичъ старался готовить лучшихъ учителей къ священству. „Если ты хочешь выйти въ духовные, запомни, что прежде всего для этого нужно особенно хорошо знать по-русски; потомъ нужно умѣть читать церковныя книги; необходимо также знать порядокъ богослуженія. Если есть у тебя русскій часословъ, то просматривай его, потомъ проглядывай по-славянски евангеліе, апостолъ и по маленьку приготовляйся... „Старайся попасть въ духовное званіе, пишетъ Николай Ивановичъ къ другому учителю. Учителемъ вѣкъ не проживешь; для учительства много лѣтъ десять, а—потомъ нужно выбрать родъ службы... Духовное служеніе весьма подходяще къ учительству. Это вѣдь тоже своего рода педагогія." Признавая глубокое психологическое основаніе въ назначеніи священниками въ инородческіе приходы одноплеменныхъ имъ учителей, не искушенныхъ долговременною схоластикою, Николай Ивановичъ требовалъ отъ кандидатовъ въ

духовное званіе преимущественно сердечныхъ, нравственныхъ качествъ, искренняго сердца къ православной вѣрѣ и ревности къ христіанскому просвѣщенію инородцевъ. Онъ полагалъ, что увлеченіе ума въ сторону религіозныхъ разсужденій должно препятствовать сердечной сторонѣ. Посему манера изучать въ школахъ законъ Божій со стороны разсудочной и по такимъ же пріемамъ не соотвѣтствуетъ религіозно-воспитательнымъ задачамъ, не даетъ особенно религіозныхъ людей и представляетъ туже схоластику, только въ современной формѣ. Питомцы такихъ схоластическихъ мудрствованій могутъ даже смутить чистое сердечное христіанское чувство, какъ напримѣръ, разъ это было съ Васильемъ Тимоѳеевичемъ въ годы его практикантства въ Казанской Дух. Академіи.

Вотъ какова Казанская Свято-Гурьевская система, породившая въ краѣ десятки братскихъ и миссіонерскихъ школъ, истинно религіозныхъ, чуждыхъ шаблона, формальной выправки, съ учителями—миссіонерами, совершенно сосредоточенными на исполненіи возложенныхъ на нихъ высокихъ задачъ. Эти школы съ одной стороны представляли противовѣсъ мусульманской пропагандѣ, съ другой давали религіозное воспитаніе и образованіе, а вмѣстѣ съ тѣмъ и исполняли Государево дѣло—сближали инородцевъ съ господствующемъ племенемъ.

„Школы эти, писалъ Николай Ивановичъ К. П. Побѣдоносцеву, большею частію просты и бѣдны; но это зависитъ отъ малыхъ средствъ, и все таки онѣ дѣлаютъ свое дѣло. Онѣ притомъ своей дешевизной и уютностью могутъ уравновѣшивать татарскія школы, отличающіяся крайней дешевизной и простотой... *Если эти школы* плохи, то ихъ нужно улучшить и улучшить не въ смыслѣ возвышенія программы или улучшенія методовъ преподаванія, по требованію новѣйшей педагогики, а въ смыслѣ инородческо миссіонерской постановки свято-Гурьевской системы". Осуществленіе своихъ идеаловъ онъ видѣлъ въ будущемъ: „мои снаряды —инородческія книги, пишетъ Николай Ивановичъ, инородческое богослуженіе, инородческій причтъ церковный со священникомъ во главѣ. Эти мѣры никого не возмутили, грамотность

христіанская распространяется, усердіе къ православной церкви усиливается. Растетъ дѣло постепенно и медленно: но вѣдь все органическое не вдругъ возрастаетъ, а постепенно, не только животные организмы, но и растенія. Вотъ, напримѣръ, голодъ: всѣ запасы истощились, а на полѣ колосящіяся нивы не будутъ сейчасъ готовы къ жатвѣ—надо ждать мѣсяцъ и т. п. На нивахъ то вещественныхъ всѣ это видятъ и мирятся съ закономъ постепенности; но нивы духовныя, которыми Господь именуетъ христіанскую церковь, также подчинены законамъ постепенности. Если взять да сравнить, что было прежде, назадъ тому лѣтъ двадцать, и что теперь, то мы увидимъ замѣтную разницу. Но люди нетерпѣливые и горячіе хотятъ все сдѣлать вдругъ и недовольны медленными успѣхами". Они не понимаютъ этихъ законовъ постепенности и даже рѣшались и рѣшаются видѣть въ этой свято Гурьевской системѣ искусственное созданіе и поддержаніе народностей во вредъ русскому народу и государству. Это обвиненіе, далеко не новое, еще въ 1868 г. вызвало Николая Ивановича сказать: „Не смущайтесь призракомъ сепаратизма чувашъ, въ случаѣ если они будутъ учиться по чувашскимъ книгамъ—они самостоятельной націей сдѣлаться не могутъ. Какъ ни странно на первый взглядъ, но совершенно вѣрно, что первоначальное школьное образованіе чувашъ и распространеніе въ чувашской массѣ православныхъ книгъ на ихъ родномъ языкѣ поведетъ ихъ чрезъ религіозное объединеніе съ русскимъ народомъ къ усвоенію русскаго быта и русскаго языка". Противная система, обрусительная, «отдаляетъ ихъ отъ самой коренной основы русской народности и такимъ образомъ, приготовляя новыя приращенія магометанамъ, служитъ противъ своей воли сепаратизму». (По дѣлу объ образ. инородцевъ).

Но этого не хотѣли понять еще при жизни Николая Ивановича тѣ люди, которые почти ждали его смерти, полагая, что онъ единственная опора и защита инородчества. Они не хотѣли убѣдиться, что его „школа не просто мѣсто обученія грамотѣ и цифири, но дѣйствительно миссіонерское и христіанско-просвѣтительное учрежденіе". Враждебное отношеніе къ инородческому обра-

зованію волновало Николая Ивановича; онъ боялся за трудъ своей жизни, за свои „помыслы и идеи“. „И что если, паче чаянія, въ сѣверныхъ странахъ Россіи, послѣ такихъ дѣятелей, какъ епископъ Діонисій и миссіонеръ Иннокентій, наступитъ поворотъ въ направленіи и образѣ дѣйствій“? спрашиваетъ Николай Ивановичъ. Когда въ 1883 г. изданъ былъ Синодальный указъ о допущеніи богослуженія на инородческихъ языкахъ, доселѣ практиковавшагося лишь по епископскимъ разрѣшеніямъ, Николай Ивановичъ писалъ Константину Петровичу Побѣдоносцеву, что этотъ указъ „составляетъ новый шагъ и даже, можно сказать, прочное основаніе въ дѣлѣ христіанскаго просвѣщенія инородцевъ“. Послѣдніе должны отъ рода сего и во вѣкъ молиться за Васъ въ благодарность за Ваши приложенные къ сему дѣлу труды не малые.

Этому же государственному дѣятелю и искреннему христіанину онъ поручилъ бѣдныхъ инородцевъ для защиты отъ набѣгающихъ бурныхъ волнъ житейскаго моря, когда былъ на смертномъ одрѣ и испускалъ послѣднее издыханіе; а бѣднымъ инородческимъ дѣятелямъ, въ ихъ утѣшеніе и подкрѣпленіе, можно привести слѣдующія слова Спасителя нашего:

„Аще миръ васъ ненавидитъ вѣдите ако мене прѣжде васъ возненавидѣ. аще отъ мира бысте были миръ убо свое любилъ бы“ (Отъ Іоанна гл. 15 ст. 18, 19). „Блаженни есте егда поносятъ вамъ и ижденутъ и рекутъ вьсякъ зълъ глаголъ на вы лъжуще мене ради. Радуите ся и веселитеся ако мьзда ваша мъногa есть на небесѣхъ“ (отъ Матоея гл. 5 ст. 11, 12).

Николай Спасскій.

ПРИЛОЖЕНІЕ I.

Считаемъ полезнымъ привести Правила, изданныя 26 марта 1870 г. о мѣрахъ къ образованію инородцевъ, такъ какъ ими нужно было отнынѣ руководиться и Николаю Ивановичу и его сотрудникамъ Правила дѣлились на двѣ группы: А) относительно инородцевъ-христіанъ и Б) относительно татаръ-магометанъ, примѣняя ихъ и къ киргизамъ.

Начальныя школы для инородцевъ-христіанъ должны имѣть цѣлію религіозно-нравственное ихъ образованіе и утвержденіе въ православной вѣрѣ и ознакомленіе съ русскимъ языкомъ. Общимъ для всѣхъ инородцевъ-христіанъ въ системѣ образованія ихъ должно быть слѣдующее: а) орудіемъ первоначальнаго обученія для каждаго племени должно быть родное его нарѣчіе: б) учители инородческихъ школъ должны быть изъ среды соотвѣтствующаго племени инородцевъ и притомъ хорото знающіе русскій языкъ, или же русскіе, владѣющіе соотвѣтствующимъ инородческимъ нарѣчіемъ, и в) должно быть обращено вниманіе на образованіе женщинъ, такъ какъ племенное нарѣчіе и племенныя особенности инородцевъ преимущественно сохраняются и поддерживаются матерями.

Затѣмъ особенности въ системѣ каждой группы инородцевъ заключаются главнымъ образомъ въ томъ значеніи, какое должно имѣть родное нарѣчіе инородцевъ въ первоначальной школѣ. Въ этомъ отношеніи надлежитъ постановить слѣдующее:

а) Для дѣтей инородцевъ, весьма мало обрусѣлыхъ и почти не знающихъ русскаго языка, учреждаются особыя школы, въ которыхъ первоначальное преподаваніе совершается на инородческихъ нарѣчіяхъ, и дѣти обучаются на своемъ родномъ нарѣчіи по учебнымъ книгамъ на томъ же нарѣчіи. Учебными книгами

служатъ буквари, необходимыя молитвы, краткіе разсказы изъ священной исторіи Ветхаго и Новаго Завѣта и религіозно-нравственныя книги. Для облегченія инородцамъ перехода къ изученію роднаго языка, всѣ эти книги печатаются на инородческомъ нарѣчіи русскими буквами, съ переводомъ на русскій языкъ или безъ перевода, за исключеніемъ впрочемъ молитвенниковъ и вообще богослужебныхъ книгъ, которыя должны быть съ переводомъ на русскій языкъ. Въ тоже время дѣти, при помощи мѣстныхъ нарѣчій, обучаются русскому разговорному языку посредствомъ наглядиаго обученія, и затѣмъ, какъ только усвоятъ себѣ довольно значительный запасъ русскихъ словъ и выраженій, начинаютъ обучаться русской грамотѣ (чтенію и письму совмѣстно), продолжая въ тоже время обучаться и русскому разговорному языку, причемъ это наглядное обученіе и обученіе грамотѣ должны все время восполнять и помогать другъ другу, содѣйствуя какъ умственному развитію дѣтей чрезъ ознакомленіе ихъ съ окружающимъ ихъ міромъ, такъ и большему по возможности усвоенію ими русскаго языка, съ непремѣннымъ переводомъ читаннаго по-русски на мѣстное инородческое нарѣчіе. Счисленію дѣти обучаются сначала на своемъ инородческомъ нарѣчіи, а потомъ уже и на русскомъ языкѣ. По достаточномъ усвоеніи дѣтьми русскаго языка, Законъ Божій преподается на общихъ основаніяхъ, причемъ повторяется на русскомъ языкѣ священная исторія съ необходимыми дополненіями, заучиваются главнѣйшія молитвы на русскомъ и церковно-славянскомъ языкахъ и преподается краткій катихизисъ. Церковное пѣніе, какъ важное орудіе христіанскаго просвѣщенія инородцевъ, вводится во всѣхъ школахъ, при чемъ пѣніе исполняется какъ на мѣстномъ инородческомъ нарѣчіи, такъ и на церковно-славянскомъ языкѣ. Затѣмъ установленіе подробностей въ исполненіи такого учебнаго плана и опредѣленіе продолжительности времени на первоначальное и дальнѣйшее обученіе инородческихъ дѣтей предоставляется ближайшему усмотрѣнію мѣстнаго училищнаго начальства.

Въ инородческихъ школахъ съ вышеизложеннымъ порядкомъ обученія устраиваются и смѣны для обученія дѣвочекъ.

б) Въ мѣстностяхъ съ населеніемъ смѣшаннымъ изъ природныхъ русскихъ и инородцевъ, учреждаются общія для тѣхъ и другихъ начальныя училища, въ которыхъ все обученіе ведется на русскомъ языкѣ учителемъ, владѣющимъ какъ русскимъ языкомъ, такъ и мѣстнымъ инородческимъ нарѣчіемъ, которое однакоже допускается къ употребленію лишь для устныхъ объясненій. Если же этого будетъ недостаточно, въ такомъ случаѣ для инородческихъ дѣтей, до времени усвоенія ими русскаго языка настолько, чтобы обучаться вмѣстѣ съ русскими дѣтьми, устраиваются особыя при училищахъ отдѣленія на мѣстныя средства инородцевъ. При такихъ училищахъ также учреждаются смѣны для дѣвочекъ.

в) Наконецъ, для достаточно обрусѣлыхъ инородцевъ, живущихъ смѣшанно съ русскими или сплошными населеніями, учреждаются начальныя народныя училища на общихъ для русскихъ училищъ основаніяхъ.

Ближайшее завѣдываніе училищами первыхъ двухъ категорій поручается священнику—законоучителю школы, если онъ обладаетъ знаніемъ мѣстнаго инородческаго нарѣчія и пожелаетъ принять на себя таковое завѣдываніе; если же мѣстный священникъ не знаетъ инородческаго нарѣчія, въ такомъ случаѣ завѣдываніе училищемъ возлагается на учителя, а преподаваніе Закона Божія можетъ быть поручено свѣтскому лицу.

Надзоръ за инородческими училищами возлагается на инспекторовъ народныхъ начальныхъ училищъ, съ необходимыми при этомъ дополненіями инструкціи, которая имѣетъ быть дана въ руководство всѣмъ вообще инспекторамъ начальныхъ училищъ.

Впослѣдствіи надзоръ за сими училищами возложенъ на директоровъ и инспекторовъ нар. училищъ на общемъ основаніи въ губерніи. Кромѣ того, для чувашскихъ школъ при управленіи Казанскаго Учебн. Округа учреждена должность особаго инспектора въ качествѣ Окружнаго (26 января 1867 г.). Переводы священныхъ, церковныхъ, вѣроучительныхъ и вообще назидательныхъ христіанскихъ книгъ на разные инородческіе языки, а также буквари и книжки для начальнаго обученія инородцевъ, издаваемыя

переводческою коммиссіею при Братствѣ Св. Гурія, допускаются къ употребленію въ инородческихъ начальныхъ училищахъ (Цирк. М. Н. Пр. 5 февраля 1880 г.).

Б. Относительно татаръ—магометанъ.

Въ мѣстностяхъ со сплошнымъ татарскимъ населеніемъ предположено учреждать на счетъ казны начальныя сельскія и городскія училища. Учителями въ этихъ училищахъ до того времени, пока между татарами не окажется достаточное число лицъ, основательно знающихъ русскій языкъ, могутъ быть и русскіе, хорошо знающіе по-татарски, а обученіе производится примѣнительно къ порядку, указанному выше въ отношеніи инородцевъ—христіанъ, мало или недостаточно обрусѣлыхъ, съ нужными по мѣстнымъ обстоятельствамъ измѣненіями. Татарамъ предоставляется приглашать въ эти училища на свой счетъ законоучителя своей вѣры, который бы занимался своимъ предметомъ въ опредѣленные часы по обоюдному съ учителемъ русскаго языка соглашенію. Татарскія мѣстныя общества избираютъ изъ своей среды почетнаго блюстителя для каждаго училища.

Облегчается дѣтямъ татаръ—магометанъ поступленіе въ общія училища учрежденіемъ, гдѣ окажется надобность и возможность, приготовительныхъ классовъ въ общихъ начальныхъ училищахъ, съ единственною цѣлію научения дѣтей русскому разговорному языку. Съ другой стороны, дабы облегчить дѣтямъ какъ татаръ—магометанъ, такъ и вообще инородцевъ—нехристіанъ, прохожденіе курса въ означенныхъ училищахъ, освободить (независимо отъ посѣщенія уроковъ Закона Божія) всѣхъ таковыхъ дѣтей въ сельскихъ и городскихъ начальныхъ училищахъ отъ чтенія по церковно-славянскимъ книгамъ. Расходы по устройству въ сихъ училищахъ преподаванія закона магометанской вѣры должны быть принимаемы на себя мѣстными магометанскими обществами или родителями обучающихся въ сихъ заведеніяхъ дѣтей.

Располагаются мѣстныя магометанскія общества къ учрежденію на собственныя средства классовъ русскаго языка при мектебе и медрессе, съ тѣмъ, чтобы въ эти классы, впредь до приго-

товленія учителей изъ татаръ—магометанъ, были назначаемы учителя изъ русскихъ, хорошо знающихъ татарское нарѣчіе съ возложеніемъ на нихъ обязанности обучать дѣтей русскому языку, т. е. разговору, чтенію и письму и началамъ ариѳметики, т. е. счисленію и первымъ 4 дѣйствіямъ надъ простыми числами, путемъ практическимъ. Въ медрессе курсъ русскаго языка могъ бы быть расширенъ посредствомъ сообщенія главнѣйшихъ грамматическихъ правилъ, а курсъ ариѳметики—чрезъ присоединеніе первыхъ 4 дѣйствій надъ числами именованными и дробными. Обученіе въ русскихъ классахъ какъ при мектебе, такъ и при медрессе сначала вводить на мѣстномъ татарскомъ нарѣчіи или при помощи его, съ тѣмъ, чтобы затѣмъ дальнѣйшее преподаваніе, помѣрѣ того, какъ дѣти будутъ усваивать себѣ устную русскую рѣчь, продолжать преимущественно и наконецъ исключительно на одномъ русскомъ языкѣ. Посѣщеніе особыхъ классовъ, устроенныхъ при мектебе, должно быть обязательно для всѣхъ учащихся въ сихъ послѣднихъ и при медрессе—для юношей до 16-ти лѣтняго возраста. При этомъ, въ видахъ устраненія со стороны татаръ всякаго подозрѣнія относительно духа этого преподаванія, не препятствовать лицамъ, завѣдывающимъ мектебе и медрессе, или обучающимъ въ нихъ, присутствовать, буде пожелаютъ, на урокахъ въ русскихъ классахъ. Наконецъ не дозволять открытія новыхъ мектебе и медрессе иначе, какъ съ обязательствомъ имѣть при нихъ учителей русскаго языка на счетъ магометанскихъ обществъ.

Учителямъ русскаго языка и ариѳметики при медрессе и мектебе предоставлены права на пенсіи наравнѣ съ учителями начальныхъ учеб. заведеній М. П. Просвѣщенія: тѣмъ же изъ нихъ, которые до опредѣленія на сіи должности пользовались всѣми правами государственной службы, эти права сохраняются и во время состоянія ихъ преподавателями въ мектебе и медрессе.

Въ тѣхъ городахъ и селеніяхъ, гдѣ будутъ учреждены особыя начальныя училища для дѣтей татаръ—магометанъ, устраивать при сихъ училищахъ смѣны для обученія дѣвочекъ: тамъ же, гдѣ вмѣсто особыхъ училищъ, будутъ заведены русскіе классы

при мектебѣ и медрессе, устраивать на счетъ казны училища для дѣвочекъ.

Главный надзоръ за отдѣльными училищами для татаръ—магометанъ, такъ и за русскими классами при мектебе и медрессе, возложить на инспекторовъ начальныхъ народныхъ училищъ. Впослѣдствіи 18 мая 1874 г. при Оренбургскомъ Учеб. Округѣ учреждена была должность инспектора татарскихъ, башкирскихъ и киргизскихъ школъ на правахъ Окружнаго. Такая же должность была и при Казанскомъ Окружномъ Управленіи, но въ 1888 г. закрыта.

Высочайше повелѣно 20-го ноября 1874 г. всѣ инородческія училища Нижегородской и Пензенской губ. Казанскаго и Оренбургскаго Учеб. Округовъ, башкирскія, татарскія, киргизскія подъ разными наименованіями, равно и занимающихся домашнимъ и частнымъ обученіемъ лицъ изъ числа инородцевъ—нехристіанъ подчинить учебному начальству на общемъ основаніи.

Чтобы заставить магометанъ учиться въ русскихъ училищахъ, Государь Императоръ 16 іюля 1888 г. Высочайше повелѣть соизволилъ, чтобы засѣдателями Уфимскаго магометанскаго собранія были лишь лица, выдержавшія испытаніе въ объемѣ курса первыхъ 4 классовъ гимназіи, уѣзднаго или городского училища, татарской учительской школы или по крайней мѣрѣ двухъкласснаго начальнаго городского училища М. Н. Просвѣщенія.

При опредѣленіи высшаго приходскаго духовенства (ахуновъ, хатыповъ) въ городахъ требовать отъ нихъ свидѣтельствъ о выдержаніи ими испытанія по программѣ курса однокласснаго начальнаго училища. О распространеніи сего правила на муллъ при Оренбургскомъ, Уральскомъ и Сибирскомъ казачьихъ войскахъ, а также духовныхъ лицъ, состоящихъ по военному вѣдомству, войти въ сношеніе съ военнымъ министромъ.

Отъ кандидатовъ на должности сельскихъ муллъ, при опредѣленіи ихъ на оныя, требовать представленія свидѣтельствъ уѣздныхъ училищныхъ совѣтовъ о знаніи ими русской разговорной рѣчи и чтенія.

Вышеизложенныя правила ввести въ дѣйствіе съ 1-го янва-

ря 1890 года и не распространять оныя на всѣхъ лицъ, кои будутъ опредѣлены въ должности до введенія сихъ правилъ.

26 октября 1874 года были утверждены и дополнительныя статьи къ правиламъ о спеціальныхъ испытаніяхъ по Министерству Нар. Просвѣщенія, опредѣляющія условія для пріобрѣтенія права на званіе учителя или учительницы 1) начальныхъ школъ для инородцевъ—христіанъ и инородцевъ—язычниковъ и 2) начальныхъ школъ для татаръ—магометанъ и учителя русскихъ классовъ при медрессе и мектебе.

1) Лица, желающія пріобрѣсти званіе учителя и учительницы начальной школы для крещеныхъ инородцевъ (какъ-то: татаръ, чувашъ, черемисъ, вотяковъ, мордвы и т. п.), подвергаются испытанію, установленному на таковыя же званія въ русскихъ начальныхъ народныхъ училищахъ правилами для спеціальныхъ испытаній, утвержд. М. Н Просвѣщенія 15 мая 1870 г. Сверхъ того, упомянутыя лица подвергаются испытанію изъ языка того инородческаго племени, для образованія котораго они себя посвящаютъ. Знаніе подлежащаго инородческаго языка должно состоять въ томъ, чтобы испытуемое лицо было въ состояніи свободно читать изданныя на этомъ языкѣ русскимъ шрифтомъ книги и отчетливо излагать устно свои мысли на этомъ инородческомъ языкѣ. Удостовѣреніе въ такомъ знаніи пріобрѣтается посредствомъ пробныхъ уроковъ испытуемаго въ соотвѣтствующей инородческой школѣ.

2) Лица, желающія пріобрѣсти званіе учителя начальной школы для инородцевъ язычниковъ, подвергаются испытаніямъ, указаннымъ въ предыдущей статьѣ, съ тѣмъ исключеніемъ, что на сихъ лицъ не распространяется испытаніе въ знаніи Закона Божія.

3) Лица, желающія пріобрѣсти званіе учителя или учительницы начальнаго училища для татаръ-магометанъ, а равно званіе учителя русскихъ классовъ при мектебе, подвергаются испытанію, установленному на таковыя же званія въ русскихъ начальныхъ народныхъ училищахъ вышеназванными правилами о спеціальныхъ испытаніяхъ 15 мая 1870 г., за исключеніемъ испытанія въ

Законѣ Божіемъ. Сверхъ того, лица сіи испытуются въ татарскомъ языкѣ, знаніе котораго должно состоять въ свободномъ чтеніи татарскихъ книгъ и въ умѣньи правильно излагать устно свои мысли на татарскомъ языкѣ.

4) Опредѣленному въ предыдущей 3-й статьѣ испытанію подвергаются и тѣ лица, кои желаютъ пріобрѣсти званіе учителя русскихъ классовъ при медрессе, но съ тѣмъ, чтобы лица сіи, кромѣ того, по математикѣ или по русскому языку выдержали испытаніе, установленное для пріобрѣтенія званія учителя уѣзднаго училища правилами о спеціальныхъ испытаніяхъ 15 мая 1870 года.

Лица, выдержавшія такое испытаніе по обоимъ названнымъ предметамъ, т. е. по математикѣ и по русскому языку, пользуются при опредѣленіи на должность предпочтеніемъ предъ тѣми, кои выдержали сіе испытаніе только по одному изъ названныхъ предметовъ.

5) Лица, имѣющія свидѣтельства на званіе учителя или учительницы русскаго начальнаго народнаго училища и изъявившія желаніе получить право на преподаваніе въ инородческихъ училищахъ, поименованныхъ въ ст. 1, 2, 3, подвергаются только установленному въ сихъ статьяхъ испытанію въ знаніи соотвѣтственныхъ инородческихъ языковъ. Равнымъ образомъ лица, имѣющія свидѣтельства на званіе учителя уѣзднаго училища и желающія получить право на преподаваніе въ русскихъ классахъ при медрессе, подвергаются лишь указанному выше испытанію въ татарскомъ языкѣ. Воспитанники Казанской учит. семинаріи и татарскихъ учительскихъ школъ, *) окончившіе въ сихъ заведеніяхъ курсъ съ аттестатомъ на званіе учителя, совершенно освобождаются отъ установленныхъ настоящими статьями испытаній.

6) Испытанія на званіе учителя или учительницы начальнаго училища для инородцевъ-христіанъ и язычниковъ производятся въ Педагогическомъ Совѣтѣ Казанской учит. семинаріи, при чемъ пробные уроки даются испытуемыми въ одномъ изъ мѣ-

*) Уфимской, переведенной въ Оренбургъ, Казанской и Симферопольской. Первая теперь упразднена (1889 г.).

стныхъ начальныхъ инородческихъ училищъ при семинаріи или внѣ оной, смотря по населенію, среди котораго предполагается учительская дѣятельность испытуемаго лица. Испытанія на званіе учителя или учительницы начальной школы для татаръ-магометанъ и на званіе учителя русскихъ классовъ при мектебе и медрессе производятся въ педагогическихъ совѣтахъ татарскихъ учительскихъ школъ, причемъ пробные уроки даются испытуемыми также въ мѣстныхъ татарскихъ-магометанскихъ училищахъ. Впрочемъ всѣ означенныя испытанія могутъ быть производимы какъ въ поименованныхъ выше мѣстахъ, такъ и въ испытательныхъ комитетахъ и педагогическихъ совѣтахъ, указанныхъ въ общихъ правилахъ о спеціальныхъ испытаніяхъ по М. Н. Просвѣщенія. При производствѣ испытаній въ сихъ послѣднихъ учрежденіяхъ пробные уроки испытуемымъ даются также въ мѣстныхъ соотвѣтственныхъ инородческихъ училищахъ, при чемъ для удостовѣренія въ знаніи испытуемымъ подлежащаго инородческаго языка или нарѣчія, приглашается лицо, знающее этотъ языкъ или нарѣчіе, каковое лицо пользуется правомъ голоса при сужденіи объ удовлетворительности пробныхъ уроковъ.

ПРИЛОЖЕНІЕ II.

ПРОГРАММА

ШКОЛЫ ДЛЯ КРЕЩЕННЫХЪ ИНОРОДЦЕВЪ

Н. И. ИЛЬМИНСКАГО.

Общія соображенія.

Инородцы восточной полосы Россіи, окрестившіеся въ недавнее, сравнительно съ прочими подданными Россіи, время, держатся вслѣдствіе этого въ значительной степени магометанскихъ и языческихъ воззрѣній и, какъ недавно еще вошедшіе въ составъ русскаго государства, весьма мало знакомы съ русскимъ языкомъ. Это обстоятельство ставитъ инородцевъ въ исключительныя условія и налагаетъ на воспитывающій и учащій персоналъ инородческихъ училищъ особые труды. Опытъ показалъ, что усвоеніе нынѣшней программы начальной сельской школы возможно въ инородческихъ школахъ въ теченіе положеннаго трехлѣтняго курса лишь для ничтожнаго меньшинства особенно даровитыхъ дѣтей: огромное же большинство инородческихъ дѣтей, не успѣвая справиться съ русскимъ языкомъ, покидаетъ школу ранѣе окончанія полнаго курса: это весьма прискорбно, когда встрѣчается въ русскихъ школахъ, но совершенно непоправимо въ отношеніи неуспѣвшихъ усвоить языкъ учениковъ инородческихъ школъ: программа начальной школы представляетъ нѣчто цѣлое, законченное, лишь въ своей совокупности, по отдѣльнымъ же годамъ она не даетъ законченныхъ знаній. Такъ, напримѣръ, въ отношеніи Закона Божія программа относитъ изученіе Символа вѣры и запо-

вѣдей на третій годъ обученія; такимъ образомъ инородческія дѣти, оставляющія школу послѣ двухъ лѣтъ обученія, унесутъ съ собою свои прежнія языческія понятія.

Имѣя въ виду, что начальная школа, во исполненіе строгаго и точнаго закона, гласящаго: „начальныя народныя училища имѣютъ цѣлію утверждать въ народѣ религіозныя и нравственныя понятія и распространять первоначальныя полезныя знанія", (ст. 1 Высочайше утвержд. 25-го мая 1874 года положенія), должна обратить вниманіе прежде всего на утвержденіе религіозныхъ и нравственныхъ понятій учащихся и затѣмъ, лишь по достаточномъ выполненіи этой первой и важнѣйшей задачи, стремиться къ сообщенію полезныхъ знаній, курсъ начальной инородческой школы долженъ быть отчетливо раздѣленъ на два отдѣленія, съ рѣзко выраженными цѣлями и задачами каждаго изъ нихъ. Въ младшемъ отдѣленіи, которое проходитъ большая часть дѣтей, должно сосредоточить всѣ усилія на религіозномъ воспитаніи дѣтей,—въ старшемъ, не упуская изъ виду религіозно-воспитательныхъ цѣлей начальной школы, нужно направить всѣ усилія на усвоеніе дѣтьми русскаго языка, такъ какъ знаніе его есть, конечно, самое необходимое и полезнѣйшее для русскаго подданнаго изъ всѣхъ другихъ знаній.

Многолѣтній опытъ инородческихъ училищъ въ Казанской губерніи вообще и въ частности существующихъ при Казанской учительской семинаріи убѣдилъ насъ, что трехъ зимъ недостаточно инородческимъ дѣтямъ для прохожденія программы сельскихъ училищъ: усвоеніе русскаго разговорнаго языка составляетъ огромный лишній трудъ, для котораго нужно дать особое время Инспекторъ чувашскихъ школъ Яковлевъ давно уже пришелъ къ заключенію о четырехлѣтнемъ курсѣ инородческихъ училищъ. Потомъ, занятія въ инородческой школѣ представляютъ особыя трудности сравнительно съ занятіями въ русской школѣ: въ послѣдней учитель сравнительно легко находитъ матеріалъ для самостоятельныхъ занятій, отдѣленій, съ которыми онъ не можетъ лично заниматься; въ инородческой школѣ такой матеріалъ находится труднѣе, такъ какъ инородческія дѣти нуждаются прежде всего

не въ книжномъ ученіи, а въ живомъ разговорѣ съ учителемъ— лучшемъ средствѣ усвоенія русскаго разговорнаго языка.

Поэтому мы вполнѣ раздѣляемъ мысль И. Я. Яковлева принимать въ сельскія инородческія школы, при которыхъ нѣтъ помощника учителя, въ 2 года одинъ разъ; это ведетъ къ созданію въ школахъ двухъ только отдѣленій, занятія съ которыми идутъ несравненно успѣшнѣе, чѣмъ съ тремя отдѣленіями. Представляемая при семъ программа разсчитана именно на такія четырехлѣтнія училища съ двумя отдѣленіями. Въ младшемъ отдѣленіи преподавательскимъ языкомъ долженъ служить инородческій языкъ, въ старшемъ—русскій. Нѣтъ сомнѣнія, что при этомъ значительно улучшится религіозное воспитаніе учениковъ инородческихъ школъ и усвоеніе ими русской разговорной рѣчи.

Поэтому предлагается, какъ это опытомъ установлено во многихъ инородческихъ школахъ Казанскаго учебнаго округа, принимать учениковъ въ инородческія училища не каждый годъ, а черезъ два года; такимъ образомъ въ школѣ получается два отдѣленія съ двухгодичными курсами въ каждомъ изъ нихъ.

Такъ какъ сердечное проникновеніе христіанскими догматами возможно лишь при преподаваніи ихъ на родномъ языкѣ и такъ какъ въ этомъ именно должна состоять первая задача начальной инородческой школы, то преподаваніе Закона Божія въ младшемъ отдѣленіи должно вестись на инородческихъ языкахъ— священниками, если они свободно владѣютъ этими языками, или учителями-инородцами подъ наблюденіемъ и руководствомъ священниковъ.

РОСПИСАНІЕ

часовъ занятій въ начальной инородческой школѣ.

	Младшее отдѣленіе.	Старшее отдѣленіе.
Законъ Божій	6 часовъ	6 часовъ
Русскій языкъ	6 —	10 —
Славянское чтеніе	3 —	4 —
Инородческое чтеніе	4 —	2 —
Счетъ	3 —	3 —

Письмо	6 —	4 —
Пѣніе	3 —	3 —
Гимнастика	1 (2 получаса)	1 (2 получаса).
	32 часа.	33 часа.

Примѣчаніе: Означенное росписаніе можетъ подвергаться нѣкоторымъ измѣненіямъ; въ началѣ учебныхъ занятій, въ первый мѣсяцъ, число учебныхъ часовъ въ младшемъ отдѣленіи можетъ быть убавлено, опущеніемъ письма, счета, гимнастики и т. п., до 24 или даже до 18 часовъ въ недѣлю; затѣмъ при обученіи чтенію должно быть увеличено число часовъ, посвященныхъ чтенію по-инородчески за счетъ уроковъ славянскаго языка. Въ чисто инородческихъ школахъ (напр. братства святаго Гурія) число часовъ занятій ежедневно никогда не бываетъ менѣе 6, раздѣленныхъ обѣдомъ на двѣ части; подобнаго же порядка надо держаться и во всѣхъ остальныхъ инородческихъ школахъ.

ПРОГРАММА

по предмету Закона Божія.

I. Младшее отдѣленіе.

а) Молитвы:

1. Во имя Отца и Сына и Святаго Духа.
2. Господи Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй насъ.
3. Слава Тебѣ, Боже нашъ, слава Тебѣ.
4. Царю небесный.
5. Святый Боже.
6. Слава Отцу и Сыну и Святому Духу.
7. Господи, помилуй.
8. Пресвятая Троице.
9. Отче нашъ.
10. Очи всѣхъ на Тя, Господи, уповаютъ.
11. Благодаримъ Тя, Христе Боже нашъ.

12. Богородице Дѣво, радуйся...
13. Достойно есть, яко воистину.
14. Спаси, Господи, люди Твоя...
15. Святый (имя), моли Бога о мнѣ.
16. Спаси, Господи, и помилуй (имена).
17. Упокой, Господи, души усопшихъ рабовъ Твоихъ (имена).

б) Вѣроученіе.

Символъ вѣры и десять заповѣдей.

в) Священная исторія.

1. Сотвореніе міра.
2. Грѣхопаденіе первыхъ людей, обѣтованіе Спасителя.
3. Всемірный потопъ.
4. Дѣти Ноя. Столпотвореніе. Появленіе идолопоклонства.
5. Авраамъ, призваніе его и жертвоприношеніе Исаака.
6. Благовѣщеніе Пресвятой Дѣвѣ.
7. Рождество Христово.
8. Крещеніе Господне.

Чудеса Христовы:

9. Исцѣленіе разслабленнаго при купели.
10. Воскрешеніе сына Наинской вдовы.
11. Укрощеніе бури на озерѣ.
12. Чудесное насыщеніе народа пятью хлѣбами.
13. Хожденіе Іисуса Христа по водамъ.
14. Исцѣленіе бѣсноватой дочери Хананеянки.
15. Исцѣленіе десяти прокаженныхъ.
16. Преображеніе Господне.
17. Воскрешеніе Лазаря.
18. Входъ Христа въ Іерусалимъ.
19. Тайная вечеря.
20. Страданія, смерть и погребеніе Іисуса Христа.
21. Воскресеніе Христово.
22. Вознесеніе Христово.

г) Житія святыхъ,—жизнь которыхъ особенно поучительна для вновь просвѣщенныхъ изъ магометанства или язычества. Напримѣръ:

1. Апостола Павла.
2. Первомученика Стефана.
3. Святителя Николая.
4. Василія Великаго.
5. Григорія Богослова.
6. Георгія Побѣдоносца.
7. Дмитрія Солунскаго.
8. Казанскихъ чудотворцевъ—Гурія, Варсонофія и Германа.
9. Великомученицы Екатерины, Варвары и др., по выбору законоучителя и учителя.

II. Старшее отдѣленіе (2 года).

а) Повтореніе молитвъ со включеніемъ новыхъ:

1. Къ Тебѣ, Владыко Человѣколюбче.
2. Господи Боже нашъ, еже согрѣшихъ.
3. Ангеле Христовъ, Хранителю мой Святый.

б) Послѣдовательное и связное прохожденіе Священной исторіи Ветхаго и Новаго Завѣта.

в) Ознакомленіе съ церковнымъ богослуженіемъ.

1. Устройство христіанскаго храма и принадлежности богослуженія.
2. Краткое объясненіе литургіи и другихъ церковныхъ службъ.
3. Главнѣйшія дѣйствія при совершеніи таинствъ.

ОБЪЯСНИТЕЛЬНАЯ ЗАПИСКА.

къ программѣ по Закону Божію.

Законъ Божій составляетъ главнѣйшій предметъ начальной инородческой школы вообще; кромѣ того, онъ составляетъ основной руководящій предметъ для младшаго отдѣленія: занятія всѣми остальными предметами въ этомъ отдѣленіи служатъ къ дополненію и усвоенію назначеннаго программой по Закону Божію;

особенно это нужно сказать объ инородческомъ и славянскомъ чтеніи. Программа младшаго отдѣленія, основательно усвоенная, должна быть достаточна для сердечной жизни крестьянина инородца; она должна дать ему основные христіанскіе догматы, употребительнѣйшія молитвы, живое представленіе о важнѣйшихъ событіяхъ Священной исторіи и поучительные примѣры изъ жизни нѣкоторыхъ особенно чтимыхъ святыхъ. Почитаніе святыхъ, часто недостаточно осмысленное въ инородческихъ массахъ, служитъ иногда къ соблазну магометанъ; живое, толковое, особенно по книжкѣ на инородческомъ языкѣ, знакомство съ житіями хотя небольшаго числа святыхъ будетъ весьма важно для уничтоженія многихъ суевѣрій между крещеными инородцами и для разсѣянія предубѣжденія противъ христіанства между магометанами, постоянно обвиняющими христіанъ въ многобожіи. При изученіи заповѣдей и Символа вѣры въ младшемъ отдѣленіи, если паче чаянія недостанетъ времени, достаточно ограничиться чтеніемъ и объясненіемъ ихъ; при изученіи Священной исторіи, важно не столько усвоеніе связи событій, сколько живое, сердечное запечатлѣніе образовъ и событій Священной исторіи.

Программа старшаго отдѣленія предлагаетъ изученіе богослуженія и дополненіе и развитіе свѣдѣній, сообщенныхъ въ младшемъ отдѣленіи по Священной исторіи—въ видѣ уже послѣдовательнаго курса Священной исторіи Ветхаго и Новаго Завѣта, болѣе подробное изученіе двунадесятыхъ праздниковъ, болѣе подробное изученіе объясненія Молитвы Господней, Символа вѣры, заповѣдей, ученія о блаженствахъ. Преподаваніе Закона Божія въ старшемъ отдѣленіи должно вести въ томъ же духѣ живаго христіанскаго наставленія, какъ и въ младшемъ отдѣленіи, и тщательно избѣгать сухости и педантизма. Желательно, чтобы въ старшемъ отдѣленіи Законъ Божій преподавался по-русски.

ПРОГРАММА

по славянскому языку.

Занятіе славянскимъ языкомъ въ начальныхъ инородческихъ школахъ служитъ для воспособленія преподаваемаго на урокахъ

Закона Божія, для заучиванія молитвъ и различныхъ церковныхъ пѣснопѣній и для подготовки къ выразительному чтенію по церковной книгѣ. Уроковъ славянскаго чтенія должно быть не менѣе 4 въ недѣлю; чтеніе по-славянски начинается со второго полугодія перваго учебнаго года; по ознакомленіи съ буквами и знаками славянскими, ученики учатся читать отчетливо, съ соблюденіемъ оттѣнковъ произношенія, употребительнѣйшія молитвы, тропари и ирмосы праздниковъ; сначала ученикамъ даютъ небольшое количество текста и держатъ на немъ, пока не доведутъ ихъ до основательнаго умѣнья читать его; при этомъ само собою усвоятся наизусть на славянскомъ языкѣ молитвы и пѣснопѣнія, которыя изучаются на урокахъ Закона Божія по-инородчески; въ дальнѣйшемъ славянское чтеніе приспособляется къ прохожденію священной исторіи; нужно брать для чтенія по-славянски книгу для чтенія безъ русскаго перевода и выбрать изъ нея для чтенія отрывки въ связи съ проходимымъ по священной исторіи; если таковой книги не имѣется въ школѣ, нужно давать читать по-славянски избранныя мѣста изъ Евангелія, по назначенію законоучителя,—небольшое количество текста на каждую недѣлю. Славянское чтеніе, если учитель не будетъ гнаться за изученіемъ языка, легче усвоивается инородческими дѣтьми, чѣмъ русское, такъ какъ по-славянски читается текстъ безъ приноровки къ устному обычному произношенію: при усердіи ученики легко успѣваютъ къ концу третьяго года хорошо научиться прочитать шестопсалміе въ церкви. Переводъ славянскаго текста на мало изученный еще русскій языкъ совершенно излишенъ и только путаетъ учениковъ между русскими и славянскими формами. Желателенъ переводъ читаемыхъ славянскихъ текстовъ на инородческій языкъ.

ПРОГРАММА

по инородческому чтенію.

Обученіе чтенію начинается изученіемъ звуковъ и буквъ въ своемъ природномъ нарѣчіи и чтеніемъ азбуки на инородческомъ языкѣ; далѣе оно продолжается по книгамъ, изданнымъ Право-

славнымъ Миссіонерскимъ Обществомъ. Пріученіе учениковъ къ свободному чтенію изданныхъ для нихъ помянутымъ обществомъ книгъ весьма важно, такъ какъ обезпечиваетъ проникновеніе христіанскихъ понятій въ массу, въ огромномъ большинствѣ не понимающую не только русской книги, но и самого простого разговора. Высоко-гуманная дѣятельность Православнаго Миссіонерскаго Общества, давшаго теперь уже почти для всѣхъ инородческихъ племенъ учебно-религіозныя книги, должна встрѣтить поддержку со стороны школы, которая по закону преслѣдуетъ тѣ же религіозно-воспитательныя цѣли. Книгами для чтенія по-инородчески должны служить: 1) священная исторія, которая должна изучаться на урокахъ инородческаго чтенія въ соотвѣтствіи съ уроками Закона Божія; главы, преподанныя законоучителемъ на урокахъ Закона Божія, изучаются, для лучшаго усвоенія содержанія ихъ, по книгѣ въ часы инородческаго чтенія; 2) другія религіозно-нравственныя книги изъ числа изданныхъ Православнымъ миссіонерскимъ обществомъ.

ПРОГРАММА

по русскому языку.

Младшее отдѣленіе (2 года).

Изученіе русскаго языка начинается заучиваніемъ отдѣльныхъ словъ и предложеній сначала съ голоса, а потомъ по книгѣ: „Уроки русскаго языка“ (Изданіе Православнаго Миссіонерскаго Общества), или другой подобной. Учитель по мѣрѣ усвоенія словъ упражняетъ учениковъ въ разговорѣ на изучаемые круги словъ; за усвоеніемъ матеріала въ этой книгѣ ученики переходятъ къ чтенію статей по-русски по „Книжкѣ для чтенія инородцамъ“ (изданіе Православнаго Миссіонерскаго Общества) или подобной, т. е. имѣющей языкъ совершенно простой, содержаніе обыденное, безъ всякой погони за обогащеніемъ учениковъ научными свѣдѣніями; книга эта изучается переводомъ ея на инородческій языкъ; изъ изученныхъ статей учитель составляетъ фразы для разговора и предложенія для диктовки. Затѣмъ подобнымъ же образомъ, если

позволятъ успѣхи учениковъ, въ младшемъ же отдѣленіи читаются нѣкоторыя главы учебника по священной исторіи или иной книги религіознаго содержанія.

Самостоятельными письменными упражненіями въ русскомъ языкѣ служатъ списываніе изучаемыхъ статей и записываніе фразъ, которыя ученики усваиваютъ съ голоса учителя.

Старшее отдѣленіе (2 года).

Изученіе подобнымъ же образомъ какой-либо простой книги для чтенія, чтеніе такимъ же образомъ учебника священной исторіи, знакомство съ простѣйшими правилами правописанія, диктовка, упражненіе въ самостоятельномъ изложеніи своихъ мыслей по-русски и т. п. Желательно, сколь возможно, доводить учениковъ инородческихъ училищъ до свободнаго и правильнаго разговора по-русски и до свободнаго же пониманія ими русской книги обыденнаго содержанія.

ПРОГРАММА

по ариѳметикѣ.

Ариѳметика въ начальной инородческой школѣ собственно не проходится, дѣти учатся лишь счету умственному и письменному, при чемъ первому всегда отдается первенство предъ вторымъ. Упражненія въ умственномъ счетѣ должны вестись ежедневно—на урокахъ, назначенныхъ для этого, и на урокахъ прочихъ предметовъ, когда остается свободное время. Для младшаго отдѣленія представляется достаточнымъ слѣдующая программа: а) умственный счетъ со всѣми четырьмя дѣйствіями въ предѣлахъ первой сотни; б) умѣнье совершать письменно два первыя дѣйствія ариѳметики; в) рѣшать простѣйшія задачи.

Для старшаго отдѣленія: а) умственный счетъ надъ числами первой сотни и выходящими изъ нея; б) 4 ариѳметическія дѣйствія; в) рѣшеніе задачъ на эти дѣйствія; г) умственный счетъ съ простѣйшими дробями.

Всѣ упражненія въ счетѣ ведутся на русскомъ языкѣ—въ видахъ усвоенія послѣдняго.

ПРОГРАММА

по пѣнію.

Младшее отдѣленіе (2 года).

Пѣніе молитвъ, избранныхъ мѣстъ литургіи, всенощнаго бдѣнія, молебна и панихиды, главнымъ образомъ по-инородчески, со слуха и по нотамъ.

Старшее отдѣленіе.

Полное пѣніе литургіи Іоанна Златоустаго и Василія Великаго, всенощнаго бдѣнія, молебна, панихиды и нѣкоторыхъ пѣснопѣній въ страстную седмицу. Пѣніе ведется по-славянски и по-инородчески.

Примѣчаніе: Въ отношеніи пѣнія инородческая школа должна придти на помощь духовному вѣдомству, которое стремится устроить въ инородческихъ мѣстностяхъ богослуженіе на инородческихъ языкахъ.

Чистописаніе ведется по какому либо изъ одобренныхъ Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія руководствъ.

Извлеченіе изъ отношенія Училищнаго Совѣта при Святѣйшемъ Сунодѣ отъ 29 мая 1899 года за № 2965, „о мѣрахъ къ улучшенію учебно-воспитательнаго дѣла въ инородческихъ церковно-приходскихъ школахъ и школахъ грамоты,“ послѣдовавшаго на имя Симбирскаго Епархіальнаго Училищнаго Совѣта.

„Изъ имѣющихся въ Училищномъ Совѣтѣ при Святѣйшемъ Сунодѣ свѣдѣній усматривается, что учебно-воспитательная часть церковныхъ школъ въ мѣстностяхъ съ инородческимъ населеніемъ не вездѣ поставлена удовлетворительно. Въ устраненіе замѣчаемыхъ недостатковъ, Училищный при Святѣйшемъ Сунодѣ Совѣтъ, согласно опредѣленія Святѣйшаго Сунода отъ $\frac{8\text{ апрѣля}}{13\text{ мая}}$ сего года за № 1430, симъ предлагаетъ къ руководству Епархіальныхъ Училищныхъ Совѣтовъ, въ вѣдѣніи коихъ находятся инородче-

скія церковныя школы, нижеслѣдующія указанія относительно улучшенія учебно-воспитательнаго дѣла въ сихъ школахъ: 1) ввести во всѣхъ церковныхъ инородческихъ начальныхъ школахъ 4-хъ лѣтній курсъ обученія, съ пріемомъ въ школу чрезъ 2 года, съ раздѣленіемъ учащихся на 2 группы (младшую и старшую) и съ точнымъ примѣненіемъ въ нихъ системы Н. И. Ильминскаго, изъясненной въ программѣ обученія инородческихъ школъ, выработанной Н. И. Ильминскимъ; 2) соотвѣтственно сему Законъ Божій долженъ быть преподаваемъ въ младшемъ отдѣленіи на инородческомъ языкѣ въ теченіи первыхъ двухъ лѣтъ обученія въ школѣ, а съ третьяго года, въ старшемъ отдѣленіи, Законъ Божій преподается на русскомъ языкѣ; впрочемъ, не возбраняется начинать обученіе Закону Божію на русскомъ языкѣ и ранѣе третьяго года, если по особымъ условіямъ мѣстности (напр. гдѣ инородческое населеніе смѣшано съ русскимъ) дѣти инородцевъ скоро навыкнутъ понимать русскую рѣчь и пересказывать ее (хотя бы и не совсѣмъ правильно); 3) важнѣйшимъ послѣ Закона Божія предметомъ обученія въ инородческой школѣ долженъ быть русскій языкъ, для котораго въ программѣ Ильминскаго назначено въ младшемъ отдѣленіи 6 уроковъ въ недѣлю (столько же, сколько и по Закону Божію), а въ старшемъ — 10 уроковъ (при 6 же урокахъ Закона Божія); учащіеся инородцы должны быть научены русскому языку такъ, чтобы доходили, какъ говорится въ программѣ Ильминскаго, до свободнаго и правильнаго разговора по-русски и до свободнаго же пониманія ими русской книги обыденнаго содержанія, съ каковою именно цѣлью и установленъ Святѣйшимъ Сунодомъ 4-хъ лѣтній курсъ обученія въ сихъ школахъ; 4) согласно указанію Ильминскаго („Крещено-татарская школа“ стр. 25), обученіе русскому языку желательно начинать съ перваго же года обученія въ школѣ, такъ чтобы послѣ $2^1/_2$—3 мѣсяцевъ чтенія на инородческомъ языкѣ дѣти принимались за русскія книги; не возбраняется, однакожъ, смотря по степени развитія учащихся, приниматься за русскія книги и нѣсколько позже, напр. въ концѣ перваго года обученія, причемъ непремѣнно нужно объяснять на инородческомъ языкѣ всѣ непонятныя слова рус-

скія; 5) озаботиться, чтобы къ концу 2-го года обученія настолько пріучить дѣтей понимать простѣйшую русскую рѣчь и передавать ее по-русски, чтобы съ 3-го года обученія уже не прибѣгать къ помощи инородческаго языка; для успѣха въ семъ дѣлѣ слѣдуетъ практиковать дѣтей въ разговорѣ русскомъ по содержанію читаемой статейки русской до тѣхъ поръ, пока дѣти совершенно не овладѣютъ содержаніемъ ея, пока не достигнутъ русскаго пересказа статьи съ полнымъ разумѣніемъ ея; учитель обращаетъ при этомъ строгое вниманіе на правильность, ясность и отчетливость произношенія каждаго слова и каждаго звука въ словѣ; равнымъ образомъ должно тщательнѣе просматривать письменныя упражненія дѣтей, исправлять всѣ ошибки и заставлять переписывать въ исправленномъ видѣ ошибочно написанныя слова; 6) обученіе счету желательно по программѣ Ильминскаго вести на русскомъ языкѣ, тѣмъ болѣе, что даже въ самомъ началѣ это дѣло весьма простое, и тутъ на обыденныхъ примѣрахъ, при названіи самыхъ обыкновенныхъ предметовъ, дѣти легче усвоятъ русскую рѣчь и русскій счетъ; 7) все высказанное примѣнимо одинаково и къ церковно-приходскимъ инородческимъ школамъ и къ школамъ грамоты инородческимъ, съ тѣмъ лишь отличіемъ, что школы грамоты не должны быть стѣсняемы обязательнымъ требованіемъ проходить всю программу церковно-приходскихъ школъ, хотя и желательно, чтобы курсъ школъ грамоты, по возможности, когда къ тому есть благопріятныя условія, приближался къ курсу церковно-приходскихъ школъ, какъ это на практикѣ во многихъ случаяхъ и осуществляется.

ПЕРЕЧЕНЬ ВАЖНѢЙШИХЪ ОПЕЧАТОКЪ.

	НАПЕЧАТАНО.	НУЖНО ЧИТАТЬ.
На 12 стр.	перемещенъ	перемѣщенъ
— 16 »	Такъ какъ	Такъ шло
— 16 »	могометанство	магометанство
— 24 »	тетарскій	татарскій
— 24 »	Ильменскимъ	Ильминскимъ
— 32 »	Гурія	Григорія
— 46 »	фокультета	факультета
— 47 »	это	эта
— 52 »	каконовъ	каноновъ
— 66 »	граматикой	грамматикой
— 72 »	послѣдствія	послѣдствія
— 74 »	увидавъ	увидалъ
— 74 »	1840 г.	1870 г.
— 76 »	Ильменскаго	Ильминскаго
— 91 »	Ѳеодорова	Ѳеодора
— 107 »	священникавъ	священникахъ
— 107 »	запустенной	запустѣнной
108 »	собирамъ	собиралъ
— 112 »	объ	онъ
— 128 »	шлолы	школы
— 134 »	изъ собственной ор.	изъ его собственной
— 146 »	тататъ	татаръ
— 147 »	ростеніе	растеніе
— 148 »	татсръ	татаръ
— 150 »	пѣніа	пѣнію
— 162 »	Каторинскаго	Катаринскаго
— 166 »	напелъ	понялъ
— 167 »	гопу	году
— 168 »	утѣшиталинаго	утѣшительнаго
— 170 »	черемисской	черемисскій
— 179 »	Миротіевъ	Мировіевъ
— 188 »	пли	ими
— 192 »	Кандратьевъ	Кондратьевъ
— 197 »	рисковности	рискованности
— 208 »	виды	воды
— 208 »	благоусмотренныхъ	благоустроенныхъ
— 208 »	Ворсонофій	Варсонофій
— 235 »	командировала	командировало
232 »	семинары	семинаристы

		НАПЕЧАТАНО.	НУЖНО ЧИТАТЬ
— 240	»	Тиловкѣ	Таловкѣ
— 244	»	ю	іа
— 245	»	книги	книгу
— 246	»	24 февр. 1897 г	29 февр. 1884 г.
— 248	»	чте	что
— 251	»	Slaviache	Slavische
— 266	»	1884 г.	1887 г.
— 270	»	философъ	филологъ
— 271	»	1840 (два раза)	1890 (два раза)
— 273	»	защитникъ	защитилъ
— 276	»	свыкшимся	свыкшемся
— 285	»	мололѣтнихъ	малолѣтнихъ
— 286	»	„Ибрамъ“	„Ибрашъ“
— 288	»	кустопайскаго	кустанайскаго
— 289	»	доровала	даровала
— 299	»	„бесѣды съ черемисами“	„бесѣды съ черемисами“
— 305	»	на	но
— 305	»	отрожается	отражается
— 306	»	заполняющія	заполняющіе
— 310	»	распологать	располагать
— 312	»	упорствовали	участвовали
— 318	»	пропоганды	пропаганды
— 330	»	дли	для
— 337	»	образованіе	Образованіе
— 338	»	письме	письма
— 314	»	дредметовъ	предметовъ
— 343	»	—	2)
— 344	»	искуственныхъ	искусственныхъ
— 345	»	помощникъ	Помощникъ
— 347	»	третнымъ	тщетнымъ
— 349	»	своХъ	своихъ
— 352	»	КЗНЕНАКИДѢ	КЗѢНЕНАКИДѢ
— 358	»	мектебѢ	мектебе

ш 27

Цѣна 1 руб.

Съ требованіями обращаться въ Совѣтъ Самарскаго Епархіальнаго Алексіевскаго Братства, въ г. Самарѣ.

2007056163